Виксар
Мечта обретённая
Фэнтези

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для живущего настоящим прошлое — материал, из которого лепятся кирпичи непрерывного поступательного развития. Храмы души возводятся с разной степенью осознанности, и редкий замысел строителя удаётся понять до окончания процесса. Каждый человек сам решает, когда ставить точку, — и последним кирпичом ложится мечта обретённая.

- Виксар
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21

Виксар
Мечта обретённая

Пролог

Воинский клич и победные крики,
Стаи волков рвут на части овец.
Сонный народ слишком поздно очнулся,
Чтобы увидеть свой скорбный конец.
Солнце застыло над павшей империей,
Ветер не дует, навеки затих.
Пламя пожаров — рубеж тех столетий,
Что помнили город по имени Рим.[1]

Облака. Снежно-белые. Совсем лёгкие, без намёка на скорый дождь, они неровными дугами уносились в сторону, где несколько минут назад зашло солнце.

Всего несколько минут — а надежды, которую оно поддерживало своим присутствием, как ни бывало.

* * *

Из покоев донёсся звук открываемой двери, а через несколько секунд в проёме, ведущем на балкон, появился преторианец. Доспехи его были переведены в боевой режим; античная романтика это хорошо, но не здесь и не сейчас. Когда против тебя с равной вероятностью могут послать архимагов, рыцарей, закованных с ног до головы в железо, или пулемётную роту, защита должна быть соответствующей, универсальной.

— Докладывай, — тихо приказал Альден.

Гвардеец скользнул взглядом по гитаре, прижимаемой Правителем к груди заметно подрагивавшими руками. Сообщил:

— Двадцать минут назад стена выработала ресурс до конца, и бои переместились в дворцовый сектор. Противник взял паузу, копит силы на центральном направлении. Почти все имеющиеся в нашем распоряжении войска сосредоточены на ближних подступах, первом этаже дворца и у дворцовых орудий.

— Боеспособный процент гарнизона?

— Пятая часть легионеров и четверть преторианцев.

Всего несколько минут…

— Пусть снимаются и отправляются вслед за гражданскими.

Помолчав, посыльный рискнул уточнить:

— Весь гарнизон? Вы уверены, император?

Гитара исчезла в сером вихре энергии. Альден провёл рукой

по глазам, затем рывком поднялся с балконного пола, растёр занывшую после лежания на холодном камне спину.

— Да, ты прав. Гвардия пусть останется во дворце. А вот легионеры нам тут ничем не помогут. Они принесут гораздо больше пользы, если сопроводят беженцев.

Отсалютовав, преторианец ушел.

* * *

Даже отсюда был слышен гул чёрно-серой с багровыми вкраплениями массы, движущейся по направлению к дворцу.

Совсем недавно на главных проспектах возвышались прекрасные белоснежные особняки, поселиться в которых считалось достойной мечтой для гражданина любого класса. Всего несколько дней назад — но это была вечность, отделявшая одну реальность от другой; теперь многие здания превратилась в руины, а прочие покрылись гарью, пеплом и кровью. Создавалось впечатление, будто враги, ступив на священную землю столицы Империи, захотели осквернить её еще больше и стали красить город в свои цвета.

Отсюда, с Императорской башни, так и казалось. Но даже на это смотреть было легче, чем на окраины: непродолжительное, но ожесточённое сражение, пик которого пришёлся как раз на контрбатарейную борьбу, размололо дальние кварталы в мелкие щепки.

Альден взмахнул рукой — и соотношение багрового и чёрного цветов поменялось. Мостовая на несколько километров вперёд вздыбилась, а затем ощетинилась бесчисленным количеством метровых пик: там, где дорога не была разворочена, уцелевшие камни повернулись, давая им выдвинуться. Серый цвет дрогнул, но не остановился — скелетов, в отличие от демонов, таким не задержишь. Для них были задействованы каменные «тёрки», снова с помощью мостовой, и «катушки», имевшие шипы чуть больше метра, чтобы свободно катиться над дорогой.

Волна отражена. Раз, два, три, четыре…

На десятой секунде улицы накрыла пелена тумана, заставившая исчезнуть и механизмы, выполнившие свою задачу, и тела — в отношении которых можно было сказать так же. Император кивнул самому себе: выгода получилась двойной. Почти все оборонительные приспособления в черте города были «подвешены» заранее и требовали энергии только на активацию, в то время как нападающие потратились и на войска, и на прямое распыление препятствий.

В наступление отправили мобильные части. К дворцу понеслись огромные, высотой с уцелевшие двухэтажные дома, демоны, смахивающие на собак, и скелеты-рыцари. Чем они могли взять, кроме скорости, неизвестно, информации катастрофически не хватало.

Ещё одна связка-активатор сработала вхолостую. С одной стороны, хорошо: судя по всему, противник перекроил дороги полностью, а это дополнительные траты. С другой, «болото» именно сейчас очень пригодилось бы, а теперь придётся действовать наугад.

Новые «катушки» мало что дали: «собаки» перепрыгнули, конные скелеты проехали прямо сквозь них. Ладно, запомним.

А пока будем работать с деталями. Шкура у демонов наверняка прочная… Ну-ка, а ноги у них подламываются?

О да. Более того, нежить не успевает среагировать и падающие туши нередко сносят её. Ускоримся, пока не…

Поздно. Жертвы среди скелетов прекратились — они ушли в режим бесплотности окончательно.

Вариантов, что с ними делать, несколько, но волна подобралась слишком близко к дворцу. Значит, выбора не остаётся.

Дистанционная передача приказа гвардейцам, засевшим за стационарными орудиями. Выжидание момента. Мыслеобраз — рыцари возвращаются в реальный мир, где они восприимчивы к физическим повреждениям. И — всех уцелевших врагов срезает кинжальным огнём. Есть.

Раз, два, три…

Минута. Две. Тихо.

Многие считают, что самое тяжелое — успеть среагировать на видимую атаку. Не факт, бывают многоуровневые образы, в механизмах которых люди потом разбираются по много лет. В той же части, которая полностью зависит от психики, самое трудное — стоять и ждать. И думать, то ли битва закончена, то ли надо быстро что-то предпринимать, поскольку враг уже сделал незаметный тебе следующий ход…

Бах.

Вибрирующий звук ударил по ушам. Руки инстинктивно дернулись закрыть их, но в этот момент резануло глаза.

Дворцовое защитное поле, работавшее от собственных генераторов, выдержало удар. В воздухе у основания башни повисло, медленно угасая, ярко-розовое пятно, обозначившее место попадания.

Это что ещё такое? Чем они стреляют, чистой энергией?

Бах.

Следующий удар был направлен выше. Ближе к Альдену.

Бах.

Кажется, хотят снести защитное поле. Черт, а ведь при такой мощи может получиться… Если стреляют напрямую, тотальный блок вокруг башни поможет. Если нет…

Что же сделать?

БАХ.

Башня вздрогнула. А затем — начала медленно крениться…

Последний шанс?

Разбежавшись, Правитель прыгнул как можно дальше. Пугающе долгая секунда падения — и под ним из ниоткуда возник голубь. Поймав хозяина, он тут же устремился вверх.

— Хорошая птичка, — прошептал Альден, гладя белые перья. — Не зря в тебя столько энергии влито, работает…

Снизу раздался грохот; поверженная башня легла косой разделительной чертой, наполовину накрыв дворец, наполовину оказавшись на площади.

Пару секунд император бездумно смотрел на неё, потом огляделся. На окраине города бурлила тьма: нечисть, коей оставалась ещё целая армада, готовилась к новой атаке.

Что теперь?.. Он прислушался к себе — пусто. Ярость, помогавшая последние двое суток сражаться на поле перед городом и на его стенах, иссякла. Отчаянье, поднявшее его и бросившее на защиту дворца, также угасло. Остались две направляющие силы — страх и опустошённость. Первый звал нестись что есть мочи от места ужасающего разгрома, далеко, на край света, где кровожадные орды не смогут его достать. Вторая предлагала закрыть глаза и броситься вниз: зачем бежать, зачем вообще что-то делать, если всё, ради чего он жил и чем гордился, погибло по его вине? Он не оправдал ожиданий, ни своих собственных, ни народа. Он недостоин более своего титула.

Альден зажмурился. Да, хотелось бы прекратить всё это одним махом. Очень хотелось бы. Но — нельзя.

Приняв волевое решение, он активировал последние два мыслеобраза. Преторианцы получили приказ уходить, они ещё могли это сделать. А другой задействовал секретные механизмы Дворца: как только солдаты покинут его, сработает дублирование реальностей, завязанное на блоки, близкие к тотальным. Зашёл — и не вышел.

Сердце империи врагу не достанется.

Глава 1

Что дороже — чувства или воспоминания?

Любить. Верить. Желать. «О чём ты думаешь?» — «Не знаю…» — «Как так, не знаешь, о чём думаешь?» — «Вот так вот…» — «Не может быть. С таким выражением лица… Ты должен был думать о чём-то конкретном».

Верить — что можно верить. Желать — мочь чего-то желать. «Вы ведь столько прошли вместе…» — «Я знаю» — «Да нет, ты просто не хочешь об этом говорить» — «Нет, на самом деле знаю» — «И что тогда?» — «Ни-че-го. Просто знаю».

Когда висишь над пропастью, что предпочтительнее — крепкая веревка или надёжно вбитый крюк?

* * *

Звёзды не успокаивали. Совсем. Как и бескрайнее море верхушек деревьев. Ничто не успокаивало — но я продолжал ходить сюда, сам не зная, зачем.

Как-то раз возникла мысль, что меня привлекало сочетание ассоциаций с государствами и с Одиночками. Действительно, вышки вызывали массу воспоминаний: не такие изящные, как постройки эльфов, они были похожи на них и винтовыми лестницами, и отсутствием гвоздей, и даже немногочисленной графикой — не то иероглифы, не то пиктограммы, — которая, по словам мастеров, защищала деревья от преждевременной гибели. Что-то связанное с перекрестным влиянием стихий… Я честно попытался вникнуть, но не смог.

А с другой стороны, вышки были явным символом одиночества — уединения, как говорили местные. Небольшие площадки в паре десятков метров от общественной жизни, люксовые места в вагонах, катящихся по дороге к внутреннему миру. Никого и ничего вокруг, даже друг с друга они не просматривались. Только звёзды и, с самых высоких, верхушки деревьев.

Возможно, я любил их за то, что они отвлекали. Не давая покоя — но будоражили сильнее, чем я терзал сам себя, меняли меньшее скрытое зло на большее явное. И всё бы хорошо, однако регулярный «приём лекарства» напоминал о продолжении болезни. Что, впрочем, не мешало раздражаться, если все площадки вдруг оказывались заняты. Отчасти примирила меня с этим только случайная беседа со старшекурсником —

столкнувшись однажды возле одной из вышек, мы разговорились на эту тему, и он поведал, что интерес к ним изменяется скачками. Приходящие в Общину новички, непривычные к таким высоким сооружениям, постепенно увлекаются новой забавой, а за ними тянутся и ребята постарше, которые, давно имея альтернативные места для уединений, хотят поностальгировать.

— Спускайся вниз, пора.

Я вздрогнул от неожиданности. Ну вот, опять задумался.

— Сейчас буду. Спасибо.

Мастер кивнул и пошёл обратно. Наконец-то, готово, можно начинать. Конечно, если бы перенесли ещё минут на двадцать, я совершенно не обиделся, но и так хорошо.

Новичков собирали не у главного костра, а возле небольшого относительно других лагерных, метров двух в диаметре костровища. Молодёжь стояла группками, тихо переговариваясь в ожидании возвращения нашего мастера. Вот ведь резвые, за каких-то полчаса успели перезнакомиться.

Найдя место в некотором отдалении от основной массы, я чуть склонил голову и под прикрытием темноты стал более пристально рассматривать сокурсников. Теперь можно было узнать лица тех, кто так же, как и я, посчитал себя достойным и ушёл, оставив семью, в бескрайние леса искать себе учителя магии. Огня, в данном случае. Ну, не рассказывать же им правду, тем более, если принцип набора учеников в Общину, не менявшийся с самого её основания, играет на руку. Хоть и непонятно, почему новички должны узнавать об одинаковом статусе друг друга только под конец подготовительного периода.

Вот эту девчонку видел несколько раз — носилась по всему лагерю как угорелая. Интересно, что за задание ей поручили? Этот парень помогал мне таскать дрова. Сам или прислали? Те двое — хихикали над сосновой шишкой, свалившейся мне на голову в дальнем конце лагеря. А вот ещё одного встреченного сегодня парня, которого я как раз рассчитывал здесь увидеть, не было.

Костровище вдруг засветилось рубиновым, и вверх рвануло пламя. В его свете мы увидели мастера, который то ли подошёл незаметно, сделав небольшой трюк для привлечения внимания, то ли действительно появился вместе с огнём. В любом случае, молодёжь восторженно ахнула и мгновенно прекратила разговоры.

Несмотря на двукратную разницу в возрасте, одеждой мастер практически не отличался от нас: по краю капюшона и на рукавах стандартного тёмно-красного балахона из грубой ткани поблескивали вышитые золотым узоры, и только. Впрочем, о его

высоком ранге гораздо лучше свидетельствовали тускло-тускло, но взаправду светящиеся глаза.

На несколько секунд установилась тишина; тихо потрескивал костер, пламя которого вернулось к нормальному уровню, не выше колена. Затем мастер широко улыбнулся:

— Что ж, давайте приступим.

Коротко и ясно.

Вот будет весело, если окажется, что Правители не имеют необходимых магических способностей. Не в том плане, что — куда им ещё-то, а просто внутренние установки государства распространяются только на его жителей. Что делать в этом случае я не представлял. Но полагался на организационный опыт Общины; всё-таки никаких тестов мне с самого момента появления здесь проходить не предлагали.

— Протяните руку к огню. Осторожнее.

Два десятка будущих учеников кое-как разместились вокруг костра — некоторым впередистоящим пришлось сесть на корточки, чтобы не толкаться, — и вытянули вперёд ладони.

— А какую руку? — вдруг спросила одна девушка.

— Какую лучше чувствуете.

— А если я не знаю, какую лучше чувствую? — заволновалась другая.

— Тогда какую хотите, — мастер снова улыбнулся. — Все чувствуете тепло?

Несколько человек кивнули.

— Хорошо. А теперь — дайте огню почувствовать себя.

Вот и пошли загадки. Как бы этот фокус выполнить? Обжечься, чтобы огонь познал вкус моей плоти?.. Хотя нет, лучше придумать что-нибудь другое.

Хм. Как-то странно ладонь ощущается… Будто в неё упирается что-то невидимое. «Правительские» эффекты или так и должно быть?

Додумать мне не дали.

— Теперь встаньте в широкий круг.

Народ занервничал. Послышались тихие голоса.

— Кажется, у меня ничего не получилось, — один парень обратил на мастера встревоженный взгляд.

— Огонь говорит иное, — прищурился тот. — Рассаживайтесь. Свободнее, свободнее, здесь нельзя мешать друг другу.

Повинуясь пассу, костер взмыл в воздух и разделился на равные части, которые полетели каждая к своему ученику.

— Пусть многие из вас не успели познакомиться — вы сейчас чувствовали один общий огонь. Он вас и объединит. Пусть вы

сомневаетесь в себе — огонь уже знаком с вашими мыслями. Вам нужно только договориться с ним. Пусть вы молоды и боитесь стихии — с каждым она говорит на его языке. Вам нужно лишь не путаться в словах.

Вздохнув, я постарался расслабиться и сосредоточился на созерцании лежащих передо мной углей. Так… Огонь. Одна из великих стихий. И как мне с ней договариваться? Если надо, могу сформировать образ — и со мной кто угодно на связь выйдет. Но в том и дело, что здесь надо действовать как-то иначе… Ох уж эта эзотерика.

Сидеть на остывающей земле было не слишком приятно, но я не отрывал взгляда. Единственное, что позволил себе, — переложил руки, чтобы ладони были обращены к огню и чувствовали его тепло.

Говорит с каждым на его языке… Интересно, а насколько высокий у меня слог? Говорят, по-настоящему мечтать могут только дети. Что же, получается, я остановился в развитии классе во втором-третьем? Хотя инферналы, если так подумать, очень даже смахивают на обиженных малышей.

А Нармиз, Ресд? Их мышление никак не назовешь детским. За поступки они, например, очень хорошо отвечают… Может, это и есть условие перехода — умение остаться на грани, не потеряв умение мечтать, но научившись смотреть на мир широко?

Или возраст лучше всего оценивается по восприятию? Альден, вот, за сорок лет чего только ни повидал, а всё такой же весёлый. Ничто его не берет. Хотя нет, не подходит, сорок лет прошли уже в этом мире…

В костерке что-то шевельнулось?..

Я заморгал — уйдя в мысли, автоматически перешёл на расфокусированное зрение. Чтобы присмотреться, надо…

Движение исчезло.

Что, всё-таки начал делать что-то правильное, но сбился?

Закрыться от всех мыслей. Только смотреть в огонь. Закрыться от мыслей…

В костре, прямо на углях, лежал котёнок. В первую секунду захотелось протереть глаза — но он и впрямь, был там.

Маленький рыжий котёнок. Самый настоящий. Словно почувствовав меня, он открыл один глаз. Приподнял мордочку, дёрнул хвостом. Неожиданно — чихнул, от чего из костра вылетел небольшой сноп искр.

Кажется, у меня получилось… Получилось!

Теперь, сконцентрировавшись на боковом зрении полностью, я расслышал, как он мурчит. Тихо, но очень отчётливо. Хотя… разве это котёнок? Вон одна полосочка, вон вторая. Прямо-таки

тигрёнок…

— Тебе неприятно думать об этом? — неожиданно послышался голос на грани восприятия.

«Да. У меня был тигр», — мысленно ответил я.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся?

«Думаю, нет. Не смогу воспринимать его как раньше».

Снова сконцентрировавшись на котёнке, я увидел, что он успел встать и смотрит мне в глаза.

— Я — это ты. Часть тебя. И он был частью тебя. Так что решай сам, как меня называть».

«То есть…»

— Всё хорошо, Маркус. Ты на верном пути. Живи здесь и учись у этих людей. У нас будет ещё много возможностей поговорить.

Котёнок махнул хвостом, лёг и… пропал.

Я потряс головой.

— Замечательно, Маркус, — на плечо легла рука мастера.

— У меня получилось?

— Да. Посвящение пройдено, ты пробудил в своей душе частицу огня.

* * *

Отыскав пологий край, Фауст забрался на вершину холма, подошёл к Ресду и встал рядом с ним.

Несколько минут ожидания, однако, прошли впустую: повелитель драконов продолжал молчать, а впереди, несмотря на все старания инфернала, не находилось ничего интересного. Ну, степь и степь…

— О чём думаешь? — спросил он наконец.

Ресд чуть насмешливо прищурился — о, сколько можно найти смысла в этом внешне безобидном вопросе на шестом десятке лет жизни. Предложил:

— Посмотри направо.

Инфернал повернул голову в указанную сторону и настороженно осмотрелся.

— Дальше, Фауст, много дальше.

— Закат? — сообразил тот.

— Закат. Приглядись к нему.

С не меньшей настороженностью, чем до этого, парень начал присматриваться к закату.

— Красиво.

Ресд не сдержал улыбки.

— Возможно. А теперь посмотри налево.

На этот раз молчание длилось дольше.

— Закат, — рискнул озвучить первую мысль Фауст.

— Верно. И вот это — точно красиво.

Инфернал ещё некоторое время вертел головой в поисках принципиальных различий между сторонами.

— Ну ладно, сдаюсь. Где настоящий?

— А что ты подразумеваешь под настоящим?

— То и подразумеваю.

Ресд повернулся к собеседнику.

— Первый шаг к организации сознания и проникновению в глубинные его слои — отслеживание смысла, который вкладываешь в свои слова. Так что?

— Часть света, где заходит солнце, — Фауст пожал плечами.

— По сути верно. А теперь — смотри. Я большую часть жизни наблюдал за страной, которая практически официально — по здешним меркам — считалась центром мира. Да и географическое положение её соответствовало. За время своего существования она выдержала нападения где-то десятка таких, как ты, даже пару мировых войн, и при этом сумела не просто сохраниться, а увеличить территорию. А сейчас я возглавляю коалицию, которая за две недели уничтожила этот символ… удивительно — неизменности, или даже вечности каких-то устоев, порядков… Таким образом, для тебя, Фауст, закат — справа, где уходит за горы безымянная звезда, многими называемая Солнцем, а для меня — слева, где за другой грядой догорает столица великого государства… Многими называемого величайшим.

Усмехнувшись, повелитель драконов неторопливо пошёл к спуску с холма.

Нет, философ из него всё-таки слабый — не слишком-то он настроен на познание. Но, по крайней мере, свою личную выгоду Ресд тоже получил.

* * *

Шестьсот сорок семь, шестьсот сорок восемь…

— Долго ещё? — возмущенно крикнул Тавис рыцарю, не прекращая мерить шагами Тронный зал.

— Королева появится, когда закончит свои дела.

Шестьсот шестьдесят пять, шестьсот шестьдесят шесть.

Достаточно. Пусть будет круглая цифра.

— Ну, всё, автоответчик, ты меня достал! — остановившись,

инфернал демонстративно подул на кольцо, тут же засветившееся багровым.

— Это теперь называется мирной посольской миссией? — презрительно поинтересовалась Ора. Девушка незаметно вошла в зал с другой, неотслеживаемой стороны. Два десятка её охранников быстро рассредоточились по помещению.

— Меня сначала вообще не хотели пускать в замок! — Тавис оскорблено поднял голову. — Как будто не пойми кто заявился, а не дружественный посол!

Ора с невозмутимым видом прошла к трону, устроилась на нём, закинув ногу на ногу, и только тогда — оказавшись заметно выше незваного гостя — продолжила разговор.

— Если ты не в курсе, то о дружбе я никогда не говорила, только о нейтралитете. Его-то я и соблюдаю. И потому не обязана впускать каждого, кто бьётся лбом о входную дверь. Ладно, — оборвала она собиравшегося было продолжить ругань инфернала, — хватит, говори, что тебе нужно, и убирайся.

Тавис скрестил руки на груди и выставил вперёд одну ногу.

— Я предлагаю тебе присоединиться к нашей коалиции. Мы все, и ты в том числе, находимся здесь очень мало времени, при этом другие поделили этот мир ещё полвека назад. Не имея достаточного опыта и знаний, единственное, что мы можем противопоставить им, это количество. Поэтому нам просто необходимо объединиться.

— Ну, допустим, — Ора покивала. — А теперь — своими словами.

— Э? — поняв, что над ним просто смеются, Тавис разъярился окончательно: — Что тебе ещё нужно, я не пойму?! Тебе и письмо прислали, и я лично пришел…

— Только не говори, что в вашей коалиции, — девушка с иронией выделила последнее слово, — всеми делами заправляешь ты.

Лицо инфернала пошло пятнами.

— Нет, не всеми. Однако от моего голоса многое зависит… — прищурившись, он добавил: — Поэтому советую всё же принять нашу сторону, а то вдруг мы решим сначала разобраться с второстепенными проблемами…

— Ты мне угрожать будешь, недомерок?! — Ора вскочила с трона. — Да ты из этого зала не выйдешь, если я захочу! Ты…

Еле заставив себя успокоиться, девушка села обратно. Сколько бы она отдала за то, чтобы прямо сейчас разделаться с этой самодовольной сволочью… Но — увы, интересы государства требовали иного, как бы непривычно ей это ни было.

— Передай главному, — Тавис дернулся, как от удара, — что

я стану говорить только с ним. Если ему действительно нужны переговоры, он придёт. Но их не будет, если ко мне снова пришлют какого-нибудь психа. Иди!

И — прежде чем получить ответ, Ора ускользнула во внутридворцовый портал. Трата энергии, но сколько морального удовлетворения.

Инфернал аж заскрипел зубами от бессильной ярости.

Да, пока он не самый главный. Но от него тоже многое зависит — и кто знает, какой выйдет следующая встреча…

Глава 2

Столица Братства сумрака, как и подавляющее большинство других его поселений, не стремилась задавить своим величием. Скорее, наоборот: впервые бросивших на неё взгляд она обычно удивляла одним — отсутствием значимых впечатлений в принципе. Кто-то морщился и бросал что-то про «унылую мрачную крепость». Бывалые странники могли заключить, что город как будто специально построен так, чтобы не вызывать интереса.

Зажатый между тремя разномастными склонами гор, он целиком заполнил их все, приспособив естественные природные линии — и «изъяв» из общей панорамы. Бугристый «ковёр» зданий из одинакового тёмного камня начинался сразу за невысокой крепостной стеной и далее простирался во все стороны, сливаясь с окружающим фоном. С уверенностью сказать, где заканчиваются кварталы и начинаются скалы, могли лишь местные жители — солнце слишком редко навещало закрытую полудолину-полу-ущелье чтобы полагаться только на зрение. Они же утверждали, что столица имеет собственные, рукотворные контуры, складывающиеся из дифференцированных по высоте крыш неправильных форм, но в остальной Империи истории про тайную красоту Тверди считались своеобразной местечковой причудой.

Дворец так же предпочитал не притягивать внимание, в отличие от аналогичных сооружений других стран. Но если с военной точки зрения это было оправданно, то для Правителей, пожелавших залететь в гости, создавало определённые неудобства: им приходилось либо отдавать себя на волю автоматических средств навигации, если таковые имелись, либо от начала до конца контролировать процесс посадки, даже в таких деталях, как — не спутали ли они воздушную площадку с чем-то другим.

Альден входил в узкий круг людей, которые не испытывали проблем с навигацией уже очень давно. Голубь с первого раза взял нужную траекторию и, спланировав, мягко сел перед полукругом встречавших.

Оказавшись на земле, император чуть покачнулся. Встряхнулся, сделал несколько твёрдых шагов вперёд. Нармиз приблизился к нему, взял за плечи и тихо, но настойчиво спросил:

— Это правда? Рим взяли?

Не поднимая взгляда, Альден кивнул — и через секунду

вздрогнул от неожиданности: Правитель, о сдержанности которого ходили легенды, крепко обнял его.

— Я помню, сколько он значил для тебя. Могу представить твои чувства… — почти шёпотом сказал повелитель теней. — И искренне тебе соболезную.

Закрыв глаза, император коснулся лбом плеча друга.

— Спасибо.

Когда они отстранились, гвардейцы уже исчезли: их задачей было удостовериться, что следом за гостем не идёт никакая опасность. Нармиз махнул рукой — идём.

— Что с мобилизацией? — спросил Альден, пока они шли по коридорам к хозяйским покоям.

— Штурмовики где-то между Тенебрисом и Юстицией, на месте должны быть завтра к середине ночи. Остальная гвардия, вместе с колдунами, остановилась в Тенебрисе, в Юстиции будут утром четвёртого дня. Техники пока собираются, ожидаются в Тенебрисе через две недели.

— Хорошо…

— А что у тебя? — поинтересовался Нармиз. — Вкратце о текущем положении.

— Да что у меня… Центральная группа недавно была укомплектована на сорок процентов от положенной численности, что легионеров, что преторианцев. К моменту, когда Юстицию взяли в осаду, успел довести до семидесяти… В легионы отправляю беженцев — объявил чрезвычайный набор, их всё равно размещать негде, никакими планами не предусмотрены такие толпы. Сам только гвардией занимаюсь. Хорошо хоть, продовольственный резерв держится.

Альден замолчал, почувствовав, что в душе снова поднимается злость. Уже перед дверями гостиной он не выдержал:

— Нармиз, ну не могло такого быть! Я несколько лет продумывал защиту гор, не могли они сходу обойти её, причём незаметно для нас! Никак!

— Садись, не стой, — глава Братства тоже сел в одно из кресел. — Так, а теперь по порядку, кто что не мог.

— У инферналов не было никакой возможности перебросить войска на подмогу. Единственный вариант — горы. Но они не могли!..

— Ты про первую группировку или вторую?

— Третью. Я ведь… говорил, да?..

Нармиз задумчиво посмотрел на горящий в камине огонь.

— Говорить ты мог только дней десять назад. Либо в письме из Юстиции. Но и там и там было больше распоряжений, чем

новостей.

Альден нервно мотнул головой.

— Ничего не помню. Последние дни как в тумане. Тогда… сделаем сведение данных?

— Да. И на этот раз делать его будешь ты.

— Угу…

Повинуясь взмаху руки хозяина Дворца, одна из стен гостиной озарилась; гладкая каменная поверхность засветилась изнутри, и на ней проступили контуры физической карты мира. Ещё один взмах — серый материк заполнили разноцветные пятна территорий стран.

План последних военных действий был сохранён в памяти картографического процессора: попадая в убежище хотя бы на сутки, глава Братства старался обновлять информацию, для собственного же удобства. Последний период длился аж две недели.

Император бросил взгляд на цветные фигурки, вздохнул:

— Это самое начало.

Подойдя к карте, он прямо так, мазками пальцев, стал обозначать перемещения своих и чужих войск, временами тихо отдавая голосовые команды. В какой-то момент в памяти всплыло, что есть специальная указка, позволяющая не стирать о камень руки, но было поздно, да и дискомфорт его сейчас волновал мало.

Схемы заняли минут пять. Закончив, Альден отошёл в сторону и приказал:

— Вернуться на шесть этапов.

Карта вновь продемонстрировала положение, которое застал Нармиз.

— Первая группировка обыграла нас на манёврах, обогнула с востока Аргентум и вышла в пространство между Аргентумом и Юстицией. Восточная группа, поняв тактику противника, разделилась: одна армия отошла на прикрытие города, две рассредоточились и широкой дугой двинулись на перехват. Центральная группа, поднятая по тревоге, рассредоточилась полностью и пошла навстречу восточной для полного окружения. Это ты застал сам, и там всё было понятно. Потом, когда ты уже отбыл из Юстиции, разведка сообщила о появлении на северной границе второй группировки. Я передал это тебе, вместе с просьбой активизировать спецсилы в восточном округе.

Нармиз кивнул:

— Было. Продолжай.

— Один этап вперёд. Новая группировка сначала двинулась к Аргентуму, как и предполагалось. Но затем сделала разворот и

так же устремилась вглубь страны, в пространство между Римом и Аргентумом. Две центральные армии повернули на север — в зависимости от дальнейших действий противника либо предотвратить его продвижение к столице, либо не дать объединиться с окружаемыми. Третья центральная чуть сменила направление, но продолжила идти на восток. Восточные остались с первоначальными приказами. Один этап вперёд. Операция складывалась успешно: первую группировку наконец связали боем, вторую практически окружили — три северные армии, две центральные, одна восточная. Её тоже планировалось задержать и уничтожить на месте, поэтому последняя должна была перекрыть выход с территории. Но тут…

— Одна армия на пути целой группировки? — удивился Нармиз. — Рискованно.

— Нет, она не участвовала в первой стадии окружения. Её хотели использовать в последний момент — отрезать обратный путь и разгромить остатки. Видишь, она чуть в стороне. А заодно продемонстрировать флаг и не пустить в котёл новые части. Сам помнишь их упор на манёвры. Однако… один этап вперёд.

Глава Братства дёрнул бровями: нарисованная схема выглядела странно.

— Та самая третья группировка?

— Именно. Неизвестно как попавшая внутрь и нарушившая… да всё, что только можно.

— А восточная армия?

— Цела, в том и дело! Ну, была цела на тот момент. Ничего не видела, ничего не слышала, и в этом-то вся проблема. На связи находилась постоянно, я сидел готовый к вылету на случай, если инферналы не захотят сдавать группу. Но и сигнала не поступило, и эти сволочи как-то пробрались.

— Проход по краю гор, выхватывание разведчиков, полог невидимости, — перечислил Нармиз возможные способы. Альден покачал головой:

— Посмотри на расстояние: чтобы попасть в мешок и не встретиться с заградительной армией, им надо было преодолеть минимум две сотни километров меньше чем за сутки. А я потом встретился с ними у Рима — и не видел ничего похожего на такие чудеса мобильности. Хотя, будь у них возможность, они бы обязательно ей воспользовались, подходящих ситуаций было много.

— Остаётся полог невидимости. Прошли под носом.

— Разведка проводилась со сканированием.

— Значит, абсолютная.

— Абсолютная невидимость? На целую группировку?

— Не больше затрат, чем на преодоление горной гряды.

Император скривился, как от боли, и, не ответив, снова перевёл взгляд на карту. Подумав, глава Братства согласился:

— Тёмный момент. Они ведь потом сколько ещё воевали. Но пока, по-видимому, это придётся отложить… Говоришь, они дошли до Рима?

— Да. Вторая группировка резко повернула на северо-запад, третья ей помогла — связала боем армии, кинувшиеся на помощь с юго-запада. Один этап вперёд. Для второй открылась прямая дорога на Рим, и они пошли в отрыв, не считая потери и выигрывая у нас время — двое суток. А там уже открыли прямой канал и… Один этап вперёд. Один этап вперёд.

Повисло молчание. Альден с тоской смотрел на кружок римской агломерации, сменивший цвет на красный. Боль внутри по-прежнему ощущалась, но притупилась под давлением последних событий.

Нармиза же больше интересовало положение фигурок. Поднявшись, он приблизился к карте.

— Что после взятия города? Отбить пробовали?

— Угу. Сначала хотел отказаться — позиция-то стала проигрышной. Но потом накатило… в очередной раз. Убил там месячный объём.

— Не получилось? Напоролись на твои заначки?

— Хуже, они воспользовались своими естественными преимуществами. Подняли городской гарнизон и вывели на первую линию. Легионы дрогнули, и нас опрокинули повторно. Одна группа потеряла половину состава, но ушла. Вторую преследовали, пока не уничтожили полностью.

— Дуэль?

— Не рискнул. Их было двое, а я ещё в Риме выложился.

Глава Братства нахмурился. Альден стиснул зубы, справляясь со вновь нахлынувшими эмоциями, поднял глаза на друга:

— Думаешь, это конец? Это всё — конец?

— Нет, — Нармиз как будто бы удивился самой этой мысли. — Я сейчас думаю совсем о другом. Тебя ничего не смущает на этом плане?

— Кроме потери вечного города?

— Согласен, неловко вышло, — повелитель теней не удержался от колкости. Император возмущённо сверкнул глазами. — Давай, приходи в себя, это серьёзный вопрос. Перед нами стоит проблема, которая меняет всю стратегию войны.

— Что за проблема? — поинтересовался Альден. Лёгкий тычок в больное место помог собраться. Нармиз махнул рукой на фигурки, обозначавшие вражеские войска:

— Цвета стрелок.

Красный цвет традиционно ассоциировался с инферналами, и на первый взгляд всё было нормально.

— Ты про то, что я не пометил фракции оттенками?..

— По-моему, ты всё сделал правильно.

Альден моргнул: до него дошло.

— Значит, они…

— Да. И не просто объединились, они действуют так слаженно и эффективно, будто воевали вместе всю жизнь. Непонятно, как это возможно, но мы явно не готовились к такому. Вот тебе и ответ, как они смогли обыграть нас.

Император с силой сжал виски. Вернулся к креслу, практически упал в него. Спросил негромко:

— Это точная информация?

— Это пока вообще не информация, — Нармиз качнул головой, — я обратил внимание на то, что ты не стал брать разные цвета для вражеских армий, и не нашёл в этом никаких расхождений с действительностью.

— И всё это… всё время кампании нас водили за нос.

— Даже если и не водили, со стратегическим мышлением у них полный порядок. Если допустить, что на момент вторжения первой группировки командующий ей инфернал не входил в союз и действовал по собственному плану, то остальные очень толково подстроились под возникшую ситуацию.

— Угу…

Потянулось молчание. Несмотря на горящий камин, температура в комнате как будто упала — оба Правителя почти одновременно поёжились.

Неожиданно глава Братства спросил:

— Ты пил?

— А?.. Нет. Это предложение?

— Оцениваю твоё физическое состояние.

Альден пожал плечами:

— Удовлетворительное. Сижу на подпитках и стимуляторах… — В ответ на скептически поднятую бровь пояснил: — Всё это время, с Рима. Сначала бежал в Юстицию, там отвлекся на мобилизацию и прочую организационку… Потом снова сели в осаду. Знаешь, честно: раз десять порывался передать командование штабу и пойти пить. Но думал о том, что за каждую минуту, проведённую с бутылкой, потом расплатятся жизнями солдаты, и… Когда, наконец, появился нормальный перерыв, решил, что полезнее будет слетать к тебе и рассказать новости. И поспать, если время останется.

Внутри всё бурлило. Он немного слукавил: лететь в Твердь не

хотелось совершенно, именно потому, что здесь требовалось в подробностях восстанавливать в памяти события последних двух недель, от которых он мысленно бежал со всех ног. Не то чтобы в Юстиции ничего не напоминало о произошедшей трагедии — в конце концов, беженцы заполонили весь город, а под стенами стояла вражеская армия. Но там можно было закрыть окно штаба и погрузиться в чтение отчётов и донесений, разбор карт и планирование обороны…

Надеть маску холодного бесцветного спокойствия и убедить самого себя, что это его истинное состояние. Забыть про азарт, праведный гнев и даже обречённость, забыть про всё, мешающее сосредоточиться. Мешающее выполнять непосредственные обязанности. Мешающее отвлекаться.

Альден бросил взгляд на часы.

— Я схожу в синтезатор? Надо немного освободить голову.

Нармиз подозрительно покосился на него. В его планы так же входило чем-нибудь расслабить друга перед продолжением тяжёлого разговора, но синтезатор был палкой о двух концах. А ну как распереживается и на подъёме эмоций улетит обратно в Юстицию, подальше от грустных новостей?

— А ты сюда на сколько?

— До завтрашнего утра, думаю. Не хочу ночью лететь.

— Тогда иди, конечно, — Нармиз кивнул. — Буду ждать.

* * *

Вопреки «земным» традициям, Правители гораздо больше, чем приходить в гости, любили звать других к себе. Это была замечательная возможность продемонстрировать, что твоя фантазия продолжает работать.

Как это так, ты — Мечтатель, но при этом твоя фантазия не работает? Ну… Значит, ты настолько ленив, что даже за своим разумом уследить не можешь. Что уж тогда говорить о твоём государстве?

Без попыток изменения нет тенденции к развитию — так любили здесь говорить.

Нармиз среди остальных Правителей резко выделялся. С самого начала, со своего появления здесь он как-то незаметно приучил всех, что Твердь — это его угол. Если появлялась нужда с кем-то встретиться, пусть по не слишком важным делам, он вызывался прибыть сам, только чтобы не принимать. А демонстрировать свою фантазию «на выезде» Нармиз даже любил. Так что от того, что в первый десяток лет Твердь приняла не

больше полусотни визитов, никто совершенно не пострадал.

Потом традиция стала видоизменяться, может, объективно развиваясь, а может, повелитель теней пересмотрел свои позиции. Первой крупной вехой стало то, что он неожиданно пригласил к себе Альдена — не для чего-нибудь, а посмотреть на личную гостевую комнату для него. Когда тот прибыл — в полушоковом, надо заметить, состоянии, — Нармиз пояснил, что решил таким образом проверить, насколько хорошо он изучил друга за прошедшее время. Мол, если комната понравится, то эксперимент удался.

Тогда правитель Новой Римской империи стал первым, кто прогостил в Тверди больше восьми часов, если быть точным — целых три дня. Объяснялось это в том числе и тем, что комната содержала в себе огромное количество мелких, но искренне любимых императором сюрпризов.

Следующей — правда, после перерыва в ещё полгода, — стала Кейра. Потом — Дориан, идеолог неофеодализма, и Правитель, располагавшийся в ту пору на севере. Со временем единственным, кто так и не получил своей гостевой, остался Ресд.

Постепенно удивление прошло, и впечатления от изменившейся Тверди стали обсуждаться не шёпотом, в тёмных углах, а вполне открыто. Но только когда эта тема изжила себя полностью, Альден, считавшийся самым доверенным другом Нармиза, решился спросить его, не имеет ли он какой затаённой обиды к повелителю драконов.

Нармиз тогда ответил со странной загадочной улыбкой:

— Можно много рассуждать об отношениях между людьми, в том числе — основываясь на том, кто у кого получил угол. Я тебе честно скажу, просто не могу прописать у себя Ресда — не потому, что не представляю, как обустроить его комнату, а наоборот, представляю достаточно хорошо.

Время шло. Государства жили и развивались. И однажды в голове кого-то из Правителей оформилась мысль: а ведь Твердь-то перестала быть чем-то из ряда вон выходящим, непознаваемым по факту. Столицу одного из самых скрытных Правителей его близкие уже долгое время ощущали фактически своим вторым домом.

* * *

Альден провёл кончиками пальцев по светящемуся в полумраке иероглифу на стене, очень напоминавшему по виду музыкальную ноту. Часть стены с тихим шорохом ушла в сторону,

открывая проход; обычных дверей для необычных помещений здесь не существовало.

Синтезатор представлял собой идеально кубической формы комнату со сторонами по четыре метра. На первый взгляд — совершенно пустую, но это было лишь отражением одного из принципов Нармиза: чтобы использовать предмет на полную мощность, нужно представлять, что именно тебе нужно.

Встав в центр, Альден взял из воздуха свою гитару и повесил на шею. Прислушался к себе, оценивая настроение, мысленным сигналом включил аппарат.

Прямо в воздухе зажглись крупные оранжевые, со стилизацией под огонь, буквы: «Выбор света». Правитель сделал резкое движение кистью, приказывая перейти дальше: стандартный для всех помещений дворца полумрак его вполне устраивал.

Когда все настройки были выставлены, появился огромный, на всю комнату, список доступных музыкальных композиций, набранный буквами соответствующе мелкого шрифта. Походило на то, что комнату перегородила пылающая стена.

— По дате последнего воспроизведения, — произнёс Альден. Посмотрел в конец списка, выстроившегося по новому порядку, усмехнулся — ну что, дать волю эмоциям или всё же просто поиграть, развлечься? — и выбрал наугад песню из середины.

«Стена» пропала, и на глаза, успевшие привыкнуть к светлым буквам, упала пелена.

Со всех сторон, не исключая потолка и пола, полилась тихая мелодия фортепьяно. В нужный момент рука коснулась струн…

Раз за разом — выбрать наугад, опознать по первым нотам, после игры — повторить.

Проглядывая список в очередной раз, Альден зацепился взглядом за одно из названий: «Кровь королей». Не время, ох, не время: слишком тяжёлая песня. Хотя партия гитары там хорошая… Ну, если только партию — почему нет.

— Без голоса, — на всякий случай предупредил он механизм, хотя функция воспроизведения минусовки была уже выставлена.

Когда пальцы повели перебор вступления, появилось какое-то странное чувство — то ли облегчение, то ли наоборот, настороженность. И пока разум отвлёкся на это, рефлексы перехватили контроль над губами:

Голос, певший тебе в ночи, замолчал навсегда,
И сгорают в огне свечи за годами года.
Те, кого ты всю жизнь любил, у небесных ворот,
А король, властелин судьбы, пробуждения ждёт…[2]

Вот тебе и партия гитары, — скользнула мысль.

Но — музыка окружала со всех сторон, обволакивая сознание, хоть и не давая потерять чувство реальности: именно для этого Альден всегда ставил кубическую форму комнаты, избегая шарообразной.

Он венчал свою жизнь и бессмертие,
Но не в храме, а в битвах, где борются зло и добро.
Дал узнать людям вкус милосердия,
Обратил в благородную ненависть злость на врагов.
Он осенён римским крестом,
Над головой — красный дракон,
На клинке меча — руническая вязь.
Правит король твёрдой рукой,
Слово и мощь, свет и покой.
Словно камни-исполины держат власть.
Нет начала, нет конца историй,
Есть кольцо блуждающих огней.
Ложь и правда в нём извечно спорят,
И на их алтарь льётся кровь королей…

«Ну вот, меня всё-таки понесло…»

Мысленный приказ управляющему блоку комнаты — и магическое поле подняло Мечтателя в воздух. Теперь можно было поиграть.

* * *

«Инферналы откинули нас на севере и взяли Рим. Центр боевых действий — Юстиция. Северная группа армий империи потеряна, центральная восстанавливается. У нас есть некоторое время для сосредоточения, сколько — не знаю. Потом начнётся вторая волна наступления.

От Маркуса и Ресда по-прежнему никаких вестей».

Подумав, Нармиз приписал:

«Если есть возможность, передай мне отдельно несколько сводных штурмовых подразделений, не менее чем в три тысячи бойцов. Связь с Аргентумом потеряна, воздушная разведка заблокирована, а наземную

постоянно срывают. Если он тоже в осаде, об этом лучше узнать сейчас.

Нармиз».

Запечатав письмо Кейре и отправив его по внутренней почте в отсек доставки, Правитель покосился на стоящие рядом бутылки. Всё плохо, ужасно плохо… Из-за прорыва фронта пришлось отказаться в том числе и от отправки войск в княжество. Неизвестно, как там обстоят дела, но отсутствие подкреплений их явно не выправит.

Где-то в глубине души подняла голову злобная радость — Маркусу следовало ответить за свои успехи в отношениях с Кейрой. Но чего глава Братства не выносил, так это непрошенных и неконтролируемых чувств; спустя считанные секунды змея-отравитель исчезла, раздавленная скалой-чувством долга.

«В первую очередь, Маркус — наш союзник. Если я позволю ему потерпеть поражение, это не только не принесёт абсолютно никакой пользы, но и может сыграть злую шутку с нами самими — когда инферналы закроют второй фронт и кинут на Империю все имеющиеся в наличии войска».

«Как будто есть выбор. Войска сейчас никуда не двинешь, всё внимание на Юстицию».

Варианты, варианты, варианты…

«Через четыре дня туда прибывает гвардия. Её должно хватить для заделывания брешей и стабилизации фронта».

«Римских войск почти не осталось, их нужно создавать заново».

«Создадим, ничего страшного».

«Тем не менее, не следует кидать оборону из рук в руки во время штурма».

«Использовать резервы?»

«Рискованно. Неизвестно, какие ресурсы у инферналов».

Что-то не сходилось.

Нармиз откинулся в кресле и упёр взгляд в тёмный каменный потолок, на котором пламя изредка высвечивало серебристо-белые вкрапления, похожие на звёзды.

«А сколько вообще их там?»

«Пускай на два фронта. В конце концов, их трое, могли и поделить сферы влияния».

«Один воюет с княжеством, двое атаковали Империю».

«Двое ли?»

«Не вовремя Альден ушёл. Надо узнать у него, какие войска находились в каких группировках».

«Как минимум, двух видов».

«Двух это понятно. Но двое не могли сосредоточить такие силы… Они воевали с римскими армиями на равных, значит, не ухнули весь потенциал в количество».

«Три группировки. Одну разбили, две прорвались, взяли Рим и отбили контратаку».

«Может, первую изначально создавали слабой, для отвлечения внимания. А основной удар сразу планировался второй и третьей».

«В этом случае надо будет признать, что союз сложился ещё до начала войны».

«Неизвестно. Теперь мы вряд ли это узнаем. Надо высчитать хотя бы количество видов».

«Если участвовали трое…»

«…то княжество уничтожено».

Тишину нарушало только нервное постукивание пальцами по подлокотнику кресла.

«Во время нападения на княжество инферналов было четверо. Один погиб. Маркус мог отбить его атаку».

«А трое других, вместо того чтобы разобраться с возникшей проблемой, повернули в противоположную сторону, на империю?»

«Может, с четвёртым у них не сложились отношения?»

«Не сходится. После смерти четвёртого вся защита должна была спасть, и серое поле тоже. А оно осталось. Значит, ставил кто-то другой».

«Нет, информация пришла не сразу. Разведка после сообщения о смерти инфернала не проводилась».

«Возвращаемся к предыдущему вопросу. Если княжество отбилось, остальные инферналы взяли и плюнули на него?»

Нармиз снова поймал себя на взгляде на бутылки, поморщился. Нужно что-то решить. Нужно прикинуть план действий.

Новая разведка территории княжества — раз. Выяснение количества инферналов на их направлении — два. Поднятие вопроса о времени отправки подкреплений в княжество — три. Допустим.

А теперь хорошо бы чем-то отвлечься, пока голова не лопнула от противоречий. Пожалуй… да, синтезатор будет неплохим выбором.

Поворачивая в нужный коридор, Нармиз пригляделся — руна светилась ровным белым светом: механизм внутри выключен. Остаётся надеяться, что, наигравшись, Альден пошёл в свою гостевую, а не на воздушку…

— Альден!

Тот лежал на полу комнаты без сознания, так и не выпустив гитару из рук. Упав на колени рядом, Нармиз попытался нащупать пульс. Есть… Что могло приключиться?

Поражённый неожиданной догадкой, глава Братства на несколько секунд замер, прислушиваясь, — и облегчённо выдохнул: да, наигрался так наигрался.

Император просто спал. Вот тебе и неделя на стимуляторах и потенциале.

По всем коридорам метров триста будет, — прикинул Нармиз. Ничего, физические нагрузки тоже способствуют снятию стресса. Повесив гитару себе за спину, он опустился на пол и попробовал поднять друга — нормально. Даже чуть легче, чем ожидал.

На одном из поворотов встретился гвардеец. Ничем не выразив своего удивления, он жестами предложил передать тело ему.

— Мой император — моя ноша, — полушёпотом ответил повелитель теней, внутренне усмехаясь над самим собой. — Иди перед нами, открывай двери.

Когда Альден был уложен на кровать в своей комнате, Нармиз покачал головой: скорее всего, пробуждение будет не из приятных. Пусть это не его покои в собственном дворце, но стильто подчёркнуто римский…

Ничего. Рим потерян из доступа, но не потерян полностью. Они ещё вернутся.

Будут, как обычно, смеяться над дико пафосными, но совершенно безвкусными дворцами инферналов, стоя на подходах к их столицам…

Взглянув на гитару Альдена, прислонённую к стене возле его кровати, Нармиз с удивлением понял, что не расхотел воспользоваться синтезатором. Только нужно будет сделать кое-что — а то интересно ж…

— Последняя композиция.

Список исчез, вместо него в воздухе повисло название: «Пока боги спят (без голоса)».

— Оу… В депрессию от этого падали, но чтобы отрубиться… Заряжай. С голосом.

В поднятую руку переместилась его собственная гитара.

* * *

— Я буду говорить. Вы будете слушать и запоминать свои

вопросы. Потом вы сможете их задать. Так мы сэкономим много времени, а заодно проверим ваши память и терпение.

Первое занятие, лекцию на лесной опушке, традиционно вёл глава Общины. Лучше всего его описывало слово «старец» — относящееся не столько к возрасту, сколько к внутреннему складу. Своеобразная манера речи: слова отрывистые, с минимум эмоций, но мастерски выделяемые интонационно. Голос казался негромким, но каждое слово было слышно так ясно, будто мастер стоял в паре шагов.

Придя к нам с длинным тонким посохом, он с самого начала положил его на землю; судя по лёгкой походке без намёка на трудности, помощь ему действительно не требовалась. Остальные ученики не приметили этот момент, но у меня сразу проснулся характерный интерес: как достигается такое бодрое состояние? Связано ли это только с образом жизни — или магия стихий влияет среди прочего на тело? Если этому удастся научиться… До открытия секрета телесного потенциала ведь сколько ещё времени пройдёт.

— …Стихии — это основа. Одна стихия — пустота. Две стихии — смерть. С тремя стихиями возможна жизнь. С четырьмя стихиями возможна её гармония. Известно это было не всегда, первый маг огня, Гераклит, считал, что с помощью одной стихии можно создать целый мир. Но такой мир был бы подобен человеку, сделанному только из костей. Или только из мяса. Не всё, что может быть создано, может существовать дальше…

К сожалению, здесь не практиковалась запись, я специально спросил у одного из мастеров. Община исповедовала принцип «ученик учится столько, сколько способен», из которого опосредованно вытекало отсутствие общих нормативов. Главная задача в процессе обучения — бороться с сонливостью, голодом и остальными внешними мыслями. При должном старании закончишь обучение года за три-четыре и пойдёшь в личные ученики к кому-то из мастеров. В режиме без напряга — пройдёшь тот же самый курс лет за шесть-восемь. Полная свобода, выбирай путь в зависимости от приоритетов. Хоть век живи и век учись.

— …Другие полагают, что наоборот, ничего из видимого и ощущаемого нами не существует на самом деле. Что это иллюзия, возникающая в процессе общения нашего разума с разумом природы. Как вы можете догадаться, истина посередине: неправы и те и те, поскольку мир существует сразу в обеих ипостасях, и чувственной, и разумной. А раз мир — это природа, то двойственно существуют и стихии в нём.

Старец остановился, сел на траву и обвёл взглядом учеников.

— Теперь попробуйте, осознав мои слова, догадаться, что являет собой ваша сила магов огня. Кто догадается первым, первым сможет задать интересующие его вопросы.

Я поднял руку.

— Та частица огня, которая пробуждается в душе человека, — это и есть та вторая ипостась огня?

— Верно, Маркус, — мастер кивнул. Я не удержался от улыбки: приятно, что меня так быстро запомнили по имени. — Как ты пришел к этому?

Вот это было сложнее. Как-как, просто догадался. Хотя…

— Ну, это же, получается, разумная ипостась. То есть, тот огонь, в нашей душе… мы не можем его потрогать или почувствовать. Только осознать.

— Да, так и есть, — старец снова кивнул, и я расслабился. — Небесный огонь, как и другие стихии, напрямую взаимодействует с разумом человека. Разум создаёт связь — и часть стихии, привязанная к душе, получает выход в чувственный мир. Где может воздействовать либо на бессознательную вещь — тогда посыл будет носить характер приказа. Либо на сознательную, тоже содержащую пробужденную стихию. В этом случае необходим договор, разрешение. В первую очередь это, конечно, маги.

— А если два мага принадлежат разным стихиям? — спросил я.

— Первое и главное правило, — мастер покачал головой, но во взгляде его читалось одобрение. Видимо, я задавал правильные вопросы, позволяющие ему раскрывать тему не нарушая структуры изложения. — Стихиям не принадлежат. Насколько они сами равноправные части природы, настолько же маги — их равноправные служители. Если обычный человек является старостой деревни, разве это значит, что его помощники ему принадлежат? Они всего лишь исполняют свой сознательно принятый долг. Каждый на том уровне, на котором находится.

— Но ведь это стихии, — возразил я. — Человек несоизмерим с ними.

— Если рассматривать первостихии, то да. Поэтому человек и обращается не напрямую к ним — что основам до его мелочных проблем? А к своей собственной душе, в которой содержатся частицы всех стихий.

— Всех? — от удивления один из учеников забыл про очередь. — Я думал, что небесный огонь проникает в душу и…

— Одна стихия — пустота. Две стихии — смерть, — напомнил маг. — Во-первых, имея в душе только одну стихию, человек не смог бы развиваться — если бы вообще смог жить

полноценно. А во-вторых, как бы он в таком случае мог приобщиться к силам других стихий, если бы душу целиком заняла одна из них?

По кругу учеников прошёл удивлённый вздох.

— То есть служить можно и нескольким стихиям? — уточнил я, возвращая себе инициативу.

— Да, и такое возможно. — Неожиданно мастер улыбнулся: — Предугадывая следующий вопрос — это зависит не только от непосредственного уровня развития человека. Иначе я не был бы главой Общины. Важна ещё и направленность мышления. Кто-то остаётся с одной стихией потому, что не может познать сущность других. А кого-то, как, например, меня, просто не тянет менять старых и проверенных друзей на новых.

Все молчали, обдумывая сказанное.

— Хочешь ещё что-нибудь спросить? — я покачал головой. — У кого остались вопросы?

Одна девушка подняла руку.

— А можете рассказать что-нибудь о магах, служащих нескольким стихиям?

— Служить нескольким — всё не то что служить одному. Обычно такие маги остаются в Общинах, либо одной, либо кочуя между двумя. Это даёт им возможность стабильно развиваться. В нашей их сейчас нет.

— Остаются? Почему? С двойной силой они могли бы принести гораздо больше пользы людям!

Старец пожал плечами:

— Будет лучше, если вы разыщете подходящего мага и зададите ему этот вопрос лично. Я могу только предположить, что на уровне служения двум стихиям времени на служение людям не остаётся.

Снова повисла тишина.

В этот момент у меня в голове всплыл один из давних вопросов, который как раз можно было задать. Я снова поднял руку:

— А где находятся остальные Общины?

Старец усмехнулся:

— Вот она, суть огня. Прожив неделю в одном месте — уже тянется к следующему. В любом случае, я не смогу сказать больше, чем ты знаешь. Община Воды находится в противоположном от нас направлении, на Семнадцати озерах. А община Воздуха — в юго-восточных горах.

— А Земля? — не понял я.

Несколько учеников покосились на меня с явным недоумением — как такое можно не знать? Другие навострились:

похоже, тема была не такой однозначной, как её пытались представить, и они тоже хотели услышать ответ.

— Земля — самая скрытная стихия, — спокойно ответил мастер. — То же касается и её последователей. Они не имеют своей общины, обучение ведётся по линии мастер-ученик, напрямую. Это не слухи, как ты, наверное, подумал.

— Но ведь где-то они концентрируются? — мастер удивлённо поднял брови, и я поправился: — Где-то же они собираются?

— Наверное. Если судить по общим чертам, то, думаю, в противоположной стороне от общины Воздуха, в районе северо-западных гор.

— Я из деревни на северо-западе, — вдруг сказал один из ребят. — Через нас проходит много тех, кто ищет магов земли, но через какое-то время они все возвращаются обратно.

— Прям-таки все? — уточнил я.

— Ну, я всех не запоминаю… Большинство точно.

— Те, кого не приняли, видимо?

— Нет, они говорят, что ничего не нашли.

— Хм…

На этом действительно серьёзные вопросы закончились, и, послушав для порядка разговор мастера с ещё парой человек, я со спокойной душой погрузился в мысли.

Как здесь всё сложно и запутанно. Неудивительно, что другие охотники за тайнами уходили несолоно хлебавши.

Ладно, посмотрим, что будет дальше. В конце концов, опасность мне не грозит, новые знания получаю. А то, что можно было найти другую, более подходящую стихию — ну, сложилось как сложилось. Надо выжимать максимум пользы из имеющейся ситуации.

Быстрей бы началась практика…

* * *

Утвердить. Назначить. Проанализировать. Дать заключение. Назначить. Утвердить…

Несколько раз Кейра, не выдержав, откидывалась на спинку кресла и закрывала глаза. Думала о чём-то отвлечённом, совершенно не связанном ни с документами, ни с войной. Затем усилием воли останавливала себя, открывала глаза и, избегая смотреть на часы — перерыв всяко длился меньше, чем ей хотелось бы, — продолжала работу. Настроение это не поднимало, однако позволяло немного освободить голову перед новым погружением в бумажную волокиту. Останавливать

процесс насовсем, увы, было нельзя.

Но в какой-то момент перестало помогать и это. Мысли спутались окончательно, рука, потянувшаяся к незнамо какому по счёту листу, остановилась на полпути. Девушка впала в ступор. Попыталась вспомнить, о чём только что думала, — не получилось. Открыла отложенную папку — буквы заплясали перед глазами. Кое-как сложились в строчки, но совершенно без толку, прочитать ничего не удалось.

Всё, приплыли. Кейра с горьким вздохом опустила голову на столешницу. Прислушалась к едва слышному внутреннему голосу: что там скажет многострадальная совесть? Кто срывает рабочий план? Из-за кого может накрыться какая-нибудь важная операция?

Совесть молчала.

В голове вообще стало довольно пусто, тихий неразборчивый шум, и больше ничего.

Смирившись с неизбежным, девушка поднялась и пошла к сейфовому шкафу, одиноко стоявшему в дальнем углу кабинета. Полминуты манипуляций с защитными механизмами, в обычных условиях — главное препятствие от проникновений без уважительной причины, и на свет появился небольшой ларчик.

Надо же, шесть флаконов… Когда только успела? Думала, их по-прежнему восемь. Придётся толкнуть снабженцев, а то, глядишь, совсем закончатся.

Взяв одну порцию и вернув остальное на место, Кейра откупорила эликсир и сделала два глотка. Прикрыла глаза, наслаждаясь ощущениями. Бросила было взгляд на рабочий стол, но передумала: ладно уж, раз такое дело, можно отдохнуть несколько полноценных минут.

Правительница подошла к панорамному окну, за которым бурлил, медленно успокаиваясь в преддверии ночи, город, и прижалась лбом к прохладному стеклу.

Не её это. Да, ей хватает внимательности, усидчивости и прочих качеств, необходимых в этом занятии, — но общую пользу можно приносить по-разному. И с какой радостью она оказалась бы сейчас там, в Империи, за тысячу километров отсюда!

Понятно, что союзный договор составлялся при её непосредственном участии и ни одно обязательство не перешло к ней без достаточной причины. И что от всех этих бумажек пользы никак не меньше, чем от пары легионов или одной из армий Республики. Однако бумага не даёт главного — чувства единения.

Можно сколько угодно читать сводки и донесения. Но даже если ты когда-то лично облазил сопки, на которых теперь разворачивалось сражение, это не заменит поджатых губ друга и

коротких фраз «атакуем оттуда и оттуда, нужно во что бы то ни стало захватить вон тот участок». Даже если ты лично наведывался в мастерские и по праву гордишься качеством оружия, которое делается в твоей стране, это не заменит одобрительных кивков получивших его солдат.

Разумеется, об этом знали. Более того, любимое Кейрой «чувство единения» и являлось основной причиной того, что союзники позволяли подруге участвовать в активных боевых действиях в исключительных случаях: либо при необходимости задействовать все имеющиеся ресурсы, либо располагая каменными гарантиями исхода боя. Никакие переживания Альдена о судьбе подданных не шли в сравнение с моральными терзаниями покровительницы эльфов из-за безвинно погибших. Но — даже холодная расчётливость Нармиза блекла, когда Ведущая принималась мстить инферналам за нанесённые её близким обиды. Потребовались две полномасштабные войны, чтобы Правительница признала: если она будет присутствовать на поле боя как можно реже, спокойнее будет всем, и в первую очередь ей самой.

Но признать — не значит смириться.

Кейра закусила губу. Почему в этот раз всё так неправильно складывается? На начало очередного противостояния пришлись все неурядицы, какие только можно представить. Поссорились с Маркусом — теперь он в блокаде, и когда получится прийти на помощь неизвестно. Их старая тема с Ресдом получила продолжение — и тут же инферналы вынудили менять все планы на ходу…

Где сам Ресд сейчас, интересно? На письма не отвечает, помощи не шлёт. Всё-таки сбежал, плюнув на все просьбы, граничащие с угрозами? Разочаровался в происходящем и ушёл туда, где нет войн светлых и тёмных Мечтателей — в краю Одиночек нет смысла воевать.

Или его тоже блокировали. Сидит в глухой обороне, не в силах ничего предпринять, с переменным успехом отражает атаки нечисти и надеется на Империю, которая всегда рада помочь в войне против возмутителей спокойствия. И не приходят в далёкие северные горы новости, и не знает Правитель-изоляционист, что теперь он изоляционист в полном смысле, да ещё и в квадрате — потому как могущественная Империя сама вынуждена откатываться к дальним эшелонам под сокрушительными ударами.

Или же пытается использовать любимую тактику: не стал в одиночку открывать фронт и аккуратно налаживает с инферналами отношения. Убеждает их в бессмысленности войны,

настаивает на проведении переговоров и сохранении текущих границ. Потихоньку интригует, сталкивая врагов лбами в точках пересечения интересов. Выжидает момент, чтобы толкнуть нужную костяшку и заставить посыпаться отлаженную структуру.

Нет, всё-таки его не просчитать. Несмотря на долгий, очень долгий опыт общения. Уж кто-кто, а Ресд сейчас может быть где угодно и заниматься чем угодно, и надеяться на поддержку любого рода с его стороны имеет столько же смысла, сколько верить в решающее значение природы инферналов, которая так или иначе вынудит их начать междоусобицу. Технически эта война ничем не отличается от предыдущих, поэтому объективных причин менять устоявшиеся взгляды у повелителя драконов нет.

А взгляды, увы, устоялись. Союзы ведь на бумаге только заключаются — содержатся-то в головах. И раз Правитель за целых сорок лет не посчитал нужным присоединиться ко всеобщему союзу, это что-то да значит.

Спохватившись, девушка смахнула проступившую слезинку. Кстати о бумаге, пора возвращаться к делам.

Каждый пройденный через её руки документ медленно, но верно приближает победу.

* * *

— Крылатая лошадь? Забавно, — Ора обернулась на звук открывающейся двери.

По одежде повелителя драконов, взятой для сегодняшнего визита, сложно было понять, выбиралась она долго и тщательно или по принципу «что первое попалось на глаза». Низ составляли свободные во всех смыслах серые брюки и закрытые сандалии из светло-коричневой кожи, и с ним всё было в порядке. Верх же, по мнению Оры, отсутствовал: светло-оранжевая жилетка из однослойной тонкой ткани на голое тело открывала не менее половины торса, включая шею и ключицы. Которые вдобавок оттеняли спадающие за плечи багровые волосы. То ли пижонство, то ли пофигизм.

В поведении ничего эпатажного не обнаружилось. С непроницаемо спокойным лицом Ресд склонил голову набок, ничего не ответив на замечание.

— Решил меня задобрить? — сделала выпад девушка.

— Ты любишь лошадей? — осведомился повелитель драконов.

Несколько секунд они играли в гляделки. Разумеется, гость одержал победу.

— У меня самой крылатый конь.

— Действительно забавно.

Снова потянулось молчание. Ора перевела задумчивый взгляд на окно.

— Пошли наружу. Хочется пройтись.

— Нам следует уважать свои желания, — прищурившись, Ресд кивнул.

Когда они уже оказались на улице, девушку настигла запоздалая мысль: возможно, не стоило выводить столь неоднозначного визитёра из Дворца. Во-первых, там она была куда лучше защищена, а во-вторых, опытным взглядом тот сможет без труда оценить её готовность к грядущей войне. В которой, в случае неудачного развития событий, они вполне могут оказаться на противоположных сторонах.

С другой стороны, снаружи оказалось неожиданно жарко, несмотря на гигантские зубы скал вокруг поселения, закрывающие большую его часть от солнца. Наряд Ресда в этой связи стал восприниматься более адекватным, а сам он стал вызывать чуть меньше беспокойства.

Взамен стали напрягать свои длинная рубашка навыпуск и плотные штаны, приспособленные для постоянного нахождения в сохраняющем прохладу каменном замке.

— Итак, ты главный у… инферналов.

— Можно так сказать. У этих ребят отвратительные отношения с социологией, поэтому мы с ними играем в равноправие, — на лице Ресда играла, непонятно когда появившись, весёлая улыбка. — Фактически — да, через меня проходят все важные решения.

— Тогда объясни мне, наконец, что вы там замышляете. И зачем надо было сначала присылать ко мне этого мудака! — девушка мысленно укорила себя за прорыв эмоций. Но не сильно: среди прочего её интересовало отношение к Тависи внутри этой группы.

— А кого я присылал?.. Впрочем, что за вопрос, кто мог оставить о себе такое впечатление, кроме Тависа, — Ресд хохотнул. — На самом деле, я думал, он такой только когда без дела сидит. А оказалось, это такой характер… Мне следует извиниться за него.

— Пожалуй, — проворчала Ора.

Определиться с отношением к гостю пока не получалось. В некоторой степени он ей симпатизировал: не сильно смахивая на лидера объективно, он, однако, походил на человека из её старой компании, выполнявшего функции её неофициального заместителя. Память о тех временах всё ещё жила, хоть и не

проявляя себя… Но руководствоваться такими поверхностными мотивами правительница не хотела. Требовалось что-то посерьёзнее.

Впрочем, исключительно серьёзный характер носила сама ситуация, в которую она попала. И выбор был небольшой.

Если иметь контакты только с этим «социологом», то можно подумать и о каком-никаком взаимовыгодном сотрудничестве, а не сводить дело к вооруженному нейтралитету… Если её всё устроит.

— Насчёт наших замыслов — что тебя интересует, краткосрочная или долгосрочная перспектива?

— И то, и то.

— Замечательно, — Ресд кивнул. Правительница хотела было уточнить, что имела в виду информацию, а не планы на их союзнические отношения, но вклиниться не успела. — Расклад таков. Порядка десяти дней назад мы взяли Аргентум, административный центр северо-восточного региона Империи, почти без потерь. Спустя несколько дней — Рим. Таким образом, под наш контроль перешла треть территории Империи, включая столицу. На данный момент бои ведутся за Юстицию, центральный город.

С минуту девушка обдумывала сказанное: визитёр хотел произвести впечатление — он его произвёл. Сам он в это время с вежливым интересом рассматривал панораму замка.

— В общем, дела у вас идут неплохо, — осторожно отозвалась Ора.

— Более чем. Именно это позволяет нам заниматься поиском не союзников, а друзей.

— В чём разница?

— Раньше нам требовались ресурсы, много ресурсов. Все, до которых можно было дотянуться, хотя бы в теории. Соответственно, если у кого-то они имелись, но одалживать он их не хотел, это могло навести на определённые подозрения…

— Вот только угрожать мне не надо! — мгновенно отреагировала девушка. — Если надо, я и…

— Ты чего? — Ресд посмотрел на неё с таким искренним удивлением, что Ора смешалась. — Я тебе о том и говорю, что мы решили эти проблемы и теперь можно думать о другом.

— Я…

— Ничего, бывает, — бросив ещё один взгляд, повелитель драконов снова пошёл вперёд. Девушка последовала за ним. — Так вот, сейчас я занимаюсь тем, что обеспечиваю тылы. Даже если исключить из виду нынешнюю войну с Империей, все мои старые связи можно считать потерянными, а это грозит

определёнными сложностями в будущем…

— Так, стоп. — Ора успокоилась и сейчас пыталась провести вторую атаку. — Тавис довольно чётко изложил ваши планы: переделить этот мир заново, заняв в нём куда более подходящее, по вашему мнению, место. А теперь ты начинаешь давить на жалость, мол, на вас ополчился весь мир, хоть вы ни в чём не виноваты.

— Ну… объективно говоря — лично я ни в чём не виноват. — Ресд весело улыбнулся, одновременно с появлением на губах Оры саркастической усмешки. — Но я говорю только за себя, не надо так уж смешивать меня с этими стрёмными ребятами. Они и правда с самого начала рвались переделить мир. У меня же интерес — исследовательский…

— Так интересно, каким будет переделённый мир?

— Я договорю, да? — гость вдруг резко посерьёзнел, и девушка решила погодить с насмешками. — Не знаю, в курсе ты или нет, но я всю жизнь пытался завязать устойчивые контакты с инферналами. Раньше остальные Правители разделяли это моё увлечение от случая к случаю. А теперь, когда у меня, наконец, получилось, они проявили своё настоящее отношение… Которое привело к тому, к чему привело.

— А подробнее? — придержала его на теме Ора.

— Здесь нечего особо рассказывать. Прослышав о моих успехах, они всем миром выдвинули мне ультиматум, который фактически заключался в просьбе сесть в своём углу и не заставлять никого нервничать. А они тем временем разберутся с моими новыми друзьями, — Ресд с иронией выделил последнее слово. — То есть они практически отождествили меня с ними, инферналами. Какой у меня был выбор? Либо продолжать жизнь в предельно ограниченных условиях, либо… Я выбрал «либо». Пришёл к инферналам и предложил свою помощь в планируемых событиях в обмен на некоторый контроль за принятием ими решений.

— А ведь я тоже инфернал, — усмехнулась девушка.

Ресд покачал головой:

— Вопреки традиционной системе, я делю на инферналов и не-инферналов по уровню… разума, так скажем, пока их рядом нет. Или, скорее, зрелости. Они мало задумываются о будущем, о причинно-следственных связях. В чём-то это пересекается с теорией Альдена, инферналы по ней — это те, кто ни философ, ни романтик. На самом деле, они просто не снисходят до таких форм мышления.

— Кстати, а что с самим Альденом? — уточнила Ора. Воспоминания о тюремной камере всё ещё порождали в душе

волны гнева и возмущения.

— Жив, если тебя волнует именно это.

Девушка кивнула, задумавшись уже совершенно о другом.

— А… Маркус? Он в войне участвует?

— Общей линии держался верно, но недолго.

— Я правильно поняла, что…

— Думаю, да.

— По… понятно.

Девушка замолчала, погрузившись в мысли. Гость тоже ничего не говорил, и вскоре прогулка прервалась естественным образом: они дошли до городских ворот.

— Пойду я, наверное, — предложил Ресд.

— Ладно… Стой, а твоя лошадь?

— Я бы сейчас лучше пешком прошёлся. Под настроение. Как вернёшься во Дворец — выпусти, она сама меня найдёт.

Ора напряглась, почувствовав, что её где-то пытаются обмануть.

— Может, вернёшься за ней? А то очень странно выглядит.

— У каждого есть определённые странности, — повелитель драконов удивлённо и несколько непонимающе посмотрел правительнице в глаза: — Что-то не так? Ты передумала?

— Что передумала?

— Так ведь мы переговоры вели. Ты попросила, чтобы я лично пришёл к тебе, объяснил, в чём смысл нашего союза и что потребуется от тебя.

— О последнем я ничего не слышала, — Ора почувствовала, что начинает злиться. — И что же он потребует?

— Ничего, — Ресд развёл руками.

Некоторое время они буравили друг друга взглядами. Больше всего девушке хотелось достать меч и снести визитёру голову — это представлялось наиболее простым решением всех связанных с ним проблем и загадок. Мешали только мысли о возможных последствиях и… что-то ещё. Нежелание идти самыми простыми путями?

Разговор пришлось продолжить.

— Ты сам сказал, что что-то потребует.

— Нет, я сказал, что должен был разъяснить, что он потребует. Вот и разъясняю: ничего, — на губах Ресда не проскальзывало и тени улыбки — а жаль. Такой повод был бы… — Вернёмся немного назад, я говорил, что ищу друзей. Друзья — это когда тебе не бьют в спину. Когда не пытаются обобрать тебя до нитки. Когда приходишь к человеку поговорить, а он не спрашивает, кто ты такой и что здесь забыл. Понимаешь?

— Допустим.

— Вот. Признаю, пару недель назад обстановка была куда более накалённой, и, если бы мы установили контакт ещё тогда, я мог попросить тебя выделить часть войск. Но сейчас мы со всем справляемся, и я хочу просто удостовериться, что мы понимаем друг друга и не станем вредить в самый неподходящий момент.

— А если что-то пойдёт не так, ты опять захочешь просить войска. Да?

Повелитель драконов пожал плечами:

— Всё зависит от конкретной ситуации. Если подумать отвлечённо, такое может случиться. Но, пожалуй, только если нас понесут. То есть прямо до старой имперской границы. И… предположу, что в этом случае ты сама будешь рада объединить с нами армии: всё-таки это не какая-то междоусобица, а очередная священная война против инферналов. Которая не пройдёт мимо тебя.

— Я подумаю, — холодно оборвала его правительница.

— Буду благодарен, — Ресд кивнул. — Приятно общаться с людьми, умеющими думать.

Развернувшись, он направился к городским воротам. Неторопливо, прогулочным шагом. И — не обманулся в ожиданиях, сволочь такая.

— Во-первых, все контакты — через тебя.

Голос Ора сознательно не стала повышать, устанавливая свои рамки. Повелитель драконов их принял: молча развернулся и подошёл обратно, хотя и встал на другое место.

— Через тебя, и больше никак, — продолжила девушка, — у вас там, похоже, здоровые люди наперечёт. Во-вторых, вопрос о передаче войск не поднимается, пока я сама не скажу, что могу их отправить. И в-третьих, если от кого-то из твоих будет агрессия, я имею право ударить в ответ.

Ресд довольно улыбнулся:

— Идеально. Единственный момент: Тавис в силу объективных причин находится на восточной границе, то есть ближе всех к тебе. Честно сказать, мы тоже стараемся держать его как можно дальше. Но, надеюсь, он не настолько идиот, чтобы устраивать провокации. Если вдруг возникнут какие проблемы — сообщай мне, хорошо?

Ора кивнула.

Глава 3

Работа с огнём напоминала мне управление ещё одним, ранее неизвестным потенциалом. Весьма специфичным, надо сказать, в чём-то вызывающим ассоциации с индийской йогой. Например, перед каждым практическим занятием мы, что называется, разогревались: приводили в порядок дыхание, крутили специальные ката. Учились направлять энергию духовного огня в разные части тела, в первую очередь руки.

Для меня это оказалась самая лёгкая часть тренировки. «Почувствуйте энергию в себе!» — «Да, мастер» — «Теперь перегоните её всю в правую руку!» — «Эээ… Да, мастер» — «А теперь в левую!» — «Эээ…» — примерно так выглядел каждый «разогрев» у остальной группы. Мне базовые упражнения давались если не с первого, то со второго-третьего раза стабильно, то ли благодаря специфическому опыту, то ли ещё почему. И пусть дальше возникали затруднения, но и такая мелочь радовала: я быстрее всех остальных переходил к самому интересному, задаче вызова и контроля живого огня.

Вообще, слово «огонь» приходило в голову первым при размышлении о привычном для Общины течении жизни. Каждый формировал свой день самостоятельно, от времени просыпания включительно; единственное, чем местные «жаворонки» отличались от местных «сов», — они успевали на завтрак. Вернее, на тёплый завтрак: так он был растянут на несколько часов.

За время бодрствования требовалось успеть сделать три полезных для Общины дела. Не важно, что: помыть посуду, сходить с группой нарубить дров или принести торф, помочь какому-то мастеру. Особо ушлые разыгрывали между собой задачу следить за главным костром: вроде, работаешь, а вроде, и нет. В конце дня, незадолго до заката, всех учеников от мала до велика собирали и спрашивали результаты. Подтверждать слова мог только мастер.

Система представлялась достаточно действенной. Чем меньше ты приносил пользу Общине, тем меньше она была в тебе заинтересована. Это могло проявляться в чём угодно, от лишения обеда до запрета появляться на занятиях. Тех, на кого ничего не действовало, без лишних угрызений совести выгоняли за территорию Общины — без малого пяток километров в радиусе. Но такое, насколько я смог узнать, происходило крайне редко, последний случай — несколько лет назад.

Этот режим относился к условным выходным. Попеременно одна из групп учеников снималась и уходила в лес, подальше от

основного лагеря. Учёба занимала один полный день, практические занятия чередовались с подачей теоретического материала, по несколько часов того и другого. Следующие три дня — снова принесение непосредственной пользы, а заодно самообучение: осмысление теории либо налаживание контакта с огнём. Те, в чьих силах было усваивать знания быстрее основной массы, мог — при желании, разумеется — просить дополнительных курсов у кого-то из мастеров. Впрочем, объёмы «группового» материала позволяли количеству мастеров несмотря ни на что превышать количество жаждущих обогнать сверстников учеников.

* * *

Я шёл медленно и осторожно, стараясь поменьше хрустеть веточками и щепками, покрывавшими тропинку. Тщательно за дорогами следили только в радиусе километров двух от лагеря, всё, что находилось дальше, обычно дожидалось своих героев раз в несколько недель. Задачу мне усложняло то, что луна, и так не слишком яркая, почти не пробивалась сквозь кроны деревьев: тропинка постоянно норовила выскользнуть из-под ног и завести вглубь леса, где естественный покров отдавался воистину пушечным грохотом.

Наконец, путь закончился. Вопреки ожиданиям, на открытом пространстве оказалось не намного светлее, но границу воды различить удалось. Постояв пару минут, отдыхая от перехода — а заодно давая ушам насладиться тихим, на грани слышимости, и оттого безумно прекрасным шорохом, сопровождавшим ночную жизнь лесного озера, — я снял сандалии и пошёл по траве босиком. Насколько проще было бы с шариком-фонариком, но держать его в стабильном состоянии мне пока не удавалось.

Так, где-то в той стороне лежали мои запасы. Осталось что-нибудь на сегодня или возвращаться в лес?.. Нет, осталось. Как раз на ночь.

Раздевшись, я зашёл в воду по щиколотку. Холодно… Но терпимо. В прошлый раз, после дождя, было действительно холодно, а сейчас — так, свежо. Поёжившись от порыва ветра, двинулся вперёд. Берег тут заканчивался достаточно быстро: через метр вода дошла до колен, ещё через пару — до пояса.

Намочил руки до локтя, привыкая к температуре. Зачерпнул горсть, омыл лицо. Посмотрел наверх…

Заслонявшие весь день небо облака наконец-то начали расходиться. Медленно — но в некоторых местах, где в тёмно-

сером полотне появились прорехи, уже показались звёзды.

Здорово.

Набрав в грудь воздуха, я нырнул…

* * *

Раньше порядок действий был другим — сначала собирался костёр, потом шло плавание. На тот момент это выглядело логичным: после воды идёшь сразу греться, а не таскать дрова. Но на одном из занятий мастер научил нас фокусу, который вряд ли могли в скором времени оценить по достоинству другие ученики и от которого пришёл в восторг я. Суть его заключалась в следующем: если какой-то предмет, не относящийся к огню непосредственно, содержит его в себе, им всё равно можно управлять через контакт с этим огнём как составной частью. На практике это означало возможность дистанционно повысить температуру заготовленных дров, а затем по воздуху перетащить их к себе.

Насколько я представлял, время было около полуночи или чуть больше. Ещё раз окунуться-обсохнуть, и можно собираться.

Кот лежал, поджав под себя лапы и вяло трепыхая хвостом.

«— Развлекаешься?»

«— Ага, — улыбнулся я. — Как-то совсем свободного времени не осталось. Вот, уже с неделю не выбирался…»

«— Давай. Больше такой возможности в ближайшее время не представится».

«— Чего это?»

Я разве завалил какой-то блок обучения? Да нет… Кажется, нет. Не всё получалось вытягивать идеально, но и плохими мои результаты нельзя было назвать. Или наоборот, на меня собираются возложить какие-то новые обязанности?

«— Размяк ты, Маркус, — в глазах и голосе кота ощущалась ирония. — Пора бы уже собираться и двигаться дальше».

«— Как это? Куда собираться? Обучение же только началось! Меньше месяца прошло!»

«— А ты хотел остаться на ближайшие лет пять?»

Пять лет, — ухнуло в голове. Пять лет.

Я повзрослею. Стану совершенно другим человеком. За пять лет может масса всего произойти. Огромный срок.

Но я бессмертен. И пятилетних отрезков может быть сколько угодно — мне ничего не грозит, если не нарываться на неприятности. Живи, сколько хочешь, здесь или где угодно, за изучением магии стихий или за чем взбредёт в голову.

Из мыслей меня вырвали пульсирующие огни кошачьих глаз. Не давая оторваться, они с каждым новым импульсом занимали всё больше пространства — пока не осталось ничего, кроме огненной бездны, в которую я и полетел…

«— Всё может произойти гораздо быстрее».

Из ослепительной алой вспышки мир возник снова.

Понятия угол зрения не существовало: с тысячи позиций одновременно я смотрел на пылающий город. С разных точек, со всех его концов — идеальная апокалипсическая картина. Именно картина, потому как ни звуки, ни запахи не воспринимались. Сконцентрировавшись, я понял, что и дым как будто бы ненастоящий, нарисованный: густой, чёрный, но совершенно не едкий и ничего не скрывающий.

Затем пришло понимание — это не мой взгляд, я вижу через стихию.

Господи, да это же Рим!

Когда-то ослепительно белый, теперь он был узнаваем только по остаткам архитектуры. Тут и там на земле лежали почерневшие столбы смутно узнаваемых форм, вокруг обрушившихся особняков пылали, разгоняя ночной мрак, огромные факелы устоявших деревьев из зелёных оград, а вдали…

Усилием воли я переместился к нужной точке обзора — и остолбенел, наткнувшись на тех, кто устроил этот кошмар: за гибелью Рима с довольными ухмылками наблюдали Плеть и Тавис, стоявшие на вершине недавно возведённой башни. Предсказуемо чёрная, сливающаяся с окружающим фоном, она появилась в центре главной площади, похожая на вынесенную из земли скалу. Рядом с инферналами, что характерно, пламени не было — я наблюдал за ними от ближайшего источника, с находящейся на той же высоте площадки дворца, сейчас больше похожего на извергающийся вулкан: откуда-то сверху на него лились бесконечные потоки то ли напалма, то ли и впрямь лавы.

Ломать не строить, да, твари?

Новая вспышка — и я переместился.

Количество «глаз» резко сократилось до одного; находясь не в самом подходящем для исследований расположении духа, я всё же отследил на автомате доселе непредставимые ощущения.

Прямо передо мной, точнее, перед камином сидел на корточках Альден и с перекошенным от злости лицом швырял в огонь бумаги. На удивление, у меня получилось разглядеть их: они будто не истлевали, а наоборот, расцветали красками и так отпечатывались в памяти. Это были предположительные планы обороны крепости, по всей видимости — бесполезные.

Закончив с уничтожением черновиков, император вернулся за стол. Подпёр рукой голову, задумался о чём-то. Постучал карандашом по лежавшему перед ним листу, но озарения не получил.

Третья вспышка вернула меня обратно, в два этапа. Сначала я появился над костром, уже со своим собственным сознанием, но по-прежнему без тела — оно сидело на земле подо мной, застывшее в неестественно прямой позе, словно испустивший дух во время медитации лама. А в следующее мгновение меня вбило в него, другого слова и не подобрать.

Минуты две ушло на то чтобы отдышаться и справиться с чувствами. Самое интересное, контакт с огнём за это время не прервался, хотя раньше достаточно было на полминуты ослабить концентрацию.

Кот больше не бил хвостом и чуть опустил голову. Теперь он выглядел больше задумчивым, чем каким-либо ещё.

«— Это произошло из-за меня?» — задал я главный вопрос.

«— Нет, ты ничего не мог с этим поделать. Но от тебя зависит, что произойдёт дальше».

«— Что именно? Что вообще от меня зависит?»

«— Для начала — ты можешь подняться и пойти дальше, вместо того чтобы ждать у моря погоды».

Я качнул головой:

«— Не понимаю. Если обучение не имеет смысла, зачем вообще нужно было приходить сюда?»

«— Смысл есть во всём. Когда ты только пришёл, от тебя требовалось сделать усилие и остановиться. Сейчас — наоборот».

«— Да уж…»

«— Чего ты боишься?» — поинтересовался огонь.

«— Разговора с главой Общины, — признался я. — Это будет цирк».

«— Ты же не думаешь, что, с учётом всех обстоятельств, он рискнёт остановить тебя?»

«— Но ты ведь часть меня. Не самостоятельная стихия. Разве твои указания обязательны для него?» — во мне проснулись категории мышления, не напоминавшие о себе целый месяц.

«— Решай проблемы по мере их поступления».

«— Ну… ладно. У меня есть время ещё раз искупаться?»

«— Определённо».

Перед разрывом контакта я успел почувствовать волну одобрения — как будто тёплый ветерок прошёл по щеке.

* * *

Первой «внешней» мыслью, пришедшей в голову Альдена после отвлечения от раздумий, стало — какого черта солдат держат прикреплёнными к старым постам, по плану мирного времени, когда им давно можно было найти лучшее применение?

Понимание, что внутреннюю охрану резиденции убрали недели три назад, тогда же всех распределяли по новым воинским формированиям, и вообще ожидавший его перед покоями человек носил знаки отличия гражданской, а не военной службы, пришло уже после того как тот поспешно доложил:

— Император, послание от сенатора Нармиза.

— Давай. — Распечатав и сразу бегло просмотрев письмо, Альден кивнул: — Свободен.

Войдя в покои и захлопнув дверь, он проглядел лист ещё раз, более внимательно. Отвлёкся от мыслей, выругался сквозь зубы, перечитал в третий. Отвлёкся, выругался громче… упаковал обратно, запустил конверт в сторону рабочего стола — и сполз по двери на пол.

Голова не работала совершенно. Точнее, как это часто бывает, работала, но в каком-то совершенно ином направлении относительно желаемого, и именно в том, из которого нельзя извлечь никакой реальной пользы. И дело здесь было не в физической усталости — телесный потенциал держал хорошо, — а в моральной. Справиться с которой не мог ни один из известных потенциалов…

Закрыв глаза, Альден постарался расслабиться. Сконцентрировался на ощущениях, поступающих от органов чувств, чтобы прекратить внутренний разговор.

Через незакрытое окно в комнату проникал шум улицы, не останавливаемый ни тяжёлыми шторами, ни расстоянием до его источника; несмотря на приближающийся вечер, глотки рвали все кто могли. Ржание коней, мычание быков, мешанина звуков, издаваемых мелкой домашней живностью, крики торговцев. Пробивался даже голос зазывалы, рекламировавшего местный театр.

Куда там это окно выходит, на юго-запад, кажется? То есть это на ближайшем рынке так орут? Ничего себе…

Беженцев из Рима закончили расселять совсем недавно, первое время ими были заполнены все площади в городе, благо ночи тёплые и можно ночевать под открытым небом. Но местных, похоже, увиденное нисколько не проняло, как жили, так и живут. Всего-то представить себя на месте кого-то из пострадавших от войны, задуматься о насущном — но нет.

Внутри нарастало одно из самых странных для Альдена чувств, раздражение на собственных людей. Чертовы инферналы

в нескольких километрах от городской стены, а им хоть бы что! Торгаши, одно слово. Привыкли к войнам, надеются на крепость стен и силу их защитников. Нормальные люди давно бы уже разъехались по подконтрольным провинциям, наверняка у каждого не по одной вилле. Собрали бы самое ценное и… и… да хоть как-нибудь логично действовали бы. Для кого вообще комендантский час ввели?..

Альден усмехнулся.

Действительно, в нынешнем состоянии лучше сидеть безвылазно в штабе, где всегда можно найти работу. Иначе есть вероятность сорваться на кого-то помимо инферналов, которые проверят оборону на прочность стабильно раз в пару дней, по всем правилам ведения здешних осад. А отдых… Ну, что отдых.

Врёт он всё, конечно. Бессовестно врёт самому себе: на инферналах сейчас не особо оторвёшься. Подготовил оборону, подлатал укрепления Юстиции, проверил связки, охраняющие стены, создал тысячу-другую бойцов взамен убитых, и встречаешь со всем этим врага, держа руку на пульсе. Чуть что показалось странным — проверяешь, чтобы потом не получить неприятный сюрприз. Как отбил атаку, связался с командованием на территориях, создал ещё сотню-две тысяч солдат по линии фронта и ждёшь докладов, что там происходит. Какой там срыв, это даже выбросом живых эмоций можно назвать с натяжкой.

Была бы возможность, устроил сражение в поле. Без крепостей, без заготовок. Армия на армию, потенциал на потенциал. Правители и инферналы… Немного больше потенциала, немного меньше ответственности — и сорвался бы по-настоящему…

Додумать он себе не дал. Поднялся, дошёл до кровати, рухнул на неё, поверх покрывала и не раздеваясь. Дотянулся до телесного потенциала — и отрубил сознание. Грубый метод, зато гарантированно без снов.

* * *

Просыпание было похожим. Раз — и включился огонёк разума, так просто, словно электрический. С полминуты понадобилось на то, чтобы лампочка нагрелась: осознание себя, пространства вокруг, реальности всего этого.

Когда Альден на полуавтомате дошёл до двери умывальни, начали приходить воспоминания вчерашнего дня. Не слишком многочисленные и совершенно не уникальные: бумага, на которой писались донесения и приказы и чертились схемы и

карты, отличалась только размером, а генералы в условиях напряжённой обстановки не слишком-то демонстрировали различия в характерах, предпочитая оставаться столь же безэмоциональными, как и главнокомандующий. Немного выбивалось из привычного фона только внезапное решение уйти, наконец, — впервые за эту неделю — в резиденцию и немного отдохнуть.

Ну, будем считать, отдохнул. В конце концов, мозг перезагрузку сделал.

Так. Последний штурм был позавчера. Значит, следующий стоит ждать сегодня, вероятнее всего к вечеру. Хм… Оборона готова, и, если ничего особенного не произойдёт, удастся зайти к наместнику, проверить относительно невоенные дела.

Пожалуй, стоит связаться с генералами прямо отсюда: городская администрация находится в этом же здании, в соседнем крыле, а штаб через полгорода. На всех передвижениях можно сэкономить порядка получаса.

Постепенно основа графика сложилась, и мысли перешли на гораздо более мелкие вопросы. Посвежевший и вернувший к тому моменту часть эмоций, кои пока ещё нельзя было перевести в рабочий энтузиазм, Альден даже задумался о такой малозначительной вещи, как — позавтракать здесь, в администрации или по дороге в штаб? Вернувшись в комнату, он поморщился от излишнего мрака, отдёрнул штору…

В раскрытое окно ворвался прохладный ночной ветерок, радостно схватившийся за оставшиеся на лице и теле капли воды. Звёзды, щедрой горстью рассыпанные по небу, лукаво подмигнули остолбеневшему Мечтателю.

Кажется, звонить кому-либо сейчас рановато.

От неожиданности Альден забыл, что собирался делать дальше. С минуту он стоял, удивляясь шутке своего организма и размышляя, почему ни один циферблат не отложился в памяти, потом, всё ещё растерянно, побрёл в умывальню. Забрал тунику, на обратном пути снова бросил взгляд на окно. Подошёл.

Как давно он заставал ночь? Нет, заставал понятно — его график никогда не предусматривал засыпание раньше двенадцати-часа. А вот саму ночь, глубокую, без перехода? Ох, давно… Правитель улыбнулся, вспомнив вдруг бурную молодость.

Многие годы назад, поймав случайную мысль и решив её проверить, он сделал одно из самых важных открытий: в определённые моменты Нармиз неуловимо преображался. Становился чуть мягче, чуть более открытым, даже немного рассеянным. Ненадолго — если не заметить и не воспользоваться.

Стоило решиться на это, и можно было «вести» повелителя теней, направлять ход его мыслей, заставляя раскрываться всё больше и больше. А затем Нармиз, стабилизировавшись в своём особом состоянии, неожиданно срывался с места, хватал тебя за руку и тащил — куда угодно и для чего угодно, забывая про время, про дела, про все события до этого. Лететь играть в шахматы среди ночи, проектировать новую крепость, рисовать круги на полях, создавать снежные тучи в жару и пытаться устроить над дворцом соседа снегопад, собирать местную золотую молодёжь и играть в осаду чьего-нибудь особняка…

Альден каждый раз удивлялся этой черте, нетипичной для характера друга. Даже как-то заговорил с ним об этом, мол, если думать логически, то это я должен толкать тебя на всякие авантюры, а не наоборот. Нармиз возразил: «Так ты же сам меня изначально и толкаешь». С тех пор Альден стал сознательно фильтровать такие моменты, не пользуясь ими постоянно, — раз его действия отследили и фактически доверили ему свои психологические щиты, нужно относиться к этому ответственно.

Но и не отказывая себе в удовольствии использовать их в подходящее время.

Всё, решено. Надо хоть раз за прошедшие недели отдохнуть полноценно. Вдохнув свежий воздух полной грудью, Альден поразмыслил немного — и вызвал в памяти карту Юстиции. До ближайшего парка отсюда должно быть не больше пятнадцати минут ходьбы. Проверим, насколько он засиделся в своём Риме и как хорошо помнит другие города.

* * *

Мысль о том, что для романтики ночного города необходим комендантский час, показалась забавной. Альден с удовольствием взялся за неё, разворачивая дальше, ностальгируя даже не по образам, вызываемым в памяти, а по образу мышления, свободному, летящему. Не привязанному к жёсткой конкретике суровой реальности, где если не сделаешь ты, не сделает никто. Ну, нельзя, вот, по здешним правилам создать разум, копирующий тебя.

А если бы всё-таки удалось, воспользовался он этим?

Без копирования, понятно, переложить всю ответственность на абстрактных управленцев — глупость, граничащая с безумием. Но можно исхитриться: создать аппарат управления, завязанный на таких людей, которые будут знать и о Мечтателях, и обо всем, связанном с ними, и переймут полувековой опыт Альдена, чтобы

грамотно использовать войска Империи. Теоретически это возможно. Но — кем тогда станет сам Альден? Определённо, не правителем. С исчезновением обязанностей он потеряет и все права — чисто морально. Будет простым жителем собственной страны, разве что с колоссальной по своим возможностям силой. Только куда её девать-то? Проводить бессмертие в развлечениях — вот он, тот самый ад, которым его можно испугать…

Хотя чем бы такая ситуация отличалась от создания собственной копии? Если сводить вопрос к тому, хочет ли он остаться полноценным Правителем, то что ни придумывай — исходить он будет именно из желания, а не его отсутствия. И информационная копия, материализованная с колоссальным трудом, будет использоваться как уникальный советчик…

Альден с искренним удовольствием крутил в голове вопросы, которыми задаются Правители-новички, — за прошедшие с их последней актуализации годы ответы на них успели прочно забыться.

Шаги в мягких сандалиях практически не нарушали ночного спокойствия. Ветер, время от времени прогуливавшийся между ветвями дубов, высаженных в три ряда по всем центральным улицам города — между мостовой и тротуаром с каждой стороны и на разделительной полосе, — и тот шумел сильнее. Патрулей не наблюдалось, но о безопасности района беспокоиться не стоило: каждый особняк здесь обладал собственной, заказанной у понтификов защитой. Конечно, она спасёт не от любой выдумки инфернала, но от многого из того, что уже когда-либо ими применялось, — с достаточной вероятностью. Инфернальской импровизации вообще могли противостоять только Правители…

На пересечении улиц возвышались украшенные кованым орнаментом столбы с фонарями и указателями. Пробежав взглядом по последним, Альден задумался: этот поворот ему нужен или следующий? С поста посреди перекрёстка тем временем подошли дозорные, сходу занявшиеся его сканированием на предмет личины. Процедура заняла с минуту, по истечении которой император принял решение идти наугад; десятью минутами прогулки больше, десятью меньше, принципиальной разницы нет. Можно было спросить у солдат, но это ведь слишком просто.

Через некоторое время «скольжения по ассоциациям», как Правители окрестили в разговорах меж собой спокойное, размеренное и не направленное ни на что конкретно мышление ради мышления, Альден вдруг вспомнил, как во время очередной попытки перевоспитать инфернала он таскал пленённого врага по этому городу. Со связанными руками, под тотальным блоком —

война уже закончилась, и ради такого дела силу можно было потратить, — таскал любоваться на цветущие дубы. Тряс бывшего соперника за грудки, пытаясь хоть как-то пробудить в нём интерес к окружающему миру. А тот только безразлично усмехался в том смысле, что ему всё равно, какие деревья растут в мире, не принадлежащем ему. После того случая Альден пил три дня подряд: второй потому, что инфернал чуть позже откопал лазейку в блокировочной системе тюремных камер и покончил с жизнью — заколов себя ножом, на рукояти которого был выгравирован дубовый лист. А третий — потому что в трезвом состоянии Альден с Нармизом так и не пришли к единому мнению относительно романтики инферналов. Пришли ли они к нему в нетрезвом, ни один из них наутро не помнил, так что через несколько недель, дождавшись частичного восстановления потенциалов, они решили вернуться к этому моменту и раскопали забытый разговор через прямое вмешательство в память, не найдя, впрочем, никакой полезной информации.

Тогда они бросили пить почти на год — до следующей войны, в которой погиб один из их друзей-Правителей…

Три инфернала — четыре Правителя. Ора в этой войне, судя по всему, никоим образом не участвует, и Альден ставил это себе в заслугу: хоть чем-то помогла дипломатия. Ресд, впрочем, тоже себя никак не проявлял — и он обязательно ответит за это, когда всё закончится. А всё должно закончиться хорошо, несмотря на то, что девяносто процентов территории княжества и с половину империи закрыто «серыми зонами» врага, блокирующими работу систем наблюдения. История знала повороты и в более опасных ситуациях. Уж что-что, а неожиданные реванши вообще конёк истории.

Стратегия боевых действий, кстати говоря, разворачивается сейчас по плану союзников: практически все вражеские силы сконцентрированы на Юстиции, и именно битва за неё решит исход второго этапа войны. А ситуация на плацдармах так называемого осадного круга пока складывается удачно: какие бы чудеса ни вытворяли инферналы в сражениях крупных соединений, в мелких схватках им нечего противопоставить опыту Правителей.

Пока.

С приближением финального штурма и прерывания потенциалов, приуроченного к нему, бои будут проходить всё ожесточённее. Важность каждой взятой и невзятой точки на карте вырастет в десятки раз — ведь итоговый рисунок подконтрольных территорий вокруг города определит, какие возможности получат защитники крепости и какие нападающие…

Вот и парк. На воротах — пост охраны, как и положено. Тишь, благодать. Разве что боевая форма солдатских доспехов вместо стандартной, «исторической», выделялась на окружающем фоне гораздо сильнее, чем в жилых районах, но это мелочи. Самый незначительный из минусов войны. Разглядев, кто захотел побродить по пустынным тропинкам, солдаты напряглись и тоже полезли за сканерами. Пара минут проверок — и ворота открыты.

На чём он?.. Ах да, стратегия. Инферналы поступают достаточно умно: двое воюют, один копит силы и затем кого-то подменяет. Рассчитывают чуть продлить для своей стороны время и выйти в прерывание вторыми, успев провести «свободную атаку». Не получится: Правители, чётко разделив обязанности, в первую очередь используют резервы, сохраняя потенциалы на решающий штурм. Разве что Кейра, которая наблюдает за битвами армий сильно издалека, использует возможности по полной и накачивает эльфийские отряды магией так, что те едва не светятся от переизбытка энергии. Инферналы, играющие преимущественно в численность, благодаря этому несут огромные потери, отражающиеся в том числе и на линии фронта.

Альден помотал головой. Всё, стоп. Сейчас — отдых. Гулять он пошёл потому, что выпало такое настроение, а не чтобы мозги проветрились и лучше работали. Целый месяц упорного, почти круглосуточного труда стоит возможности освободиться от него на одну ночь.

Интересно, чем сейчас заняты Нармиз, Кейра, Маркус? Нармиз либо спит… Да нет, точно спит. Это же Нармиз. Тут, скорее, стоит вопрос, где конкретно он спит, у себя или прямо за рабочим столом. Родственная душа, да. Кейра — пятьдесят на пятьдесят. Она единственный из нынешних Правителей романтик и ей, несмотря ни на что, нужно чем-то компенсировать дневной труд. Хорошие люди, эти романтики: им требуется гораздо меньше усилий, чтобы изменить себе настроение. С другой стороны, философы гораздо проще меняют точку зрения.

Маркус… Наверное, он даже в сравнении с Альденом и Нармизом гораздо более рад заполнению мыслей рабочими вопросами. Бедняга, вот ведь не повезло ему ввязаться во столько событий одновременно — и государственного характера, и личного. Там близкого друга потерял, там — страну… И, главное, помочь ему ничем нельзя, как ни обидно. Со всем приходится разбираться самостоятельно. Но он жив, и это даёт надежду на вполне благополучный исход.

И вообще, дела идут хорошо. Всё к лучшему. И то, что все враги сконцентрировались на уничтожении Юстиции, и то, что у Маркуса есть потрясающая свобода действий — думать о

физическом поражении или моральном, и то, что Ресд не то что не отвечает — даже не читает письма…

Так, понятно: эмоциональный запал прошёл. Восприятие снова приняло устойчивое положение. Как там недавняя мысль была — романтикам проще менять настроение? В принципе, и философам не так уж сложно. Увы, оно так же легко возвращается на первоначальное место.

Пора домой, спать.

Внезапно сзади раздался шорох — и Правитель подлетел со скамейки, на которую только что сел. Твою мать, если дозоры пропустили…

— Ох! — послышался тихий голос со стороны деревьев. Странно. Что это за шпионы такие?

— Выйти на свет! — приказал Альден, формируя на всякий случай образ локальной заморозки.

Через несколько секунд шипения и препирательств к фонарю вышла парочка, парень лет двадцати и девушка чуть младше. В волосах и на одежде обоих виднелись запутавшиеся мелкие веточки и листья.

Защитные приспособления молчали. Первичное сканирование также не обнаружило врагов.

— Да вы вконец рехнулись, — Альдену оставалось только хлопать глазами. — Вы рехнулись!

— Мы ничего не замышляли! Просто гуляли, а потом решили… ну, отойти подальше от людей, погулять вдвоем, — парень взял переговоры на себя.

— Да мне всё равно, чем вы тут занимались! Сейчас середина ночи! Комендантский час! — голос вышел ближе к жалобному, чем к разгневанному.

— Ну… мы давно гуляем… Извините.

Морально обессилев, Правитель шлёпнулся обратно на скамейку.

— Тут война идет, а вы… Идите отсюда, пока я не!.. А, черт, вас же не пропустят… Вот! — сотворив первое, что пришло в голову для такой задачи, доверительные жетоны, которые обычно выдавались гвардейцам в случае личных поручений, Альден сунул их парню и махнул рукой: — Всё! Идите!

— Спасибо большое! Простите, мы…

— Идите, кому сказал!

Парочка поспешно убралась, перешёптываясь. Включив на всякий случай гиперсенсорику, Альден услышал: «А это правда был император?» — «Не знаю, вроде, похож» — «Ох! Чтоб ты меня ещё раз на что-то подобное уговорил…» — «Ещё скажи, что ты недовольна».

Правитель вернул обычный слух, закрыл глаза и откинулся на спинку скамейки. Произнёс во вновь опустевшую ночь:

— А у нас тут война, да. Вам не сказали? Да что вы. Очень надеемся увидеть вас и вашу супругу. Ах, вы уже составили планы… Хотите провести вечер вдвоём… Понимаю. Ну, если вдруг надумаете, милости просим.

Нервный смех удалось сдержать — однако траур был испорчен окончательно и бесповоротно.

* * *

Войдя в шатёр, я рефлекторно потянул руку к глазам — защитить от… что это, дым или пар? В любом случае, его было слишком много, чтобы воспринимать как простой элемент обстановки.

— Проходи, — послышался голос. Чуть прикрыв глаза, я пошёл на звук.

Глава Общины сидел на коленях перед большим котлом и бросал в него какие-то порошки. Котел, стоящий на голой земле, в свободном от ковров кольце, на каждую новую порцию реагировал изменением цвета кипящего варева, причём по всему спектру, не ограничиваясь одними лишь оттенками.

Плавным движением кисти мастер уменьшил огонь, перевёл взгляд на меня.

— Садись, рассказывай, — в своей обычной манере отрывисто и безэмоционально.

Сев, я вздохнул про себя: заранее придумать, как лучше сформулировать просьбу, не смог, надежды на импровизацию не оправдались, — и высказался прямо:

— Я хочу уйти из Общины.

Глаза мага чуть расширились. Затем он наоборот, прищурился.

— Удивил. В чём причина?

— Я получил послание. Во время общения с огнём. Он велел мне продолжать путь, оставив Общину.

— Вот как?

Глава Общины поднялся и медленно пошёл вокруг меня.

— Огонь. Энергия взрыва. Сила непредсказуемости. Сегодня — прячется, завтра — нападает. Был здесь, а теперь уже там…

Подобную нехитрую философию нам давали практически на каждом занятии, так что сказать мне было нечего.

— Каким ты видишь мир вокруг? Людей в нём?

Сделав пару кругов, мастер остановился, чуть наклонил

голову и упёр в меня внимательный взгляд.

— Эээ… Мир? Ну, просто вижу. В смысле, ощущаю привычными органами чувств, могу определить движение энергии в нём…

— А людей?

Я заставил себя успокоиться и посмотреть магу в глаза:

— Людей — никак. Я не дошёл до этой ступени. Пока.

Огонь. Небольшой, но это не отражает его суть. Стоит присмотреться — и становится ясно, что этот безобидный, казалось бы, лепесток пламени может уничтожить всё, что угодно. Камень за секунду накалится, а затем рассыплется в пыль. Пар от воды продержится не дольше её самой. А своенравный воздух склонится перед превосходящей силой — и, погибнув, возродится вновь как послушный слуга, вестник своего нового господина и сборщик дани.

— Понятно.

Я пришёл в себя. Глаза мастера вернули нормальный вид, единственное напоминание об огне, которое они сохранили, было простыми искорками усмешки.

— Видеть людей сквозь стихию учат на втором круге обучения. К третьему это умеют все. Однако — мне интересно, почему я не могу видеть тебя.

Хм?

— Я не…

— Если бы ты знал об этой своей особенности, это давно проявилось бы. Так что — считай это информацией к размышлению.

— Это как-то может помешать мне изучать магию огня? — решился всё же спросить я.

— Не знаю. Если бы ты остался, мы бы проверили — помешать или способствовать.

— То есть вы разрешаете мне уйти?..

— Всё в твоих руках, Маркус.

Подумав, я кивнул. Поднялся, намереваясь покинуть шатёр.

— Маркус?

— Да?

— Когда конкретно ты собираешься уходить?

— Завтра с утра.

— Я предложил бы задержаться на день.

— Ну… мне рекомендовали именно этот срок. Уйти нужно именно завтра.

— Тогда, может быть, завтра вечером? На празднике Огня некоторые ученики получат плащи мастеров, а наутро двинутся по местам будущего служения. Они могут подхватить тебя по

дороге.

— Спасибо, я подумаю.

Оказавшись снаружи, я с наслаждением вдохнул воздух — очаровательно прозрачный, без всяких примесей. Бросил взгляд в сторону площадки у главного костра, по периметру которой уже были вкопаны столбы: сейчас на них вешали большие полотна всех оттенков красного с золотой росписью. Кажется, там ещё планируются стеклянные шарики…

Прикинув время на подготовку всего необходимого, я плюнул на скромность и направился прямо к главному костру.

Кот, лежавший на спине, перекатился на бок и открыл один глаз.

«— Что за шутка была там, с его взглядом? Он на меня как-то воздействовал? Это очередной урок или что?»

«— Вся жизнь состоит из уроков, — отозвался огонь. — Об этом — можешь пока не задумываться. Как-нибудь потом поймёшь».

«— Хм… ну, ладно. А праздник? Я могу на него остаться?»

«— Оставайся, если хочешь».

«— Серьёзно? Это никак не помешает?»

Кот зевнул.

«— Если не сбавишь темп и нигде не застрянешь, не помешает».

«— Ты ведь имеешь в виду не дорогу через лес, да?»

«— Разумеется».

Я усмехнулся. Нашарил рукой прутик на земле, почесал коту ярко-рыжий живот. В ответ угли издали характерный слабый треск.

* * *

— …Да гнев вообще движущая сила!

— Ну-ну-ну, — пробормотал Плеть, взглядом, тем не менее, прося продолжить.

— Вот смотри… — Тавис, чуть покачнувшись, подошёл к столу, наполнил бокал заново и вернулся в центр комнаты. — Первопричина всех идей — желание комфорта. Материального или нематериального. Если комфорта нет — это плохо…

Плеть заворожённо наблюдал за товарищем, забывая даже прикладываться к вину.

— …Через какое-то время некомфорта становится так много, что человек начинает злиться на окружающий мир — бац! Почему это у него нет комфорта? Должен быть, а нет! А это гнев! Когда

его накапливается достаточно, человек начинает что-то делать, чтобы изменить ситуацию. Вот и получается, что…

— А которые меняют что-то сразу, как только подумали об этом?

— А! Это уже контролируемый гнев. Человек не осознаёт, что им движет, — но мы-то осознаём! Это ничем не может быть, кроме гнева. И такие, кстати, всё равно оказываются в итоге позади тех, кто даёт гневу развернуться. Это как топливо. Можно бросать понемногу, чтобы не стоять на месте, а можно — редко, но помногу. И на волне осознанного гнева уходить гораздо дальше стартовавших раньше!

— И правда, — Плеть удивлённо покачал головой. — Как-то я не задумывался об этом.

— Чтоб ты без меня делал! — по смеху Тависа легко можно было определить, что ребятам пора заканчивать пить. — Гнев — основа! Самое искреннее из всех чувств. Любовь можно скрыть, неприязнь можно скрыть, но если ты добрался до гнева — это не скроешь никогда, вот что я скажу! И вообще! Какой у тебя любимый цвет?

— Серый, — пожал плечами Плеть. Тавис недовольно выругался.

— Серый, серый… Ну, представь, что мир будет только серым! Ладно, плюс оттенки. Это что, красиво?

Повелитель нежити попытался представить себе описываемую картину.

— Ну…

— Нет, не красиво! — Тавис рубанул рукой по воздуху. — Серый — это скучно! Выходишь из Дворца — и везде одна серость! Ничего цветного!..

— А чёрный? — перебил его Плеть.

— Хм… Чёрный — это лучше. Да, это лучше!

— Но там нет оттенков…

Тавис попытался собрать расползающиеся мысли.

— Оттенки… А хрен его знает. Да я не про то! Я сейчас говорю, какой был бы крутой мир, состоящий только из красного! Красный — от слова «красота», слышал? Вот!..

— Понт засчитан. Однако гнев сопровождается таким неприятным явлением как отключение мозгов. Так что — каким бы он топливом ни был, впереди всё же оказываются те, кто использует руль.

Инферналы обернулись. Совершенно неожиданно для них в своём рабочем кабинете появился Ресд, и отнюдь не в благодушном настрое. Зато благодушный настрой явно был у Фауста, выглядывающего из-за спины лидера с саркастичной

улыбкой.

— Ну? — Ресд пересчитал мрачным взглядом количество бутылок на столе. — Ну?

Плеть попытался вспомнить, что они собирались говорить на случай экстренного завершения посиделок, но от страха все мысли вылетели из головы. Запинаясь, он кое-как произнёс:

— Мы, это… Мы пришли с отчётами, а тебя нет. Стражники сказали, что ты улетел по делам и вернёшься часа через три, не раньше. А у нас, вроде, все дела сделаны… Ну, мы и решили подождать тебя здесь, а потом…

Договорить он не успел — икнул, а затем рванулся к двери, пытаясь успеть до ближайшего туалета.

— Молодец, реакция ещё есть, — одобрил Ресд, — Бумаги не запачкал.

— Да что такого-то!.. — попытался было возмутиться Тавис, однако повелитель драконов повторил образ, и тот отправился вслед за собутыльником.

— Это ж надо так спалиться, — хмыкнул Фауст, проходя вперёд и осматривая поверхность стола — нет ли каких следов от стаканов или пролитого, а заодно ненавязчиво читая лежащие наверху документы.

— Моя воля — я бы тебя одного тут оставил. Но не выдержишь, увы, — сев в своё кресло, Ресд щелчком пальцев убрал всё напоминавшее о проходившей пьянке.

Через несколько минут вернулись провинившиеся, во всех смыслах, инферналы.

— Трезвые и злые. То, что нужно для осады крепости, — прокомментировал Фауст.

— Молчал бы, — процедил сквозь зубы Тавис. Вместе с алкоголем его покинула и бравада.

— Почему же? — удивился Ресд, — Он вернулся с задания, на котором не учинил ни одного косяка, а вместо того чтобы пить тренировал язвительность. Так что он в полном праве её использовать.

— Мы тоже сделали всё, что было нужно, — Плеть решил сделать ставку на раскаяние.

Повелитель драконов вздохнул:

— Всё, да не всё. Впрочем, ладно, это я вам в вину не ставлю: против вас воюют опытные Правители, с огромным опытом, умеющие обращаться с энергией. Вы и не могли сделать ничего, что…

С каждой фразой инферналы закипали всё больше — лучше всего на них действовал акцент на бессилии. Даже на Фауста, который, хоть и был сейчас не при чём, знал: роли сменяются

очень легко, и не стоит так уж смеяться над проштрафившимися. Он-то и не выдержал первым.

— Ну ладно, ладно, хватит! Сейчас на штурм заступаю я, так что наверстаем.

— Хвалю за энтузиазм, Фауст. Однако… — сделав паузу, Ресд достал из наплечной сумки пачку документов. Полистал её, ища нужные. — Обстоятельства изменились. Садитесь, читайте.

Инферналы по диагонали просмотрели сводки с обобщённой информацией от разведгрупп за последнюю неделю. Каллиграфическим почерком в ровных, по линейке таблицах значились данные по войскам противника: отслеженным и ушедшим из-под наблюдения, убитым и раненым, пехоте, кавалерии, полевой артиллерии, осадным орудиям, их примерным физическим характеристикам… Последний столбик, который канцеляристы оставили пустым, был заполнен чуть менее аккуратно — лично Ресдом. Именно здесь содержались самые важные для собравшихся сведения — оценки энергетических затрат государственного потенциала.

— Кто не понял, поясняю: имперцы тоже отследили, что прерывание потенциалов приблизилось после стычки в северном Десидериуме, и вслед за нами сократили расход чистого потенциала. Скорее всего, они продолжат силовую оборону, чтобы оставить потенциалы под конец. Вопрос: что нам в связи с этим нужно делать? Вариантов три, первый — разыграть эту ситуацию и бросить все силы на то чтобы взять Юстицию до прерывания. Второй — тоже уйти в накопление, попытаться всё-таки взять стратегически наиболее важные места вокруг неё и вложить все силы в прерывание. И третий — менять всю тактику, сдавать этот этап и переходить к следующему, какому-то другому.

— Бьём сейчас, — тут же высказался Фауст.

— Ещё мнения?

— По территориям вокруг города у нас выполнен только план-минимум, — отозвался Плеть. — Не думаю, что стоит рисковать. Этого вполне может не хватить для полноценной атаки. Лучше поднапрячься и продолжить нынешнюю линию, на штурм в прерывание.

Инферналы переглянулись между собой.

— А я не против и к новому этапу перейти, — скучным голосом произнёс Тавис.

— Не сомневался в тебе. Впрочем, каждый всё равно выбрал свой вариант. Объявляю правильный ответ. Если над ближним кольцом вокруг города не хватает контроля, шансы на удачный штурм стремятся к нулю. Прекращение наступления до исчерпания его потенциала — хитрость, граничащая с глупостью.

А значит, напрягаемся и завоёвываем нужные участки. Считайте, что план-минимум у нас теперь тот, который раньше шёл с пометкой максимум.

Ресд покосился на вперившего в него взгляд Тависа:

— Ты что-то сказал?

— Возможно. Вообще, я много чего тебе говорил — до этого.

— Тавис, не считай себя умнее всех. Твой план я подробно разобрал, исправишь ошибки — подходи.

— Ты его просто не понял.

— А ты не понял меня. Мы квиты.

Инфернал развёл руками и откинулся на стуле. На его лице читалось «вот как разговаривать с таким идиотом?» — но, к счастью или несчастью, этого никто не заметил.

— Напомню основные моменты, — продолжил тем временем Ресд. — К нашим двум главным задачам, борьбе за территорию и подготовке к осаде, прибавилась третья — нарушение работы вражеской системы. Нужно заставить противника понести такой урон, чтобы оправление от него потребовало привлечения всех их сил, включая запасы. Тавис объяснит всем принципы рейдерских атак, если ещё не сделал этого, а в ближайший раунд заодно продемонстрирует их на практике. Фауст, продолжай экспериментировать со своими призраками, нам крайне желательно провести их, наконец, в город. Плеть, с тебя придумать что-нибудь для скрытого проникновения на территорию и разрушения коммуникаций.

— Процент? — деловито уточнил повелитель нежити.

— Шестьдесят в атаку, тридцать в защиту и десять в способности. Сила — ноль-три на куб.

— Так мало? Я ведь…

— Да, я помню последний отчёт, ты молодец. Но сейчас нам нужна именно массовость, чтобы враги не знали, в какую сторону бежать. Поэтому улучшай пехоту, а точечные удары оставь Фаусту. Кстати, после создания отправляй всех сюда, а не на фронт: чуть позже они нам пригодятся.

— Пригодятся не на фронте? — удивился Фауст.

— В ближайшие несколько дней должно подойти подкрепление из Аргентума, которое поделится некоторыми моментами из римской практики.

Инферналы загомонили.

— Да, спустя месяц боевых действий наши союзнички наконец-то смогли собрать подобие армии и отправить к нам, — Ресд усмехнулся. — Правда, там другие проблемы сейчас намечаются. Поэтому — Плеть, после создания войск отправишься в Аргентум. Разберёшься в происходящем —

действуй, как посчитаешь нужным, лишь бы город остался под контролем. Пробудешь там сколько понадобится, если что, я сам тебя выдерну.

— Может, я тоже туда отправлюсь? — вдруг предложил Тавис.

Ресд медленно повернул к нему голову. Инфернал, однако, не только не стушевался, но и снова «включил буравчик».

— А ты там что забыл?

— Если случится что-то серьёзное, он один может не справиться. А нам ведь очень важно, — Тавис выделил последние слова, — чтобы город остался под контролем.

— Не справится? С чего бы? Ты не уверен в силах Плети?

— Уверен, — Тавис не поддался на провокацию, — но если придётся действовать на скорость, он один может банально не успеть.

— А полевые действия кто вести будет? Решил сбросить всё на Фауста?

У демонолога загорелись глаза:

— А что, я за!

— Вот, и он за, — обрадовался нежданной поддержке Тавис. Хотя ещё вопрос, насколько нежданной…

— Хм, — повелитель драконов сделал вид будто задумался. — Ну, пусть так. Хотя я и после занятий по рейдерству надеялся использовать твою смекалку здесь…

Обычно он в такие моменты мысленно смеялся: до чего же этими инферналами легко управлять. У каждого имелись свои уязвимые места, а конкретно по Тавису можно было как по раскрытой книге читать поэму о людской гордыне. Самопровозглашённый серый кардинал — ну, увы, на первый план он выдвинуться не смог — обычно хватался за любую возможность утвердить свою значимость, продемонстрировать всем, как он неимоверно крут, и через это заставить всех уважать его мнение.

Но не на этот раз.

— Я вернусь, — заявил Тавис. — Помогу Плети разобраться с проблемами в городе и сразу же вернусь. Планы не пострадают.

Очень странно. Зачем ему понадобилось в Аргентум, неужели и впрямь рвётся досадить Оре? Или решил усилить своё влияние на Плеть, для чего будет неплохая возможность?

Впрочем, несколько дней его отсутствия можно обернуть в свою пользу.

— Фауст, ты действительно готов взять под свою ответственность выполнение задач в поле и ведение осады? — вкрадчиво поинтересовался Ресд.

— Ага!

— Хорошо. Пусть будет так. И… ладно, пожалуй, всё. Фауст — идеи насчёт призраков. С осадой всё по плану. Тавис — тоже всё стандартно, плюс провести инструктаж по рейдерским атакам. Когда Плеть отправит в лагерь войска, можешь полететь с ним в Аргентум. По возвращении погоняешь их и разберёшься с присланным ополчением. Плеть — идеи по массированному разрушению коммуникаций, войска и Аргентум. Всё, вечером жду доклады.

Демонолог сиял ярче всех: к нему переходило командование практически всеми задействованными в боевых действиях силами.

* * *

— Что думаешь? — поинтересовался Тавис у Плети, когда они шли к выходу из штаба по окончании совещания. Тот пожал плечами:

— Нужно было всё-таки подождать до вечера.

— Да я не о том. Ты же читал выкладку. Что думаешь по поводу текущей ситуации?

Повелитель нежити задумался. Осторожно сказал:

— Войск по-любому больше у нас. На их стороне только хорошо подготовленные укрепления, которые они используют на полную. Если как-то раскачать их позиции, а в городе вывести из строя генераторы, они потеряют все преимущества.

— Ключевое слово «если», — вздохнул Тавис. — Как ты оцениваешь наши шансы на этот вариант событий?

Снова пожимание плечами.

— Вот именно. Я тоже сильно сомневаюсь, что у нас это получится. Я тут посмотрел отчеты за месяц…

— Жесть, — оценил Плеть.

— Немного. Так вот, я их посмотрел, потом послал несколько дополнительных разведчиков, сел за карту… У нас ведь есть отличная альтернатива! Мы можем плюнуть на эту несчастную Юстицию и обойти её!

— Тогда она останется у нас в тылу, — Плеть недоумённо посмотрел на собеседника. Но — только недоумённо, искренне пытаясь понять его план.

— Нет, нет! Я не имею в виду просто взять и пройти мимо неё, так мы, естественно, потеряем всю армию. Смотри, мы сейчас разозлили имперцев тем, что взяли Рим. Если мы снимем осаду, первое, куда они двинутся, освобождать его. Так? Так. Осаду мы

можем снять в двух случаях, хорошем и плохом. Плохой — если провалим решающий штурм и атаку после прерывания. Нам по-любому придётся отойти обратно к Риму за подкреплениями, лагерь мы не удержим. А хороший — если снимем её сами, понимаешь? Мы точно так же отойдем к Риму, но при этом и сохраним потенциал, и увеличим численность войск. А пока враги будут перегруппировываться, подгонять укрепления под новую линию фронта, мы сможем распределиться по сторонам. Это беспроигрышный вариант! Сначала попытаемся окружить врага, когда он пойдёт нас преследовать, а если это не получится, пройдём по широкой дуге вглубь Империи. И либо снова возьмем в осаду Юстицию — когда там уже никого не будет, либо нападём на ещё какой-то город. По пути захватывая материальные ресурсы. И, опять же, вынудим их действовать на несколько фронтов!

Плеть кивал. Описываемая картина ему явно нравилась.

— Но главное — это ещё не всё!

— Даже так?

— Да, именно! Мы можем выиграть гораздо больше, если пойдём по более широкой дуге, на востоке по горам, а на западе — морским десантом. У нас ведь есть корабли, так? Только представь: имперские войска пытаются выбить нас из Рима, где стоит ограниченный контингент, а мы сами — за тысячу километров от них, спокойно берём эльфийские города и осаждаем Твердь! Пока они поймут, что попали в ловушку, мы уничтожим все их тылы! Как тебе? Здорово же!

— Хм… Ну, не знаю, — на этом моменте Плеть, похоже, оказался перегружен новой информацией, и процесс пошёл в обратную сторону — инфернал стал замыкаться, становясь равнодушным к идеям собеседника. Тот занервничал: привлечение к своим планам Плети было необходимым их элементом.

— Что значит «не знаю»? Ты же только что со всем соглашался! Объясни, что тебе не нравится?

— Я не знаю… Оно как-то малореально, что ли, — повелитель нежити развёл руками. — Ты так хорошо обо всём этом рассказываешь, но там наверняка полно рисков. Это ведь та самая стратегия, которую ты предлагал Ресду, да? И он за что-то её критиковал.

— Так помоги мне! Мне как раз и нужна твоя помощь. Найдём с тобой слабые места, исправим их и представим Ресду готовый вариант. От нас обоих. Ты ведь будешь вторым автором.

— Ох…

— Давай, принеси пользу обществу. Если это всё выгорит, мы

закончим войну в считанные месяцы.

— Ладно, постараюсь…

— То есть на тебя можно рассчитывать? — уточнил Тавис.

— Да, да, можно, — со вздохом сдался Плеть. Рассеянно помахал рукой на прощание, спустился с крыльца здания штаба, где они стояли, и направился в сторону воздушной площадки.

Тавис улыбнулся. Первый пункт выполнен, один единомышленник есть. Надо попробовать уговорить Фауста, но это не обязательно. В принципе, соблазнить возможными перспективами Ресда, принимающего все стратегические решения самостоятельно, можно и вдвоём — он ведь только Тавису не доверяет.

И, если всё получится…

* * *

Времени было мало. Слишком мало, на сторонний взгляд. Воспоминания нахлынули неожиданно, я совершенно не готовился к ним, но — сложилось как сложилось. Так что, поддавшись озорному желанию и поднявшись на ту древесную площадку, где лежал месяц назад в ожидании Посвящения, я торопился заново пережить и освоить всё, что было до неё. Три месяца в мире, о котором ничего не знал. Который сам нашёл меня, когда я ему понадобился.

Альден, встретивший сразу после перемещения и заставивший поверить, что зелёные просторы в пределах видимости действительно мои. Первые дни в новой роли. Первый полёт. Встреча с Орой, странной девчонкой, не знающей себя и не желающей узнавать других. С Нармизом, неприступным хранителем мировой справедливости, бессменным стражем покоя всех народов — и, в первую очередь, их правителей. Побег из римской тюрьмы. Период чередующихся эйфории и отчаяния. Прозрение, знакомство с Кейрой, мечтательницей, задача которой облагодетельствовать всех и вся.

Любовь… Или, скорее, влюблённость. Долгие метания в попытках понять, чего я хочу.

Месть за несправедливость этого мира. За подлый обман — ведь я всё-таки поверил в его идеальность. Решение нанести удар в спину тому, кто больше всех был похож на виновного… И через несколько дней закономерный провал самоубийственного плана.

Неожиданное спасение. Не менее неожиданные знакомства, которые позволили мягко войти в фазу спада и заложили фундамент для возвращения в уравновешенное состояние.

Сравнительно со всем этим становилась понятна роль Общины, оказавшейся на моём пути как будто бы случайно. А главное, первые слова огня о том, что нужно остановиться здесь. Всё верно, это было необходимо: умерить пыл, оглядеться вокруг, понять, что делаю, зачем и приближает ли оно меня к цели.

С опозданием в месяц — а может, точно в срок? — пришло понимание, что я перешёл, не заметив этого, самую важную границу из имеющихся здесь. Правители, инферналы, Одиночки, все они остались за достающими до неба горами и даже не представляли, как близки друг другу. Пускай враждуют и воюют сколько угодно в попытках доказать обратное, это ничего не решает. Я попал в узкий круг людей, знающих: время выше всего.

Недавние переживания о том, что друзья старше меня — о, ужас — на три десятка лет, теперь воспринимались как детский плач из-за упавшей соски. Как насчёт двух-трёх-пяти веков, в течение которых отстраивался Фор-Корст? Местный родник успел напоить тысячу разного рода Мечтателей до того, как Община впервые отправила к нему меня. Через саму Общину прошли сотни искателей мудрости и знаний, преодолевших южный хребет. В конце концов, дерево, на котором я лежал, та самая махина, замыслившая дотянуться до солнца и неплохо продвинувшаяся в этом деле, была когда-то семечком. Кажется смешным в своей нелепой простоте, пока не вспомнишь, что всё существующее за пределами Фор-Корста создавалось мгновенно, из мысли — и смех сразу становится нервным. Там, за горами, успели подняться, развиться и погибнуть десятки самых различных стран: королевств, республик, городов-государств, теократий и монашеских орденов — а здесь продолжало расти одно и то же дерево.

Забавно, но одновременно с ростом ощущения экзистенциальной беспомощности сама собой рассосалась более явная проблема — отпал вопрос, что я буду говорить и как взаимодействовать с местным Правителем. Мой собственный управленческий опыт, небольшой по времени, но очень практический, дал на него очевидный, в общем-то, ответ: он сам решит. Негативно удивить человека, к которому ходят на поклон уже много поколений, будет затруднительно.

* * *

Праздник Огня должен был начаться вечером, примерно через час после захода солнца: учеников третьего и выше кругов обучения мастера повели в горы проводить какой-то мудрёный

обряд, совмещённый с медитацией качественно иного уровня по сравнению с нами, низшими двумя кругами. Что-то вроде установления прямого энергетического канала с солнцем, как я понял из разговоров.

Чем темнее становилось вокруг, тем больше холоднели доски. Сначала меня спасало «раздувание внутреннего огня», полумедитативный приём, которому нас обучили не так давно, — но я, похоже, его так и не доучил. Поэтому плюнул на принципы, которых старался придерживаться всё время нахождения в Общине, и образом поднял температуру поверхности до температуры тела.

Можно было создать подстилку и потратить раза в полтора-два меньше энергии, но тогда потерялось бы ощущение живого дерева, что, в свою очередь, дало бы штраф к восприятию романтики, которое и так не являлось моей сильной стороной. А лежание на вершине дерева прямо на деревянном настиле с поочерёдным созерцанием то собственных мыслей, то неба над головой необходимый уровень как раз обеспечивало. Не то чтобы всё это и впрямь меня волновало, но об этом было хотя бы весело думать.

Я вздохнул. Ладно, надо идти вниз. Ждать, пока вернётся праздничное настроение, не вариант, эдак можно и уснуть. Стоило ради этого оставаться на лишний день?

Уже во время спуска с «башни» я понял, что не прогадал: поляна, на которой находился главный костёр, каждые пару секунд озарялась багровым светом. Кажется, там показывали какие-то фокусы.

Окружённые плотным кольцом зрителей, на возведённом недавно помосте у костра стояли старшие ученики. С их рук в небо взмывали огненные кометы, на определённой высоте резко ускорявшиеся и начинавшие крутить фигуры высшего пилотажа. Вот, одна вышла из-под контроля и столкнулась с другой. Из толпы послышались торжествующие выкрики.

Так это что, соревнование? Похоже, что да. А мастера, значит, не без дела стоят, а смотрят результаты.

Решив удостовериться, я потянулся сознанием к углям главного костра, устанавливая простейшую ментальную связь, без задействования всех органов чувств.

«— Соревнование», — подтвердила стихия.

«— А в чём суть?»

«— Кто как хорошо контролирует магию сознанием. У кого выбили больше снарядов, тот проиграл».

«— Выбили? То есть они специально за ними гоняются? Одним потоком сознания держа… — я пересчитал кометы и

разделил на количество учеников в круге, — пять штук?!»

«— А ты думал, тут только дышать и шары кидать учат?» — ментальный посыл искрился иронией.

Встав в некотором отдалении от помоста, чтобы не приходилось сильно задирать голову, я стал смотреть за развлечением магов, выглядевшим как переложение древней приставочной игрушки на проектор виртуальной реальности, параллельно разрабатывая эту мысль. Вместе со всеми поаплодировал победителю, которому один из мастеров повесил на шею праздничную медаль, а потом…

О, какие у меня, наверное, были глаза! Вот это ассоциация так ассоциация! Причём так же с отсылкой на старый мир, чего я совершенно не ожидал. На помост поднялась вторая группа учеников, половина — с музыкальными инструментами в руках. Музыканты заняли дальний край, остальные разошлись по местам в замысловатом порядке…

Фаершоу! Они действительно делали фаершоу! Никаких цепей, никакого керосина. Только маги огня и по три-четыре огненных шара на каждого, двигающихся по идеально правильным траекториям. Обалдеть.

Увы, насколько я заметил, для остальных зрителей это было лишь очередной демонстрацией контроля магии, мало у кого восторг имел эстетический характер. Оставалось надеяться на тех, кто смотрел молча, прислушиваясь к музыке. Играли ребята тоже здорово, в более мягком стиле, нежели памятные мне эльфы, но мастерство чувствовалось.

Под конец выступления маги объединили свои шары в один большой круг, подняли его на несколько метров вверх и стали «дробить» на круги меньшего размера, выраставшие наподобие лепестков. Не прекращая движения, то есть шары не выпускались из-под контроля…

Попытавшись представить математическую раскладку наблюдаемого, я восхищённо покачал головой. С одной стороны, после увиденного дико захотелось остаться в Общине и продолжить обучение. С другой, что-то подсказывало, что не завернутся у меня мозги для такого уровня оперирования магической энергией. Это не потенциал, где представил желаемое — и получил, даже расписываться не надо.

Следующий блок оказался направлен на нас, тех зрителей, которые не были влиты в компании и стояли поодиночке. А среди них, похоже, выбирали в первую очередь младших учеников. Так это было или нет, но не успел я ничего сделать как ко мне сноровисто подскочил один из массовиков в расписной праздничной шапке.

— Поучаствуй в конкурсе, не стой в стороне! — парень поставил ладони друг напротив друга, между ними возникла небольшая огненная сфера. — Занимательная магия! Поучаствуй во всех конкурсах, разгадай все секреты за один день!

Хех. Знают, чем заманивать. Ладно, чем придумывать, что ответить, проще и правда поучаствовать.

— Что надо делать?

— У меня в руках шар. В его центре висит огонёк, как от свечки. Твоя задача — потушить его, не касаясь шара.

Нет, что-то мне подсказывает, это всё-таки не для младших курсов. Плюс с высокой вероятностью здесь кроется подвох, переводящий задачу в разряд логических… Ну-ка, что он скажет на это?

Не мудрствуя лукаво, я щёлкнул пальцами, сопровождая мыслеобраз, и улыбнулся парню, который в первый момент даже не понял, что произошло. Впрочем, он тоже если и удивился, то сумел скрыть это — вокруг было достаточно темно, несмотря на постоянные всполохи.

— Хм…

— Да-да? — я усмехнулся.

— А как ты это сделал?

— Ты какого круга?

— Четвёртого, а что?

— Ну, вот в конце четвёртого и поймёшь, как.

Огневик, покачав головой — надо же, ошибся возрастом, — пошёл искать следующих участников. А я с чувством выполненного долга выбрал подходящее дерево в отдалении и уселся под ним; весело, но больше пока никого обманывать не буду, а то могут и слухи пойти.

Однако уже через пару минут надо мной раздался голос:

— Позволишь?

Рядом стоял высокий парень с откинутым капюшоном. Вьющиеся светлые волосы средней длины, улыбка на пол-лица. Возраст угадать не получилось.

— Конечно, поляна общая, — я махнул рукой.

— Но я же именно к тебе подошёл, — возразил он, садясь на землю. — Слушай, не откажи в просьбе, объясни, как ты решил ту задачку? Пытался понять, но так и не смог.

Засада. Ладно, сам виноват, теперь придётся играть до конца.

— На самом деле, он просто неправильно создал модель. Допустил логическую ошибку. Так что я просто смухлевал. А ты какого круга?

— Ошибку? Забавно. Интересно, он её найдет до конца вечера? — парень улыбнулся ещё шире. — Уже никакого. Пару

часов назад я закончил обучение и завтра покидаю Общину. — Он протянул руку: — Тивад. Мастер Огня… Теперь нужно будет привыкать.

— Маркус, первый круг. — Рука оказалась крепкой и уверенной. — Завтра тоже покидаю Общину.

Парень с интересом разглядывал меня.

— Как интересно устроен мир: искал, с кем можно будет поговорить перед отъездом, отвлечься от лишних мыслей, и нашёл тебя. Здорово, правда?

— Ага, — я тоже улыбнулся. Рядом с ним это было совершенно ненапряжно.

— А почему ты уходишь? — поинтересовался Тивад. — Или ты ненадолго?

— Надолго, насовсем. Ну… пришёл к мысли, что надо идти дальше. Буду изучать магию Огня самостоятельно.

— Бывает, — легко согласился новоиспечённый мастер.

— Тебя это не смущает?

— Пути судьбы неисповедимы, — Тивад пожал плечами. — Кто знает, к чему лежит твой путь на самом деле? Главное, вовремя реагировать на знаки и никогда не предавать себя. Чувствуешь, что нужно уходить, — значит, пришло время.

— Ммм… а как же стабильность? Есть и мимолётные желания. Например, надоело учиться — ты и бросил обучение. Хотя нужно было всего лишь какое-то время отдохнуть.

— Желания одно, чувства — другое, — совершенно серьёзно ответил маг. — Если не смешивать их, никогда не собьёшься с пути.

— О как.

Некоторое время мы сидели молча, наблюдая за выступающими на сцене и теми, кто так же как мы сидели поодаль. Обратив внимание, я заметил, что одиночных фигурок почти не осталось, практически все сбились в группки по двое-трое.

Интересно, стихийная принадлежность как-нибудь связана с чертами характера? Общительность-нелюдимость, там, спокойствие-агрессия. Каких-то более-менее устойчивых связей я пока не выявил, в Общине хватало всяких людей.

— Танцы начинаются, — сообщил Тивад. Действительно, в толпе зрителей стал расчищаться центр, а все места на периферии, которые можно было считать сидячими, тут же заняли.

На помост снова поднялись музыканты. Быстро обсудили что-то, разошлись. Флейтист дал вступление.

Площадку, выглядевшую сейчас как поле боя между двумя

воюющими армиями, ждущими, когда нападёт другая, пересёк боец из армии парней. Подошёл к понравившейся девушке, вывел в центр… Правильно, какая разница, что танцевать, главное — с кем.

— Пойдёшь туда? — поинтересовался Тивад.

— А что я там забыл?

— Это было бы логично. Ты сейчас сидишь практически один вдали от событий, думаешь о чём-то своём. Возможно, невесёлым. И можешь уравновесить это — найти кого-нибудь и потанцевать.

— А если я наоборот, сидением вдали от событий уравновешиваю своё недавнее активное участие в них?

— Может, я ошибаюсь, но ты подошёл совсем недавно. Значит, либо не особо активно участвовал, либо вообще не участвовал.

Я усмехнулся, признавая его правоту. Тивад прищурился:

— Ты забываешь одну важную вещь. Огонь — одна из четырех сил, влияющих на мир, фактически отвечающая за его движение. Пока ты один, можно жить в том ритме, какой удобен тебе, но когда сталкиваешься с окружающей действительностью, приходится приспосабливаться к ней.

— А как это связано?

— Мир находится в постоянном движении. И он изначально движется быстрее тебя. Так что чем пытаться тормозить его — проще принять правила и направить силы на достижение чего-то более полезного.

— Меня ещё ни разу не уговаривали так пойти танцевать, — честно сказал я. Маг негромко рассмеялся.

— Тогда ты сиди думай, а я пойду. Может, ещё встретимся сегодня.

«Девушка, а вы не хотите потанцевать с мастером магии Огня?»

«А с князем далёкой страны? Там начались волнения и меня свергли, но когда-нибудь я обязательно вернусь и получу обратно своё золото».

Ухмыльнувшись, я проводил взглядом Тивада. Посмотрел задумчиво в сторону танцплощадки, но переборол себя, откинулся на спину и уставился в ночное небо. Улыбка никак не хотела сходить с лица.

Глава 4

Эй, друг, в небеса поверь!
Знай, что ты отыщешь дверь,
Ту, что тебя ожидает, тайну вечности храня.
На пути твоём огонь,
Протяни к нему ладонь,
Но не пугайся ты этого великого огня.
Огонь горит, но ты не верь,
Что исчезнешь ты бесследно в нём!
Знай, что войдёшь ты в эту дверь,
Если станешь сам таким же огнём.
Эй, друг, продолжай свой путь!
Если скажет кто-нибудь,
Что ты блаженный, прости ему, что сам он без ума.
Ничего не говори,
Знай, уже ты у двери,
Ещё немного — она тебе откроется сама.
Эй, друг, оглянись вокруг!
Замкни непорочный круг,
За руки взявшись, иди вперёд с такими же, как ты.
Слово доброе скажи
Тем, кто сзади проложил
К далёким звёздам нетлеющие крепкие мосты.[3]

Начав чуть быстрее, Тивад исхитрился — подстроился под стук колёс телеги, что придало песне дополнительный колорит. Его весёлый звонкий голос под звуки гитары разносился по округе, а я думал о том, сколько бы потерял, если бы не решился просить у стихии отсрочки ухода.

— Спасибо, Арик, — кивнул Тивад парню, подыгравшему ему на флейте. — Ну, как тебе?

— Потрясающе, — улыбнулся я. — А почему я её на дне Огня не слышал?

— А вот так. На каждом празднике исполняется не больше десятка песен. Всегда разных. Соответственно, услышать какую-то конкретную песню можно не чаще чем раз в полгода. — Он подождал, пока мои глаза расширятся до нужного размера, и добавил: — Поэтому народ после каждого праздника разбивается на группы, так, чтобы музыканты распределялись равномерно, и все песни исполняются до утра по палаткам.

Я усмехнулся.

Сперва необходимость ехать до ближайшей деревни вместе с четырьмя мастерами заставила понервничать: иерархия в Общине соблюдалась строго и все они пользовались безоговорочным уважением. Но стоило выехать за пятикилометровый предел, и очень быстро выяснилось, что прежде незнакомые мне три парня и девушка ничем не отличаются от Тивада и вся разница ограничивается золотым шитьём на их балахонах и несколькими годами возраста. Капюшоны легли на плечи, голоса стали громче и веселее, а на свет появились музыкальные инструменты.

— В этом году они особенно много потеряли, — отметил Тивад. — Нас с Ариком.

— А что, больше ни флейтистов, ни гитаристов нет?

— Есть, конечно, но мы всё-таки были сыгранной парой. Кстати, к чему я вообще эту песню вспомнил?

— Ритмы, — напомнил я.

— А, точно! Так вот, самая простая аналогия к движению по огню — лестница. Но только не прямая, а загнутая вверх. Примерно понимаешь, о чём я?

— Ну да, парабола.

— Ты точно с первого круга ушёл? — удивился Тивад. — Функции только на втором начинают давать.

— Дополнительные занятия, — ответил я, сдерживая смех. — И хорошая база сельской школы.

— Надо же. У вас маг есть? Если нет, я к вам, — парень засмеялся, показывая, что шутит. — На самом деле, она не конкретно парабола, там икс…

— Не-не-не, давай лучше своими словами, — замахал руками я.

— Функциями было бы проще, ну да ладно. Я вчера рассказывал про колебания ритма жизни, от точки спада до точки подъёма и обратно. Эта синусоида… в общем, эти колебания накладываются на основной график. То есть когда ты вступаешь на путь огня, начинаешь гораздо сильнее чувствовать эти колебания — сначала привыкаешь видеть точки спада-подъёма, а затем ловить нулевые точки. Другими словами, ты подстраиваешься под ритм жизни, входишь в резонанс с его волной, и именно этот резонанс начинает поднимать тебя вверх, по той самой как-бы-параболе. Понимаешь?

— Вроде, да. Волна есть всегда, но когда я вхожу с ней в резонанс, она становится осязаемой и я могу идти по ней вверх.

— Да, правильно! — Тивад хлопнул в ладоши. — Это, по сути, и есть смысл пути огня.

— А остальные четыре круга? — улыбнулся я.

— Половина времени — практика. Другая — остальные

функции. Помнишь главную формулу?

— Э?

— Одна стихия — пустота. Две — смерть. Три — жизнь. Четыре — гармония.

— Так что, в Общине ещё и пути других стихий познают?

— Нет, пути это пути. Мы учим только основы, чтобы понимать взаимосвязь стихий. Более-менее вникаем мы только в суть воздуха — родственная стихия всё же.

— А они ещё и делятся на родственные?

— Ты даже на это не успел? — покачал головой Тивад. — Первый круг это как раз все общие знания. Основы четырёх стихий, основы энергообмена, и прочее. На втором начинается углубление: там идут движения энергий конкретно огня и воздуха и функции действий всех стихий…

— Ааа… — я слушал, открыв рот.

— Хотя да, не буду давить на больное место. В общем… О чём я? А, связи. Все стихии объединены тремя связями. Объясню на примере огня. Родственная огню стихия — воздух. Понятно почему?

— Ну… огонь поддерживается кислородом, а с помощью ветра — распространяется.

— Я всё же подумаю о вашей деревне… Да, всё так. Вторая связь — активационная. Она не такая сильная, но тоже во многом объединяет.

— Земля? — удивился я.

— Ага. А что такого?

— Не знаю. Активатор огня — земля… Как-то странно. Но меньше, чем — вода.

— Нет, всё логично. Солнце согревает землю, помогая ей плодородить. А земля выступает в роли общей материи. Огонь ведь в первую очередь поддерживается именно материей. Дрова, там…

— Газ — сюда же?

Тивад теперь смотрел на меня с неприкрытым изумлением.

— Сельская школа?

— Нет, это уже личный опыт, — я понял, что переигрываю. Похоже, мои знания в этом обществе плохо соотносились с возрастом. — Хотя и не личный, в общем-то… Просто слышал один раз историю про то, как в нашем лесу наткнулись на взрывоопасный газ.

— Хм… Традиционно — да, газ тоже относят к материи. Мастер нам говорил, что это частный случай с некоторыми особенностями, но категория та же. Вот… А, и зеркальная связь — с водой.

— То есть никакой связи?

— Нет, почему. Они работают в одной системе, но зеркальными методами. Воздух работает в другой системе, но через похожие действия. Хотя я бы сказал не похожими, а… идейно близкими, примерно так.

Я улыбнулся ассоциациям.

— Если смотреть по теории, то меньше всего нас связывает с землёй: это и другая система, и непохожий метод. Но на практике получается, что мы достаточно неплохо взаимодействуем. Там идёт что-то вроде дополнения без усиления. Я понятно объяснил?..

— Да, вполне. Спасибо.

— Было бы за что, — Тивад махнул рукой. — Я сейчас, можно сказать, прошёл экзамен по основам. Кажется, сдал. Даже шпоры не понадобились.

Мы засмеялись. Потом, вернувшись к последней фразе, я удивился:

— А вы тоже пользуетесь шпаргалками?

— Ну, обычно это сложно, но попытки постоянно бывают. Есть у нас, кстати, в Общине пара мастеров, которые перед тем как начать спрашивать плетут хитрые связки, мгновенно сжигающие все спрятанные человеком шпоры.

— Ого.

— Но пользуются они этим раз от раза, и в этом весь риск. Зато если удачно попадёшь и на тебе ничего не загорится — считай, почти сдал. Хотя был как-то скандал на эту тему. Парень садится перед мастером, здоровается. Мастер плетёт связку… Загораются штаны. Причём штаны мастера! Спор двое суток шёл, что с этим делать. Половина мастеров была за пересдачу на ужесточённых условиях, а половина — за то чтобы засчитать экзамен без вопросов. Мотивировали тем, что такой ловкач из любых проблем выберется, даже из тех, которые создал себе сам.

— А как он добрался до штанов-то?

— Никто так и не выяснил. Слухов много… Лично я считаю самой реальной версию, что тот парень подсмотрел, в какой позе обычно садится мастер, сумел ночью стащить его штаны и приклеил шпоры в нужном положении.

— Это реально?

— Не знаю. Точно могу сказать только одно: скандал по этому поводу был, я его сам застал. Нет, ещё второе: иногда можно пройти экзамен всего лишь заштопав мастеру штаны.

* * *

— Ты так и не сказал, есть ли у вас маг.

Я пожал плечами:

— Я бы не назвал его магом. Слишком старый. Если за пару лет ничего не найдёшь — милости прошу. Буду только рад.

— За пару лет-то вряд ли, — Тивад улыбнулся. — Но в любом случае рад был с тобой пообщаться. Удачи!

Подхватив мешок с вещами, он покрутил головой, вспоминая расположение дорог, и направился к одному из выходов с площади. Я сколько мог провожал его взглядом, после чего задумался о собственных вехах.

По собранной за последний месяц информации, эта деревня была устойчивым пунктом сообщения с огненной Общиной и размеры её оставались практически неизменными уже несколько поколений: приток симпатизирующих огневикам компенсировался оттоком желающих перебраться в более крупные поселения.

Существуют ли здесь действительно большие города, я не понял. Вполне могло оказаться, что нет: на мой субъективный взгляд, даже эту деревню можно было назвать городком. Несколько образующих круг улиц соединялись радиальными с центральной площадью, вдоль них стояли двух-, а кое-где и трёхэтажные деревянные дома, выдержанные в одном стиле, все дороги внутри периметра вымощены камнем. Такого и в моих собственных деревнях в лучшие времена не водилось. Впрочем, я стремился воплотить те представления, которые собрал за время школы и чтения исторических книг, а не что-то другое. Поэтому судить о нужности-ненужности жителям Фор-Корста больших городов было преждевременно.

Ладно, это всё может подождать. Сейчас надо подумать, где остановиться.

— Вы ведь хорошо здесь ориентируетесь? — обратился я к сидевшему в телеге одному из общинников.

— Что, ты уже пошёл?

— Ну да, чего ждать. Пора искать комнату.

— Тоже верно, — кивнул он. — Здесь три гостиницы, одна — вон выглядывает, но она центральная, а тебе ещё закупаться. Другие две на противоположных концах, но я рекомендовал бы ту, что на северной стороне: там и картограф недалеко, и северный выход.

— Ага, спасибо. Удачной торговли.

— Давай… Деньги-то знаешь как зарабатывать?

— Да, уже сказали, — я улыбнулся. — Объявить, что я из Общины, и начать показывать фокусы.

Общинник кивнул и переключился на подошедшего

покупателя. А я направился в указанную сторону, мурлыкая под нос услышанную в дороге песню.

Категория поселения, если и играла какую-то роль, наверняка не являлась единственным фактором; крепло ощущение, что люди здесь живут достаточно богато. Ни нищих, ни даже просто скромно одетых на улице не встречалось — все в красивых цветных костюмах незнакомых фасонов, довольные, смеющиеся. Тоже празднуют что-то своё? Да нет, местные торжества мимо внимания не прошли бы.

Выделялись из общей массы только общинники в балахонах сравнительно мрачной расцветки, но вот уж кто точно не чувствовал себя обделённым или несчастным. Попробуй тут, когда перед тобой люди на улице расступаются и почтительно кивают. В том числе передо мной, чему я очень удивлялся. Странное дело: в мной самим созданном государстве такие знаки внимания воспринимались совершенно спокойно, а здесь искренне смущаюсь.

Мои размышления были прерваны практически у цели — повернув за очередной угол, я как раз увидел впереди гостиничную вывеску. Но тут сверху раздался странный шорох, а в следующую секунду на меня обрушился водяной шквал.

— Гори-гори ясно, чтобы не погасло! — послышался детский голос, ему вторил смехом второй.

Откинув назад закрывшие глаза мокрые волосы, я увидел, как на втором этаже быстро захлопнулось окно. Хотя весёлый ржач в две детские глотки был слышен и через стекла.

На успокоение понадобилось не так уж много времени — я даже разозлиться толком не успел. Гораздо больше ушло на проработку вариантов, как бы и за себя отомстить, и дом целым оставить. Перестраховались, гады: дом достаточно длинный, и пока его обойдёшь они десять раз успеют сбежать. А стену прожигать я, само собой, не буду. Ладно, честно играть не договаривались.

Первый образ распахнул окно. После активации второго раздался уже не смех, а пронзительный визг. Причём, если мне не показалось, из соседней с окном комнаты. Нет, ребята, это только начало. Третьим образом я заставил чуть потрястись посуду в доме. И только четвёртый выдернул детей — лет восемь-десять, не старше — через окно и, спустив до моего уровня, оставил висеть в воздухе вверх ногами.

— Так-так-так, — я постарался сделать голос как можно более страшным. Но, кажется, мои потуги пропали зря: ребята были заняты борьбой с воздухом. Хорошо хоть, кричать перестали, только тихонько выли.

Чтобы осознать своё безвыходное положение, им понадобилась ещё минута. После этого они безвольно повисли, с ужасом глядя на меня.

— И что это было? — поинтересовался я. Молчание. — Ладно, перейдём к главному. Что мне с вами теперь делать? Я так понимаю, вы знали, что я маг огня?

— Ничего ты нам не сделаешь, — подал голос один из ребят, — У меня папа маг, он тебя…

— О, как интересно. — Внутренне я напрягся: всё же не самый хороший повод для знакомства. Хотя вдруг прокатит? — Раз он маг, то, думаю, достаточно ответственный человек. Где он?

— Давай, давай, иди! — мальчик задрыгал ногами, пытаясь достать меня.

— Пойду, не сомневайся. Так где он сейчас?

— Я могу вас проводить, — подал голос второй. — Но вам придётся меня отпустить.

— Ещё чего, — усмехнулся я. — Словами расскажи.

Отпускать их было невыгодно: вероятности, что к тебе подойдут с претензиями, когда ты удерживаешь кого-то силой магии, меньше, чем если ведёшь его на верёвке или в наручниках. Вариант не удерживать никак вовсе не рассматривался — я не считал себя способным взять и отвести двух детей туда, куда они не хотят. Ограничился тем, что вернул их в естественное вертикальное положение.

Скоро мы оказались у нужного дома. Виднеющаяся вдали площадь и достаточно высокая деревянная изгородь вокруг участка заставили повторно задуматься, хочу ли я опробовать свою задумку. Но отступать было поздно, и, секунду помедлив, я постучал в калитку.

— Сейчас, сейчас, — отозвался достаточно молодой мужской голос. Дети к этому моменту уже стояли на земле, но я продолжал на всякий случай держать их неподвижными.

Когда дверь открылась, стало ясно, что магу не больше тридцати. А это был именно он — светло-синий балахон не давал ошибиться.

— Здравствуйте. Я по поводу ваших детей.

— Ну, мой тут только один, — в глазах мага появилось беспокойство. Причина визита его, похоже, нисколько не удивила. — Они что-то натворили?

— Можно и так сказать. Вылили на меня… сколько там было? Ведро?

— Полведра всего, — буркнул сын мага.

— А мне кажется, ведро. Но не важно.

Глаза мага расширились: он уже сопоставил и красный

балахон, и его сухость.

— Тал, ты совсем сдурел выкидывать такое с магом огня? — тихо спросил он. Мальчик испуганно зажался.

— Но ты ведь всё равно сильнее его, пап, — пропищал он.

— Небо, за что мне это, — маг схватился за голову. — Причём тут «сильнее», это вопрос чести, понимаешь ты это?.. Так, — он взял себя в руки. — Тал — в дом, я с тобой потом разберусь. Калис — к своим. Я всё равно собирался их посетить, так что в твоих интересах первым сообщить им о случившемся. Вы… Простите, как вас?

— Маркус.

— Маркус, если я могу как-то… Поймите, он не со зла, просто возраст такой…

— Да-да, я понимаю. — Я подождал, пока дети исчезнут из поля зрения, и только потом улыбнулся: — На самом деле, это пустяк. Никаких потерь, опять же. Так что, если можно, я попросил бы… ммм… в общем, задержаться у вас, поговорить. У меня необычная ситуация, и было бы очень интересно пообщаться сейчас с магом другой стихии.

Мужчина удивлённо поднял брови:

— Вы серьёзно?

— Совершенно. Мне правда больше ничего не нужно. Надеюсь, я не сильно…

— О чём речь! — он широко улыбнулся. — Знаете, после всего, что мне пришлось пережить от его выходок… Впрочем, ладно. Заходите, заходите!

* * *

— Не так всё было, не так! — Илиас засмеялся и откинулся на спинку кресла. — Ладно, здесь мы явно не сойдёмся во мнениях. Давай я тебе вот какую загадку дам. Мир построен на взаимодействии четырёх первостихий, так?

— Ага, — кивнул я.

— А человек — его основной элемент.

— Не знаю насчёт основного… Хотя вру, это нам говорили. Да, человек считается основным элементом мира благодаря разуму и возможности прямого контакта с первоосновами.

— Попробуй теперь разложить тело человека по стихиям, — маг хитро прищурился и подпёр подбородок двумя пальцами.

— Ну, это просто. Кровь — вода, дыхание — воздух, тепло — огонь, и земля — как общая материя. Мышцы, кости, мясо, и прочее.

— Хорошо. А ты в курсе, что так же, как мир состоит из относительно мизерных элементов, человек состоит из других, более мелких частиц?

— Конечно, живые клетки, — кивнул я. Илиас улыбнулся ещё шире:

— А теперь попробуй разложить по стихиям их.

— Эээ… — я попытался вызвать в памяти школьный курс биологии. — Ну, земля — понятно. Огонь тоже. Вода… как плазма, или что у них там внутри. А воздух… Не знаю.

— Нам это на четвёртом круге загадывали, — маг воды улыбнулся. — Почти никто не разгадал сразу.

— И какой правильный ответ?

— Так тебе всё и скажи, — он рассмеялся. — Думай. Кстати, чай кончился.

— По-моему, проще принести чайник сюда. Так будет гораздо быстрее, — я усмехнулся, спровоцировав этим новую порцию таинственности.

— Ты уверен?

— Ну да, а что?

Вместо ответа Илиас поднялся с кресла, махнув завязанными в хвост русыми волосами, и ушёл на кухню. Буквально через полминуты вернулся с чайником, поставил его на стол, сел и наклонился вперёд, наблюдая за мной.

Я собрался было начинать воздействие, но вдруг понял, что просчитался: чайник оказался горячим, как будто за эти полминуты успел вскипеть.

— Ааа… А как это?

— Если честно, я удивлён: ты свободно рассуждаешь на темы высших кругов, но при этом путаешься в основах, — хмыкнул маг. — Ну, предположи хоть, в чём дело.

Основы, основы… Если снова что-то с графиками, я пас. А, стоп!

— Зеркальная связь? — догадался я.

— Точно, — Илиас довольно кивнул. — Одна система, но другой метод. Ты работаешь через увеличение внутренней энергии воды, а я — напрямую с ней.

Я хлопнул себя по лбу.

— Кстати, ты ведь что-то говорил про свою нестандартную ситуацию в Общине. Это как-то связано с твоими знаниями?

Хм…

С одной стороны, человеку, занятому в управлении деревней, будет сложнее доказать состоятельность сельской школы. А с другой, лучше говорить честно всё, что только можно, потому как если меня сейчас поймают на лжи, контакт пропадёт. Чего очень

бы не хотелось.

— Скорее, нет. Я в нужный момент пошёл искать Общину чтобы стать магом, прошёл Посвящение. А сейчас со мной вдруг вышла на связь стихия и сказала, что нужно идти дальше. Что мой путь в Общине закончен.

— Вот как? — Илиас задумчиво покрутил чашку с чаем.

— Это укладывается в вашу идеологию? — поинтересовался я.

— В смысле?

— Путь воды. Вы, наверное, знаете все основные принципы стихий?

— А, понял, о чём ты. Да, вполне. Ты в них хорошо разбираешься?

— Ммм… не сказал бы.

— Тогда объясню по-простому. Путь огня это попытка слиться с движением мировой энергии, чтобы ловить все точки накала и спада. Так? — я кивнул. — Вода же спокойна. Зачем бегать за всеми событиями, тратить силы, если можно остановиться, подумать — и выбрать те, которые нужны конкретно тебе?

— То есть не все точки имеют одинаковое значение? — уточнил я. — А как же резонанс?

— Резонанс тоже понятие относительное. Искать резонанс с миром, чтобы познать самого себя, это как минимум странно. Мы ведь сейчас не уйдём в идеологические споры, да?.. Почему нужно развиваться через весь мир? Движение мировой энергии — это совокупное движение всех его составляющих. И тебя самого в том числе. Вот и ищи в этом общем ритме подходящие тебе — и лови только их.

— Вы так красиво всё говорите, — улыбнулся я. — Я теперь даже не знаю, что меня больше привлекает, вода или огонь. В смысле, какой путь.

Илиас задумчиво посмотрел на меня:

— Не знаю, насколько это верно, но, на мой взгляд, тебе не стоит задерживаться ни в том ни в другом. Попробуй подумать о пути земли или воздуха.

— М? — я заинтересовался. — А поподробнее?

— Много про них рассказать не смогу, только то, что мне давали самому. Да, с самого начала предупреждаю: отстранись от всего, что слышал об устройстве мира с позиции огня, и всего, что сейчас говорил тебе я. Это — другая система. Настроился?

— Вроде, — я закрыл глаза для надёжности.

— Если всё рождается и умирает, то что вечно?

— Сейчас подумаю…

Честно пробившись над этим с пару минут, я сдался.

— Перемены, — улыбка Илиаса находила отражение даже в его голосе.

— Черт, логично.

— Представь, что ты собираешься поселиться в каком-нибудь отдалённом районе. Местные жители тебе говорят, что почва здесь неустойчива. Но ты уже решил обосноваться именно здесь. Что ты предпримешь?

— Построю дом покрепче, — я пожал плечами. — Если уж решил, то хоть весь свой участок бетоном залью, главное, чтобы дом стоял.

— А если землетрясение?

— Ну, остальные же как-то живут. Значит, и я выживу.

— Но они ведь могут строить лёгкие домики, которые легко поставить заново.

— Эээ… Как-то не подумал о таком варианте. Ну, не знаю. Проще один раз сделать нормально, чем каждый раз искать новые ресурсы.

Наилучшие пожелания от Русского княжества, — постучалась в голову едкая ассоциативная мысль.

— Понятно, — заключил Илиас. — Похоже, к земле ты более восприимчив. Не открывай, не открывай глаза, я сейчас про графики буду говорить.

— А может, своими словами? — осторожно предложил я.

— Вот не знаю, кому понадобится больше времени, тебе для понимания или мне для перевода, — маг отхлебнул чаю, взял паузу на раздумья. — Возьмём за основу последовательное развитие мира, безотносительно путей стихий. Обычная прямая, под небольшим градусом идущая вверх по оси времени. Вторая линия — горизонтальная, проходящая параллельно оси времени на бесконечной высоте. Планка идеального развития. Понятно?

— Ага.

— Пути стихий направлены на достижение этой планки. Разными путями и с опорой на разные системы — но она существует для всех. Отдельный человек по умолчанию следует линии мирового движения. Но — его колебания всегда сильнее, чем у массы людей, поэтому его уровень может меняться на протяжении жизни. Он то сходит с дороги, то снова встаёт на неё.

— Отклонения могут быть как вниз, так и вверх? — уточнил я.

— Слушай дальше. Система огня и воды накладывается на основной график таким образом, что колебания происходят в первой переменной. Точки резонанса — это те моменты, где человек пересекается с линией мира, он как бы цепляется за неё и держится, а она его тащит вверх. У огня таких точек гораздо

больше, но на соотношение количества-качества это не влияет. Если же резонанс отсутствует, человек останавливается, отстаёт в развитии от остальных.

— Хм… Но как может быть пересечение, если человек отстал в развитии? Или наоборот, ушёл вверх… — я задумался. — Он ведь может развиваться быстрее других, да?

— Может, это не создаёт противоречия, — согласился Илиас. — Но на практике всё зависит от количества доступных точек резонанса. Догоняющее развитие простое: ты уже знаешь, куда пошли остальные, и ускоряешься с помощью резонансов, чтобы нагнать и идти наравне. Опережающее сложнее, потому что ты оказываешься во главе мирового движения, а следовательно, резонировать становится не с чем.

— То есть мировая линия…

— Она есть всегда, в прошлом, настоящем и будущем. Твой текущий уровень соответствует одному из этих состояний, и задача состоит в недопущении отставания. Есть резонанс — всё хорошо, нет — ты сошёл с проторенной дороги.

— Вроде, ясно.

— Продолжаем?

— Ага, — я втянулся в процесс и довольно неплохо визуализировал обсуждаемое. Илиас снова сделал паузу на чай.

— Система земли и воздуха работает обратным способом. По этим путям отклонение идёт во второй переменной, линия мира, так сказать, теряет осязаемость.

— Звучит не слишком обнадёживающе.

— Зато время для них течёт по-другому: от него не отстанешь при всём желании. Выпасть из линии развития — да, можно, но из времени никогда.

— Не уверен, что понял разницу. Огонь с водой тоже ведь могут отставать в развитии?

— Отставать не есть выпадать. Когда группа идёт по заданному маршруту, а ты — за ней на десять шагов дальше, вы не идёте разными маршрутами и имеете полное взаимопонимание: тропа одна, основы для противоречий нет. Когда же вы идёте на расстоянии десяти шагов в сторону, взаимопонимания вы не имеете: ты не знаешь, куда в следующую минуту свернут они, а они — куда свернёшь ты.

— И почему вообще мы идём отдельно, — дополнил я.

— В точку. Земля и воздух гораздо сильнее связаны с миром в целом, чем с отдельными его элементами. В этом их сила и слабость.

— Так а между собой они чем различаются?

— Путь земли нацелен на стабилизацию своей линии

развития. Можно не быть лучше всех, главное, не быть хуже. У воздуха наоборот, всегда желание проверить, нельзя ли достичь финала раньше остальных. В итоге земляная линия на графике примерно повторяет мировую. А воздушная это такая змея, которая постоянно то уходит ввысь, то проваливается ниже окружающих.

— Эволюционное развитие.

— А?

Я открыл глаза. Судя по сосредоточенному лицу Илиаса, моральных сил на лекцию он явно затратил не меньше моего.

— Где-то уже видел такой график. Кажется, это называется эволюционное развитие: каждый следующий подъём и каждый следующий спад выше предыдущих, в результате чего вся система медленно, но верно прогрессирует.

— Похоже, — согласился маг. Откинулся на спинку кресла, устало потянулся. — Давно я так ни с кем не разговаривал. Слушай, ты где остановился?

— Пока нигде, — я улыбнулся. — Меня очень удачно задержали по пути к гостинице.

— Оставайся сегодня у меня? Ночные разговоры не обещаю, мне ещё поработать надо, но, по крайней мере, я буду спокоен за то, что завтра разговор продолжится.

— С огромным удовольствием.

* * *

«Какая вечность лучше?»

«В чём смысл выбора между вечностью и сроком, если не знаешь, какой будет вечность? Какую бы вечность я хотел?»

«Как будто я знаю, какие они бывают».

«А из тех, что могу представить?»

«Не знаю. Что считать вечностью?»

«Бессмертие».

«Бессрочная попытка или бесконечное количество попыток?»

«Будет ли бессрочная попытка вечностью — или же она окажется стазисом? Будет ли бесконечное число попыток вечностью — или же она поделится на бесконечность и станет ничем?»

Не выдержав, Ресд рассмеялся: всё, раз дело приняло такой оборот, в ближайшее время он точно не заснёт. А зачем тогда пытаться?

Почувствовав направленное желание, комната включила освещение — небольшое, только на центр комнаты. Правитель

поднялся, задумчиво посмотрел в сторону библиотеки. Зевнув — поморщился: да-да, организм прямо падает как хочет спать. Или это подсознательная реакция на идею почитать что-нибудь? Добраться бы до него, до этого подсознания… Но сейчас Ресд был с ним согласен.

Хотелось чего-то непонятного. Такого, чего никогда раньше не хотелось. Моральная усталость? Возможно. Хотя нервы он старательно берёг всё время с начала этой войны — понимал, какие ставки делает. Скука? В смысле, отсутствие развлечений? Не похоже. И само по себе не похоже, и нашло слишком внезапно. Пресловутое желание чего-то хотеть?

Ресд закрыл глаза. Нет, тишина…

Интуиция? Или подсознание?

И то и другое Ресд не любил одинаково: они были неконтролируемы. Ладно, не хотят вылезать, и фиг с ними. Раз не спится, нужно заняться чем-то элементарным, что не требовало бы особых усилий ни головы ни тела.

Чаю, что ли, выпить… По мысленному приказу на прикроватном столике появилась чашка. От неё сразу пошёл пар — воздух в спальне был остужен до уличной температуры. Подхватив чай, Ресд отправился в поисках вдохновения для желаний на кухню, проход к которой услужливо открыла, отъехав в сторону, одна из стен.

Двенадцать квадратных метров, обустроенных специально для таких случаев: не слишком большой обеденный стол, два стула — просто по традиции, шкаф с запасом печенья, ещё один шкаф — с посудой, газовая плита. И серые каменные стены, напоминающие о том, что место любой ностальгии — в текущей реальности, а не наоборот.

Может, приготовить что-нибудь? Ресд прислушался к себе. Нет, не хотелось. Сев на один из стульев, он предложил:

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Что тебя беспокоит, наверное.

— Хм… В данный момент — только то, что я снова начал разговаривать сам с собой.

С одной стороны, кухня стала чуть уютнее — пассаж был спланирован заранее. С другой, слова о беспокойстве прозвучали открыто.

«Нет, говорить вслух мне не нравится».

«Да как угодно, лишь бы польза была».

«Какое главное качество беспокойства?»

«Оно нерационально».

Качнувшись на стуле, Ресд дотянулся до шкафа, достал пакет

с сушками. С сомнением посмотрел на чашку.

«Грызть сухпайки, ленясь дождаться, пока чай остынет, тоже нерационально».

Он улыбнулся мысли и положил пакет рядом.

«В мире столько всего нерационального…»

«Но я же считаю себя рационалистом?»

«А как иначе».

«Без рационализма я бы не взялся за всё… то, за что взялся».

«Да, пожалуй».

Чуть погодя, добавил:

«Хотя решающий выбор делался отнюдь не на рациональной основе. Что бы я ни думал в тот момент».

«Меня беспокоит отход от плана?»

«Вряд ли. Где я и где планы… Это так, непредвиденная ситуация».

«Инферналы очень давно не приходили группами. Я не мог предугадать это. А значит, и подготовиться».

«С инферналами как корректирующим фактором вообще сложно к чему-либо готовиться».

«Я оправдываю себя?»

«Нет».

«Да».

«В чём оправдываю?..»

«В том, что растерялся?»

«Я растерялся?»

«Я не был готов».

«К чему? Приходу инферналов?»

«Нет. Началу активных действий».

«Возможно».

Мысли замолкли, перейдя в состояние белого шума. Отслеживанием ощущений Ресд последний раз по-нормальному занимался перед самой войной, так что эмоциональная реакция была неизбежна.

«А может, оказался морально не готов к началу выполнения самого плана».

«С чего бы?»

Ресд горько усмехнулся.

«Сказал бы мне кто лет… да хоть десять назад, что я буду претворять в жизнь…»

«Сомневаться нельзя».

«Хотя тогда меня, наверное, больше поразило бы, что я достиг относительного взаимопонимания с инферналами…»

«Сомневаться нельзя».

«Практически став одним из них».

«О!»

Правитель на автомате потянулся к чашке. Сравнил прошедшее время, подумал — и потянулся уже осознанно; обхватил обеими ладонями, согревая пальцы.

«Получается, я никак не могу принять мысль, что сотрудничаю с ними?»

«Что мне удаётся сотрудничать с ними?»

«Тёмные Мечтатели идут войной на светлых, светлые идут войной на тёмных. Долгое время я был посередине».

«Ничего не изменилось. Я точно так же посередине. Я преследую только свои цели. Мне не нужен передел мира, за который воюют инферналы…»

«Я — не один из них».

«Я — никто».

Ресд потянулся за сушками.

«Я оторвал себя от одной группы и не могу заставить себя присоединиться к другой».

«А оно мне надо? Я же посередине».

«Это в прежних войнах я был посередине. А в текущей ситуации я никто».

«Я не чувствую себя уверенным из-за отсутствия каких-либо гарантий успеха?»

«Сейчас ни у кого нет гарантий чего бы то ни было».

«Но все играют по старым правилам. У них есть чувство логичности происходящего».

«У меня тоже есть чувство логичности. Даже без гарантий. У меня есть направление действий».

«Первоначально оно не предусматривало появления четырёх инферналов».

«Я делаю то, что хотел. Выполняю поставленные задачи. Остальное не имеет значения».

На миг появилось желание напиться. Уединиться, закрыть все каналы связи, как когда-то, — и напиться. Сорвать все внутренние блоки и послушать мысли напрямую, без призм логики, самоконтроля и прочего…

Может?..

Нет.

Ресд продолжил перебирать варианты. Теперь уже хотелось делать хоть что-то. Иногда иллюзия деятельности требует усилий гораздо больше, чем реальная деятельность, и потому ценнее.

Есть. Есть одна привязка. Но… Повелитель драконов усмехнулся: вот оно, желание вернуться в привычное положение вещей. Как объяснить самому себе, что поговорить с Кейрой — последнее желание, которое сейчас стоит исполнять?

И это называется рациональным мышлением?

«Экстренные ситуации требуют экстренных методов».

«Не вижу связи с самой ситуацией… Так, временное умопомрачение».

«Да ла-а-адно…»

«Нет, серьезно. Просто я сейчас плохо контролирую свои желания».

Ресд посмотрел на полупустую кружку в руке. На стену перед собой. Бросить… удостовериться, что именно он контролирует процессы вокруг…

«А чего я хочу-то, бросить или не бросить?»

Черт. Обдурил сам себя.

Правитель отставил чашку, вернулся обратно в спальню. Поёжился; настроение изменилось, а вместе с ним и восприятие окружающего. Мысленными приказами согрел воздух в комнате, заодно чуть прибавил свет. Лёг на кровать.

«Нервы, нервы… Я же в самом начале вспомнил, что беспокойство нерационально. А потом стал пытаться убрать его логическими рассуждениями».

«Но ведь помогло? Беспокойства больше нет?»

Для верности Правитель с минуту прислушивался к себе.

«Нет, точно нет».

«Хорошо… Чего нет?»

«Беспокойства же».

«А что есть?»

Ресд тихо засмеялся.

* * *

Не услышав продолжения текста, Плеть вынырнул из мыслей и отложил ручку. Размял отвыкшие от письма и потому ноющие кисти, начал разминать шею.

В этот момент он и наткнулся на взгляд Ресда, который не просто так сделал перерыв, а внимательно смотрел на него.

— Что? — осторожно спросил инфернал.

— Прочитай вслух последний кусок.

Плеть снова склонился над тетрадью.

— Радиус поражения чугуниевой бомбы равен радиусу чугуниевой бомбы. Если надо накрыть квадрат, нужна квадратная чугуниевая бомба. Эээ…

— А теперь, — Ресд положил свой лист на стол, — когда мы удостоверились, что мыслями ты был довольно далеко от лекции, я хочу узнать, где именно. Что может обойти по важности

предстоящий штурм крепости высшего класса?

— Я не понял, что ты шутишь. Это ведь тоже к фортификации относится… если не задумываться.

— Вот ты и не задумывался. Не юли, отвечай на вопрос.

Инфернал вздохнул.

— В общем… я о тебе думал.

Повелитель драконов дёрнул уголком губ:

— На всякий случай: хоть я и даю вам часть необходимого для усвоения материала под запись и проверяю результаты, это не значит, что меня можно подкупить, как преподавателя в институте.

Плеть замялся.

— Не в том дело… Слушай, мы ведь друзья?

В другой ситуации Ресд насторожился бы: предложение дружбы от инфернала обычно стоило очень дорого. В плане не приобретения, а расходов; причём плату взимал через какое-то время сам инфернал. Иногда на это можно было пойти, иногда стоило воздержаться и уйти от прямого ответа.

Сейчас, с учётом всех обстоятельств, выбора не оставалось.

— Друзья, — осторожно согласился он, посерьёзнев.

— Значит, я могу спросить, что у тебя случилось?

Повелитель драконов непроизвольно прищурился — и Плеть заговорил чуть быстрее:

— В последнее время ты как-то странно ощущаешься. После возвращения со своей базы. То есть всё, в принципе, нормально, но ты… более нервный. Более мрачный. И я за тебя волнуюсь. Без тебя ведь мы ничего особо не можем, а если с тобой что-то случится…

«Без тебя мы ничего не можем, так что, если с тобой что-то случится, нам всем хана». Обширная исследовательская практика Ресда, а также опыт бытового общения с инферналами говорили о том, что ему сейчас выразили глубочайшее доверие и практически расписались в верности. В смысле непредательства, а не служения, конечно же.

И предательство, и служение умещались в головах инферналов, но находились на совершенно других местах относительно большинства людей. Первым считался удар в спину — исключительно прямой и конкретный удар. Оставить друга в опасности? Рациональность. Сдать чей-то секрет? Рациональность. Объявить войну в самый неподходящий момент? Предательство.

Второе подразумевало отказ от рациональности. Поэтому инферналов, поклявшихся служить, можно было пересчитать по пальцам. О поклявшихся и в служении и в верности Ресд даже не

слышал.

Ну, а доверие заключалось в том, что ему честно изложили свои мысли. И, хоть они и переводились на общечеловеческий как «между нами всё хорошо, но если ты не уверен в своих силах, лучше скажи сразу, чтобы я успел уйти и не погиб вместе с тобой», это всё равно было огромным личным достижением.

Впрочем, его ещё надлежало закрепить. То есть выразить ответное доверие…

— Я беспокоюсь о начавшейся войне, — негромко произнёс Ресд.

Плеть молчал, ловя каждое слово.

— Беспокоюсь о том, как всё сложилось. О том, кто на какой стороне воюет. Мне по-прежнему больно от того, что все мои бывшие друзья стали моими врагами.

На лице инфернала ничего не отразилось — но Ресд знал: он сейчас напрягся. Незваный гость в этом мире, которого сразу по приходу взяли в оборот, обманули, а затем взяли в оборот снова. Ему некому было здесь верить.

Возможно… да нет, вероятно — он и расположения командира искал только потому, что подсознательно хотел убедиться: все предают. Даже тот, кто открыл им правду про Маркуса, не потребовал ничего взамен и, более того, дал знания и поддержку в войне. Предают все, без исключений.

И Ресд не собирался разубеждать его в этом.

— Мы столько лет прожили бок о бок. Прошли столько передряг. А теперь они поставили мне ультиматум. Они были мне так близки — а я надоел им своей самобытностью. Я делал то, что они одобряли, но для них было важнее, что я делал ещё и то, что они не одобряли. Они поделили мир на чёрное и белое и решили, что я пытаюсь очернить их самих. А теперь я действительно, воюю против них. Воюю, потому что они предали моё доверие. Нашу долгую дружбу. Я… не могу принять это.

Упор на последние слова и пауза.

А когда Плеть собрался что-то сказать — закончил:

— Не могу принять, что они оставили меня. Я остался один на той стороне, на которой мы раньше стояли вместе. И теперь я буду воевать — потому что должен. Я знаю, что это неправильно. Наверное, ощущение неправильности будет душить меня до последнего дня этой войны. Но — я буду воевать, потому что это они выбрали другую сторону. И это они должны расплатиться за всё случившееся.

Ресд опустил голову, наполовину по собственному желанию, наполовину для эффекта, и вдруг заметил, что руки подрагивают.

— Я… — промямлил Плеть, — извини… не нужно было

тебя…

— Всё нормально. Когда-то я должен был сказать… А раз это услышал ты, а не кто-то другой, значит, ты и оказался подходящим для этого человеком. Хотя остаток лекции мы и впрямь отложим на следующий раз.

Быстро, но без суетливости собрав свои бумаги, повелитель драконов не оглядываясь вышел из комнаты.

* * *

— А, ты здесь!

От неожиданности Плеть дёрнулся, и документ украсила размашистая черта поперёк листа. Ресд хмыкнул.

— Пошли, прогуляемся, раз вернулся.

— Так я только за Тависом…

— Да пошли, не убежит он от тебя.

— А отчёт?

— Хорошая попытка, но нет. Потом напишешь, я всё равно не ждал его раньше следующего собрания.

Пожав плечами, Плеть щелчком пальцев убрал помарку, сложил бумаги в стопку и вылез из-за стола. Командир довольно кивнул:

— Хоть тебя приучил работать с канцелярией. Фауст более-менее, а вот Тавис не знаю, чем в своём кабинете занимается. Если бы не левитация предметов и не лечебные подзатыльники, мне там вообще нечего было бы делать.

— Интересно, — заметил инфернал. — Он мне ничего не рассказывал.

— Ага, будет он рассказывать про свои выговоры. Это же Тавис.

— Выговоры?

— Устные. — Подумав, Ресд усмехнулся: — Впрочем, может, и стоит завести на вас личные дела. Специально для Тависа. Буду жаловаться в них самому себе на ваши залёты.

За пару дней, прошедших с их первого доверительного разговора, повелитель драконов не только вернулся в прежнее эмоциональное состояние, но и как будто даже перешагнул его в обратную сторону. По крайней мере, таким он виделся Плети.

Инфернал не знал этого точно, но было похоже, что он умудрился стать первым, с кем у их лидера сложились сколько-нибудь устойчивые отношения. Эта мысль выглядела странной: а как же гораздо более активный в плане личного общения Фауст? И упрямо идущий к намеченным целям Тавис? Плеть если что и

делал, то лишь выполнял поступающие указания и не думал исключительно о себе. Неужели этого достаточно для начала дружбы?

Выйдя из здания штаба, они не спеша направились к воздушной площадке.

Несмотря на ранний час, лагерь кипел жизнью — на две трети своих составляющих. К нежити это было малоприменимо: и собственно из-за её сути, и потому, что она вела себя одинаково пассивно днём и ночью. Если только не объявлялась боевая готовность.

— А ты не лишён жилки практичности, — вдруг сказал повелитель драконов.

— Э?..

— Нежить нежитью, но ты, по крайней мере, не стал впадать в крайности и воспроизводить полную её физиологию.

— Всё равно не понял.

— Спасибо, говорю, что от неё не воняет.

Ресд взглянул на собеседника — и улыбнулся:

— Я не шучу. Была у нас пара войн, в которые войска приходилось дополнительно снабжать медикаментами. Точнее, мне приходилось — у имперцев-то химзащита всегда наготове. А представь, как себя чувствует обычный неприспособленный дракон, пикирующий на врага и получающий кусок мертвечины в пасть.

Плеть усмехнулся:

— Зато потом можно делать сочетание ковровой бомбардировки и психической атаки.

Представив подобное слишком уж живо, Ресд хохотнул. Инфернал тоже был доволен: таким командира мог наблюдать только он.

— Да, не думал, что стану смеяться над такими вещами. Слушай, а с чего тебе вдруг нежить понравилась? Это же ненормально, тебе не кажется?

— Ну-у-у… На самом деле, после компьютерной игрушки пошло, — признался Плеть. — Это была самая сильная раса.

— Нежить — раса?

— В смысле…

— Да ладно, я понял. — Ресд вздохнул. — Странные всё-таки люди пошли. Вон, один потерянную в истории страну решил возродить, другая сказочных существ наплодила. А тут — нежить, самая сильная раса…

— Да нафиг эти эльфы нужны, — махнул рукой инфернал, — надоели. Как на ролёвку ни приедешь, постоянно дисбаланс в пользу светлых.

— А, то есть у вас ещё и идеология есть? — заинтересовался Ресд. — Ну-ка, расскажи мне, что есть свет и что есть тьма.

— Ничего себе вопросы.

— По-моему, логичные. Давай, мне действительно интересно.

— Свет это все хорошие. То есть не важно, насколько они на самом деле хорошие, они просто любят ставить себя выше других, так как считают себя лучше. А тьма — наоборот.

— Наоборот?

— Они, как минимум, не отрицают, что они плохие…

— А как максимум — стремятся быть ещё хуже?

— Не то, чтобы стремятся… Нет, не стремятся. Это просто романтика такая, — инфернал смутился от обстоятельных расспросов.

— Романтика — быть плохим? Потому что таких любят девушки?

Плеть укоризненно посмотрел в ответ. Ресд снова хохотнул.

— Мне правда интересно, как вы себе всё это представляете. А среди тёмных есть красивые девушки?

— Да ладно тебе.

Повелитель драконов усмехнулся.

— Не знаю, как в ваших условиях, а здесь девчонки как-то не особо к плохим ребятам тянутся. Наоборот, всё уничтожить норовят.

— Но ты-то живой, — удивился Плеть. Это было первое, что пришло в голову, но Ресд, кажется, всерьёз задумался.

— Так я и не позиционирую себя как тёмного.

— Разве?

— Ну да. Именно потому, что даже я вряд ли бы выжил в этом случае. Собственно, вся нынешняя заварушка и началась с того, что меня записали в тёмные насильно.

Воздушная площадка находилась в зоне расположения отрядов Тависа, на холме в центре лагеря. В самом начале тот лично выбил разрешение обустроиться именно в этом месте и даже бровью не повёл, когда через несколько дней оказалось, что самих «ангелов» площадка нисколько не интересует, а для взлётов они используют обрыв рядом. Никто так и не смог выяснить, специально он провёл этот манёвр или же сам промахнулся, однако Ресд всё равно отыгрался — при полной поддержке остальных инферналов, — именно на этом холме поставив авиа- и разведзащиту.

Выглядела она как огромный круг зеркал в человеческий рост, светившихся сиреневым с частыми белыми всполохами. Работая неочевидным образом, эти приспособления также имели плюсом относительно небольшую «стоимость» — в два раза

меньше полного щита вокруг лагеря. Махнув рукой в сторону воздушки, Ресд прикрыл рукой глаза и прошёл мимо ближайшего «зеркала».

— А что, мы куда-то летим? — удивился Плеть.

— Ага. Хочу показать кое-что.

Ого, внеочередная порция приключений! Инфернал на автомате ускорился, но, вспомнив инструкции, остановился и мысленно связался с энергоцентром лагеря. Сначала непосредственные обязанности, потом всё остальное, иначе командир расстроится.

* * *

Когда впереди показались руины Рима, повелитель драконов не смог сдержать торжествующей улыбки. С той битвы он не появлялся здесь, да и тогда находился не на поле боя, а в лагере, руководя действиями инферналов. И, надо сказать, отсюда, со стороны равнин и с горами в качестве заднего плана, вид был гораздо лучше.

Плеть же наоборот, выглядел подавленным. Несмотря на то, что он вместе с остальными занимался уничтожением внутренней части города, в его глазах сейчас читалась только грусть.

— Не переживай, вы молодцы! — крикнул Ресд.

— А?

— Такую крепость взяли! Можешь гордиться!

Инфернал поморщился и крепче вцепился в поводья крылатого коня. Ресд покачал головой: ненормальная реакция, надо будет понаблюдать за ним.

Приземлились они совсем рядом с главной площадью — улицы были в ужасном состоянии, и проход через них отнял бы слишком много времени.

Дворец хоть и не лежал грудой развалин, но мало чем напоминал о своём былом величии. По крайней мере, снаружи: повелитель драконов прежде участвовал в осадах столиц и знал, что полное уничтожение центра власти Правителя требует такого напряжения сил, что надеяться на гарантированный результат бессмысленно. Балконы, башенки и прочие уязвимые элементы, конечно, страдают — но в покоях, буде таково желание их хозяина, ни одно перекрытие не рухнет.

Желание у Альдена, думается, имелось. Потому-то они и прибыли.

— Мы ведь не пойдём… туда? — уточнил Плеть.

Первый и последний раз после взятия города во Дворец

заходили именно его скелеты — для проверки, соответствуют ли опасения Ресда действительности. Когда отряд без единого сигнала о найденных ловушках в одно мгновение пропал со всех карт, инфернал на несколько часов спал с лица: материализуя самые необычные вещи движением руки, тяжело осознать, что так же легко они могут исчезнуть. И не только они, но и ты сам. И никто даже не узнает, что с тобой случилось.

— Не пойдём, — успокоил его повелитель драконов. — Но нужный нам предмет хранится именно там. Его надо достать.

— Ты сможешь? Каким образом?

— Самый простой способ — найти. Хотя я не уверен.

Раскинув руки и закрыв глаза, Ресд сконцетрировался и начал формировать образ. Закончив, глубоко вздохнул и медленно свёл руки, сложив ладони лодочкой. Но…

— Да, он там. Была некоторая вероятность, что он находится не в самом Дворце, а где-то в городе, но нет.

Он снова закрыл глаза, на этот раз скрестив руки на груди. Через пару минут — открыл.

— Ну как? — с интересом спросил Плеть. — Не пробил?

— Я думал. Пробивать сейчас буду.

Ресд закрыл глаза в третий раз. Инфернал терпеливо ждал.

Минута. Две. Три. Повелитель драконов улыбнулся:

— Надо же. Спросить бы его, что там за защита, да только теперь не получится.

— Альдена? А что, не скажет?

— На всякий случай, напоминаю: мы в состоянии войны, причём не в фигуральном смысле.

Стоять было скучно, так что через пару минут Плеть не удержался:

— Война это понятно, но когда-нибудь она закончится. Что-то же будет потом?

Улыбка на лице Ресда расширилась:

— Заботишься о моих отношениях?

— Ну… не совсем. Скорее, меня волнует… послевоенное устройство.

— Это Тависа волнует послевоенное устройство. Не отпирайся, ты уже прокололся.

После небольшой паузы инфернал признал:

— Да, забочусь. Мы же друзья.

— Это да… Плеть, как ты думаешь, почему я изо всех сил скрываю своё участие в войне?

Недоумение. Через несколько секунд — вспышка понимания. Пугающего, обидного… и неправильного — Плеть сам это тут же понял. Замешательство, новое раздумье. И, наконец, верная

догадка.

— Молчишь, — произнёс Ресд в этот момент. Глаза его по-прежнему были закрыты, но картина происходящего во всех подробностях разворачивалась перед внутренним зрением. В некоторых аспектах он успел изучить ход мыслей товарища. Контролировать же ситуацию в целом помогал слух и связанное с ним «дополнительное аппаратное обеспечение»: дыхание инфернала, единственный источник звуков на площади, давало достаточно данных для полноценного анализа. — Ладно, я скажу сам. Каждый разговор имеет очерёдность действий. Сначала говорит один, потом другой. За его пределами очерёдности, как правило, нет. Это свободное время, которое каждый может использовать так, как ему хочется. Одно зависит от другого: начало разговора определяется тем, что люди делали до него, а действия в свободное время зависят от итога прошедшего разговора. Понимаешь?

— Да.

— Ты… в курсе ситуации между мной и другими Правителями. Ты в курсе, чего я хочу и в каком виде. Теперь — сопряги это с последовательностью действий, о которой я сказал, и получишь правильный ответ. Альден не должен узнать, что я воюю против него, до нашего с ним разговора. Я скажу ему обо всём сразу, вмещу всё в минимальный временной отрезок — чтобы он осознал все факты разом. Понимаешь?

— Да… То есть ваши дальнейшие отношения будут зависеть от того, осознает он или нет?

— Нет, Плеть, ты всё-таки не понял. — Ресд выдержал паузу. — Впрочем, ладно, раз уж начал говорить, то закончу. Это слишком рискованный план, чтобы я мог строить свои действия в зависимости от его результата. Поэтому я просто не оставил самому себе выбора. Не будет никаких отношений, понимаешь? В любом случае не будет.

Инфернал не ответил, но это и не требовалось.

Запустив давно подготовленный образ, Ресд свёл руки — и поймал стопку небольших листков.

— Получилось.

— Фотографии? — удивился Плеть. В голосе его открыто читалась радость, сразу от всего: и от возможности переключить внимание, и от окончания ожидания, и от предвкушения удовольствия.

— Ага. Не оригиналы, но по факту то же самое. Правительская коллекция, самые яркие моменты нашего общения.

Не мудрствуя лукаво, Ресд дошёл до развалин ближайшего

дома, смахнул грязь с более-менее горизонтально лежащей гранитной плиты и начал раскладывать трофеи.

Инфернал во все глаза рассматривал людей, с которыми вёл войну на уничтожение, но которых ещё ни разу не встречал и вообще не представлял вне этого противостояния.

— Стратегические шахматы, — прокомментировал повелитель драконов. — Хм, а с чьей стороны вид… Так, Альден и Кейра ушли играть. Нет, наверное, всё же Нармиз. Забавно. Когда они ушли, мы с ним вдруг решили вспомнить старое и сели играть в обычные.

— Кто выиграл? — поинтересовался Плеть. На картинке Ресд и Нармиз, склонившиеся с одинаково сосредоточёнными лицами над столиком с шахматами, сидели на диванах посреди зелёного луга.

— Никто. На середине игры мы запутались в правилах и бросили, чтобы не ругаться. О, это один из балов в Лентане, эльфийской столице. Отлично характеризует Альдена: видишь, я, Нармиз и Дориан стоим разговариваем, а Альден — в кругу эльфиек. Вот, это уже делал я. Как его звали-то… Ладно, не суть. В общем, парень попал сюда не слишком давно, не успел ни к чему привыкнуть нормально. Был просто помешан на лошадях, перед переходом сколько-то там лет отработал на конюшне. И вот, прилетает он в первый раз ко мне — и останавливается около гвардейца. Дальше не идёт. Спрашиваю, что случилось, он мне: «да я хочу понять разницу между психологией лошади и психологией дракона».

Плеть засмеялся. На фотографии был запечатлён именно этот момент: молодой Правитель в роскошной мантии стоял напротив прямоходящего дракона в кольчужной защите в полтора раза выше ростом, упрямо смотрел ему в глаза снизу вверх и пытался чувствовать себя так же уверенно, как перед обычной лошадью. При этом у самого дракона в глазах ясно читалась ирония.

— Шашлыки. Тоже забавное зрелище.

— Это вы чем кидаетесь? — удивился инфернал.

— Углями, — усмехнулся Ресд. — Нас Альден как-то вытащил на шашлыки в южные леса, мол, давайте вспомним, как оно там, в старом мире было… Посидели неплохо, но развлечения, как видишь, остались обычными.

— А чего не шишками-то?..

— Неинтересно, — пожал плечами повелитель драконов.

Больше половины фотографий отражали именно такие, фарсовые или просто памятные моменты. На трети были пейзажи, судя по композициям — снимки делали всего два или три человека. Бескрайние поля юга Новой Римской империи,

холмистая местность её севера, густые леса эльфов, туманные горы Гирста, сумрачные утёсы с замками Братства. Отдельно — города каждой нации: парк с легко угадывающимися римскими постройками на заднем плане, так же с первого взгляда идентифицирующиеся дома на деревьях, вид издали какого-то города, состоящего сплошь из башен-игл, пара морских городов, один — полностью плавучий, а другой — держащийся на нескольких циклопических дугах, между которыми и строились дома. В коллекцию попали даже несколько крепостей инфернал, узнаваемых чаще всего по сражениям, ведущимся у их стен.

Оба Мечтателя по мере просмотра фотографий всё больше уходили в мысли. Плеть, кажется, всерьёз проникся и теперь пытался ощутить всё, что мог понять. Ресд же, повесив на лицо печальную улыбку, думал о том, сколько дней он предпочёл бы не видеть своих товарищей и не стоит ли дополнительно проконтролировать вояж Плети и Тависа в Аргентум.

— Ну как? — спросил он, когда стопку начали пересматривать в третий раз.

— Здорово! Правда, спасибо, что поделился.

— Да на здоровье, — Ресд улыбнулся. — Надо же с кем-то. Хочешь взять их себе?

— Можно? — обрадовался инфернал.

— Бери, бери, я ещё наделаю. Ты здесь сколько собираешься быть?

— Как это? — не понял Плеть. — А ты улетаешь, что ли?

— Ну да, дела проверил, достопримечательность тебе показал, можно и к себе вернуться.

Повелитель нежити внимательно посмотрел ему в глаза:

— Всё в порядке?

— В полном, — Ресд хлопнул его по плечу. — Так что, сколько?

— Не знаю… Тоже, наверное, полечу тогда.

— Давай. И про отчёт не забудь: я передумал, он мне нужен до вашего отлёта в Аргентум.

Инфернал повеселел: раз вспомнили про отчёт, всё действительно нормально.

— Сделаю!

Глава 5

Выйдя утром из отведённой мне спальни, я прямо на лестнице столкнулся с сыном мага. Судя по всему, он пытался морально подготовиться к моему появлению, но не сумел.

— Привет, — кивнул я.

— Доброе утро… — мальчик мял пальцы, избегая смотреть мне в глаза. — Папа сказал, чтобы я приготовил вам завтрак.

— Наказание за вчерашнее? Ну, легко отделался. Пошли, раз так.

Он не двинулся с места — похоже, было что-то ещё. Наконец, произнёс:

— Извините меня.

— Извиняю, — я усмехнулся. — Пошли уже.

На его лице отразилось замешательство — кажется, он не ожидал, что получит прощение так просто, — которое затем сменилось радостью. Искренен я или нет, но нужная фраза произнесена, и теперь ему будет что ответить отцу на соответствующий вопрос.

Посадив меня на кухне, Тал начал суетливо собирать на стол, параллельно приглядывая за печкой; самое тяжёлое для него осталось позади, остались чистые формальности.

— А где Илиас? — спросил я, думая в это время о своём. — Ушёл?

— В саду, — Тал махнул рукой куда-то в сторону, — работает.

— Ага. Его беспокоить можно?

— В перерывах. Хотя он, наверное, заканчивает.

Вскоре передо мной оказались кружка в меру горячего чая, тарелка с погретыми булочками и всякая всячина в дополнение к ним. На этом Тал посчитал свою задачу выполненной и сразу распрощался, умотав на улицу.

Ну-с, что теперь? Приют на пару ближайших дней я нашёл, осталось определиться, куда двигаться потом. Варианты, варианты… Потратить все два дня на общение с гостеприимным магом. Пойти искать интересных людей в городе. Ах да, карта… За картой надо обязательно зайти. На северной это стороне или западной?.. Ладно, найду.

Кстати, о людях: стоит зайти к местному голове поспрашивать об устройстве власти. В моей Общине все только недоумённо пожимали плечами, когда я задавал специфические вопросы из сферы государственного управления, но уж голова-то должен знать, кому подчиняется и в каких рамках.

Хотя это всё, по идее, можно и потом сделать, когда пора будет уходить от Илиаса и переселяться в гостиницу. А до того надо всё внимание обратить на него самого. Покончив с завтраком, я силой мысли очистил грязную посуду и создал несколько бумажных салфеток поверх оставшейся еды — куда всё это убирать, неизвестно, но и оставлять заветриваться нехорошо.

Маг воды обнаружился медитирующим в тени каких-то незнакомых деревьев, стоявших полукругом в стороне от остального сада. Когда я приблизился, он открыл глаза и приветливо улыбнулся:

— Доброе утро.

— Доброе. Спрашивать можно?

— Да, конечно. Я уже вышел из полного включения.

Сев напротив, я вспомнил вопрос, который интересовал меня больше всего в последний месяц.

— А в чём заключается работа мага в поселении?

— Ты не знаешь? — удивился Илиас.

— Знаю, что это работа с природными явлениями. Вызвать-прекратить дождь, там, остановить надвигающийся ураган, ускорить рост семян. Но мне интересен сам процесс.

— В Общине этого никто не объяснял?

— Ну… все отвечали, что мне не хватает теоретических знаний, чтобы воспринять это.

— Понятно, — маг вздохнул. — Да, я забыл, как мало ты проучился. Что бы тебе ответить… Представь крестьянина в поле. С одной стороны, он занят получением еды. С другой, нужна конкретизация. Как минимум — что это за еда, зерно или мясо: может, он отару пасёт. А если зерно, то какое: рожь, пшеница или что-то ещё. Само получение растянуто на длительный срок, в течение которого крестьянин пашет, сеет, жнёт. Вот так же, как он соотносится с полем, маг соотносится с природой. То есть суть элементарна, но всё остальное требует слишком большого объёма теории. Пожалуй, я тоже не смогу помочь с этим.

— Ничего, — я кивнул, — главное, что стали понятны причины. Так гораздо проще.

— Хорошо, если так. А ты… уверен, что не хочешь вернуться в Общину?

— Угу. Огонь сказал идти дальше. Моё дело брать под козырёк.

— Что брать? — не понял Илиас.

— Подчиняться, в смысле. Ах да, вот какой вопрос. Вы знаете какой-нибудь… общественный центр, что ли. Кого-то, кто управлял бы всей этой территорией или просто считался высшим авторитетом? Какого-нибудь представителя власти?

— Единственная власть — власть народа, — пожал плечами маг воды. На его лице читалось замешательство. — Я примерно понимаю, о чём ты спрашиваешь, но не припомню ни одного случая чтобы появился человек, который взялся бы управлять всеми сразу. На мой взгляд, это бессмысленно.

— А авторитет? Например, от главы Общины я слышал о магах, которые постигают несколько стихий. Если кто-то дошёл до четырёх…

— Четыре стихии? Нет, это сказки, — маг улыбнулся.

— Как это, сказки? — от удивления я перебил его.

— Нет, я не хочу сказать, что глава общины Огня врал насчёт нескольких стихий. Действительно, есть люди, которые роднятся сразу с двумя, это известный факт. Про три стихии ничего не знаю, никогда об этом даже не слышал. А постижение четырёх стихий это признанная тема для сказок: когда люди хотят сослаться в разговоре на идеал, они используют образ мага, принадлежащего всем стихиям. Это как бы символ служения миру, абсолютного, не оставляющего ничего личного.

— Ом… — мысли в моей голове сбились. Представление бога в виде мага всех стихий это… Хотя постойте-ка… — А нет каких-нибудь сказок о том, что такой бо… то есть маг существует и живёт среди обычных людей? Скрывается, к примеру, и втихую делает добро окружающим.

— В сказках много чего есть, — пожал плечами Илиас. Он явно был рад переходу на менее тяжёлую для его восприятия тему, и снова расслабился. — На то они и сказки.

— Угу. А какие-нибудь привязки к местности в них содержатся?

— В известных мне, вроде бы, нет.

Я поник, и маг предпринял новую попытку помочь:

— Если ты расскажешь, что именно ищешь, я попробую что-нибудь придумать. Или — для чего. Такие разные сферы как управление, магия… Даже не могу представить, в чём они могут пересекаться.

— Ох, это сложно. — Я постарался придать описанию своей ситуации правдоподобную и в то же время понятную форму: — Понимаете, мне нужно что-то, что однозначно меня заинтересует. Когда я услышал про общину Огня, меня как будто ударило: вот то, что мне нужно, чем стоит заниматься! А потом, когда огонь вышел на связь и сказал, что пора идти дальше, я прислушался к себе и понял, что меня там в самом деле ничего не держит. То есть там хорошо, но никак не помогает в личном развитии. Новая цель должна быть соответствующего уровня, понимаете? Что-то, что окажется, по крайней мере, не проще и не скучнее магии

Огня.

— Я понял, — маг ободряюще кивнул. Почесал подбородок в задумчивости: — Да, задачка ещё та. Если бы она стояла передо мной, то первое, что я сделал бы, это сел и хорошенько подумал, соответствую ли своим представлениям о себе и нет ли у меня скрытых желаний, которые я пытаюсь таким образом реализовать.

— Это было бы слишком просто, — я развёл руками. — Пробовал, дело не в этом.

— Тогда вопрос: ты думал над нашим вчерашним разговором?

— Над чем именно?

— Твои склонности к пути земли. Я бы не сказал, что это занятнее огня, но если ты оперируешь такими категориями, то, может, стоит попытаться?..

Я замер, поражённый внезапной догадкой. Уточнил, стараясь не выдать охватившего волнения:

— Стихия, у которой нет своей Общины, если память не изменяет?

— Да, — Илиас кивнул. — Хотя это своеобразный момент. Который лично я не назвал бы препятствием…

— Это не препятствие. Это очень, очень хорошо.

Конечно, я мог снова ошибиться и выделение земли из круга стихий ещё ничего не значило. Но, если подумать, то куда ещё идти? Центральной власти здесь нет, государство как таковое практически отсутствует. Единственное, что выбивается из естественного средневекового уклада, — стихиальная магия, причём все стихии между собой равны и ни одна не поставлена над другой.

Но — одна поставлена немного особняком, лишена права иметь Общину. Почему? Обывателю это неинтересно. А с точки зрения «иностранца», ищущего способ выйти на здешнего Правителя и обращающего внимания на все нестыковки, это маркер, на который стоит обратить внимание.

— Только не смейтесь, — попросил я, — похоже, именно сейчас идея найти магов земли меня зацепила.

— Вижу, — Илиас улыбнулся. — Уже составляешь план побега? Или задержишься немного?

— Если вы не против — у нас остались несколько тем для разговора.

— Всецело за. А ещё тебе, кажется, нужна была карта.

* * *

Если бы Ресд захотел посмеяться, он назвал бы нынешнее состояние синдромом чашки с чаем, в память о ночи, когда оно только зарождалось. Но смеяться не хотелось, и тому было несколько причин. К общеситуативным относились нехватка времени и сопутствующее ей напряжение. Чем больше времени требовали военные и связанные с ними дела, тем меньше оставалось на себя — и касалось это не столько отсутствия развлечений, сколько образа жизни.

Отчасти из-за характера мышления, отчасти из-за простых привычек повелитель драконов не выносил необходимости встраиваться в неестественный режим работы. Ему было свойственно с головой погружаться в происходящее, задействуя восприятие на полную мощность, а сразу после — обрабатывать полученную информацию, капля за каплей процеживая её, выделяя полезное и встраивая в имеющуюся картину. Однако довольно скоро выяснилось, что нынешняя война плохо совместима с быстрой сменой коротких периодов, и нужно либо раздвигать их границы, то есть работать по несколько дней сначала на «приём», потом на анализ, либо наоборот, сокращать. Второй вариант был заведомо невыполним по причине нагрузки событий на единицу времени, так что выбора не оставалось. Что тоже не способствовало хорошему настрою.

Главная же причина заключалась в бессмысленности происходящего.

* * *

Последние сутки Ресд провёл у себя, занимаясь всеми ранее отложенными делами, начиная от наведения порядка в покоях и заканчивая подзарядкой артефактов. Закончив, приступил к носящему факультативный характер: продумыванию тактики для некоторых районов фронта, перечитыванию в поисках ускользнувшей информации старых отчётов, дистанционной инспекции ведущегося строительства, и прочему. Это заняло гораздо больше времени, так что план действий начал выполняться уже на этой стадии.

Когда любые отвлечённые мысли стали неминуемо сползать на личные проблемы каждые несколько секунд, Правитель оставил всё, чем был занят в данный момент, прошёл к гостевому столику и упал в одно из кресел. Хмуро посмотрел на лежащие перед ним врассыпную фотографии.

— Ну что, начнём?

Пачка была проверена вдоль и поперёк несколько раз, и

ничто не выявило в ней, хоть целой, хоть по составляющим, признаков артефакта. Это лишний раз доказывало, что текущие эмоции повелитель драконов создал себе сам. Не то чтобы он противился личной ответственности, но…

— Что со мной не так? — задал он контрольный вопрос, поднимая двумя пальцами первую фотографию и рассматривая её. — Со мной ведь явно что-то не так.

Помолчал, прислушиваясь к себе.

— Нет, не может быть, что мир сошёл с ума, а я единственный остался здоров. Это было бы неправильно, да? Хотя… как можно такое отследить, если оно произойдёт?

Ресд поморщился — не от разговора с самим собой вслух, за последние несколько дней приноровился. Вторая фотография, которую он поднял, представила Дворец инфернала, тогда ещё обитаемую, а ныне используемую как библиотеку башню. Спору нет, вид был достойный, но вспоминать о «тёмных» в каком-либо качестве сейчас хотелось меньше всего, они и так постоянно находились рядом.

— Я не хочу включать интуицию, ничего хорошего из этого не выйдет. Самоанализ гораздо полезнее. Несмотря на отсутствие результатов в последнее время. Да, со мной что-то не так. Но как интуиция поможет мне с этим разобраться?

Третья фотография запечатлела Альдена и Кейру, сидевших друг напротив друга и, похоже, игравших в какую-то игру. Определить, какую именно, не удалось: в руках игроки ничего не держали, а предмет, на котором скрестились их взгляды, находился за пределами кадра. Собственно, «фотографа» он и не интересовал.

Прищуренные, наполовину хитро, наполовину довольно, глаза императора выдавали его выигрышную позицию. Он уже чувствовал себя победителем, и этим невольно давил на партнёра по… по чему угодно, в общем-то — Ресд неоднократно видел это в шахматах и других играх, требующих аналитического подхода. Единственное, что не давало обижаться на такой открыто демонстрируемый азарт загоняющего дичь охотника, это сохранение гордости побеждённого: Альден никогда не предлагал сдать партию. Завлечь в ловушку и уничтожить одним направленным ударом, чтобы и одержать победу, и не оставить время на обиду, это да. Но предлагать сдаться — ни за что.

Кейра представляла его полную противоположность. Целиком погружённая в решаемую задачу, она сосредоточенно смотрела перед собой, не воспринимая ничего вокруг. Губа закушена не была, из чего Ресд сделал вывод, что девушка не считает своё положение таким уж тяжёлым, вопреки оптимизму

соперника. Да и собранность её, по опыту, говорила, скорее, о тщательно подготавливаемой контратаке, которая, вполне возможно, развернёт дальнейшие события в обратном направлении.

— Я не могу быть с ними, — напомнил себе Ресд. — Так что этих и подобных их эмоций мне нужно избегать изо всех сил. Если в плане по-прежнему будет значиться моё выживание. Хм… А чего из всего этого мне не нужно избегать?

Он загрёб сразу с десяток фотографий и быстро просмотрел, кидая обратно на стол.

— Инферналы, инферналы, битва с инферналами, Дворец инфернала, подготовка к битве — наверняка с инферналами, с кем ещё. Мда, неутешительно. О, эльфы… Инферналы, инферналы. Империя.

Повелитель драконов откинулся в кресле и закрыл глаза.

— Мне надо перестать издеваться над собой. И над реальностью. И над рациональностью. Над рациональностью — точно: я не для того настраивал себя весь день, чтобы сейчас издеваться над попытками понять происходящее. Хотя кто над кем ещё издевается… Не может девяносто процентов сохранённого относиться к инферналам. В конце концов, я лично несколько раз просматривал коллекцию, и всё было нормально. Может, у меня просто начинается аллергия, вот раздражители и липнут к рукам? Черт, это уже похоже на интуицию…

Вздохнув, он открыл глаза и вновь склонился над столом.

— Вот же, хороший кадр. Ночной город на пике возможностей. Всё хорошо, все счастливы. Только… мне на это плевать? А вот Братские горы. Уже что-то волнующее… Стоп, как-то я пропустил сортировку.

Ресд начал перебирать фотографии, откладывая в одну кучку с Правителями в центре внимания, с инферналами в другую и всё остальное в третью. Затем отодвинул последние.

— Так. Теперь заново. Сильнее всего меня задевают светлые и тёмные. Логично, всё происходящее вертится вокруг них. Но что мне-то с того? Ну, вертится. Меня это вообще касаться не должно: пусть я помогаю тёмным, но лично в боях не участвую, да и с учётом всех факторов отношу себя скорее к светлым. Может, я отношу слишком явно? Потому меня и воротит от тёмных?

Воспоминания о пребывании в штабе ничего не дали: чёткого и осознанного неприятия, направленного на своих компаньонов, тогда не ощущалось, лишь моральная усталость и желание оказаться одному.

— Одному тоже не слишком комфортно… — Ресд задумчиво посмотрел на разложенные кучки. — Ну, и какого черта? Кто-

нибудь может мне сказать? Почему с того момента, как я снял копию с коллекции, отданной Плети, меня едва ли не дёргало при мыслях о ней, а как я разобрался с делами, освободил время и сконцентрировался — ничего?

Тишина.

— Отлично, просто отлично… Ладно, чтоб совсем зря время не прошло — попробуем обратиться к интуиции. Интуиция, шмуиция, инициация, активация!

Повелитель драконов не слишком любил злобное веселье: после него всегда хоть немного, но ощущаешь себя идиотом. Однако сейчас он искал способ быстро и надёжно сбросить накопившееся напряжение, а в этом оно было незаменимо.

— Я хочу поиграть с собой в одну занимательную игру, — объявил Ресд, размашистыми круговыми движениями рук снова сгребая фотографии вместе и перемешивая. Несколько упали на пол, но остались незамеченными. — И она требует гораздо большего накала безумия, чем разговор с самим собой вслух. Я буду… гадать!

Подхватив один из снимков, он поднял его, будто просматривая на свету. Чисто показной жест: освещение шло равномерно от стен.

— Ты моя первая карта таро. Я не знаю, какие там карты и как называются, но ты попалась первой, и поэтому я нареку тебя не просто «луг», а соответственно порядку счисления… Блин. Не может быть, что это просто луг! Кто додумался фотографировать голый пейзаж? Подождите, а не храбрые ли это воины виднеются там, вдали, готовые к… нет, это просто луг. Браво, интуиция, я в восхищении. Следующий лот!

Ему попалась фотография какого-то эпического сражения. Даже в неуравновешенном состоянии Ресд оценил количество задействованных войск — но его уже несло.

— А, так вот что это значило. Вот и храбрые воины, виднеющиеся вдали… вблизи… со всех сторон света, мать их. Не видать ничего за воинами. Но надо приглядываться, надо найти привязку к следующей картине… Инфернала во главе армии, вроде, нет, это хорошо. А главное, интересно: значит, попадётся не инфернал. Мерзкие похотливые создания. Ах, если бы они направляли свою неуёмную энергию в правильное русло, а не только в убийства и оргии… Убийства и оргии? Ну, убийств, понятно дело, тут полно, а вот… В принципе, да, наши теснят врага. Ещё пара часов, и, скорее всего, продавят до самого сокровенного, до лагеря. Принимаем версию?

Схватив следующую фотографию, повелитель драконов расхохотался: и впрямь, какой-то шутник отразил момент

соблазнения Альденом девицы на балу. Слава богу, самое начало процесса, когда Правитель, активно жестикулируя, рассказывал ей что-то, а та осоловело глядела на него, даже не думая сопротивляться эмоциональному натиску.

— Эй, становится всё интереснее. Ну-ка, что тут у нас… Балы проводятся только в Риме и Республике. Какие могут быть привязки к ним? По цветам декора не определишь, рядом никто не стоит… Да ну, не может быть, что спустя столько лет я не различу, кого Альден клеит, человека или эльфийку. Пусть даже она стоит так, что… Или фотограф специально так снял, мол, посмотрите, люди добрые, императору всё равно, с кем устраивать досуг? Какой хитрец, однако. А это, случаем, не я сам был? Ха! Интересно, а… Да ладно!

Очередная фотография представила картину с оригинального мероприятия. В рамках культурного обмена — а проще говоря, по воле нашедшей выход тяги к приключениям всё того же Альдена — в трёх мегаполисах империи организовали тематические выставки, посвящённые другим странам. Ресд, позаботившийся о том, чтобы доставить всем и себе в первую очередь максимум удовольствия, прислал на неё нескольких специализированных драконов: бойца для арены, рунного мастера для сравнения с местными понтификами, и других. В их число вошли, конечно же, и лётчики, из числа несущих пограничную стражу.

Все современные государства традиционно специализировались на наземных войсках, оставляя на долю неба оборонительные орудия и немногочисленные транспортные приспособления. Так что в день авиашоу выставки собрали рекордное число посетителей, спровоцировав негодование Кейры и Нармиза, и близко не подобравшихся к подобным результатам.

На самой фотографии только что отработавший свою часть программы лётчик жадно пил из гигантской лохани, почти полностью опустив в неё голову, а сбоку, опершись на один из бортов, стоял явно довольный жизнью Ресд, смотревший куда-то вдаль, в сторону от фотографировавшего. Где-то глубоко в памяти всплыл этот момент; кажется, он тогда следил за вторым участником, взлетевшим на смену.

— Да, это гораздо занятнее, чем я думал. Правда, Кейра ни о чём подобном не упоминала. Может, она и не пыталась использовать интуицию таким странным способом? Я бы не удивился. Выставка, выставка… Впрочём, причём здесь она? Отражена, скорее, награда за труды. Принимаем?

Кто-то решил запечатлеть свою тактическую карту из шахмат — и, надо признать, в этом был смысл: взглядом опытного игрока Ресд оценил красоту проведённого манёвра, нивелировавшего

отрицательную фору и привёдшего к прорыву вражеского строя. Автор оригинальной задумки остался неизвестным, но почему-то повелителю драконов показалось, что его уже нет в живых.

— Идеальная тактика, да? На каждый идеал найдётся своя противостоящая концепция. Без этого никуда, на том и стоим. Тем более, учитывая человеческую природу… Вот, кстати, отличная иллюстрация к ней: отставшая фигурка. Может, солдатик отстал от шеренги, может, это командир, наблюдающий за боем чуть издали. Всё может быть, правда? Но в реальной жизни, без всяких потенциалов, суперспособностей и средств контроля за лояльностью, это наверняка оказался бы дезертир. Реальная жизнь грязь по сравнению с нашими условиями существования, такая грязь, что… А может, и не дезертир, а просто предатель. Без разницы, по сути. Какой вариант выбрать? Ай, ладно, там увидим, какой оказался верным.

Забыв, как дышать, Ресд уставился в собственные мечтательные глаза. Сидевший на краю обзорной площадки римского дворца, свесив вниз одну ногу и положив руки на другую, повелитель драконов наблюдал за заходом солнца, последние лучи которого играли багрянцем в его волосах.

* * *

Утро выдалось странным. Можно было бы сказать, что оно выдалось проблемным, — потому что в нём явно присутствовала проблема. Но применительно к Монаху утро было именно странным: он не помнил, когда какая-либо проблема возникала у него последний раз.

Одновременно появилось беспокойство. Это тоже было чрезвычайно интересно, по аналогичной причине. А ещё встал вопрос, как именно беспокойство связано с проблемой. С этого Монах и решил начать размышления.

Придя к выводу, что они всё же не связаны, а значит, с ними можно будет разобраться по отдельности, он в какой-то мере удовлетворился. И решил начать, наконец, своё утро — так, как привык.

Перво-наперво он открыл глаза и улыбнулся. Улыбался он всегда, и не по привычке, а потому что действительно был рад. В его жизни имелось достаточно вещей, которым можно было радоваться, и он знал об этом. Ну, а то, что вчера он отдал утреннюю улыбку первому лучу солнца, коснувшемуся его лица в момент просыпания, а сегодня — себе, за то что решил ещё один внутренний вопрос, так какая разница? Вряд ли за столько лет

здесь остался кто-то обделённый его улыбками чтобы обидеться на нечестное распределение.

Вторую улыбку он отдал этой мысли.

Немного физического, или телесного, как его называл Маркус, потенциала ушло на то, чтобы восстановить организм после долгого сидения в позе полу-лотоса; вчера он так никуда и не пошёл, на целый день отдавшись мыслям. Сегодня наоборот, хотелось активности. Прогуляться? Заняться садом?

Поднявшись на ноги, третью улыбку Монах подарил ясеню, росшему прямо в центре его Круга. Тот отозвался шелестом листьев, на которых играли краски зари. Только теперь Монах позволил себе оглядеться.

В ста шагах к северу от него, за пределами Круга, находились клумбы. В ста к югу — небольшой парк. И тому и другому Монах регулярно уделял время, когда по желанию, когда по необходимости, — чтобы чуткие к его присутствию цветы не поникли, а деревья не начали сохнуть. Сегодня… нет, сегодня его не тянуло к растениям так, как это случалось обычно. Но вчера он к ним не подходил, значит, сначала стоит заняться ими.

Не то чтобы он испытывал постоянную потребность в труде. Будь это так, клумбы, например, располагались бы чуть ближе, в Круге, где по воле его хозяина земля весь год держала одну и ту же температуру и цветы были бы защищены от не такой уж и тёплой зимы. Но зимой Монах наблюдал, лежа на самой границе своей территории, за снежными холмиками, под которыми прятались в ожидании весны его подзащитные. С не меньшим удовольствием, чем за их благоухающими в период цветения бутонами.

Одним из его любимых принципов было «всему своё время».

Закончив проверять, всё ли в порядке у цветов и полюбовавшись, как они раскрываются, чувствуя наступление утра, Монах пошёл в другую сторону, к парку. Конечно, парком оно являлось только для его восприятия, по названию: и деревьев здесь было не так уж много, и скамейки отсутствовали, и дорожки почти не использовались — Монах ходил где хотел, а другие люди здесь появлялись слишком редко. Впрочем, если бы кто-то решился спросить об этом, Монах честно бы ответил, что дорожки всё-таки нужны: благодаря им гости имели ориентиры для передвижения и ощущали себя спокойнее. Но никто не спрашивал, ибо зачем? Мечтатели-Одиночки люди свободные, кто что хочет, тот то и делает, и никто никому не должен высказывать, что он зря прокладывает дорожки, которыми не пользуется. Монах, в свою очередь, тоже никому не навязывался — но не потому, что свято чтил принципы Одиночек, а потому,

что имел свой. Самый любимый, свободы воли.

Общение с парком заняло ещё меньше времени — деревья были гораздо менее хрупкими, чем цветы. Но здесь Монах задержался, сев под одну из лип и откинувшись на ствол спиной. Разумеется, течение мыслей не зависит от того, где именно ты находишься, при условии что там безопасно и достаточно уютно. Но оно сильно зависит от того, что ты делаешь в то время, когда не думаешь. Если так и сидишь на одном месте, мало что изменится. А если занимался делами и вернулся к размышлениям уже в другой обстановке…

Проблема. У Монаха было своё понимание этого обширного по смыслу слова. Какие могут быть проблемы, если ты обеспечен пищей, уютом и свободой действий? Разумеется. Только проблемы с самим собой.

А вот беспокойство… Он себя не понимал. Как и всегда, контролировал свои мысли, эмоции и желания, но не понимал себя. Однако скоро выяснилось, что беспокойства это не вызывало — только удивление. Беспокойство происходило от чего-то другого; не такое сильное, чтобы причинять серьёзные неудобства, но достаточное чтобы ощущаться.

Займёмся более простым, проблемой, — решил Монах. Если появилось недопонимание, но при этом оно возникло само, а не я натолкнулся на него, значит, оно возникло на месте тех мыслей, которые до этого были понятными и правильными. Значит, надо отследить, каких именно? А как?..

Задумавшись об этом, Монах удивился ещё больше. Выходило, что всё было понятно не потому, что было открыто и освоено, а потому, что было освоено то, что открыто. Но это означало, что до этого, во всех своих предыдущих размышлениях, он кружился на одном месте? Понятно то, что просто, а в то, что не просто, он и не лез? Да нет, не может быть. Уж сколько всего он передумал, сколько всего нашёл в себе… Проблем, конечно, у него не возникало давно. Но ведь находились и просто интересные моменты, о которых можно было думать по несколько дней подряд? И что же?..

Всё могло упрощаться. У него имелось определённое пространство сознания, для простого и предельно понятного, куда он вытаскивал кусками непонятное из неосвоенного пространства; а когда разбирал их, они вливались в основное пространство, так же становясь простыми и понятными. Но — не увеличивая его объём… Почему? Это же новая информация. Как объём может не увеличиваться? А может, она как снег, который стоит растопить — и не останется ничего похожего на огромный ком, лишь небольшая лужица воды, которая вольётся в ручеёк и

навсегда в нём исчезнет?

Эта мысль Монаху понравилась. Он подержал её ещё немного, представляя со всех сторон, и, отпустив, задумался уже о том, что стоит сделать перерыв. Чего бы он сегодня хотел? Пожалуй, всё-таки гулять. Сделав несколько плавных, как из танца, движений, он оценил готовность тела и удовлетворённо кивнул: гулять.

* * *

Дорогу домой он сумел бы найти из любой точки этого края — за предоставленное в безраздельное пользование время он успел обойти его весь с несколько десятков раз. Если нравится ходить, то почему бы и нет? Хотя путь из восточных лесов явно оказался бы гораздо более долгим, чем могло быть: они ему нравились меньше, чем горные утёсы и побережье океана, и там он бывал не в пример реже. Честно попытался изучить, в некоторой степени преуспел, но оставил. Всему своё время.

Маршрутов Монах не признавал. Он шёл туда, куда вели ноги, не размышляя, куда ему стоило бы пойти, — всё равно знал заранее, куда придёт. Просто-напросто выучил, какой путь куда приводит.

Иногда в дороге хорошо думалось. Иногда хорошо смотрелось. Почему так, Монах не знал; на его взгляд, у него всегда было одно и то же настроение. Он считал это настроением жить. Другие Мечтатели, кто знал его достаточно хорошо, соглашались. Некоторые даже пытались научиться этому, и Монах охотно помогал: ему было интересно, что в итоге получится. К сожалению, у них ничего не выходило. Как сказал один из экспериментаторов, вера Монаха принципиально непознаваема для всех, кроме него самого. Он сам, тогда лишь улыбнувшийся, позже задумался над вопросом: применимо ли к нему понятие веры? Несмотря на прозвище, он уделял в своих мыслях мало внимания всему связанному с религией. Во-первых, вокруг было достаточно интересного, чтобы отложить это на потом, а во-вторых… конечно же — всему своё время. Все там будем и сами всё увидим.

В вечную жизнь он не верил. Изредка думал о ней, но и только. Раз он как-то попал сюда, значит, как-то отсюда уйдёт, тем или иным способом. Желания уйти как можно скорее он в себе не ощущал ни в коей мере, а потому — просто жил.

Время от времени на горизонте, чаще всего на возвышенностях, показывались Дворцы — те, что не были скрыты

пологом невидимости. Для каждого из них у Монаха давно имелось своё название, которыми они обозначались в его размышлениях. Хотя смог бы он так же легко, как перебирал в уме их, вспомнить имена их хозяев, ещё вопрос… Именами оперировать было сложнее, чем названиями. В том числе потому, что зрительные образы, привязанные к названиям, были гораздо стабильнее.

Именами…

Монах улыбнулся. Имя, которое первым вспоминалось ему вот уже много дней, — Маркус. Удивительный человек, имевший удивительные возможности. Он рассказал столько интересных Монаху вещей, сколько обычно он слышал, пожалуй, от целого десятка новопришедших Одиночек. Те любили говорить обо всём, что оставили в старом мире, и гораздо меньше — о самих себе, хотя именно это интересовало его в первую очередь. Смешно: спустя какое-то время, вникнув в суть отношений между Одиночками, они становились в разы более замкнутыми, но при этом по их действиям и творениям Монах «читал» намного больше, чем они сами могли бы о себе рассказать.

Маркус был другим. О старом мире он не обмолвился ни разу: всё, что он имел, он потерял уже здесь. Это было в новинку. Но совершенно затянули Монаха истории о других Мечтателях, таких, как Маркус, — Правителях. Они мыслили по-другому, говорили по-другому, а уж делали… Воспоминания о том коротком разговоре были для Монаха чем-то вроде сокровищницы: время от времени он отвлекался от мыслей об окружающем и лез в неё, чтобы выбрать на ощупь и достать какую-нибудь драгоценность, а потом разглядывать её на свету, восторгаясь мастерством изготовителя. Долго, очень долго… Но не до конца. Чтобы она, когда попадётся в следующий раз, не показалась неинтересной и изученной вдоль и поперёк.

Потерять что-либо из своей сокровищницы Монах не боялся: в первый же вечер он устроил ревизию памяти, разобрав каждую эмоцию и заботливо пронумеровав каждую мысль, являющуюся составной частью какого-нибудь воспоминания. Вечность приучает к бережливости: чтобы вещи служили как можно дольше, за ними нужно следить.

Вновь задумавшись, Монах вернулся в реальность от ощущения дыхания интуиции. Она звала его не так уж часто, но если звала, то всегда приводила к чему-то стоящему. В эти моменты Монах благословлял свой образ мышления: ясные и понятные мысли не мешали шестому чувству, а наоборот, ощутимо облегчали поиск нужного направления.

Направление это, кстати говоря, сейчас совпадало с тем, куда

шёл Монах. Найдя ориентиры, он переместился на несколько километров западнее, к дому одного из тех, кого считал друзьями.

Мику было чуть меньше ста лет. Сколько точно, Монах не знал; просто как-то раз Мик позвал его на празднование своего дня Рождения, объяснив это круглой датой, пятидесятилетним юбилеем. И случилось это около пятидесяти лет назад. Ну, если ничего не изменилось, а именно — отношение к юбилеям и Монаху, то и празднование ста лет они не пропустят.

Среди Одиночек Мик выделялся уникальным статусом: он имел пару, девушку, которую любил и которая любила его. Это было здесь большой редкостью, большинство если и решали завести устойчивые отношения, то разрывали их в срок от нескольких дней до полугода. Мик же не так давно по секрету обмолвился, что они с Линой вместе целых десять лет. По секрету — потому, что другие этого, скорее всего, не поняли бы. Монах искренне порадовался за друга, признав этот факт достойным восхищения.

На стук в дверь большого, трёхэтажного дома никто не ответил. Это могло значить только одно: хозяина здесь нет. Жилища Одиночек традиционно не предусматривали для гостей возможность остаться незамеченными, равно как и быть замеченными, если этого не хотели хозяева. Где может находиться Мик, Монах знал. Но туда так просто не попадёшь… И неизвестно, нужно ли попадать. Хотя нет, интуиция утверждала, что нужно. Ладно, доверимся.

Перед тем как снова переместиться, Монах задержался — бросил взгляд на располагавшиеся с боковой стороны дома клумбы. Увлечение садоводством когда-то и свело их с Миком, но в отсутствие последнего трогать растения не стоило.

Оказавшись на покрытом густой травой склоне холма, Монах сел в привычную позу и стал ждать. Предчувствие не обмануло: друг был не занят, — но причиной отменять ритуал, возникший едва ли не одновременно с этим местом, это, конечно, не являлось. Уже через несколько минут Монаха заметили и сделали знак рукой: подходи.

Домик, на крыльце которого сидел Мик, нависал над маленькой речушкой, протянувшись с одного берега на другой, едва ли в метре от бегущей воды. Каждая сторона имела своё крыльцо — но вот окна выходили только на середину. Место их встреч. В создании которого участвовали оба, ища компромиссы между вкусами друг друга.

— Привет, — улыбнулся Монах. — Ты как?

— Привет… Ничего, нормально.

Облокотившись на перила, Мик палочкой выводил на земле какие-то узоры. Монах вопросительно кивнул на них, хозяин дома на автомате покачал головой. Спохватившись, пояснил:

— Да можно, можно. Я имею в виду, так, фигня всякая. Ничего осмысленного.

Процесс общения у Одиночек строился на основе простейших правил. Которые, правда, сильно осложняли его для тех, кто хотел чего-то большего, чем было правилами отмерено.

— Можно личный вопрос? — осведомился Монах.

— Ну… ладно, давай.

— Мне кажется, ты всё же не в порядке.

Мик кивнул с такой готовностью, будто заранее готовился к разговору и сейчас лишь корректировал его направление.

— Мы поругались с Линой. Плохое настроение.

— Ясно, — Монах вздохнул. — Хочешь, попытаюсь отвлечь?

— Попробуй. — Мик отложил палочку и с интересом уставился на гостя. И впрямь готовился, что ли?

— Что ты о себе знаешь? — начал Монах заготовленную для одного из подобных случаев «зарисовку» мыслей.

— В каком плане?

— Это меня и интересует. Просто попробуй как-нибудь определить знание о самом себе.

Мик задумался.

— Я знаю о себе столько, сколько помню.

Теперь задумался Монах.

— То есть твоим знаниям о себе равно количество ситуаций с твоим участием, которые ты можешь мысленно повторить. Так?

— Ага.

— А если не можешь повторить, но помнишь, что они были?

— Ну… получается, неполные знания? Неполные, но они есть.

— Но ты можешь забыть какую-то существенную часть ситуации, и в итоге будешь отталкиваться от неверных тезисов и придёшь к неверным выводам.

— Плюс на минус даёт минус? — сообразил Мик. Монах кивнул. — Хм… Значит, количество знаний о себе — количество ситуаций с моим участием, которые я могу полностью повторить в голове.

— Только повторить? А как же анализ?

— Анализ это уже из другой сферы. Есть знания о себе, а есть… ну, анализ.

— Смотри. Вот, мы с тобой сидим и разговариваем. Ты можешь прокрутить ситуацию назад, потому что помнишь её так хорошо, как это возможно. Но при этом ты ещё и думаешь.

Анализируешь, что я говорю, анализируешь, что лучше сказать тебе. И ещё много чего.

— Ну да, отдельный уровень.

— Не относящийся к знаниям? — уточнил Монах.

— Да.

— То есть знания это только память?

— Знания — да. А выше идёт всё остальное.

— Что «остальное»?

— Не знаю, как объяснить… Логика, анализ, вычисления — это всё дальше. А именно что знание о себе — это память о своём поведении. Понимаешь, то, что ты видишь, — оно точно есть. Потому-то ты его и видишь. Оно не может измениться. Это чистые нерушимые факты. А анализ и всё прочее… ты не можешь быть уверен в их правильности, сегодня тебе может казаться так, а завтра ты истолкуешь ситуацию по-другому.

— То есть знание о себе должно быть непреложным, чем-то постоянным, и поэтому ты его относишь именно к памяти, которая более объективна, чем мысли?

— Точно.

Монах склонил голову. Мик улыбнулся:

— Спасибо. Теперь у меня голова забита более важными вещами. Хорошо, когда есть люди, с которыми можно так душевно поговорить.

— Так уж — более важными, — удивился Монах.

— Ну да. Почему нет?

— У вас же отношения, любовь… Сейчас ты так говоришь, а помиритесь — жалеть будешь.

— Монах, ты чего? — изумлённо вытаращился Мик. — Какая любовь? Отношения да, но не любовь же. И с чего ты вообще взял, что мы обязательно помиримся?

— Я… Хм.

Почему он об этом заговорил? Это ведь не первый раз, когда они ссорятся, а Монах оказывается поблизости. Почему?..

— У вас же есть этот дом, у вас есть… вы сами. Ты же говорил, десять лет вместе. Неужели не помиритесь?

Мик пожал плечами.

— А что мне этот дом? Как создали, так и развеять можно. А десять лет… Ну, были они, и что?

— Но это же… нерационально, — Монах попытался сориентироваться и в разговоре и в самом себе с помощью простейших категорий.

— Почему нерационально? Хочешь, я сейчас немного подумаю, а потом разложу, почему это рационально?

Проблема Монаха, временно отложенная и скрывавшаяся

глубоко внутри, вдруг оказалась рядом. Совсем-совсем рядом. Хотя ей, казалось бы, здесь не место.

Что он сделал не так? Что он упускает?..

Внимание. Нужно внимание к каждой мелочи, к каждой детали.

В глазах Мика Монах видел: да, стоит дать согласие — и он действительно обоснует, почему поругался со своей девушкой, почему именно сейчас и почему это не должно его волновать. По какой-то причине Монаху это не нравилось.

— Ты можешь, верю. Но… не верю, что ты действительно думаешь так, как будешь говорить. Ты не планировал эту ссору и не готовился к ней — я же вижу, что нет. Но сейчас… ты готов пожертвовать всем, что у тебя было, — ради чего?

— А чем жертвовать-то? Ненужными отношениями? Ну, бывает. Со мной-то всё в порядке, ничего из того, что действительно имел, я не потерял.

— Почему ненужными? — только и смог выговорить Монах.

— По факту. Ты забыл, кто мы и в каком мире живём?

— Не забыл… Но ты ведь сам недавно радовался, что вы уже десять лет живёте вместе!

— Во-первых, не радовался, а удивлялся: для отношений это очень большой срок. Думаешь, если бы мы действительно любили друг друга, я бы об этом сказал кому-либо? Опять же, вспомни, кто мы и где. А во-вторых, мы живём не вместе. Как тебе известно, здесь мы проводим не больше одного дня из пяти.

Монах замолк, обдумывая сказанное. Потом решил пояснить — почти что оправдываясь:

— Я думал, что это нормально для Одиночек, не жить вместе, а встречаться, чтобы потом расходиться.

Сказал — и аж дыхание перехватило, когда вдумался. Интуиция… Ох, интуиция!

Мик, однако, лишь пожал плечами. Потом, подумав, сообщил:

— Ты сегодня какой-то странный. Не сам странный, а странно говоришь. Это просто свобода. Мы живём свободой и всегда жили.

— А если бы ты действительно её любил? — спросил Монах, решив пойти ва-банк, но докопаться до истины. Голова звенела от напряжения. — Ты бы мог пожертвовать своей свободой?

— Какая ж это любовь, если ради неё надо жертвовать свободой? — искренне удивился Мик. Не удержавшись, Монах улыбнулся воспоминанию. — Что?

— Да нет, просто вспомнил одного знакомого. У него был… значительный любовный опыт. Поверь мне, иногда любовь действительно требует отказа от свободы. Той, что с маленькой буквы. А от той, что с большой, — как правило.

Взглянув на Мика, который будто лимон съел, Монах вздохнул.

Нужно было придти в себя. Определённо, он не был готов к такому разговору, но что ему мешает взять паузу? Собраться и продолжить его через некоторое время, уже нормально, так, чтобы на анализ поступала только актуальная и достоверная информация?

Интуиция продолжала тянуть его куда-то, наворачивала круги и заглядывала в глаза: «давай, нужно искать, не останавливайся!». Но все мысли шли вразнобой, и понять нужное направление Монах был совершенно не в силах.

Сколько всего важного…

Ладно, пойдём простым путём. Оборвав разом все мысли, он сконцентрировался на самом Мике, моделируя его поведение, эмоции.

— О чём я?.. Ах да, отказ от свободы. Ну, хорошо. Тогда попробуй просто представить, что тебе нужно выбрать между настоящей любовью и настоящей свободой. М? — стоп. А не та ли это картинка сложилась?.. — Хотя… ты ведь уже выбрал, да?

— Что? — Мик напрягся.

— Лина… Вы потому и поссорились, что она предложила тебе перейти к нормальным отношениям… а не встречаться раз в пять дней. — Выводы щёлкали в голове один за другим, Монаха настолько затянул процесс, что он всё больше терял связь с реальностью. И даже не осознавал, что самым бессовестным образом нарушал сейчас правила Одиночек, запрещавшие вмешиваться в столь личные дела без прямого одобрения. Но и Мику, похоже, сейчас было не до правил. — Ты отказался: понял, что для этого пришлось бы пожертвовать свободой. Причём ты, вероятно, сам поставил для себя этот выбор, Лина же просто хотела чего-то большего, чем есть сейчас. Она тоже Одиночка, понимала, насколько тяжело будет для тебя поступиться прежним образом жизни…

Монах поднял глаза, остановил размышления и сосредоточился на окружающем. Перехватил растерянный взгляд Мика — и уже не отпустил, выбирая из него все эмоции, все мысли. Всё, что несло хоть малую долю информации.

— Нет, это уже потом ты задумался о свободе. В тот момент ты, скорее всего, просто был шокирован тем, что она тебя любит. Любит по-настоящему. Что для неё это стало не просто отношениями, а смыслом жизни. А может, ты прошёл по мыслям дальше и понял, что видишь перед собой первого человека, который как раз таки не побоялся обменять весь смысл свободы на всю искренность любви? И испугался этого?..

— Хватит!

Мик вскочил. Вцепился дрожащей рукой в перила крыльца.

— Ты… я не давал тебе права говорить об этом!

Монах замолчал, не отрывая взгляда, хоть для этого ему и пришлось задрать голову.

— Я и подумать не мог, что ты сможешь узнать всё это, — прошептал Мик. — Черт…

Он рухнул обратно, закрывая голову руками.

— Да… так всё и было. Ты, грёбаный психолог, пастор-самоучка, ты прав…

— А ты? — Монах грустно улыбнулся. Отстранённо заметил наступившую в голове тишину: интуиция наконец замолчала.

— Что?..

— А ты — прав?

На этот раз Мик убежал в дом, захлопнув за собой дверь.

Всё. Пора идти. Он и так нарушил сегодня достаточно правил. Монах поднялся с земли и произнёс:

— Спасибо за разговор, — и то и другое было частью необходимого ритуала, хотя и выглядело сейчас явной насмешкой. Но только после этого он переместился к себе.

Да, ну и денёк. Ещё не закончился, а информации, над которой можно было подумать, он получил уже столько, что…

Кстати…

Сев в тени ясеня, Монах погрузился в себя, разбирая мысли и отделяя их от эмоций.

— Есть, — радостно произнёс он через несколько минут. — Похоже, я знаю, с какой стороны за тебя браться.

И улыбнулся.

* * *

Практичность Альдена, отражавшаяся буквально во всём в Новой Римской империи, считалась его визитной карточкой среди Правителей. Правда, одни считали, что именно ей он и руководствуется и только в конце основной работы накидывает на голые логические принципы мягкие покровы изящности. Другие им возражали, дескать, император слишком честен для такого и всего лишь старается не создавать красоту, долговечность которой не может быть гарантирована чем-то менее значимым, чем практичность.

Сам Альден не знал, что следует за чем в процессе создания. Он просто хотел сделать как можно лучше и, имея такую возможность, делал.

Отчасти выбивался из этой закономерности, отчасти продолжал её город-крепость Аргентум.

Главной составляющей в союзах всегда были отношения между Правителями. Общие манёвры, объекты двойного подчинения, пересмотр в тактических целях государственных границ — всё это служило в военное время надстройкой над ними, а в мирное индикатором, показывающим реальный уровень доверительности между первыми лицами. Иногда хватало одной-двух средней силы обид, чтобы Правители не смогли договориться о ролях и степени участия каждого из них в начавшейся войне. Как правило, в таких случаях инферналы довольно быстро прорывали линию фронта и доходили до чьей-нибудь столицы, хорошо если до одной.

Знание этого витало в воздухе во все времена, достаточно было вникнуть в хроники здешней истории, которая в той или иной форме, но сохранялась. Тем не менее, союзы продолжали с удручающим постоянством распадаться по одинаковым причинам; тех, что пали в честной борьбе, не разбившись на отдельные государства под давлением эмоций, было один на десяток.

Правители, входившие в нынешний союз, всё это учитывали. Руководствуясь не только национальными мотивами, но и соображениями коллективной безопасности, они постарались изначально выстроить отношения между собой таким образом, чтобы ничто ситуативное не смогло отразиться на них и не привело к всеобщей погибели.

Когда пришло время принимать эстафету поколений, союзники подняли давно подготовленные планы и начали реализовывать грандиозные по масштабам замыслы. В случае их успеха три разных и по идеологии, и по характеру управления, и по культуре государства превращались в единое военное и экономическое пространство; интересы свободного развития были добровольно отринуты в пользу интересов народов.

Процесс сближения ни для кого не прошёл легко, но первое место по значимости перемен безоговорочно заняла Новая Римская Империя. Изначально простиравшаяся от моря до моря, она оставила прежние границы и за несколько лет освоила южные территории, окончательно соединившись с Сумеречным братством и дотянувшись до Эльфийской республики. Чтобы сгладить неизбежные социальные последствия, а заодно обуздать торговые пути, получившие внушительный стимул к развитию, были с нуля построены два новых мегаполиса, ставших настоящим символом самоотверженности римлян.

Конечно, некоторые из них пошли на принцип, отказавшись

признавать новые границы. Те, кто победнее, объединялись и группами уходили в оставленные районы, где заселялись в брошенные деревни, окружённые ничейными полями. Люди побогаче приобретали, лелея ностальгию, недвижимость в Аргентуме, цены на которую опустились вместе с утратой статуса значимого транспортного узла. И те и другие свои потребности таким образом вполне удовлетворяли.

Самый крупный социальный конфликт на этой почве оказался связан с местной элитой, единственной категорией граждан, которую новое положение вещей не устроило ни в коей мере. Уже владевшая самым престижным жильём и сделавшая капитал на торговле, она не имела желания и не видела смысла куда-либо переселяться, и только с тоской наблюдала за сменой формата родного города. А формат менялся очень сильно: Аргентум превращали в средоточие военной мощи империи и главную крепость, призванную защищать страну от нападения с севера и востока. Нетронутым оставили единственно исторический центр, всё остальное, прежде находившееся в пределах городских стен, было вынесено за их новый контур. Меньше парков, музеев и храмов — больше арсеналов и мастерских. Меньше роскоши — больше надёжности. И, разумеется, меньше коренных жителей, чьи связи нарабатывались поколениями, и больше новой знати. Особенно много стало людей, так или иначе связанных с армией: действующих штабистов переселяли поближе к месту работы, офицеры запаса получали в Аргентуме особняки за успехи на службе.

Они-то и послужили поводом. Оскорблённые утратой лидерства, местные патриции обвинили во всех своих бедах военных, пришедших на их место. Заодно привлекли на свою сторону простых граждан, болезненно отреагировавших на отодвигание культурной сферы города на задний план, и, отступив от обычного порядка решения споров, организовали массовые протесты, парализовавшие администрацию на несколько дней.

После долгих, вымотавших всех их участников переговоров стороны всё-таки достигли консенсуса и утвердили соответствующий план действий. Наместник города был снят и заменён на более нейтральную фигуру, при нём создали комиссию по рассмотрению допущенных во время переустройства ошибок. Выборы в городское собрание в связи с чрезвычайной ситуацией решили провести досрочно, в результате чего две крупнейшие аристократические группы сформировали в нём фракции и практически поделили пополам. Последним должен был решаться вопрос о создании торговой компании, которая

смогла бы «трудоустроить» купцов, потерявших из-за смены специализации города возможность вести торговлю в прежних объёмах. Но — вмешался случай.

С минимальным временным разрывом в мир пришли два инфернала, и начавшаяся война голосом Альдена потребовала отложить все внутриполитические дрязги. Большая часть жителей Аргентума к тому моменту уже поостыла и была вполне довольна реакцией власти на высказанные претензии, так что требование оказалось выполнено по факту. Дальнейшие же события одну за другой решили все оставшиеся проблемы. Довольно скоро городу-крепости пришлось продемонстрировать свои новоприобретённые качества, сперва став центром военных действий в регионе, а потом и выдержав ожесточённую осаду. Позиции военных в идейном конфликте с торговцами ощутимо укрепились, поддержка же в массах последних наоборот, ослабла: вспомнив, зачем нужна армия, люди сделали однозначный выбор между безопасностью и комфортом.

Задумавшуюся, стоила ли овчинка выделки, старую знать спасло в итоге всё то же государство. Перенос производственных мощностей на юго-запад страны сказался на обеспечении тылов и сроках поставках на фронт вооружения, и к первому прерыванию потенциалов нужно было придумать что-то, способное это компенсировать, если союзники хотели перехватить стратегическую инициативу. К решению этой задачи и предложили подключиться не знающим, куда податься, но не желающим совсем уж бросаться в неизвестность, капиталистам.

Хоть и не к первому прерыванию, но постепенно государственная военная корпорация сформировалась и начала работать. К моменту поражения одного из инферналов она уже так проявила себя, что глава её совета управителей наравне с несколькими военачальниками получил за заслуги перед отечеством медаль с видом Аргентума, вновь ставшим на несколько недель главным городом империи.

В память о торжественном дне, завершившем долгое и болезненное перерождение бывшего центра страны, Альден изменил толкование его названия с иносказательного на словарный: «аргентум», серебро. Металл, которого боятся злые силы.

* * *

Чёрный цвет скрадывал высоту сопок, и местность, проносящаяся внизу, казалась основательно измятым цельным

полотном. Кое-какие контуры обрисовывались только рваной сетью зелёных островков и полосок подросшей за месяц на выжженной земле травы.

Плеть с любопытством всматривался в даль. В прошлый раз крепость ускользнула от его взгляда: стены характерного светло-серого оттенка, несмотря на размеры, совершенно затерялись в искусственном тумане, затянувшем весь район. А после окончания осады здесь появляться не приходилось, так что, хоть и спустя столько времени, было интересно наверстать упущенное.

Когда Аргентум, наконец, показался впереди, повелитель нежити заворожёно вздохнул и покрепче вцепился в поводья крылатого коня. Перед глазами сами собой начали вставать картины, предшествовавшие падению великого города; руки вспоминали дрожь волнения, носа как будто бы снова коснулась будоражащая смесь дыма и запахов свежей крови и горелого мяса…

Странно, но летевший рядом Тавис бросил на приближающуюся громадину лишь пару безразличных взглядов. Интересно, о чём настолько важном он задумался, что даже воспоминания о первой победе над имперцами оставляют его равнодушным? Ну да ладно, его дело.

По мере сокращения расстояния до крепости напряжение нарастало — даже сейчас, после всех событий, Плети с трудом верилось, что эти укрепления можно взять. Без тайных друзей Ресда они завязли бы здесь на месяцы… Бастионный принцип строительства, как им потом объяснили на «лекции»; конкретнее — звезда с десятью лучами. Причём каждый из бастионов не уступал размерами и количеством солдат хорошему замку, а мостовая во внутреннем пространстве была для усиления защиты поднята соразмерно стенам, едва ли не стометровым.

Когда-нибудь Плеть заимеет такую же твердыню. С небольшими изменениями: вместо пятен гари и пепла строения будет покрывать нормальный тёмно-серый гранит. Жаться к земле они перестанут, хоть это и оправдано с военной точки зрения, и проредятся некоторым количеством башен. Ещё, наверное, стоит сделать не город, а просто крепость, без лишних деталей… И вообще.

Всё-таки правильно Аргентум пообещали отдать Тавису. Другие инферналы, конечно, и так не дотянули бы сюда свои владения, но не в том дело. Чем обустраиваться здесь и тратить кучу времени и нервов на корректировку оригинального поселения, проще перенять чужой опыт и с нуля построить идеальный вариант, где-нибудь неподалёку от собственного Дворца. Или, может, совместить с Дворцом? Хм…

Заметили их вовремя, сразу по сбрасывании полога невидимости. Похоже, тёмные ангелы, один из корпусов которых был оставлен на самоуправляемой территории для её защиты, одним своим присутствием мотивировали здешних руководителей на наведение порядка. По крайней мере, такая мысль мелькнула у Плети, когда инферналы пошли на снижение: буквально на каждом перекрёстке виднелись знакомые чёрные фигуры.

У здания городской администрации, совмещённой с резиденцией наместника, уже собралась делегация встречающих. Богато украшенные тоги и изображения родовых гербов наглядно свидетельствовали о том, какой социальный слой оказался на вершине нынешней революции, а немного необычный порядок построения — о том, что внутри него явно присутствовала дополнительная иерархия по неизвестному признаку. Впрочем, чего далеко ходить: Ресд упоминал о централизованном управлении в этой псевдосекте. Видимо, оно и есть.

Вперёди стоял плотный мужчина с залысинами, одетый в тёмно-зелёное с красным. Плеть помнил его ещё с прошлого раза: наместник города, относительно недавно соблазнённый идеалами справедливости и очень вовремя оказавшийся на стороне повстанцев. Торговался с ними о сохранении должности — и таки получил её в качестве награды за особые заслуги: буквально за несколько часов до захвата города он помог его совершению парой действий административного характера.

Эту и другую не особо нужную ему информацию повелитель нежити получил, когда во время «горячей стадии» сидел в администрации и контролировал оттуда ситуацию в прилегающем районе. Задание требовало держать градоначальника в поле видимости: допустить захвата последнего лояльными Риму войсками было нельзя. Тот использовал своё вынужденное бездеятельное положение на полную катушку, так, как сумел: переживая за судьбу восстания, сначала глушил алкоголь, а потом стал изливать душу единственному постоянно находившемуся поблизости слушателю. Не привыкший ругать вслух взрослых людей, Плеть мог разве что сгоряча дать раздражителю в морду, но Ресд тогда запретил всерьёз ругаться с революционерами во избежание потери контроля над и без того рисковой ситуацией. В общем, решительно никаких положительных ассоциаций градоначальник у инфернала не вызывал.

— Рад, что вы отозвались на мою просьбу и даже прибыли лично чтобы… — судя по интонациям, реакцию на просьбу наместник считал крайне запоздалой, а личный визит

воспринимал как минимум сам собой разумеющимся. Тавис оборвал его взмахом руки и недовольно отозвался:

— Да, да, мы тоже очень рады. Но, может, будем говорить не на улице?

Городской глава нахмурился, но потом кивнул:

— Согласен, давайте перейдём сразу к делу. Прошу за мной, господа.

Чуть поотстав, Плеть тронул напарника за плечо и тихо напомнил:

— Если что, это меня отправили сюда разбираться, а ты только страхуешь.

— Я и страхую, — огрызнулся Тавис. — Если бы я ничего не сказал, мы бы тут и стояли.

Повелитель нежити пожал плечами. Ему приём тоже не особо пришёлся по душе, но что делать, такие им достались союзники.

Проходя по помещениям здания администрации, инферналы только головами качали. Город был захвачен достаточно быстро, районы серьёзного сопротивления вовремя рассекли на части и окружили, пользуясь эффектом неожиданности, так что центр города бои практически не затронули. Однако сейчас здание выглядело изнутри довольно потрёпанным, вплоть до сколов на стенах. Повстанцев явно пытались брать штурмом, причём не менее двух раз и каждый почти успешно. Интересно.

Тем более, что планировка была заточена под защитников здания. Либо начались волнения среди солдат, перешедших на сторону новой власти, либо против неё поднялась значительная часть гражданского населения… Проблемы, из-за которых сюда вызывали Ресда, начинали обретать очертания.

Привели инферналов не куда-нибудь, а в оставшийся с прежними функциями зал приёма, о чём свидетельствовал трон на возвышении у противоположной от входа стены. Кому он предназначался, императору или наместнику, понять не удалось: места всем были приготовлены за стоявшим посреди зала длинным столом, гостям — на ближнем ко входу торце, председателю собрания — на дальнем, остальным — по сторонам. Стулья стояли простые, деревянные с резными спинками, настраивающие на серьёзность.

Плеть, впервые участвовавший в мероприятиях такого рода, воспринимал происходящее как должное. Тавис попытался устроиться удобнее, потом облокотился на стол; судя по глазам — решил выплеснуть раздражение на его первопричину, на переговорщиков.

— Итак, приступим, — вновь взял слово наместник. Сев на место председателя, он чуть наклонился вперёд и сцепил в замок

руки, давая почувствовать всю серьёзность ситуации. В этом ему помогала молчаливая группа поддержки, в фокусе которой и оказались инферналы.

«Вот ведь давят, — подумал Плеть. — Непохоже, чтобы на них так повлиял выпад Тависа». Произнёс вслух:

— Извините, а можно пару вопросов?

Наместник, у которого, по-видимому, имелся собственный план разговора, процедил:

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы ещё раз пересказать, вкратце… ну… — Плеть обвёл собравшихся рукой, — кто вы такие, в общем. Вы ведь какой-то комитет, с какими-то целями… Это важно, а я слегка подзабыл.

— Давайте об этом расскажу я? Идеология это моя стезя, — предложил человек в светло-зелёной с золотой окаймовкой тоге, сидевший по правую руку от наместника. Сразу начал, высоким голосом с характерными нотами профессионального рыночного торговца: — Если вкратце, то мы — главы знатнейших родов Аргентума, история которых начинается вместе с основанием города…

Тавис демонстративно скучающе подпёр кулаком щёку.

— …торговлю, руководя работой городских служб и занимаясь другими важными делами. Логично, что мы гораздо лучше представляем устройство города, механизмы, обеспечивающие жизнь его граждан. И, если так подумать, то они во многом завязаны на нас, что имеет особый смысл в государственных вопросах.

— Вы что-то начали говорить о самоуправлении, — поймав паузу, Плеть направил речь в нужное русло.

— Да, конечно. Я об этом и говорю. Выглядит странно, когда нам, людям, посвятившим городу свои жизни, спускают сверху малоосмысленные, а иногда и просто популистские распоряжения, как и что делать, — идеолог сделал паузу, акцентируя свои слова. — Фактически нас ограничивают в естественных правах и выдают это за безграничную мудрость императора. Одновременно то, что делаем лично мы, на благо общества и государства, приписывается к его заслугам, мол, это его мудрое и толковое управление способствует процветанию города!

— Короче, вы хотите его убить, — решил подвести итог Тавис. Его по обыкновению негромкий голос усилила акустика помещения, но Плеть всё равно удивился, что напарника услышали на другом конце стола.

— Что за бред! — всплеснул руками наместник. — Это

важный пункт, мы говорили о нём сотни раз!

— Но ведь он вас убьёт при случае? — хищно поинтересовался командир тёмных ангелов, как будто пытался сменить формат разговора на что-то более интересное ему.

— Как только война закончится, — снова взял слово идеолог, — мы сформируем делегацию и отправим её ко двору императора дабы разъяснить нюансы наших идей и предложить взаимовыгодное сотрудничество.

— Но война закончится нескоро, — заметил Тавис. — Ситуация не…

— Уважаемый, посмотрите на карту, — заявил патриций с середины стола. Судя по мундиру, то ли из гражданских служащих, то ли военный-перебежчик. — Она уже близится к завершению, под нашим контролем главная провинция страны, под вашим — Рим. Осталось додавить противника в Юстиции, и деморализованные императорские войска сами начнут сдаваться в плен.

— Уважаемый, — Тавис саркастично выделил обращение, — я войну наблюдаю каждый день из окна, а не только на карте.

— Вообще-то… — Плеть попытался вмешаться, но спорщики уже сцепились.

— Хочешь сказать, что мы плохо воюем? — вскинулся представитель военной касты революционеров. Его резкий голос усиливался эхом. — Я на службе состою дольше, чем ты живёшь!

— И х…ли толку, если вы даже Аргентум взяли с нашей помощью! — насмешливо крикнул Тавис.

По собравшимся прошла ощутимая волна негодования: последнее заявление никого не оставило равнодушным. Наместник, который тоже вроде как собрался прекратить ругань, решил дать единомышленникам отыграться.

— С чьей помощью, с твоей? — гаркнул военный. — Тебя я там даже не видел, а вот его, — он кивнул в сторону Плети, — помню по администрации. Бегал передавал распоряжения от штаба. Огромная помощь! Без вас, двух посыльных, у нас бы ничего не вышло.

— Половина этих распоряжений были не от штаба, а от меня.

Задетый несправедливым упрёком повелитель нежити учёл последнюю ошибку и использовал образ для усиления голоса, благодаря чему негромко произнесённая фраза донеслась до каждого в зале. Комитетчики удивлённо закрутили головами, пытаясь отследить источник звука, общее внимание рассеялось — и стало возможным продолжить переговоры.

— Раз уж мы начали обсуждать войну, я хочу спросить вот о чём. Недавно вы прислали сообщение, в котором просили оказать

помощь войсками. Было такое?

— Было, — отозвался наместник, моментально перехватывая инициативу. — Очень рад, что вы сами вспомнили об этом. Где они, почему мы их не видим? Они идут следом? Или кроме вас двоих никого больше нет?

— Мы прибыли вдвоём, чтобы обсудить условия, — сдержанно ответил Плеть. — После этого можно будет предпринимать какие-то конкретные действия.

— Что-то я не слышу в вашем тоне желания сотрудничать, — включился идеолог. — И, честно говоря, всё менее уверен, что вы имеете отношение к господину Ресду и не прибыли сами по себе.

— Разумеется, имеем, — повелитель нежити растерялся от такого странного предположения, — и…

— Тогда в чём дело? — римлянин картинно развёл руками. — Где помощь молодой республике, которая была нам обещана уже давно? Мы положили всё на весы этого противостояния и не видим никакого стремления к признанию и вознаграждению такой жертвенности!

— Вы вообще хотите стабильный тыл? — военный решил не отставать и додавить до конца. — Или вы настолько глупы, что надеетесь удержать Аргентум безо всяких усилий?

— Эй, полегче! — возмутился Тавис. Плети тоже чем дальше, тем меньше нравилась ситуация, но он продолжал пытаться вырулить в нужную сторону:

— Главный вопрос сейчас заключается в другом…

— Я думаю, не вам судить о том, какие вопросы главные, молодой человек, — загремел наместник, заглушая даже магическое усиление. Его поддержало одобрительным шумом остальное собрание. — Вы обычный посыльный, а уже пытаетесь устанавливать свои правила. У провинции проблемы, вот что важно, а не ваши хотелки!

— Вы даже не пытаетесь меня выслушать!

— Умолкни, малец, и послушай, что взрослые скажут! — рявкнул военный.

* * *

Тавис от негодования вцепился в край стола, чувствуя, как горит лицо. Сколько можно терпеть эти унижения! И Плеть вдобавок мямлит вместо того чтобы навести порядок! Похоже, придётся самому.

Едва он начал подниматься, на плечо легла рука. Командир тёмных ангелов повернулся к напарнику, собираясь высказать ему

за нерешительность и долготерпие — однако вдруг смешался и медленно опустился обратно на стул. В глазах повелителя нежити горело что-то такое, чему он не мог подобрать название, но что совершенно точно являлось противоположностью смирению и покорности. И, как ни неприятно было это признавать, немного пугало.

Плеть запустил правую руку в один из карманов, вытащил с надетым на средний палец перстнем. Неровный тёмно-красный камень размером с перепелиное яйцо, оказавшись направлен на злоязыкого революционера, после секундной паузы вызвал взрыв всеобщего смеха. По-видимому, благородное собрание решило, что мальчик пугает их своим высоким положением. Только Тавис, постоянный участник клуба любителя волшебных побрякушек, понял, что последует дальше.

Камень вдруг потерял цвет, словно внутри выключили лампочку, а от него по воздуху протянулась полупрозрачная красная нить. Проследив за последней, патриции обомлели: крепкий мужчина лет сорока мелко дрожал и тело его прямо на глазах усыхало. Менее чем за полминуты одиночных панических вскриков и ошарашенного молчания остальных он превратился в обтянутый кожей скелет в красивом, без единого повреждения мундире, отвалившийся на спинку стула. Нить, входящая в грудь, словно длинная призрачная пиявка, по окончании процесса исчезла.

— Я тот, с кем вы будете говорить, — тихий голос Плети, на который по-прежнему действовало усиление, потусторонним шёпотом накрыл зал, довершая атмосферу ужаса и погибели; даже Тавис не мог не оценить эффектность перехода. Камень на руке повелителя нежити снова блестел красным.

— Инфернал, — прошептал кто-то. — Инфернал!

— Вам это ничем не поможет, — качнул головой Плеть. Заорал, до звона в барабанных перепонках: — Сидеть!

Повскакивавших было патрициев силой раскидало по местами и прижало — нижними половинами к стульям, лицами и ладонями к столешнице. Несколько человек забилось в судорожных рыданиях.

Тавис, скрестив руки на груди, задумчиво наблюдал за разворачивающимися событиями.

— Согласно распоряжению Ресда, данному ещё перед началом войны, — заговорил Плеть, поднимаясь и направляясь к противоположному концу стола, — в случае наступления противника в сторону Аргентума запрещалось предпринимать какие-либо самостоятельные действия и следовало незамедлительно связаться с центральным штабом командования.

Почему вы его нарушили?

— Мы не наступали, — выдавил идеолог, нелепо крутя головой, словно пытаясь раздавить лбом жвачку.

— Сколько войск вы собирались просить у нас?

— Мы… нам требуется не менее трёх тысяч бойцов для разведывательно-диверсионных операций и не менее двадцати тысяч обычных. Агх!

Патриция швырнуло в обратную сторону и стало растягивать на спинке стула, выворачивая конечности. Плеть недоумённо повторил:

— Двадцать три тысячи. При том, что нам самим требуются рекруты. Где логика?

— Это наши… потребности, — лицо идеолога налилось кровью, а руки опасно захрустели. — Я не занимаюсь военными делами! Не надо!

— Интересно.

Давление ослабло, зато следующий образ вышиб стул из-под председателя собрания. В момент падения едва не сломав удерживаемую на столе шею, тот взвыл.

— Зачем вам войска, живо, — потребовал инфернал.

— Гарнизоны крепостей. Защита города, — прохрипел наместник.

— А ничего, что в вашей провинции живёт несколько миллионов?

Революционер не ответил, но смысл был более-менее понятен.

Плеть походил туда-сюда, раздумывая. Бросил, вспомнив что-то:

— Когда враг перешёл границу? Вопрос к обоим!

Лидеры повстанцев молчали, то ли прикидывая, как соврать, то ли прощаясь с жизнью. Повелитель нежити вкрадчиво добавил:

— В ваших интересах ответить быстро и честно. Отпускать я никого не собираюсь, но честный ответ может облегчить участь.

— Две недели, — решился наместник.

— Сколько?!

Новый образ отбросил градоначальника от стола и распластал на полу. Идеолог взлетел вверх и повис в полуметре над полом, царапая ногтями шею; мысками он едва-едва доставал до столешницы, и только благодаря этому не умирал от удушья.

— Две недели как открыт юго-восточный фронт! А вы тут играете в политику? — Плеть встал на опустевшее место председателя. — Вы, долбанный революционный комитет. Вы обещали, что провинция тут же поддержит вас, а через месяц вас будет носить на руках вся империя! Рассказывали, что половина

армии ждёт не дождётся возможности добраться до императора! А теперь сидите здесь, как крысы, запертые в бочке, и воюете с населением своего города, которому вы на хрен не нужны!

«Заканчивай, — подумал Тавис, — здесь больше нечего делать». Но он немного ошибся.

— Солдат им не хватает… Будут вам солдаты. Сами пойдёте служить, раз ничего толкового не умеете.

Невидимая петля потянула идеолога вниз, и тот рухнул на стол, растянувшись на спине головой к повелителю нежити. Кому-то из соседей прилетело по голове конечностями, кого-то накрыло зелёно-золотой тканью, но больше никто не кричал; даже сама жертва, чьё падение сопроводил характерный хруст, не могла издать ни звука, лишь налитые кровью глаза бешено вращались в орбитах.

Тавис, закусив губу, наблюдал, как напарник откидывает края тоги, освобождая грудь пойманного. Как сама собой расходится на ней кожа, а затем раскрывается, словно двустворчатая решётка, грудная клетка, открывая доступ к живым органам. Забыв про остальной мир, Плеть был полностью сконцентрирован на своих действиях.

Лишь насладившись до конца прелюдией, он, дрожа от волнения, потянулся к трепещущему сердцу.

* * *

Поворошив палкой костёр, я сел поудобнее и сконцентрировался. Контакт появился почти сразу: дрова занялись хорошо, да и на сытый желудок медитировалось проще.

Кот, проявившийся в огне, выглядел как будто бы сонным, и я в некоторой степени понимал его: день выдался насыщенным. Остаток утра ушёл на то чтобы получить от Илиаса максимум интересной информации, которую требовалось сразу же укладывать в голове и сохранять для последующего обдумывания. Вторую половину дня мы потратили на сборы и закупки в магазинах: маг предложил сопроводить меня, а я слишком не хотел прощаться чтобы отказываться. Натура Правителя сперва взбрыкнула, мол, зачем покупать что-то, если можно просто создать, но успокоилась по взятии из воздуха мешочка с деньгами и более себя не проявляла.

В общем, за пределы поселения я вышел ближе к вечеру, а закат встретил на близлежащих холмах, где нормальные путешественники, судя по всему, устраивали первый либо последний, смотря по пункту назначения, привал без ночёвки.

«— Ну, рассказывай» — зевнул кот. Лёжа на боку, он щурился в мою сторону, вяло подёргивая кончиком хвоста.

«— Что? Ты ведь и так знаешь всё, что со мной происходит».

«— Но ведь не будущее. А сейчас нас волнует именно оно».

«— Случилось что-нибудь серьёзное?» — с опаской спросил я.

«— Ничего из того, что требовало бы твоего внимания, — кот понял с полуслова. — Рассказывай, какие планы».

«— Примерно те же, что и были. Похоже, здесь всё завязано на магов земли, так что иду по деревням собираю ориентиры на них. Как определю точное местонахождение — беру крылья и лечу туда».

«— А когда встретишься с магом?»

«— Узнаю у него всё возможное, а дальше либо искать следующего, либо по ситуации. Правитель оставил достаточно конкретный знак: земля — единственная стихия, не имеющая полноценной общины. Но как-то ведь маги обучаются? Вероятно, напрямую у того, кто отвечает за здешнюю магию в целом».

«— Двухходовая комбинация, — заключил кот. — Не слишком ли просто для человека, которому несколько сотен лет?»

«— Не слишком, — возразил я, — Альден рассказывал, что все, кто пытался его найти, были ограничены по времени пребывания на чужой территории. Они не могли, как я, потратить сначала месяц на внедрение в общину, а потом ещё сколько-то на поиски в нужном направлении. Они не вникали, понимаешь? Оценивали ситуацию по формальным признакам и пытались уложить задачу в минимальные сроки».

«— А ты оцениваешь не по формальным?»

«— Нет, конечно! Я узнавал о здешнем устройстве, пытался понять, что выбивается из общего ряда. Это тебе не прилететь и начать искать столицу».

Кот задумчиво повёл хвостом. Заметил:

«— На протяжении месяца в Общине ты не занимался целенаправленно сбором информации».

«— Прочее время я естественным образом вливался в коллектив, — возразил я. — И добывал изнутри те сведения, которые сложно было бы получить незнакомцу».

«— Да, в этом что-то есть».

Во взгляде кота читалась лёгкая усмешка, но я перевёл дух: ощущения агрессивного спора не было, меня, что называется, гоняли по пройденному материалу и проверяли таким образом готовность.

«— Другие Правители, — продолжил огонь, — были гораздо опытнее. Они могли тратить меньше времени на анализ не только из-за ограничений, но и благодаря развитому мышлению. Ты это

учитываешь?»

«— Конечно. Но тут дело не в навыках, а в отправных точках. Думаю, именно поэтому они в итоге никого не нашли: искали привычными способами, не подстраиваясь под обстановку».

«— Хорошая мысль. Пожалуй, на ней стоит остановиться подробнее. Зачем бы здешнему Правителю хотеть с тобой общаться?»

Формулировка отличалась от той, которую я ставил себе сам некоторое время назад, так что готовый ответ отсутствовал.

«— Мне кажется, это естественно», — осторожно сделал я первый шаг.

«— Ты воспринимаешь его как владельца головоломки, ждущего, когда отыщется кто-то способный её разгадать. И предполагаешь, что достаточно сделать это — и тебе в руки посыплются все тайны мироздания», — кот уставил немигающий взгляд.

«— Так выходило по рассказам».

«— Но мы уже пришли к тому, что действия предыдущих искателей оказались бесполезными».

«— Предлагаешь отбросить всё основанное на их опыте как не имеющее обоснований?» — удивился я.

«— Конкретно то, что вводит тебя в их колею».

Я углубился в мысли. Идея была интересной, раньше ничего такого в голове не проскальзывало. Кот тоже взял паузу в ожидании ответа.

«— Принял к сведению. Что-нибудь ещё?»

«— О, мы даже до главного не дошли, — в голосе огня появилась ирония. — Как ты считаешь, почему Правители действовали именно так, а не иначе?»

«— Потому что привыкли», — я пожал плечами.

«— К чему?»

«— Ну… я не знаю точно, чем они занимались в Фор-Корсте, только подозреваю».

«— Допустим, что тебе хватает знаний, чтобы анализировать эту ситуацию и иметь компетентное мнение. Тем более что ты уже начал».

«— Ладно. Я подозреваю, что сначала они так же, как и я, считали Фор-Корст нормальным государством и исследовали его с точки зрения распределения власти. Искали столицу, потом магов. Но в какой-то момент понимали, что не так всё просто».

«— Другими словами, местный лидер не совсем тот Правитель, которого они искали», — вставил кот. Задумавшись над его словами, я почувствовал, что начинаю понимать, к чему меня ведут.

«— Они тоже считали его призом в игре».

«— Потому-то он, наверное, и не открылся».

Я снова взял паузу для раздумий. Через пару минут проверил, сохранён ли контакт; заодно не глядя подкинул в костёр пару лежащих рядом веток. Озвучил выводы:

«— Правители рассуждали в рамках принадлежности к одной социальной группе. Искали кого-то похожего на них самих. Но здешний Правитель настолько отличается, что эта тактика не работает. Надо мыслить более свободно — и искать кого-то, не попадающего под обычные категории».

«— Да, — согласился кот, — это должно быть правильным решением. Есть идеи, с чего начинать?»

«— Ни одной. Слишком резкий поворот, нужно многое переосмыслить».

«— Тогда лежи отдыхай. Утро вечера мудренее».

Солнце к этому времени уже зашло, стремительно накатывала темнота. Небольшой костерок, освобождённый от ментального контакта, гонял тени по окружающим полянку деревьям.

Дрова можно было растянуть на полчаса, но и только: засиживаться перед сном я не планировал. Как водится, обстоятельства внесли свои коррективы. Как же тяжело заставлять себя подниматься…

Плюнув на экономию, я щелчком пальцев удвоил уже собранную кучку веток и добавил новую порцию чая. Чем лазать по окрестностям в поисках сушняка, лучше потратить это время на воспоминания о быте оставленной Общины.

Поставив чашку на землю неподалёку, я лёг на спину, закинул руки под голову, обратил взгляд в звёздное небо и погрузился в себя.

* * *

Утро встретило успевшим забыться ощущением солнца в глазах. В Общине такое явление отсутствовало благодаря густому лесу и палаткам, так что с первых секунд стало ясно: всё прежнее можно забыть, я опять на новом витке.

Разобравшись с утренними делами и собрав немногочисленный скарб, я наскоро, одной стихиальной магией, разжёг огонь на нескольких тонких веточках. Контакт установился, кажется, даже не через них, а через струйку дыма, потянувшуюся вверх, как от ароматической палочки.

«— Что решил?» — раздался в голове привычный голос.

«— Решил попробовать отказаться от своих способностей. Никакого потенциала, ничего сверхъестественного, за исключением магии, освоенной в самом Фор-Корсте. Это должно продемонстрировать, что я принял подчинённую роль и местные правила жизни. Может, Правитель проникнется моей самоотверженностью».

«— Вполне», — оценил огонь.

«— Я надеялся, что ты откажешься», — признался я.

«— Есть другие идеи?»

«— Была пара, но они ещё глупее».

«— Что-то ты не блещешь самоотверженностью», — иронично заметил огонь.

«— Есть такое. Ну, в крайнем случае, кинусь Правителю в ноги и буду давить на жалость».

«— Да, один из двух неозвученных вариантов. Я хотел, чтобы ты сам напомнил себе об этом».

Решимости в самом деле стало чуть больше. Не прощаясь, я разорвал контакт и рывком поднялся. Подхватил мешок с вещами, последний раз осмотрелся — забывать теперь ничего нельзя, — и направился к дороге.

Глава 6

Увидев товарища, Тавис не удержался от ухмылки. Лицо повелителя нежити светилось такой умиротворённой улыбкой, будто на него не свалилась нежданно-негаданно ответственность за довольно мерзопакостный фронт работ, а настигла изрядно запоздавшая весенняя любовь. Тем интереснее оно было, что сам Тавис играл сейчас обратную роль: планы шли просто замечательно, все последние действия выстрелили в десятку, но при этом для окружающих требовалось демонстрировать пессимизм и тревогу.

— Здорово, — буркнул он, возвращая «маску» измотанности.

— Привет, — кивнул Плеть, стоявший у главного входа в администрацию. Инферналы пожали руки.

— Поговорим? У меня плохие новости.

— Ага, — неопределённо кивнул повелитель нежити. — Пошли, заодно кабинет свой покажу. Я тут обзавёлся.

Командир тёмных ангелов прищурился:

— Кабинет? Чем ты там занимаешься, интересно? Выглядишь как хорошо накуренный.

Улыбка Плети никуда не делась и как будто даже расширилась.

— Да не, на задании ведь нельзя. Это я так… настроение хорошее.

— Всё ещё на задании?

— Ну да, звонок только завтра-послезавтра обещали.

Вновь сменившее хозяина здание, включая крыло бывшей резиденции наместника, за три дня отсутствия Тависа подлатали. Дыры выровняли, пыль протёрли, кое-где вернулся зеркальный блеск. С другой стороны, коридоры радикально разгрузили: картины, скульптуры, прочие декоративные принадлежности почти полностью исчезли, забрав с собой какой-никакой уют. Странный всё-таки был вкус у повелителя нежити.

О том, что порядок принялись наводить в его будущих владениях, Тавис старался не думать: нельзя сбиться с настроя и упустить момент для подсекания. Пересилив себя, он даже произнёс уважительно:

— Приятно посмотреть, мусор убрали.

— Место занимал, — охотно отозвался Плеть, — здесь и так коридоры не слишком большие, а когда люди стали в три ряда ходить, совсем тяжко стало.

— В три ряда? Тебя тоже штурмом брать пришли? — не понял Тавис.

— Нет, я решил не ждать. Наоборот, всех самых активных потащили сюда. Так и ходили: сам в центре, двое под руки.

— Хо-хо. Смотрю, ты тут поразвлёкся.

— Ещё как, — улыбка Плети неуловимо изменилась и на несколько секунд из блуждающей довольной превратилась в откровенно плотоядную.

Рассказывать подробности он не стал, но Тавис понял главное для себя: с их прошлой встречи эйфория напарника не только не прошла, но и, более того, устоялась. Ранее довольно тихий, теперь поднимающий скелетов инфернал дождался своего звёздного часа и явно не прочь был набить ими все шкафы в окрестностях.

Пришли они не куда-нибудь, а в кабинет, ранее предназначавшийся, судя по размерам и убранству, для наместника. Вот тут-то всё осталось обустроенным по-прежнему; решил ли Плеть довести соответствие своей временной должности до максимума или здоровое честолюбие оказалось не чуждо и ему — в свете остального не имело особого значения.

Сев в одно из кресел перед рабочим столом, повелитель нежити махнул рукой на соседнее, но Тависа такой формат не устроил; осмотревшись, он направился к стоявшему у стены уголку для распития кофе. Пояснил:

— Давай нормально посидим. Не первый день знакомы всё-таки, можем позволить.

— Не люблю низкие поверхности, — пожал плечами Плеть, однако встал и перешёл на диванчик. Командир тёмных ангелов мысленно похвалил и себя, и его: всё шло как надо.

— Какие проблемы для нас с тобой! Махни рукой, и поверхность будет самая подходящая.

— Ну, ты говорил, проблемы всё-таки имеются. М?

— Не без этого. — К делам так к делам. Тавис посерьёзнел. — Хотя, может, сначала расскажешь, как у тебя? Не хочется начинать с плохого.

— Да всё путём, — Плеть пожал плечами. — Разве что получил в первый день выволочку от Ресда, когда ты опередил меня с докладом.

— Прямо-таки выволочку? — командир тёмных ангелов изобразил беспокойство. — Не думал, что он так вскипишует. А поподробнее?

— Позвонил ближе к ночи, через пару часов после твоего отлёта. «Правда, — говорит, — что имперцы в этот район лезут? Почему не доложил сразу?» Ну, и в таком духе.

— Понятно… Я прилетел в первую крепость, а там ну полный п…ц. Делать что-то надо, причём быстро и по-серьёзному:

осадный лагерь не ставили, но разведчики едва ли не под самыми стенами ходят. А нам ведь с тобой задание не уточняли. Звоню Ресду с вопросами, можно ли, там, это и это сделать. Потенциал, значит, потратить. Он сначала не понял, о чём я, потом говорит: «подожди, дай я у Плети отчёт запрошу, позже свяжемся».

— Ага.

— Я думал, ты уже отчитался. Сколько времени-то было к тому моменту. Да и, в любом случае, чего из-за нарушения очерёдности так переживать… Переклинило его прям. Извини, в общем.

— Забей, мелочи жизни, — Плеть мотнул головой. — Тем более, он потом ещё раз позвонил и назначил меня ответственным за весь город. В смысле, не просто разобраться с конкретными проблемами и улететь, а сделать всё, что посчитаю нужным, чтобы Аргентум в дальнейшем приносил максимальную пользу.

— Ха, удобно. А мне он наоборот, поручил оборону провинции: мол, раз ты внутренней политикой начал заниматься, — оба инфернала ухмыльнулись, вспомнив презентацию «внутренней политики» Плети, — то за остальное отчитываться буду я.

Внутренне же Тавис вскипел. Ответственным за город, значит! За его город! Вот ведь скотина, этот Ресд.

Плюс их фактически столкнули лбами, хоть Плеть этого ещё и не понял. Но скоро поймёт — когда речь зайдёт о необходимости разделять гарнизон…

— Ясно, — кивнул повелитель нежити. — Ну, так что там на юге?

— Плохо всё, говорю ж. Крепости малюсенькие, такие же, как на севере: чисто для поддержания контура границы. При этом имперцы давят будь здоров. Люди, пока было время, окопались, но теперь сидят и почти не высовываются. Я, пока летал, сам поучаствовал в двух оборонах.

— Да уж… А линия фронта что, не защищает? Или они диверсантов закидывают?

Тавис покачал головой:

— Ты не понял. Фронт это фронт, а нас сейчас давят с другой стороны, где граница провинции не соприкасается с империей. Нас тупо обходят с востока и атакуют не там, где сосредоточены боевые части, а там, где стоят только эти милип…рические крепости с минимумом гарнизона, за которые отвечали революционеры.

— Хм… Да, Ресд что-то такое предполагал в самом начале, — Плеть задумчиво почесал подбородок. — По идее, надо связаться

с Фаустом — пусть добавит войск на эту сторону, вытянет…

— Даже если он себе вытянет всё что можно, толку не будет, — перебил Тавис. Упёр в напарника жёсткий взгляд: — Ты опять не понял: нас атакуют по всей протяжённости. На юге и юго-западе — если считать от Аргентума — есть линия фронта, которая держит основной натиск. На юго-востоке и востоке нет, считай, ничего.

Повелитель нежити, поняв, наконец, проблему, нахмурился:

— Странно, из комитета никто об этом не упоминал. Про проблемы с крепостями говорили, но о широком охвате первый раз слышу.

— Видимо, они свои башенки полноценными крепостями считают, — хмыкнул Тавис, до поры прекращая давление. — Скольких ты, кстати, положил их за эти дни?

— Конкретно из комитета? Почти все живые. Они у меня сейчас вроде советников: задаёшь вопрос какой-нибудь, а они и на него отвечают, и на десяток смежных. А если наугад задал, не разбираясь в теме, то ещё и основы объяснят. — Плеть задумался: — Тем более странно.

— Может, они и сами не знали. Не дошли до разведки, с их-то деятельностью, — выкрутился командир тёмных ангелов. — Ну, ладно, не суть. В общем, положение у нас теперь зашибись: войска и тут по границам нужны, и для Юстиции, и в самом Аргентуме надо оставить, чтобы очередной мятеж не произошёл.

Повелитель нежити молчал, опустив глаза и теребя нижнюю губу. Тавис наклонился вперёд и поставил локти на колени:

— Я тут за эти дни поразмыслил, и самое рациональное предложение вырисовывается такое. Собираем по Аргентуму все подразделения, бывшие в подчинении революционеров. Делим их ровно пополам: половину отправляем по здешним границам, половину к нашим. Так мы и все срочные потребности закрываем, и распределяем по-честному. А чтобы гражданские в очередной раз не взбунтовались, оставшись без присмотра, кладём всё мужское население трудового возраста. Полностью. И тут же поднимаем.

Брови у Плети дёрнулись, но сомнений он не высказал, по крайней мере сразу. Внимательно посмотрел на собеседника — продолжай.

— Из поднятых половину уводим опять же на границы, в качестве рабочей силы. Нынешние укрепления к таким нагрузкам не приспособлены, и если вовремя не разобраться, контур порвут в мелкие клочки. Я бы, на самом деле, вообще перенёс его чуть ближе, то есть забрал бы гарнизон и укрепился в более подходящих местах. Наши операции первых дней сработали

слишком уж качественно, в дальних районах шаром покати. Все деревни пустые, пути снабжения в десятках километров. Единственный смысл там находиться — непрерывность линии обороны, но это, как ты уже понял, фигня полная. В сложившейся ситуации нам это абсолютно ничего не даёт, только бессмысленное увеличение дальности пересылки. Короче, одна половина трупаков уходит туда и работает на стройках, а вторая остаётся в городе, обеспечивает работу промышленности. Либо самостоятельно, либо в качестве надсмотрщиков над привлечённым живым населением.

— Даже это предусмотрел, — хмыкнул Плеть.

— Это лучший вариант из имеющихся, — Тавис развёл руками, не отрывая взгляда. — Если сможешь придумать что-то своё, то пожалуйста. Но здесь действительно всё завязано друг на друга и используется с максимальной отдачей.

— В качестве надсмотрщиков может не прокатить, тут народ морализованный больно. Хотя… Если пригрозить простой смертью, точно откажутся, а вот в таком виде надо проверить. Да, а что с твоей ротой? Которая сейчас в Аргентуме? Мне кажется или её ты тоже хочешь забрать?

Командир тёмных ангелов, подготовленный заранее, выдержал удар:

— Хочу. И это самое важное. Во всей этой ситуации… По восточной границе были натыканы «глаза».

— Там же «серое поле»? — не понял Плеть.

— Вот именно. Ручные, не автономные.

Повелитель нежити потёр подбородок, не улавливая сути — в некоторых аспектах теории он по-прежнему плавал.

Тавис терпеливо ждал. Наконец, напарник догадался:

— Хочешь сказать, они решили сделать этот фронт одним из основных и теперь проводят полномасштабную разведку?

— О, это самое меньшее из того, что нас, по-видимому, ожидает, — командир тёмных ангелов сосредоточился на своей убедительности: — Даже если Братство или империя раздвинутся для получения энергетических бонусов, им не хватит сил закинуть сюда столько ручных «глаз». Тем более, по всей границе. На восточную сторону они в жизни не дотянутся. Это первый момент. Второй — наблюдатели в крепостях говорили, что время от времени замечают разведгруппы. Непохожие ни на римлян, ни на теней, ни на эльфов. Понимаешь, что это значит?

— Ну…

— Брось, — скривился Тавис, — ты уже понял, о чём речь, просто не хочешь это признавать.

— Ора? — Плеть вздохнул. — Думаешь, она начала нас

контролировать?

— Когда имперцы резко усилили натиск на эту провинцию? Когда на других фронтах всё завязло и они не могут получить решающего преимущества? В этот момент она просто начала нас контролировать? Я даже отвечать не буду — сам прикинь, насколько хуже может оказаться ситуация.

Повелитель нежити закусил губу:

— Я слышал, вы с ней в ссоре.

— И я из мести сваливаю на неё таинственные происшествия на границе, чтобы обвинить в предательстве?

Один точный выпад — и защита пробита. Плеть не смог повторить недавний подвиг собеседника и, не выдержав, отвёл взгляд.

— Знаешь, почему мы с ней поссорились в первую же встречу? — продолжил Тавис. — Я ей уже тогда не поверил: мутная какая-то. Прилетел договариваться о союзе, она вышла, поболтала со мной минут десять, за это время три раза спросила, где Ресд и почему он не пришёл сам. В конце концов, заявила, что будет общаться только с ним, и больше ничего слушать не захотела. Это нормально? Кто вообще так переговоры ведёт? Как будто не военный союз обсуждался, а с кем она в постель вечером ляжет. Заметь, Ресд туда слетал — и всё в ажуре. Думаю, между ними реально что-то есть, просто они то ли пытаются скрывать это ото всех, то ли сами не до конца разобрались.

Повелитель нежити теребил руки, не поднимая взгляда. Спросил нейтральным тоном:

— Мы ведь предполагали, что у него муты с генсеком?

— Да фиг поймёшь, с кем у него там муты. Как будто ты не знаешь Ресда… Может, с обеими и он никак определиться не может. Вот и ждёт, когда они обе окажутся в его руках чтобы сделать выбор на натуре.

— Угу…

Вдруг Плеть щёлкнул пальцами:

— О, забыл совсем. Смотри, что у меня теперь есть. Руфий, чаю!

Из дальнего угла кабинета донёсся шум. Отследив его источник, Тавис непроизвольно вздрогнул: совсем за безопасностью перестал следить, уже таких вещей не замечает.

Похожий на ожившую статую, выполненную в умеренно реалистичном стиле, в углу стоял бывший член революционного комитета, выпотрошенный Плетью в присутствии напарника несколько дней назад. Выглядел вурдалак откровенно жалко; завешанный какими-то тряпками, он пытался то ли снять их и сложить, то ли просто выпутаться — по рваным косым движениям

сложно было понять. От родной его, некогда роскошной, зелёной с золотым тоги осталось едва с половину материала, да и тот держался на теле лишь благодаря тугим узлам, судя по всему — завязанным кем-то другим, не испытывающим проблем с моторикой.

— Ему пока ни разу не удалось сделать его нормально, так что можешь не надеяться, — прокомментировал Плеть. — Воспринимай как декоративный элемент.

— Ты, вроде, хотел его в армию отдать? — Тавис с интересом следил за пытавшимся разобраться с поставленной задачей трупом.

— Много чести. Так тоже неплохо. И меня радует, и остальным напоминает, что происходит, если вести себя не по-человечески. Ты бы видел, какие у них глаза становятся…

Помолчав, Тавис решил закрепить положение:

— Так что, как тебе план? Выдашь мне людей?

— Ммм… ну, сейчас, вроде, затишье, но потом неизвестно, как сложится.

— Складывается всё на границе. Где нужно и от штурмовых отрядов отбиваться, и коммуникации восстанавливать, и ещё за диверсионными группами хрен знает какой принадлежности бегать. Пока не стало совсем поздно и туда не пришли легионы, дополненные армиями с северо-востока.

Плеть вздохнул. Командир тёмных ангелов пристально следил за ним:

— Если есть какие-то проблемы, давай разберём их сейчас. Я тебя в чём-то не убедил?

— Не то чтобы… Посуди сам: ты улетаешь на три дня, по возвращении говоришь, что граница кишит вражескими войсками и её срочно требуется защищать. А для этого — надо использовать все внутренние резервы. Плюс к тому замечены непонятные диверсанты, которые вроде бы отправлены Орой. Тебе это самому не кажется… ммм…

— Враньём? — прямо спросил Тавис. — Первое. Если при нынешнем уровне доверительности ты можешь думать, что я вру, я прямо сейчас встаю и ухожу отсюда, потому как вместе нам ловить больше нечего. Второе. Если ты думаешь, что я не вру, но подстраиваю факты друг под друга, найди свою версию, как это может быть связано. А я буду опираться на стратегию и лучше подниму тревогу, чем потом окажусь в безвыходном положении. Третье. Во всём, на что я сослался, ты можешь убедиться самостоятельно — у нас есть ещё сутки-двое до возвращения в штаб, как раз успеешь слетать посмотреть. Четвёртое. Дело не только в диверсантах, но и в «глазах». В грёбанных автономных

«глазах», которые здесь появиться никак не могли. Понимаешь? Никак!

Спустя полминуты молчания Плеть произнёс:

— Чтобы поставить в городе замену гарнизону, понадобится двух-трёхсуточный объём энергии. То есть я сожгу половину того, что восстановил за время задания.

— А не многовато? — Тавис, уловив, куда клонит напарник, занервничал, хоть и не подал виду.

— Ни разу. И это всё равно выйдет так, аморфная масса — до твоих ангелов я трупы в любом случае не дотяну. Ресду может не понравиться: в чём смысл был мне улетать, если я всё слил?

— Он сам сказал восстановить контроль над Аргентумом любой ценой. Двухдневный объём — цена позволительная.

— А потом он разозлился из-за нарушения порядка очерёдности в отчётах.

Замечание было справедливым. Но последнее, что стоило делать, это спрашивать разрешения у Ресда и вообще как-либо привлекать его к этому вопросу. Мало того, что завалит все предложения на корню, просто потому, что они поступили от Тависа, так ещё и сам факт ненужного внимания.

Делать нечего, придётся рисковать.

— Ладно, уговорил. К какому времени тебе нужен полноценный гарнизон?

— Чем раньше, тем лучше, — удивился Плеть, — хорошо бы к моменту, когда нас выдернут отсюда, чтобы иметь полный контроль.

— Завтра-послезавтра… Угу. Значит, так: тех тёмных, что есть сейчас, я забираю и отправляю на границу — время терять нельзя. Остальная часть плана без изменений. А перед возвращением в штаб сделаю крюк до своей территории и там создам новую роту, которую отправлю сюда. Договорились?

— Дополнительный отряд? — повелитель нежити явно надеялся запугать товарища энергетическими тратами, чтобы он отказался от своей затеи. — Тебе настолько всё это важно?

— Не совсем дополнительный, — нехотя признался Тавис, — он будет чуть слабее, у меня энергии тоже не слишком много осталось. Но я это сделаю — потому что да, важно. По-другому тех лазутчиков не отловить, а без них разобраться в происходящем не получится. И… особая просьба — Ресд о происходящем знать не должен, ни одной детали. Если Ора ведёт свою игру и при этом сидит у Ресда на подсосе, он будет верить ей до последнего, и для нас это окончится плохо. Так что я сейчас тихо проведу разведку и разузнаю, что происходит на границе, а дальше по результатам. Либо поделюсь собранной информацией

и мы втроём поставим Ресда перед фактами… ну, либо я полностью обезопашу восточный край и там ещё долго не будет никаких проблем.

— Ладно, — сдался Плеть, — по рукам.

Очередной маленький шажок к большой победе.

Скрепив договор рукопожатием, инферналы снова замолчали, глядя друг на друга. В глазах Плети читался скепсис, мол, «вот, опять меня подбили на что-то сомнительное». Тавис же усиленно проецировал выражение морального облегчения, как будто бы решилась очень важная задача.

Пора было закругляться с делами и переводить внимание. Оглядевшись, командир тёмных ангелов поинтересовался:

— Слушай, я тут подумал. Это ведь чей-то рабочий кабинет был?

— Ну да, а что?

— Значит, к нему явно был приписан секретарь. Не сам же дармоед себе кофе заваривал.

— Скорее всего, — кивнул Плеть. Уголки его губ дёрнулись: начинал догадываться, куда клонит собеседник. — Правда, все разбежались. После того, что я здесь устроил, работать из местных остались только силовики, обслуживающий персонал приходится заменять своими.

— Нет, твои меня не устраивают, я кого-нибудь живого хочу, — решительно заявил Тавис. — Предлагаю устроить рейд на невыполняющих обязанности сотрудников. Точнее, сотрудниц.

— А тебе обязательно римляне нужны? Меня бы и твои устроили, они у тебя неплохо получаются, — цокнул языком Плеть.

— Гулять так гулять, давай уж натурпродукт используем. И вообще, ты наместник тут или кто? Считай, я тоже хочу завести кабинет и мне нужна твоя помощь в подборе персонала.

— Эх, что ж с тобой сделаешь. Ну, пошли, подберём. Только надо солдат взять, чтоб загонять желающих…

* * *

Голоса весело переговаривающихся инферналов вскоре затихли и уступили место тишине — в пустом здании практически не осталось живых душ; те, что были, находились в изолированных помещениях, специально чтобы не быть никем услышанными.

Установившийся покой ещё некоторое время нарушался тихим шорохом, который в конце концов прервал грохот: забытый

всеми зомби так и не сумел совладать с непослушными конечностями, окончательно запутался в них и рухнул на пол.

* * *

Монах моргнул, приходя в себя. Потёр уставшие от долгого неподвижного взгляда в никуда глаза.

В голове продолжали роиться мысли, ужасно громкие для спокойного размышления. Не самая естественная ситуация, но он знал способ исследовать их: выждав момент, ловил самую крупную и сосредотачивал внимание на ней, игнорируя остальные. Затем следующую. Это работало — однако сейчас их было слишком много, и продолжение процесса требовало сил.

Практически случайно вдали за клумбой — в ста шагах, надо думать, как и полагается — обнаружился Карс. Всем своим видом Одиночка выражал усталость от томительного ожидания, не пренебрёг даже наручными часами и мячиком на резинке, сотворёнными ради такого случая. Кого-то это оскорбило бы: согласно правилам, выбор, принять или отвергнуть гостей, каждый делал исходя из собственных побуждений, — но Карс знал, к кому идёт: побуждения Монаха не имели границ.

Помедлив, хозяин Круга махнул рукой, приглашая подойти. Радости от возможности общения он в себе не чувствовал, равно как и вины за сравнительно долгий отклик, однако беседа с живым человеком представлялась лучшим вариантом получения ответов на возникшие вопросы, а Карс — лучшим собеседником.

И часы и мячик исчезли ещё до того, как ребята оказались на расстоянии рукопожатия.

— Пойдём в тень? — спросил Монах.

— Ага, — Карс кивнул. — Жарко.

Когда они расположились под ближайшим деревом, Монах сотворил две чашки, одну — с чаем для себя, вторую — пустую, которую выдал гостю.

— Что пьёшь? — поинтересовался Карс.

— Чёрный чай со смородиной.

— А, я тоже буду. — Скопировав напиток, он сделал глоток и кивнул: — Неплохо.

Монах улыбнулся. Карс относился к людям, любившим танцевать на пограничном заборе правил Одиночек, не давая чаще всего повода обвинить себя, но постоянно держа своими манерами в напряжении. Друзей он выбирал соответствующих — непритязательных или таких же рисковых.

— Что слышно про Маркуса?

— Сам хотел спросить, — тоскливо улыбнулся Монах.

— Думаю, больше мы его не увидим, — заявил Карс. — Даже если разберётся со своими делами, больше у нас не появится. Хотя жаль, с ним было интересно.

— Жаль…

— Какой-то ты сегодня странный.

Монах кивнул:

— Немного. Мучаюсь одной темой.

— Хочешь поговорить о ней?

Фирменная карсовская формулировка вопроса «о чём ты думаешь» вызывала у тех Одиночек, которые свято чтили правила невмешательства, тихое бешенство тем, что не давала основания для претензии.

— Хочу. Возьмём абстрактную ситуацию. Два человека выходят на контакт друг с другом.

— Одиночки или нет?

— Да, два абстрактных Одиночки. Чтобы разговор состоялся, должны совпасть несколько условий: время, чтобы обоим подходило, место, чтобы обоим нравилось. Потребность в общении должна быть у обоих. Так?

— Общие темы, интересные обоим, — дополнил Карс.

— И это тоже. Если не все условия выполнены, человек может отказаться от разговора, так?

— Ага.

— Хорошо. Теперь другая ситуация: одному человеку нужно от другого что-то помимо общения.

Карс подмигнул:

— Да, такое часто случается. Что, и ты, наконец, этой темой загрузился?

— Мы про абстракции говорим, — покачал головой Монах. — Я пытаюсь проследить основы взаимоотношений. Смотри шире.

— Ну, ладно, ладно, — гость махнул рукой.

— Если человеку нужно что-то дополнительно, другой, во-первых, имеет право отказаться предоставлять ему это, во-вторых, решает сам, предоставлять даром или потребовать что-то взамен.

— Конечно, как же иначе.

— Угу… И если просящего не устраивает встречное требование, он может пойти к кому-то другому. Так?

— Так, — Карс в несколько больших глотков осушил свою чашку, наполнил её заново движением кисти, словно приказывал невидимому официанту. — Только я не понимаю, к чему ты об этом. Не поделил что-то?

— Абстракции же, — напомнил Монах.

— Хм… Ладно, продолжай.

— Если отношения сложные и не сводятся к простейшим действиям, ответственность за промежуточные решения лежит на каждом человеке в отдельности и не подчиняется общим правилам.

— Правилам подчиняется всё, — слышать это от Карса было довольно забавно. — И не на одном человеке, а на всех. Обоих, в твоём случае.

— Я имею в виду, что в отношении каждого действия… каждого из двух людей, да, действует объективный подход. Нельзя сказать, что «я сделал то, потому что он сделал то из-за того, что я сделал то». Пока общие для всех непреложные правила не нарушаются, каждый сам несёт ответственность за своё общение. И сам выбирает в каждый конкретный момент времени, общаться с кем-то или нет.

— Примерно так. Хотя сразу видно, что ты понимаешь это с трудом.

— Вот за этим мне и нужен ты, — устало улыбнулся Монах.

— Куда ж без меня, — легко согласился Карс.

— Подожди, я же не закончил.

— Ну, заканчивай тогда.

— Если нарушаются общие правила, сообщество считает себя вправе отвечать агрессией на агрессию. И конфликт выносится на его разбирательство.

— Это в самом крайнем случае.

— Но всё-таки.

— Да, так.

— А теперь главный вопрос, — Монах вдруг понял, что нервничает, произнося вслух не дававшие ему покоя мысли. — Чем это отличается от отношений между человеком и государством? Государство точно так же ставит условия, как и когда с ним можно выходить на контакт. Оно так же выбирает, что давать сразу, а за что брать плату. С ним можно порвать, как и с любым человеком, — сменить гражданство. И оно так же бережёт порядок. Наказывая тех, чьи действия не нравятся всему обществу. Разве что оно выступает одновременно и стороной конфликта, и судьёй. Разные его части выступают.

— А теперь подумай над тем, что сказал, — в голосе Карса отчётливо звучала насмешка. — Суть проблемы государства в том, что оно обезличено. Оно выступает различными частями, когда это нужно ему. И — представляет собой цельную систему, опять же когда это нужно ему.

— Но ведь в сообществе конфликт тоже разбирают несколько человек, — возразил Монах, — и это не означает, что они на чьей-то стороне. Они просто разбирают.

— Фокус в том, что отдельные люди могут сказать: «да, сегодня я ни на чьей стороне, только разбираю». И это действительно будет так. А государство всегда одно и то же. Хоть оно на сто частей разделится, и одна половина будет судить другую, — это всё равно останется одно государство. Это не люди, несущие ответственность за свои решения. Это обезличенная масса.

— Государство состоит из отдельных людей, — сделал последнюю попытку Монах. Карс пожал плечами:

— А толку с того? Гидра прикрывается масками. Понадобилось — поменяла одну на другую. Понадобилось — сменила десять. А сама осталась прежней.

— Понятно…

Монах замолчал, остановив взгляд на остатках чая в своей кружке.

— Это тебя после Маркуса пробило? — поинтересовался Карс, пользуясь случаем.

— Нет… не совсем. Мы с Миком недавно на похожую тему спорили.

— А, слышал, — Карс закивал. — Кажется, он на тебя обиделся.

— Не знаю, мы с ним в последнее время не общаемся. Плохо, если так, — Монах вздохнул.

— Конечно, плохо. Представляю, что ты ему наговорил, если сейчас у меня такие вещи спрашивал.

* * *

В убежище играла тихая, на грани слышимости, инструментальная музыка. В самом начале Ресд включил её для фона; ближе к середине процесса неоднократно порывался выключить, чтобы не действовала на напряжённые нервы. Сейчас — это был единственный более-менее подходящий для сосредоточения объект.

Когда он последний раз так пил, Ресд не помнил. И вовсе не знал, испытывал ли когда-нибудь то, что испытывал.

Разумеется, он мечтал вернуться в нормальное состояние, вновь надеть броню холодного безразличия ко всему происходящему вокруг. Изнутри чуть ржавую, в царапинах, оставленных последними бессонными ночами, но зато снаружи идеально ровную и блестящую — самое то, чтобы смотреть на себя посредством зеркал. Разумеется, во время подготовки к приёму алкоголя он знал, что будет хотеть именно этого: в конце

концов, это было логично и предсказуемо. И, разумеется, надевать броню было нельзя — он снял её именно для того, чтобы разобраться с накопившимся под ней, со всем, что, пользуясь прикрытием, гнило, разрушало его изнутри. Разобраться на равных, эмоциями на эмоции.

Он не подозревал, что может испытывать столько эмоций одновременно…

Его буквально разрывало на куски. Привычного образа мыслей не существовало; маленькие стальные по цвету и плотности кубики, из которых обычно выстраивалась пирамида логической системы, исчезли, а их место заняли стеклянные звёзды с торчащими во все стороны острыми иглами. Только попробуешь поднять одну, найдёшь, как схватить не уколовшись, — и бах, в то же мгновение она взрывалась фейерверком, опаляя и ослепляя. С чувством вместо цвета: ярость, отчаяние, страх, презрение… Были ли звёзды «цвета» боли, Ресд не знал — она находилась везде.

Незавидна судьба проигравшего войну за мировосприятие, весь его выбор — из двух ролей, в какой форме принимать поражение. Либо он генерал своей армии, до конца отстаивавший перед штабом свой план действий. Разыгравший его как по нотам, отдавший последние приказы и приготовившийся уже к торжественному вхождению в стан противника, но… Увидевший вдруг, что план летит ко всем чертям. Что враг разворачивается, бьёт в упор и начинает контрнаступление, поддерживаемый неизвестно откуда взявшимися резервами. Справа, слева, отовсюду… Солдаты, поверившие было в тяжёлую — заслуженную! — победу, падают один за другим, и по их трупам враг идёт всё дальше и дальше, дотягиваясь даже туда, куда никогда раньше его не пускали. Штаб в шоковом оцепенении смотрит на так долго убеждавшего их генерала, который, как оказалось, сам не знал, что делает. Ведь не по злому умыслу он загнал все имеющиеся у него войска в эту ловушку? Особист качает головой: нет, не по злому. Ну, а тогда что с него взять, совесть будет его расплатой.

Но не о молчаливом осуждении штаба думает генерал, и даже не о тех, кто погиб по его вине. А о тех, кто находился всё это время непосредственно рядом с ним, кто прежде с надеждой и восхищением смотрел на него, гордясь служить под руководством умного и уважаемого всеми человека. Люди остались, чувства — нет. Теперь он боится смотреть в глаза своим младшим чинам, адъютантам, секретарю, шофёру, ибо знает, что увидит там. И все знают. И открыто обсуждают меж собой: вот ведь как, обманул их баловень судьбы, притворился гением военной мысли, а никто не

распознал его, пока всё это не случилось.

Либо он мог быть шпионом. Глубоко законспирированным, находившимся среди врагов день и ночь, евшим, пившим и ублажавшимся с ними — и всё это время думавшим только о том, когда начнут падать, наконец, на их города бомбы. Когда умрут эти твари, из-за насмешки истории занимавшие место нормальных людей, умрут все до единого, чтобы никогда больше не быть воскрешёнными потомками даже в виде духовного наследия, губительного для сознания что личности что общества. Работавшим на них, учившимся у них, и в то же время прикладывавшим все возможные усилия чтобы приблизить драгоценный миг освобождения земли от их пакостного присутствия. Пусть даже он сам не застанет его, но — ради знания, что это произойдёт, обязательно произойдёт. Преодолевавшим любые жизненные передряги и продолжавшим жить благодаря одной только мысли, что этот миг наступит и благодаря ему тоже.

А потом в какой-то момент потерявшим самого себя прежнего и не обрётшим нового. Разочаровавшимся во всех скопом, не знавшим более, каким станет будущее, и не уверенным, что хочет это знать. Не знавшим, какая сторона за что воюет, и не желавшим выбирать ни одну из них. Не знавшим, кто он такой, и боявшимся становиться кем-либо вообще.

И получившим, когда он уже почти убедил себя в отсутствии необходимости предпринимать что-либо, руководство к действию, которое должно привести к самым широким последствиям. Одним образом, если выполнить приказ, либо другим, если проигнорировать. И вынужденным понимать, что ранее существовавший простейший выбор между своими и чужими исчез и никогда больше не появится. Вынужденным выбирать между людьми в форме одного и другого цвета — потому как более важных отличий не осталось. И ладно бы только в форме было дело, но по обеим сторонам ещё стоят бесчисленные множества гражданских, не имеющие никакого отношения к ведущемуся противостоянию и просто живущих. В судьбах половины из них будет поставлена огромная жирная точка, когда он сделает выбор, и выбор этот придётся сделать несмотря ни на что.

Труднее всего сейчас было сопротивляться желанию выговориться. Разговаривать вслух Ресд запретил себе несколько часов назад, придя к выводу, что это приведёт лишь к усугублению ситуации, а больше никто удовлетворить его социальные потребности не мог, по разным причинам. Естественно, вышедшие из-под контроля мысли крутились

исключительно вокруг близких ему, в той или иной мере, людей, от инферналов до Правителей. Кружили коршунами над их образами и беспорядочно атаковали их: «где сейчас? чем занимается? о чём думает?».

Фауст один в лагере — Тавис всё же выполнил задание раньше отлёта Плети и смылся с последним. Либо прохлаждается, либо погружён в схемы и карты. Нравился он Ресду, нравился своей увлечённостью, преданностью любому делу, каким был занят. Если отрываться с компанией, то на полную катушку, так, чтобы всё здание, из скольких бы этажей оно ни состояло, сутки ходило ходуном и пропиталось всем, чем только можно. Если отдыхать душой, то в глубокий загул, опять же не меньше чем на сутки. В глубокий тёмный лес, где кроме птиц и мелких грызунов никого не слышно, или во дворец, лежать на крыше любоваться звёздами — всё-таки имелось в нём что-то от интроверта-романтика. Ну, а если воевать, то до последнего существа, до последней капли крови, пота и магии, беря врага за грудки и вытрясая из него километр за километром, город за городом, не останавливаясь ни на полпути, ни даже на девяноста процентах.

Плеть в Аргентуме, временный наместник с диктаторскими полномочиями. Целиком оправдав ожидания Ресда, разбирается с местными властями, самоутверждаясь за их счёт. Немного жаль, что организация псевдосоциалистов оказалась такой неустойчивой и пошла в расход, но что делать. Надеяться на созданных не тобой значит рисковать от начала до конца, это повелитель драконов давно усвоил. Первую часть плана выполнили, и то хорошо. Теперь надо передавать бразды правления своему человеку, пусть даже он воспринимает их как бразды угнетения.

Особенно тяжёлая ночка выдалась у местного населения вчера — инферналы решили отметить возвращение Тависа. Получивший недавно по шапке за безалаберность, повелитель нежити решил на всякий случай отчитаться об этом во время утреннего звонка. Не получив, конечно же, никаких упрёков — зачем? Пусть занимается чем хочет — и всего лишь помнит, благодаря кому имеет такую возможность.

Тавис в последние дни носился по одноимённой провинции и наводил порядок в другой сфере, военной. Союзники будто знали, где самый слабый участок границы: хитрые управители из местной знати решили, что их будут опекать всю дорогу, и не только игнорировали пришедшие из штаба запросы, но и сами потребовали помощи в тяготах борьбы с контрреволюцией. Оставив лояльные подразделения почти в полном составе не в крепостях, а в самом Аргентуме, дабы восторженные и

благодарные новой власти горожане не снесли её в страстном порыве с пьедестала и не разорвали на мелкие кусочки. Ресд сначала не поверил, когда Тавис позвонил ему и понёс про зажимающих со всех сторон имперцев, но чуть позже Плеть косвенно подтвердил, добыв информацию из потерявших несколько частей тела бывших членов комитета: да, юго-восточный фронт есть, да, никто им не занимался, нет, что там сейчас происходит никто не в курсе.

Что ж, не слишком приятное развитие событий, но не критичное. В итоге и Тавису занятие нашлось, и Ресд сумел разделить их с Плетью ответственность подходящим образом. Если союзники не тронулись умом и не решили начать полномасштабное наступление на блокированную столицу восточного региона, все проблемы в той стороне должны решиться в ближайшие пару недель. Как раз к прерыванию.

Повелитель драконов тихо застонал и заворочался на диване: едва начавшая работать голова вновь наполнилась идущей из груди адской болью, не помогли ни музыка, на которой он упорно концентрировался, ни «деловая» обёртка размышлений. Всё, что хоть как-то касалось Правителей, усугубляло его состояние и зацикливало процесс.

Исповедуемые им принципы борьбы с психологическими проблемами призывали развернуться, встретить угрозу лицом к лицу, бесстрашно принять её и обратить себе на пользу. И он был бы рад это сделать…

Но…

Эта боль.

Звёзд становилось всё больше. Ресд, не теряя надежды на разрешение ситуации, хватал их, одну за другой, обжигая лицо и руки, бил по ним, заставляя взрываться ярче, и всё ждал, когда откроется второе дыхание или просто что-то изменится. Уже не видя и не слыша ничего вокруг себя, целиком погрузившись в схватку с собственным разумом, бегал среди взрывов, стараясь быть зацепленным как можно большим их числом. Вбирая в себя всё то, что хранил — сам о том не подозревая — многие недели, то, что хотел выплеснуть в окружающий мир, но никак не мог…

Словно ответив на его невысказанное желание — хотя почему «словно», всё-таки это был он сам, его собственное нутро, — звёзды повалили сплошным потоком. Сотни вспышек стали сливаться в один пульсирующий свет, сотни взрывов — в один гигантский раскол пространства сознания. Они затягивали в себя всё сильнее, и Ресд, почти ослепший и обездвиженный, обрадовался: да, ещё немного! Ещё чуть-чуть — и он сможет слиться с этим внутренним пламенем, пережить, переварить так

долго копившийся в теле заряд энергии. Ещё чуть-чуть, и…

…сознание отрубилось.

* * *

Проснувшись, он на автомате сел. Покачнулся — голова жутко болела. «Алкоголь», — отреагировала память.

Точно, он же вчера — сегодня?.. — пил, чтобы разобраться с накопившимся. Ресд прислушался к себе: никакого морального дискомфорта не ощущалось. Прекрасно, значит, задача выполнена. Теперь надо разобраться с насущными потребностями.

Заглянув в ящик рабочего стола, он достал мешочек с этикеткой «похмелье», взял из него одну таблетку. Сотворил стакан с водой — на моментальные образы он был вполне способен, — запил, а затем и выпил до дна.

Повинуясь взмаху руки, кусок стены повернулся вокруг своей оси и представил часы. Ресд любил их: большие, сделанные когда-то собственноручно, с нулём слева и двенадцатью справа, — хотя на неприятии к отсчёту времени как таковому это не сказывалось. Стрелка на часах указывала в левый нижний угол комнаты — девять вечера.

Что ж, пережитое пришлось в новинку, но оказалось не таким уж катастрофичным. И, раз цель ухода в убежище достигнута, стоит вернуться в штаб: как раз успеет принять отчёт Фауста до возвращения получивших внеплановые сутки отгула Плети и Тависа. Рассказ демонолога обещал быть занятным: впервые даже не за войну, а в принципе на памяти Ресда один инфернал принял командование тремя армиями сразу. Главное, чтобы он не разрушил интригу в самом начале, например, сказав, что следовал утверждённым планам и отрядил стандартное количество бойцов на каждое направление. Или Фауст такого не сделает?

Стоп. Ресд закрыл глаза и вновь прислушался к своему состоянию: что-то было не так. Непривычно, необычно. И не то чтобы неприятно, но как-то… не по себе.

Он закапывался всё глубже и глубже, пытаясь найти хоть какие-то следы последней битвы с разумом и предшествовавших ей баталий, терзавших его вот уже сколько времени. Как бы эффективно он ни отработал вчера, не могли исчезнуть все до единого напоминания о том, что они вообще происходили. Но — и впрямь, ничего.

Ресд удивлялся всё больше и больше, пока, наконец…. Нет,

внутри ни одной зацепки так и не нашлось. Однако они появились снаружи; схватив и ловко вскрыв не успевшее остыть своё удивление, повелитель драконов получил ответ на вопрос, так неожиданно возникший и оказавшийся таким неожиданно важным. У него просто не осталось живых эмоций.

Он эмоционально выгорел.

Реакции на это осознание так же не обнаружилось: внутренне повелитель драконов лишь пожал плечами. Спросил самого себя: «ну, и что?» Выгорел и выгорел. Снова лёгкое удивление, и не более. В конце концов, с тем, сколько неудобств ему доставили эмоции в последние недели, можно было только радоваться удачному стечению обстоятельств и бросаться заниматься делами, пока ещё какая-нибудь личная проблема не встала поперёк горла и не нарушила хрупкий баланс.

Однако радоваться Ресд сейчас не мог чисто физически… Да и интереса к делам он в себе тоже не ощущал.

Решив разобраться в происходящем, он отодвинул в планах возвращение в штаб и отправился умываться, изо всех сил концентрируясь на том, как его действия отдавались внутри. Отдача определённо присутствовала, и её предстояло понять.

Спустя некоторое время, потраченное на наблюдения и эксперименты, понятно стало следующее: единственным, что связывало Ресда с его прошлым, была память. Он мог вспомнить любую эмоцию — но не мог ни воспроизвести, ни даже изобразить её, хоть внешне, хоть внутренне. Более того, самые яркие эмоциональные моменты и явления при мысленном обращении к ним заставляли… в обычной ситуации подошло бы понятие «нервничать», но сейчас это вышло бы лукавством. Скорее, они вызывали тупую моральную боль сродни фантомной: понимание, что всего несколько часов назад какое-то воспоминание могло произвести на тебя сильнейшее впечатление, а сейчас оно не вызывает в душе ни малейшего отклика, создавало жуткий дискомфорт.

Следующим пришло понимание — работать повелитель драконов также не сможет. Не потому, что болела голова, не хватало концентрации, или что-то ещё. Ему элементарно не было дела до происходящего. Не хватало всех тех переживаний, которые раздражали его обычно: азарта, призывающего начать массированное наступление, а не ждать истощения противника; желания оказаться на высоте, заставлявшего детально прорабатывать каждую взятую на себя задачу, чтобы инферналы даже с учётом приобретённого опыта видели, кто здесь хозяин и почему; страха проигрыша, настаивавшего на постоянных перепроверках даже незначительных в обычное время нюансов.

Сказал бы кто, что Ресду для работы необходимо немного нервное состояние, — не поверил бы, а тут на тебе… Для него стало большим открытием, что изолированные насколько только возможно эмоции и отсутствующие как таковые это две разные вещи. Увы — так же оставшимся без должной реакции.

Нужно было что-то делать. Он всё понимал и осознавал, и мог представить последствия таких перемен в себе. По единственному оставшемуся в наличии внутреннему измерителю, «правильно-неправильно», всё, что он запланировал на ближайшие дни, относилось к категории «неправильно». Если видеть своего командира уставшим, раздражённым, злым, едким инферналы привыкли, то внезапно накатившей апатии, безотносительно её причин, они ему не простят. Сначала тихо поделят обязанности так, как удобно лично им, потом переведут на себя весь контроль за происходящим на фронте, а в конце поставят Ресда перед решённым фактом — он больше не лидер. Не оправдал возложенных на него надежд и потому должен стать равным участником. В лучшем случае… Да нет — вероятнее всего. Бросать ему открытый вызов они вряд ли посмеют.

Разумеется, Ресд понимал и инферналов. Он мог проследить всю логическую цепочку их выводов и решений и целиком одобрял предполагаемые действия: в конце концов, их прямые интересы требуют эффективного руководителя штаба. Ничего личного, только война. А о том, что повелитель драконов являться эффективным совершенно точно не сможет, говорило его полное безразличие к самому такому варианту развития событий. Ну, сместят и сместят. Ну, поменяем планы. Ну, и фиг с ним, придумаем что-нибудь ещё…

Даже ненавидеть себя в таком состоянии Ресд сейчас не мог.

На вопрос, что делать, в голову приходило два ответа. Либо полный покой в течение определённого времени и «бульончик» элементарных и мягких эмоций, либо кардинальная встряска-дефибрилляция, которая позволит вернуть сознание к жизни быстро и бескомпромиссно. И то и то имело свои минусы. Общий — отсутствие времени: покой естественным образом забирал не поддающееся планированию его количество, а поиск достаточно сильных эмоций грозил затянуться и, в худшем случае, превратиться в нечто похожее на зависимость.

Так, самое простое. Как и думал первоначально, лететь в штаб и принимать отчёт Фауста. А завтра — Плети с Тависом. Вечером устроить со всеми отрыв — парни только рады будут присутствию Ресда, уж сколько раз пытались уговорить его присоединиться. Если, конечно, результаты совещания себя оправдают. Впрочем, если нет, то зарядиться положительными

эмоциями не получится, но и ни у кого не возникнет вопросов о его странном состоянии.

Да нет, ещё как возникнет… В случае слома плана и необходимости предпринимать что-то срочное отсутствие у Ресда эмоций обнаружится моментально. Хотя может оказаться достаточно и какой-то мелкой ситуации, в которой он обычно реагировал определённым образом. Например, если Тавис опять попытается продемонстрировать свои выдающиеся способности. Повелителю драконов сейчас было глубоко плевать и на Тависа, и на всё с ним связанное, — как, впрочем, и на остальных, — а ведь выход за рамки устоявшегося шаблона обязательно привлечёт внимание. Ресд не одёрнул Тависа? Что-то произошло. Надо послушать, что другие думают. О, как всё запущенно у нас…

«Неправильно», — заморгал датчик. Нельзя выходить на прямой контакт до… до чего?

Если бы не война… Крайне неудобно планировать действия, когда в любую минуту всё может поменяться.

Есть вариант, чтобы принять все отчёты, выдать новые распоряжения и не привлечь внимания? Телефон. Амулет связи, в смысле. Ну, вот и Ресд дошёл до селекторных совещаний. В принципе, можно… Хотя вопросы всё равно возникнут.

А раньше они не возникали? Почти месяц он мучается со своими нервами, и инферналы это видели практически постоянно. Неужели списывали на военную тягомотину?

Вернувшийся после умывания обратно на диван, Ресд сел, обхватил виски и закрыл глаза. Как глупо получается… А он ещё думал, что это удачное стечение обстоятельств.

Обстановку… Могли и списать. Всё-таки это инферналы, у них оценки порядком отличаются от общепринятых. Тем более, что свои моральные терзания повелитель драконов ни разу не выставил напоказ: заметить их можно было, но только по вторичным признакам, уж никак не по суетливости, разболтанности и потерянности.

Даже тогда он справлялся с руководством и принимал нужные решения…

Сейчас у него этого не получится. А значит, всё, что относилось к контактам с соратниками, на ближайшие дни относилось к категории «неправильно».

И здесь таилась новая ловушка: провести встряску эмоций самостоятельно Ресд не имел возможности. Она могла происходить или изнутри, или снаружи, и первый вариант отпадал по той же причине, почему щекотка стопы не могла заменить полный массаж тела, а второй — потому, что ничего из ничего не возникает. Чтобы получать эмоции извне, нужно их

организовать, но контакты с внешним миром находились под запретом, а кутить в одиночку Ресд сейчас был не способен.

Куда ни кинь, везде клин. Никакой гарантии, что после нового, суточного сна всё придёт в норму, — и притом эти сутки всё, что у него имелось. Дальше нужно было как-то действовать.

Клин…

Клин вышибать клином?

Ухватившись за неожиданную зацепку, повелитель драконов сконцентрировался на памяти о своих недавних переживаниях.

Правители… Они были центром его эмоций на протяжении всего периода. Именно невозможность мысленно обращаться к ним, не провоцируя внутренний конфликт, привела его к нынешнему состоянию постсрыва.

Попытка воспроизвести в памяти их образы отозвалась новой порцией тупой боли. Так, какая-никакая реакция есть. Но что делать с этим дальше?..

Поразмыслив, Ресд встал и начал обыскивать рабочий стол. Нужные записи обнаружились достаточно быстро — как и предполагалось, среди «промежуточного» материала, не принятого в исполнение, но и не бесперспективного. Разведывательная операция в стане врага.

Они должны были всё ещё доверять ему. Он не считался в полной мере одним из них — и потому на него не возлагали надежд больше определённого минимума. Конечно, и те, вероятнее всего, пошатнулись после падения Рима, но… Ресд оставался Ресдом. Какой бы сволочью он ни был, он принадлежал к их группе — а людям, разделяющим Мечтателей по основополагающим категориям, этого хватало.

Риски? О, риски имелись, и ещё какие. В случае, если предательство открылось, Правители не отпустят его живым, в этом не приходилось сомневаться. Разорвут на куски прямо на месте, не заморачиваясь над турнирными правилами, встречей в чистом поле и подобной ерундой. Однако… сказать категоричное «нет» этой бредовой затее мешал один факт: ответа, что делать в нынешнем состоянии с инферналами, Ресд так и не нашёл.

У него имелись ровно сутки до истечения последнего срока выхода на связь. Если он прилетит на совещание лично, кто-нибудь да заметит изменения и это может оказаться мощнейшей миной в будущее, способной уничтожить всю их шаткую коалицию. Если попробует провести совещание дистанционно, вероятность заложения мины меньше, но и только. Если вообще не выйдет на связь в положенное время… дальше можно было даже не думать.

Открыться Плети? Самый доверенный соратник, он не

должен воспринять проблему Ресда как подходящий повод выступить против него. Но, во-первых, от Плети-то как раз помощь меньше всего ожидалась, во-вторых, ему достаточно будет сказать где-нибудь лишнее слово — и остальные станут в курсе происходящего. Да не просто происходящего, а скрываемого от них.

Рвануть навстречу алкогольно-сексуальному разгулу? Если Ресд попросит, Фауст организует им такой бордель, что… Да и остальных можно будет привлечь, как вернутся. Мол, идите повеселитесь вместе с нами, отдохните от дел, девочек на всех хватит. Но это будет шаг в бездну: либо раздольные сутки возымеют должный эффект и повелитель драконов вернётся в привычное состояние, либо всё та же мина.

Да, с такими мыслями у него расслабиться точно не выйдет.

А найденная альтернатива, полёт к Правителям, это быстрая лотерея: в случае удачи — мощнейший эмоциональный разряд в нежелающий ничего чувствовать мозг, в случае неудачи — казнь.

Шансы на успех во всех продумываемых линиях действий расчёту не поддавались: так или иначе всё было завязано на ощущения, отсутствующие сейчас от слова совсем. Холодный логический анализ выглядел тем более бессмысленным.

Впрочем, нет. Привычная Ресду парадигма, хоть и изрядно обесцвеченная произошедшим, говорила, что быстрая казнь лучше долгой пытки.

Принять окончательное решение помогло отсутствие какой-либо эмоциональной реакции на само предположение о собственной смерти.

* * *

Чёрные кожистые крылья рывками заталкивали под себя бесконечные покрытые сетью мелких речушек луга, составлявшие большую часть Римской империи, и старых и новых её территорий.

Солнце, в момент вылета ещё барахтавшееся в нагромождениях облаков на горизонте, давно утонуло; механизм космических часов прокрутил одно деление, и контур осени, видневшийся впереди, стал чуть менее расплывчатым. Ресд руководствовался в этом собственными ощущениями: в определённый момент свободный полёт через холодное во всех смыслах пустое синее небо превратился в пробивание сквозь тёмную массу, состоявшую наполовину из воздуха, наполовину из воды.

Ни физическая тяжесть полёта в экстремальных условиях, ни психологическое давление ситуации не смогли вызвать у повелителя драконов даже тени эмоций, на что он отстранённо надеялся всю дорогу. Плечи ныли, внизу проносилась чужая территория, а он всё продолжал вслушиваться в себя, изредка отвлекаясь на географические ориентиры и писк закреплённого на руке артефакта-навигатора.

Ближе к концу долгого, в широкий облёт всего чего только можно, пути небо окончательно схлопнулось завесой туч и зарядила морось. «Девяносто три километра», — отреагировал на мысленную команду приборчик. Нормально. Решив, что лучшей возможности уже не представится, а заодно отвлекаясь от порядком надоевшей боли в мышцах, Ресд стал повторять свой текст из заготовленного для разговора сценария.

Узнать истинный расклад участников войны по обе стороны фронта Правители могли тремя способами. Во-первых, элементарно догадаться: сыграли в неподходящий момент сорок лет общения — и какая-нибудь из любимых тактических уловок Ресда оказалась ассоциативно привязана к нему. Но любимые уловки повелитель драконов старался держать при себе, да и вообще вмешивался лишь в особых случаях, предоставляя инферналам право набивать шишки самостоятельно. Таким образом и необходимая информационная масса создавалась, и подгонялся педагогический процесс.

Мог вернуться Маркус, пылающий праведным гневом и желающий поквитаться за поражение в первом этапе, но вероятность этого Ресд оценивал как довольно низкую. В конце концов, даже если киевский князь встретился с союзниками, а затем ушёл, по их совету или самостоятельно, в глубокое подполье, никоим образом не проявляя себя в локальных боях, переданная информация отразилась бы на самом ходе военных действий. Не было бы никакого смысла акцентировать защиту Юстиции — это имело значение только если ориентироваться на коалицию инферналов, которых поражение в битве этапа способно поссорить между собой. Хитрый план Правителей, предусматривавший и сокрытие стратегически важной информации, и «изъятие из обоймы» одного из членов команды, и расчёт на приход Ресда прямо им в руки, повелитель драконов вовсе не учитывал: с такими самонадеянными планами самое место на обочине истории, где своих вынужденных противников он представлял с трудом.

И, наконец, могла поступиться нейтралитетом Ора. Искательница приключений, строившая маленькое удельное королевство, не желая иметь дел ни с кем и ни для чего. Впрочем,

судя по её взрывному нраву, максимум, к кому она сможет проявить благосклонность, это всё тот же Маркус, и никак не Альден и не Нармиз, разбившие её в первом и единственном сражении. Кейра разговор особый, но и тут, думается, окажутся важнее её «корпоративные связи».

Жаль, что так и не получилось привлечь инферналку на свою сторону в начавшейся войне. Впрочем, это пошло на пользу восприятию её Ресдом: доброжелательный нейтралитет именно то, что ему требовалось в среднесрочной перспективе. Если вдруг — или когда, он ещё не определился, да и неизвестно, как там сложится, — с нынешними партнёрами у него выйдет бескомпромиссный конфликт, отношения с Орой это не заденет. Соответственно, её можно будет использовать как стабильный форпост для отдыха и оперативной паузы.

Вновь пискнул навигатор; впереди начала вставать белая громада. Обычно ярко освещённый, теперь центральный мегаполис был накрыт дополнительным куполом силового барьера, не позволявшим рассматривать издали действия находящихся во внутреннем пространстве и то ли экранировавшим, то ли поглощавшим фотоны.

Прибыли.

Сбросив скорость, Ресд медленно пошёл на снижение. До стены ещё оставалось прилично, но опыт напоминал, что в условиях полномасштабной войны такой параметр оружия как дальность стрельбы очень условен, даже в темноте, а потому лучше не играть на нервах у стрелков.

Полминуты ожидания возможной реакции на своё появление, полминуты конструирования образа, и в город улетел почтовый поисковик. Кто-то наверняка находился здесь, оставлять ключевую крепость без присмотра не стали бы. Спустя ещё пару минут, гораздо более томительных, над стеной вспыхнул, разрывая ночную мглу и ударяя по глазам, зелёный сигнальный огонь.

Щиты укреплений ради него предсказуемо опускать не стали, но и через ворота не повели — включили один из внешних прожекторов и указали на верхний угол одного из бастионов. Что, прямо на крышу садиться?.. Как оказалось, да, именно туда его вышло встречать отделение, осуществлявшее контрольно-пропускные функции.

«Выделенный контур! — мелькнуло в голове. — У них выделенные энергетические контуры для бастионов!» Усилием воли Ресд заставил заткнуться наблюдательную часть сознания и сосредоточился на легенде: ни единого повода заподозрить его в проведении разведки.

Архонт, командир отряда, закончив с проверкой амулетов, кивнул и махнул рукой на противоположную сторону площадки, где уже ждала путевая метка. Дойдя до парапета, Ресд задержался и окинул взглядом раскинувшийся перед ним город. Против ожиданий, с этой стороны света оказалось не сильно больше: горели только фонари и окна в центре и на окраинах. Простые люди отходили ко сну, продолжали бодрствовать только специалисты.

Метка при прикосновении раскрылась, превратилась в чуть более яркого фантомного голубя и полетела вперёд, ярким огоньком указывая дорогу. Оставалось совсем чуть-чуть; Ресд вновь прислушался к ощущениям, но внутри по-прежнему царила пустота.

Местная администрация хоть и была объединена, так же, как аргентумская, с резиденцией наместника, других общих черт с ней не имела. Гораздо крупнее, живописнее, окружённая по периметру деревьями, она выходила на маленькую, расположенную в стороне от людских потоков площадь, к которой также примыкали здания других государственных учреждений.

Задумавшись, Ресд вдруг вспомнил свою старую шутку в адрес Альдена: Юстиция — единственная из крупных городов империи, в которой император оказывается наравне со своими подданными. Римский дворец имел вынесенную вверх башню, служившую любимым местом его отдыха. Тенебрис целиком состоял из башнеподобных зданий, причём Альден, сознательно или нет, квартировался в самой высокой из них. В Нептунусе, «расползшемся» по склону холма, резиденция стояла в самой высокой его точке. Ну, а внутренняя часть Аргентума сама по себе находилась выше всех остальных поселений.

Наверное, за прошедшие полтора месяца император успел возненавидеть это место…

Небольшое пике вслед за меткой, и Ресд приземлился на один из просторных балконов резиденции. Выпрямился, поднял голову — и упёрся прямо во взгляд Альдена.

Тот стоял в паре метров, по другую сторону границы, разделявшей сухую светлую гостиную и открытый холоду и ночи балкон. Взвинченный как пружина, кулаки крепко сжаты; во взгляде — неверие, что это не сон, что всё происходит по-настоящему.

Прилети Ресд в обычном состоянии, с возможностью чувствовать, мог и смешаться. Например, от нескольких капель на щеках Альдена, в которых только благодаря нынешней отстранённой безэмоциональности удалось опознать дождинки, вероятно, слетевшие с крыльев при посадке. Но всё сложилось как

сложилось, и повелитель драконов молча стоял и смотрел в ответ.

Время шло.

Наконец, император поднял руку. Из облачка серого пара возник серый же металлический шарик, поднялся в воздух, завис над ладонью. Расплющился, вновь собрался, перетёк на несколько сантиметров выше, вытянулся в стержень, закрутился в трёхмерную спираль.

Запомнив последовательность действий, Ресд создал копию шарика и повторил с ней то же самое.

— Теперь против часовой, — негромко скомандовал Альден.

Спираль-копия вновь вытянулась, а затем поменяла направление.

Кивнув, император развернулся и пошёл в комнату — так непринуждённо, что у Ресда дёрнулись брови. Стандартная проверка на использование чужой внешности не давала стопроцентной гарантии, и даже с учётом крыльев это плохо вязалось с мгновенным по её окончании переходом к доверительности.

Кажется, не у него одного проблемы с эмоциями. Сделав мысленную заметку, повелитель драконов направился следом.

— Холодно?

— Снаружи или мне? — уточнил Ресд.

Сам Альден был одет в лёгкую тёмно-синего цвета тогу, обычно используемую им в качестве одежды для умеренно прохладной погоды либо как домашний халат. С равной вероятностью это могло говорить о его возможном как желании, так и нежелании выходить сегодня на улицу.

Не ответив, он подошёл к гостевому столику, традиционно заставленному напитками, наполнил один из бокалов и протянул гостю. Пожав плечами, тот так же молча отпил; формат общения дискомфорта не вызывал, даже в чём-то нравился.

Глинтвейн, тёплый ближе к горячему.

— Тяжело было лететь?

— Не особо, — Ресд пожал плечами, — тем более, я люблю такую погоду.

— Сидеть. Летать — не слишком.

— Сидеть это вообще идеально.

— Если хочешь, переместимся на балкон.

— Да нет. Настроение не то.

Альден кивнул. Опёрся на столик, поглядел по сторонам, будто раздумывая, о чём ещё поговорить. Спросил:

— А какое?

— Вообще никакого. Я недавно перегорел.

— Понятно.

Вряд ли это было так — император, по всей видимости, просто избегал неудобных тем.

Ирония ситуации заключалась в необходимости Ресда сподвигнуть его на них. Точнее, ему требовались хоть какие-то эмоции, но как спровоцировать на положительные он вовсе не представлял.

Заготовленный сценарий откладывался до востребования.

— Ну, а ты здесь как?

— Нормально, — Альден неопределённо мотнул головой.

— Расскажешь?

— А надо?

Ресд покрутил в руке бокал:

— Если не хочешь…

— Не хочу.

— Тогда очень желательно.

Император закусил губу, сдерживая раздражение. Сжал-разжал пальцы.

— Тебе это удовольствие доставляет, что ли?

— Не совсем.

— А похоже, что да.

— Практика — критерий истины.

Альден не ответил. Взгляд его всё прыгал, ожидая окончательного решения — «сверлить» гостя или в принципе не останавливаться на нём.

— Я хочу с тобой нормально поговорить, — объяснил Ресд. — Хочу увидеть, что ты ещё жив. Хотя бы ты.

Он не вкладывал в эту фразу никакого подтекста, говорил как думал, делая отсылку лишь к собственному состоянию, — но Альден явственно вздрогнул. Обратив на это внимание, повелитель драконов почувствовал, что нашёл лазейку.

Спросил:

— Нармиз и Кейра ведь?..

— У тебя есть другая информация? — огрызнулся, сверкнув глазами, Альден. Кажется, он и сам был не против «раскачать» себя: слишком много погребённых внутри мыслей вызывало к жизни присутствие Ресда.

— Что ты имеешь в виду?

— То и имею. Думаю, у тебя информации о происходящем на фронте по крайней мере не меньше, чем у меня. И если…

Он замолчал, но Ресд приглашающе кивнул. Поморщившись, император закончил:

— Если твои новые друзья не проводят в данный момент никакой операции по их поимке или уничтожению. То да, с ними всё в порядке.

— Вот ты о чём… — повелитель драконов сделал глоток из бокала, переводя внимание. — К сожалению, мне нечем тебя успокоить: я не знаю, чем заняты инферналы. С другой стороны, могу немного порадовать тем, что они мне не друзья.

— Серьёзно? — выплюнул Альден. — И с каких пор ты перестал интересоваться, чем они занимаются?

— Интересоваться — не перестал. Но мои способности к дальней разведке ограничены естественным образом. Предвосхищая твой следующий вопрос: нет, мы не поругались. Между нами никогда не было хороших отношений.

Император молчал, поджав губы. Теперь его взгляд метался совсем уж беспорядочно.

— Ищешь, чем в меня запустить? — поинтересовался Ресд.

— Если б от этого был толк…

С выражением мрачной решимости на лице Альден вновь повернулся к бутылкам, налил себе чего-то и залпом выпил. Встряхнулся, скрестил руки на груди.

— Ладно, говори, зачем пришёл.

— Я же сказал, пообщаться.

Император прищурился:

— Какая-то уловка? Отвлекаешь меня?

— Я уже ска… кхм… — глядя прямо в глаза, Ресд произнёс, тщательно выговаривая: — Я не делаю здесь ничего, тем или иным образом завязанного на инферналов, и преследую исключительно свои цели. О готовящихся военных мероприятиях со стороны инферналов мне так же неизвестно.

— Тогда какой смысл во всём этом? На что ты хочешь меня спровоцировать?

— Ни на что конкретное.

— А в общих чертах?

— В общих — я уже спровоцировал.

Выдохнув сквозь зубы, Альден опустил голову. Потёр лоб.

— Уходи.

— Почему? — вопрос был со всех сторон идиотский, но даже так он работал на Ресда. «Идиотизм — эмоциональная оценка, — мелькнула мысль. — Раз я его чувствую, я на верном пути».

— Не хочу тебя видеть. И мне неприятно с тобой говорить.

— Прям-таки неприятно? Я отвечаю на все вопросы и ни в чём не вру.

— Ты должен был отвечать на вопросы уже давно. Но ни разу не сделал этого.

— В смысле? — повелитель драконов поднял бровь.

— Хватит придуриваться! Ты прекрасно осознаёшь ситуацию, и я тоже!

— Мне кажется, это не так, — Ресд постарался сказать это как можно мягче. — Может, нам стоит сверить…

— Сверить? — Альден поднял голову. Его наполненный болью и злобой взгляд почти осязаемо обжёг. — Хорошо. Раз ты утверждаешь, что пришёл сюда только чтобы поговорить… Так?

— Так.

— И ни в чём мне не врал.

— Да.

— Тогда я расскажу, что тебе здесь надо, а ты скажешь, прав я или нет. И если прав — ты тут же уйдёшь. Согласен?

— Согласен.

Император вдохнул поглубже.

— Не знаю, что за дела у тебя были с инферналами, но мне это и не важно. Либо ты решил установить с ними контакт и присоединился к их группе, либо присоединился, а потом испугался и снял с себя ответственность, либо сразу пошёл договариваться о нейтралитете в обмен на личную безопасность. В любом случае, на данный момент ты завис в промежуточном положении, когда и своими интересами поступаться не хочется, и влиять на ситуацию ты больше никак не можешь — потому что упустил момент. Теперь и инферналам нельзя помогать, потому что ещё немного, и война закончится в их пользу, а значит, тебе придётся приспосабливаться к новому окружению. И нам помогать тоже нельзя, потому что, предполагал ты это или нет, половина моей территории, включая Дворец, контролируется врагом. И никуда ты теперь без ведома инферналов не двинешься: это тебе не прикрываться чужими крепостями и посылать ресурсы, тебе придётся открывать полноценный второй фронт и тратить столько же на оборону и наступление, сколько трачу я. До кучи всё это завязано на моральный выбор — старые друзья против материалов для изучения. С нами тебе не хочется расставаться, ностальгия мучает, их ты не хочешь убивать потому, что мира, в котором правят одни инферналы, ты ещё не видел, а очень тянет. В результате — подвешенное состояние, которое со временем стало настолько раздражать, что ты начал бросаться в любые авантюры, лишь бы раскачать ситуацию и расширить пространство возможностей. Среди прочего, решил наведаться ко мне, без конкретной цели, просто чтобы посмотреть на нас троих, сравнить с теми троими и попытаться получить озарение, что делать дальше.

Альден тяжело дышал. Ярко горевшие во время монолога глаза его потускнели и теперь в них виднелась только усталость.

И именно эта усталость затягивала в себя, заставляя не просто понимать — чувствовать произнесённое.

— Четырьмя, — почти прошептал Ресд.

— Что?

— Четырьмя. С теми троими всё было понятно с самого начала. А на Ору я возлагал огромные надежды… Мне казалось, уж кто-кто, а она будет держаться за обещания. Оказалось, нет.

Если кусок легенды приходится к месту, почему бы и не ввернуть?

— К чему это?.. — ещё тише, чем он перед этим, спросил император.

— Общаемся же. Тем более, у нас был уговор: если ты оказываешься прав, я ухожу. А ты ошибся в количестве.

Издав полный обречённости стон, Альден закрыл лицо руками и сел на ближайшую кушетку. Подхватил едва не упавшие очки, положил рядом с собой.

— Ресд, всем чем можно прошу, уйди.

— Не уйду. Я буду находиться здесь до любого логического завершения.

Подумав, повелитель драконов воздержался от того чтобы сесть напротив. В мокрой одежде было не слишком уютно, но пустое внутреннее состояние позволяло это игнорировать.

— И что для тебя логическое завершение?

— То же, что и для тебя. Мы либо начнём общаться нормально, хотя бы на небольшое время, либо… не знаю. Если ты настолько разочаровался во мне, можешь меня убить.

— Нет, — последовал неожиданно твёрдый ответ.

— Что «нет», первое или второе?

Альден убрал одну руку, освобождая обзор:

— Я не стану убивать тебя. Я — не ты.

Впервые за всё время разговора Ресд пришёл в замешательство. Выдавил удивлённо:

— В смысле?

— Мне пришлось оставить Рим, чтобы спасти остальную страну. Потом — оставить треть территории, чтобы спасти две других. Ты не представляешь, как я хотел смерти того, кто в этом виноват. Меня так некоторые инферналы хотели убить, тоже за дело. А потом я понял, где ошибался… И с того момента — желание прошло. Не потому, что ты не участвовал в этом напрямую — а я по-прежнему думаю, что не участвовал. Не потому, что Кейра могла оказаться права и ты вовсе сбежал, как последний трус, решив, что если я и моя империя проиграли суд истории, то так тому и быть. Я вообще не знаю, что ты там делал и как для себя обосновывал, но это и не важно! Главное, что я понял, думая обо всём этом, — то, где пролегает граница между нами с тобой. Тебе достаточно выбрать сторону, и дальше всё

становится просто. Ты будешь действовать исключительно в её интересах, будешь творить что угодно, если твоей стороне это принесёт пользу! Предавать, обрекать на смерть, всё! Надо только… найти её…

Он подавился словами, пытаясь сдержать слёзы.

— Ты такой же, — произнёс повелитель драконов, не столько используя неожиданную паузу для ответа, сколько озвучивая свои мысли в продолжение сказанного. — Просто ты свою сторону давно выбрал. А я никак не мог, всё это время.

— У меня нет стороны, Ресд. У меня есть друзья. И ты относился к ним — к огромной печали для моей страны.

— «Относился»? А теперь? Ты, как и прежде, не боишься поворачиваться ко мне спиной. Хотя, вроде бы, смирился внутренне с тем, что я на стороне твоих врагов…

— Я уже сказал, что я не ты! Да, не боюсь! Потому что я лучше приму удар от твоей руки, чем са… ааа…

Крик императора прервался, но не резко, а по нисходящей: словно сморенный внезапно накатившей сонливостью, Альден медленно повалился на бок и через несколько секунд затих.

— Ты в порядке? — спросил Ресд, так же застигнутый врасплох. В расчёт можно было принимать любой вариант, от перенапряжения и последующего вырубания до неизвестно откуда появившегося яда. Однако не успевший закрыться перед потерей сознания рот и очки, которые император почти подмял под себя, мешали ориентироваться на естественное развитие событий.

Поставив бокал на столик, повелитель драконов подошёл и встал рядом на колено. Ситуация не прояснилась: Альден прерывисто дышал, но на агонизирующего не смахивал.

Да нет, диверсия, вероятнее всего, отпадает. Инферналам с самого начала было объяснено, что защита крепости и защита резиденции Правителя это две разные вещи и о второй на данном этапе можно и не помышлять.

А альтернатива?.. Альден доэкспериментировался и это последствия очередной перестройки организма?

Ладно, сходу понять всё равно не удастся. Пусть занимаются профессионалы. Набрав в грудь воздуха, Ресд позвал:

— Охрана!

Не успело затихнуть эхо от его крика, как по телу императора прошла сильнейшая судорога — а затем он издал вибрирующий от боли вопль такой силы, что у повелителя драконов едва у самого не помутился рассудок.

Где-то в стороне ударили о стены створки дверей, комната вмиг наполнилась людьми, и окончательно Ресд пришёл в себя уже на полу, уткнувшись лицом в лужицу натёкшей с его же

одежды воды. Держали не менее чем четверо: один взял в захват шею, двое сидели на насильно распрямлённых крыльях, а в каждую лопатку упиралось что-то острое.

— Не двигаться!

— Глаза, глаза ему закрой!

— Нападение! Глуши!

«Всё-таки нападение», — успел подумать Ресд перед тем как раздался сухой щелчок и он отключился.

* * *

Альден не понял, что произошло: окружающее вдруг схлопнулось и какая-то сила понесла его сквозь непроглядную мглу. Ощущения напоминали головокружение — но он не был уверен, что его голова при нём, а не осталась в резиденции в Юстиции вместе с остальным телом.

Странный полёт длился несколько секунд, после чего движение прекратилось и тьма начала отступать. Обоняние и вкус вернулись первыми, зрение и слух как будто бы появились, но с передачей информации тянули. Впрочем, и первых двух чувств хватило чтобы понять масштаб проблем: на сухом распухшем языке прочно поселился металлический привкус крови, а в нос ударила смесь запахов органики — горелой, гниющей и свежей.

— Ты никак умирать собрался? — донёсся как сквозь вату чей-то голос.

Мало-помалу глаза сфокусировались. Перед Альденом стоял, чуть покачиваясь, какой-то парень в чёрной одежде, который, по-видимому, и задал вопрос. Постукивая по бедру свёрнутым хлыстом, он то ли ждал ответа, то ли о чём-то размышлял.

Император хотел изменить положение тела, чтобы рассмотреть больше, и рефлекторно потянулся в сторону. Но в этот момент «включилось» осязание — и в глазах потемнело от накатившей боли.

— Да нет, вроде, ещё дёргаешься, — с интересом прокомментировал парень с характерными интонациями изрядно подвыпившего.

— Это ненадолго, господин, ему немного осталось, — раздался скрежещущий голос откуда-то снизу. Сделав над собой усилие и сконцентрировавшись, Альден всё-таки смог немного осмотреться.

Он находился в не слишком большой, но достаточно хорошо освещённой для камеры пыток комнате, подвешенный на цепях за руки — невысоко, разница в росте почти не ощущалась. Выше

локтей чувствительность отсутствовала напрочь, плечи ещё немного работали. По крайней мере, болели. Внизу, исполняя, вероятно, роль непосредственного палача, шныряло какое-то мелкое существо, ростом вдвое меньше и так не слишком высоких ребят.

— Сколько ещё? — поинтересовался парень.

— Не больше минуты, господин.

— Ясно. Ну, в добрый путь, — он ухмыльнулся. — Давно, небось, ждал? Что, теперь и ответить не можешь?

Альден открыл было рот, но так и не смог совладать с одеревеневшим языком и издал лишь тихое сипение.

— Не можешь, — подтвердил мучитель. — Или… не хочешь? Может, ты просто издеваешься надо мной? Снова?

Образы не работали, ни один. Ощущение потенциалов в принципе пропало, и это пугало Альдена больше всего, даже сильнее, чем предрекаемая ему скорая гибель. Он не мог ничего сделать. Вообще ничего.

— А ну, окати его червями. Глядишь, ещё немного подёргается перед концом.

— Окатить, господин? — не поняло существо.

— Они в ведре. Размахнись и выплесни, как воду.

— Вам не повредит, госпо…

— От червей я как-нибудь увернусь. Давай, пока он не окочурился!

Следующие секунды принесли сразу несколько осознаний. Во-первых, окончательно вернувшееся — настолько, насколько это было возможно в искалеченном теле — зрение позволило разглядеть чистые от грязи и бурых пятен участки стен и найти знакомые детали. Во-вторых, непонятное существо, вышедшее вперёд и позволившее себя разглядеть, оказалось нежитью, похожей на прямоходящего паука, составленного из кусков человеческих тел. В-третьих, Альден внезапно понял, что его собственное тело практически лишилось нижней половины — и именно этим объясняется небольшая разница в росте с мучителем.

Под конец до него, наконец, дошло, что за молодой парень может руководить пыткой в таком антураже. Но тут обзор закрыла волна чёрной смеси, выплеснутой существом из стоявшего на полу ведра, — и не осталось ничего, кроме выворачивающей наизнанку боли и желания прекратить её как можно быстрее, остановить сердце прежде, чем плотоядные насекомые прогрызут себе дорогу к нему.

* * *

Когда реальность снова проявилась, Альден обнаружил себя лежащим на кушетке в гостиной, где находился до этого. Вокруг собралась поистине толпа народу; он не смог сходу вспомнить, когда покои принимали столько людей одновременно. Преимущественно военные и врачи, но кое-где виднелись гражданские маги и служащие.

Заметив, что он поднялся, все они сразу загомонили:

— Он очнулся!

— Император, как вы?

— Пропустите, пропустите!

— Разойтись! — рявкнул Альден. В ушах зазвенело — после пыточной, из которой он только что вернулся, звуки воспринимались совершенно по-другому. Тем не менее, он был просто счастлив от понимания, что снова может говорить и кричать.

Все дружно отпрянули, только пара магов остались на месте, занимаясь какими-то лежащими на полу приборами.

— Новости от Нармиза приходили?

— Никаких, император, — отозвался кто-то.

— Ладно. Разойтись! Со мной всё в порядке.

— Но, император…

— Живо! Вернуться к заданиям!

Не дожидаясь исчезновения последних зрителей, Альден встал с кушетки — поймав себя на отслеживании, все ли части тела на месте и нет ли где ран, — и начал дрожащими руками сдирать насквозь промокшую от пота тогу.

— Император, мы поймали нападавшего.

Бросив взгляд в сторону оставшихся преторианцев, Правитель вдруг вспомнил обстоятельства появления своего видения. На полу под бдительным присмотром лежал, распластавшись лицом вниз, Ресд, по-видимому, оглушённый.

— Он… — Альден сглотнул, — он ни при чём. Это не было нападением, я использовал ментальное зрение и не рассчитал сопутствующие риски.

— Отпустить его?

Это был самый сложный вопрос. Отпустить или нет, и если отпустить, то когда.

Помедлив, Правитель решился.

— Да, отпускайте… Стойте! Это ведь стандартный глушак? Что он делал, пока я был в отключке?

Старший по званию смешался, но всё-таки честно доложил:

— Сидел рядом с вами. Он позвал охрану, а через секунду сработала система безопасности. Мы решили, что он пытался отвлечь внимание, и скрутили. Сопротивление оказано не было.

— Понятно. Отпускайте.

Получив стимулирующий разряд, повелитель драконов заворочался. Со стоном приподнялся на руках, встретился глазами с присевшим перед ним на корточки Альденом.

— Ты в порядке? — тихо спросил император.

— Вполне, — поморщившись, Ресд повёл плечами, осторожно размял шею. — А ты? Что с тобой произошло?..

— Ментальный удар. Всё нормально. Но тебе пора уходить, я сейчас буду занят.

Повелитель драконов встал и наполовину расправил крылья, заставив преторианцев напрячься. Помолчал ещё, раздумывая. Наконец, сказал:

— Вряд ли мы ещё когда заговорим об этом, так что — спасибо. Странно это видеть в нынешней ситуации, но ты действительно продолжаешь доверять мне.

Мыслями Альден был уже далеко отсюда — но на такое он просто не мог ответить формально.

— И тебе спасибо, что не забываешь прошлое.

Обниматься они не стали — пожали руки, и Ресд направился к балкону, чтобы после недолгого перерыва вновь подняться в небо и потратить несколько часов на возвращение домой.

Альден знал, что на отращенных крыльях летать на дальние расстояния довольно тяжело, но лишние полчаса отдыха ничего бы не дали, а на несколько часов вперёд он сейчас не рискнул бы планировать. Некоторое утешение заключалось в том, что они и так выразили друг другу максимум признательности.

«Я знаю, как обходятся с задержанными при попытке покушения. Спасибо, что дал указание не убивать меня по первому подозрению на месте и даже не вырезать глаза».

«Спасибо, что не воспользовался уникальной ситуацией и не попытался убить меня».

— Нармиз, это я. Информация подтверждена, инферналы взяли Аргентум. Сейчас там находится как минимум некромант. Если есть возможность — передай… Стой, послушай меня! Не знаю, когда, просто факт. Передай своим, пусть не лезут: нужно сначала разобраться в обстановке. Нет, не знаю. Ничего хорошего, это я гарантирую. Ты мне вот что скажи: в последние часы поступали какие-нибудь сообщения о передвижениях? Ладно, хоть это радует, я боялся, что готовится наступление. Пока всё, надо будет встретиться завтра, после полудня. Угу. Конец связи.

* * *

— Мы вошли в пограничную зону, повелитель.

— Отлично. Стоп, какую пограничную зону?!

— Два километра до границы провинции, повелитель.

— Тьфу, ё…

Тавис облегчённо вздохнул — бывает же. Чуть «телефон» от неожиданности не выронил.

— Тупая твоя башка, граница это граница. А пограничная зона это двойная серая, которую создают на стыке двух государств и начиная с которой невозможно вести дистанционную слежку.

— Прошу прощения, повелитель, я не знал.

— Конечно, не знал, кто вам о таком рассказал бы… Ладно, дальнейшие указания помнишь?

— Да, повелитель.

— Тогда отбой. Свяжись, как доберётесь до места. Хотя нет, просто оставь сообщение — я к тому времени уже в штабе буду.

— Хорошо, повелитель.

— Ага.

Тавис и не представлял раньше, что оперировать информационными потоками так увлекательно. Конечно, необходимо время втянуться, приноровиться… В начале нынешней операции пришлось хорошенько поднапрячься, чтобы для самого себя разграничить три разные картины происходящего — реальную, для Плети и для Ресда, но теперь, видя результаты проделанной работы, он испытывал неподдельную гордость. Его успехи на этом поприще были просто несравнимы с фронтовыми: в прямых боестолкновениях лучше всего зарекомендовал себя Фауст, и обогнать его так и вышло. Но недолго музыка играла, Тавис всё равно приступил к реализации своих замыслов.

План был отточен до идеальности. Всех удалось убедить, что восточная граница прогибается под натиском имперских войск и что он, Тавис, единственный кто может остановить их без корректировки общей стратегии. И он остановит, да… если вдруг они действительно там появятся.

Подумаешь, на фронте им войска нужны. Как только ситуация с Юстицией встанет так, что победа будет зависеть от наличия пары дополнительных рот, Ресд забудет и про свою скупость, и про режим скрытности, и про всё остальное, — и преподнесёт эти пару рот на блюдечке. А то, что Тавис сейчас провёл манёвр и получил в командование немного больше войск, чем ему отмерили, так это его личная заслуга. Все борются за влияние, так почему он не может в этом участвовать?

Тем более, он не только своё положение укрепляет, но и об общей пользе печётся: подготавливает плацдарм для будущих

наступлений. Когда придёт время проверок на лояльность, неизбежно встанет вопрос, как замирять непрошедших её. Вот тогда-то Тавис и выложит все свои козыри — нате, обалдуи, пользуйтесь, я почти всю работу за вас сделал. Осталось лишь набраться решимости и закончить её.

А если у вас и решимости нет — у вас по-прежнему есть Тавис.

Глава 7

Кейра всегда любила Юстицию. Центральный город каждой провинции в Империи имел в основной цветовой гамме некоторое отклонение от общегосударственных голубого и белого. Здесь был сделан выбор в пользу белого и золотого, без всякой увязки с эльфами, но с сопоставимым размахом.

Четырёх этажей администрации и небольшого холма, на котором она располагалась, вполне хватало, чтобы с её крыши можно было охватить взглядом всю панораму. Словно не удержав форму на гладком равнинном пространстве, Юстиция растеклась до пределов, обозначенных опоясывающей её стеной, сравнительно невысокой, но на фоне примыкавших к ней домиков выглядевшей просто огромной.

Самые дальние кварталы, расчерченные невидимыми издали ниточками улиц, формировали «озёра» местной общественной жизни, преимущественно военного толка — у стены традиционно селились причастные к её делу и духу. Озёра давали начала рекам, наполнявшим живой энергией районы, те группировались вокруг торговых площадей. А от площадей шли зелёные проспекты-каналы, прямыми широкими линиями рассекавшие город на сектора и вливавшиеся в правильное кольцо, внутри которого находились деловой и административный центры.

На первый взгляд всё выглядело по обыкновению прекрасно: солнце не скупилось на лучи, снизу поднимался древесный запах от множества дубов; нужно было только вспомнить, что сейчас по-прежнему лето, пора беззаботности и веселья. И покровительница эльфов с удовольствием отдала бы себя на откуп ощущениям — но чувствовала, что это неправильно. Неправильно из-за игл, торчавших из полотна городской застройки.

Горожане, скорее всего, успели привыкнуть к новым сооружениям, но ей, из трёх союзных Правителей реже всего появлявшейся здесь, они как нельзя лучше свидетельствовали о произошедших переменах. О том, что опасность стоит на самом пороге. О том, что времени до того, как эта опасность попытается прорваться внутрь города, осталось совсем мало. О том, что все в курсе и готовятся приложить максимум усилий для отражения натиска.

Возможно, тревоги терзали девушку напрасно. Она даже не знала точного назначения этих игл: посты наблюдения, ретрансляторы, огневые точки, черт знает что ещё. Но конкретика Кейру сейчас не интересовала; всё внимание заняла мысль — в её Юстицию пришла война.

Оглядев панораму ещё раз, она вздохнула. Покосилась на преторианца, возившегося с предназначенными для выявления и обезвреживания врага приборами.

— Долго ещё?

— Закончили, — боец поднял голову. Коротко кивнул: — Простите за задержку, госпожа, на вас очень много предметов, имеющих магическую природу.

— Ещё бы, — девушка невесело улыбнулась. — В Лентане меня с такой же категоричностью обязывают вешать защиту. Или брать отряд сопровождения.

— Не берусь давать вам советы, — подал голос центурион стражи резиденции, пришедший лично встретить высокого гостя, — но, если позволите, отряд был бы надёжнее.

Убедившись, что под маской дружественного правителя никто не скрывается, принимающая сторона резко сбавила градус серьёзности. Эльфийского лидера в Империи любили: привыкшая к республиканским обычаям Кейра легко шла на контакт с окружающими, не видя разницы между своими и не своими гражданами.

— Все так говорят, — кивнула та, — но я ведь девушка. Если я хочу слетать куда-то одна, то лучше увешаюсь амулетами, но никого к себе не подпущу.

В сопровождении центуриона она направилась через воздушную площадку к спуску на нижние этажи.

— Воля монарха — высшая власть, — не стал настаивать офицер.

— Это да… А сенатор Нармиз сегодня так же прибыл один?

— Утром? Да, один.

— Хорошо. — Подумав, Правительница пояснила: — Если уж Нармиз, несмотря на свою любовь к безопасности, перемещается без группы, наступление нам пока не грозит.

Центурион, дёрнув бровями, промолчал. По-видимому, не хотел развивать эту тему.

Понаблюдав за ним немного, Кейра вынесла вердикт:

— Хотя вас это, похоже, не радует. Что-то случилось? С Альденом всё в порядке?

— Я не уверен, что могу обсуждать такие вещи, — преторианец нахмурился. — Будет лучше, если вы узнаете сами.

— Значит, не в порядке. Давно?

— Госпожа, я…

— Всего лишь простой центурион, — кивнула девушка. — А я подруга императора. Чтобы узнать у него подробности, мне нужно хоть как-то подготовиться к разговору. А для этого необходима информация.

Центурион молча шагал вперёд, пряча глаза. Казалось, ещё немного — и он активирует боевой режим шлема, для надёжности.

Подумав, Кейра сменила тактику:

— Это не сплетни. В конце концов, это в общих интересах.

— Госпожа, ну почему вы не можете задать эти вопросы кому-то более подходящему? — не выдержал офицер.

— Более? — Правительница от удивления остановилась. — Хотите сказать, что Нармиз всё ещё здесь, я правильно поняла?

— Сенатор Нармиз не покидал этот участок, это всё, что я могу сказать.

Что-то в нём всё-таки было от придворных распространителей информации. Конкретно умение передавать секреты «по касательной».

— Хорошо, вы мне уже помогли… Надо же, а сказал, что не задержится.

На последнем повороте перед покоями императора они разошлись, но Кейра решила чуть повременить с намеченным визитом.

Направо — конечная цель. Слева они только что пришли, и там же находился проход в центральную часть П-образного здания. Впереди — выход на лестницу, располагавшуюся на самом коротком пути от дверей покоев до дверей на улицу. Если глава Братства двинулся туда, поиски грозили вывести на площадь и затянуться на непредсказуемо долгий срок.

Девушка знала друга достаточно хорошо, чтобы по крайней мере сделать попытку. Сосредоточившись, она глубоко вздохнула, закрыла глаза руками и сотворила образ. Подождала немного, пока мозг настроится на приём информации, медленно дошла до лестницы. Повернулась на спуск… Нахмурившись, остановилась — после чего развернулась и пошла по ступенькам вверх.

Через два пролёта она пошарила по стене. Рука сперва наткнулась на холодный твёрдый камень, но чуть дальше провалилась в пустоту. Открыв глаза, Кейра улыбнулась: проёмов не было, каменная кладка выглядела цельной. Ещё один образ, и «пузырь» морока лопнул.

Нармиз сидел на широком подоконнике, поджав под себя одну ногу и согнув в колене другую. На второй лежала рука с судорожно сжатыми в кулак пальцами. Верхние две пуговицы дублета расстегнуты, волосы растрёпаны — явно прошёлся несколько раз ладонью. Мышцы челюсти напряжены так, словно глава Братства на весь остаток жизни запретил себе разговаривать.

Кейра едва не отшатнулась, когда Правитель повернул голову

и обратил на неё полный тоски взгляд, но тут же опомнилась. Прислонилась к стене рядом:

— Ничего себе. Что у вас тут произошло?

Чтобы удержать зрительный контакт, Нармизу пришлось бы развернуться. Предсказуемо не став этого делать и вообще не ответив, он вернулся в прежнее положение и почти упёрся лбом в колено.

По умолчанию, правила общения знакомых между собой Правителей разрешали свободно искать контакта друг с другом, без оглядки на внутригосударственные обычаи. Кто-то проводил разграничение на создающих и создаваемых и с пренебрежением относился к последним, кто-то ставил связи между главами государств выше всех возможных условностей, кто-то просто хотел общаться с друзьями так, как привык, а не как требуется. Начиная с определённого этапа взаимоотношений принцип, определявший границы исключительного личного пространства, звучал просто: «хочешь уединения — создай». Раз можешь менять реальность силой мысли, не говори, что тебе не оставляют выбора, но сделай так, чтобы до тебя не могли добраться.

Нынешняя ситуация давала Кейре определённые права. Во-первых, она сумела самостоятельно отыскать Нармиза. Во-вторых, состояние, в котором он находился, сигнализировало о наличии определённых проблем. В-третьих, он явно предполагал возможность разговора.

— Пожалуйста, не молчи. Я же вижу, что тебе плохо.

— Я думал, ты сначала пойдешь к Альдену, — глава Братства, наконец, разлепил губы. Он постарался оставить в голосе как можно меньше эмоций, но уши Кейры были достаточно чувствительными.

— Что с ним?

— Точно не знаю. Но ему сейчас не легче, чем мне.

— «Не легче» — слишком размыто.

Примостившись напротив Нармиза — подоконник был не таким уж длинным, Кейра взяла оказавшуюся рядом его руку и стала гладить продольными движениями. Правитель в первый момент дёрнулся, но вскоре обмяк, то ли смирившись, то ли доверившись. Девушку устраивал любой вариант.

— Ты же пойдёшь к нему потом? — уточнил-попросил Нармиз спустя минуту.

— Конечно, — Кейра кивнула, мысленно отметив, что друг постепенно приходит в себя. — А пока побуду с тобой. Что у вас всё-таки случилось? Неужели поругались?

О переменах на фронте она не думала — маловероятно. Ребята в таких случаях обычно не раскисали, наоборот, бросались

в работу с новыми силами. А если бы произошло что-то глобальное, то слухи успели бы до неё докатиться.

— Что-то вроде. Началось всё с захвата Аргентума.

— Месяц назад?..

— Не знаю. То есть… — Нармиз мотнул головой. Подобрав слова, стал объяснять: — Этот месяц мы только предполагали захват. А сегодня ночью Альден получил то, чего так долго ждал, — видение от наместника. Когда тот находился при смерти, сработал механизм прямой ментальной связи. Полная безопасность, наблюдатели, если не подготовлены заранее, ничего не обнаруживают, а у Правителя или другого, на кого настроено, появляется возможность увидеть последние минуты жизни объекта.

— Да, что-то такое помню, — кивок Кейры вышел чуть нервным: она начинала догадываться, что довело ребят до срыва. — Судя по всему, я правильно решила не пользоваться этим.

— Возможно. Наместника убивали достаточно жестоко, так что…

Нармиз снова замолчал и отвернулся в окно.

Пожевав губу, Кейра тихо произнесла, смягчая последствия тяжёлого разговора:

— Извини, что разбередила.

— Ничего… — вновь переведя на неё взгляд, повелитель теней добавил: — Без тебя было бы гораздо хуже, правда.

Девушка чуть подалась вперёд и оперлась на его ногу плечом. Спросила, снова погладив по руке:

— Он из-за войны? Или вы что-то между собой обсуждали?

— С Аргентума и до остального дошли. В процессе он мне высказал, я не выдержал и тоже ответил. В общем, плохо всё получилось.

— Не бери в голову, — не дала ему уйти в грустные мысли целиком Кейра. — Это временное. Закончится война — всё наладится. Вы сейчас на нервах, потому что не всё выходит так, как хочется. Но жизнь такая штука, что постоянно предугадывать не получится…

Нармиз криво усмехнулся. В его глазах промелькнула ирония:

— Запомни эту фразу — и ни за что не употребляй, когда пойдёшь к Альдену. Даже по частям.

— Ты говорил то же самое? Неприятные воспоминания?

— Хуже: я поставил ему это в вину.

— Как это?..

— А вот так, — губы главы Братства снова изогнулись, но

теперь усмешка скорее походила на гримасу боли. — Когда он стал в очередной раз накручивать себя — мол, не справляется с ситуацией, потерял две провинции, — я предложил выделить часть резерва и дойди до Аргентума. Если и не взять, то, по крайней мере, блокировать, вывести из управления и оттянуть на себя вражеские войска. Он накинулся на меня, сказал, я несерьёзно отношусь ко всему этому, постоянно какие-то авантюры продвигаю. Договорился до того, что на своей территории я вёл бы себя гораздо осмотрительнее. Я и ответил — что верхом осмотрительности с его стороны было бы последовать моему совету в самом начале и перерезать инферналов сразу по приходу. Тогда бы он ни одной провинции не потерял и сидел бы сейчас… в своём Риме.

Лицо Нармиза снова исказилось. Кейра, мысленно выругавшись на себя, ослабила хватку: распереживавшись, она непроизвольно сжала ладонь друга. Дело было не столько в физической боли — куда ей, даже двумя руками, — сколько в том, что Нармиз мог и скорее всего истрактовал этот жест как укор.

— Прости, я не хотела, просто нервничаю… И ты поэтому тут сидишь? Из-за этой фразы?

Повелитель теней вроде бы хотел ответить, но в последний момент просто кивнул. Девушка задумалась.

— Но ведь по сути ты был прав? Он действительно отклонил это предложение?

Сама она подобного не слышала — разговоров о грядущей войне состоялось несколько, и покровительница эльфов присутствовала не на всех из них. По естественным причинам: на запланированные сборы её приглашали, а спонтанно ребят пробивало поговорить о военных делах регулярно, вне зависимости от обстановки в мире.

— Не важно, что он отклонил, — нехотя ответил Нармиз. — Важно, что я сорвался. Понимаешь, сорвался.

Девушка кивнула; за прошедшие годы она изучила друга достаточно, чтобы дополнительных объяснений не требовалось.

В любой серьёзной ситуации должен был присутствовать хотя бы один трезвомыслящий член команды. И в девяноста процентах случаев им выступал именно глава Братства, наиболее среди союзников приспособленный к этой роли за счёт темперамента. Оставшиеся десять приходились на Кейру, которая единственная имела возможность оценивать положение со стороны и находить незамеченные другими нюансы.

Как теперь стало ясно, глубинный смысл просьбы Нармиза прилететь в Юстицию и проведать Альдена заключался именно в

необходимости навести здесь порядок. Привести в чувство по крайней мере одного Правителя; на помощь для себя повелитель теней надеялся, но из гордости не подавал виду.

Кейра, не зная, что ещё сказать, прислонилась к ноге друга щекой — только бы снова в хандру не погрузился. А переспорить она уж как-нибудь в другой раз постарается…

Через несколько секунд на её плечо легла рука.

— Тебе пора, — Нармиз немного грустно, но уже с повседневной уверенностью смотрел ей в глаза. — Спасибо, что пришла ко мне.

— Ты ещё будешь здесь?..

Помедлив, глава Братства кивнул.

* * *

На стук в общую дверь никто не откликнулся. Кейра потянула ручку — открыто. В обычной ситуации сошло бы за приглашение, но не сейчас. Правительница открыла дверь, протянула руку и постучала по ней с внутренней стороны. Тишина.

Альден обнаружился в большой гостиной: лежал, распластавшись на спине, на одном из диванов с повёрнутой ко входу головой — всё-таки слышал, просто не отреагировал. Привычная туника его была непривычно измятой, волосы растрёпаны похлеще, чем у Нармиза, даже если не принимать во внимание разницу в длине и гулявший по комнате сквозняк. Нос чуть опух, на щеках красные пятна.

Поверхность обеденного стола занимал бардак, но бутылок Кейра не приметила. Добрый знак: если Альден и пил, то в умеренном количестве.

Едва увидев, кто к нему пришёл, император в одно мгновение подскочил, напрягшись, как пружина, и так и замер, не зная, что делать дальше. Глаза буравили гостью, отслеживая каждое её движенье.

— Извини, я… Ты не ответил на стук, я подумала… — Кейра смешалась: задумавшись по дороге, она забыла внутренне подготовиться к новому разговору.

— Откуда ты?

По голосу определить, что за эмоции бушевали внутри Альдена, не удалось, слишком много всего. Как можно мягче девушка ответила:

— Нармиз звонил сегодня утром, сказал, что есть дело и может потребоваться моё участие. Предложил встретиться в Юстиции. В первой половине дня я не успевала, прилетела только

сейчас, но… Что-то случилось?

— Случилось, — подтвердил Альден очевидную уже вещь. — Я… не знаю. Лучше будет потом…

Кейра сделала шаг вперёд, и он замолк, снова став похожим на дикого зверя, готового сорваться в бег при малейшем намёке на прикосновение.

— Альден, — она громко и чётко назвала его по имени, — пожалуйста, объясни, что происходит. Я волнуюсь за тебя.

Так тихо, что она едва расслышала, император прошептал:

— А то ты не видишь.

— Я вижу, что ты не в порядке. Но не понимаю, что с тобой конкретно.

— И не нужно. Не обижайся, но будет гораздо лучше… если ты уйдешь.

Её и саму на мгновение одолело желание уйти: видела, что её присутствие не только не влияет положительно, но и накаливает обстановку. Но — передумала, обратив внимание, что последние слова друг произнес почти через силу, как обязательный к зачитыванию текст, с которым нет внутреннего согласия.

— Нет, — приняла решение Кейра. Вышла на середину комнаты, оказавшись ровно напротив. — Я останусь здесь. И помогу…

— Да ничем ты не поможешь, что тут непонятного! — заорал Альден так, что по покоям пошло гулять эхо. — Ни ты, ни кто-то ещё! Нечему больше помогать! Ничего не осталось! Или ты посмотреть на меня хочешь?!

Покровительница эльфов со страху вжала голову в плечи: настолько разъярённым она видела императора всего несколько раз в жизни, а в отношении себя и вовсе впервые.

Лишь два предмета напоминали о нём-прежнем — неуязвимые прическа и очки. Красные пятна увеличились и в размере и в количестве, покрыв неровной сеткой половину лица и ярко выделяясь на фоне остальной побелевшей кожи.

— Мне и с тобой ещё надо поругаться?! Давай, самый лучший момент! Со всеми поругался, а с тобой не успел! Потом буду бегать просить прощения. Нет ничего лучше, да?! Почему бы не побегать, ведь это я во всём виноват! Территорию — сдал, войну — проиграл, ещё и спор этот… Всё для республики! Всё для вождя эльфов!

Полубезумный взгляд Альдена держал, словно магнитом, не давая прийти в себя и сосредоточить мысли.

— Всем нужна была империя, все делали на неё ставки — помрёт-не помрёт! А давайте-ка накачаем её, чтобы, если вдруг что, она первой встретила врага, защитила остальных! Так ведь

проще, да?! Если империя есть, чего бы не попользоваться, не стоять же ей без дела! Там как-нибудь отыграем. А не отыграем — свалим на меня: чего это я проигрываю за всех? Непорядок! Непорядок проигрывать!

Закрыв лицо руками, Альден рухнул на колени, сжался в комок и завыл, так истошно, что у девушки едва сердце не разорвалось от отчаяния.

— Кейра, умоляю, оставь меня, — простонал император. — Если есть ещё что-то, чем я могу тебя заклинать, — оставь.

— Не могу, — прошептала Правительница, — не могу… Я не должна бросать тебя в таком состоянии.

— Можешь! Можешь и должна! Иначе…

Альден закашлялся; судя по звукам, он из последних сил сдерживал слёзы.

Кейра снова сделала шаг вперёд, инстинктивно, потому как ни сил ни времени на обдумывание целесообразности не было. Она хотела спасти ситуацию и делала всё, что только могла.

Издав сдавленный вопль, Альден дёрнул наотмашь рукой. Воздух перед ним заискрился; вновь повинуясь рефлексам, девушка остановилась. Потянулась в замешательстве, не понимая, что произошло, — не атаковали же её, в самом деле?.. И упёрлась в невидимую стену.

— Не надо. Пожалуйста, — прошептал Альден. — Стой, где стоишь.

Правительница медленно опустилась вслед за ним на пол.

Всё, приехали. Слов не осталось, а любое другое средство, которое можно было бы использовать, требовало непосредственного контакта, который ей закрыли.

Нервы закручивались в жгуты от борьбы холодного чувства собственной беспомощности и нежелания сдаваться. Взгляд дёргано скакал по комнате в поисках чего-либо, за что можно было бы ассоциативно зацепиться и переломить ситуацию, но никак не находил…

Пока, наконец, не упал на альденову гитару. Практически случайно: любимый своим владельцем инструмент валялся в дальнем углу, словно потерявший смысл полированный кусок дерева. У Кейры перехватило горло от ощущения неправильности — которое тут же нацепил на себя клубок остальных переживаний.

Всё из-за войны. Чертовой войны, вынуждающей бросать всё, что любишь, и на какое-то время — от недель до месяцев, как повезёт, — превращаться в нелюдя. Думать, как инфернал, действовать, как инфернал, ради того чтобы поскорее уничтожить или хотя бы нейтрализовать врага и вновь вернуться к самому

себе, вспомнить о том, что есть в жизни хорошего.

— Отпустите меня в мой сон, — прошептала девушка всплывшие в голове строчки, отстраняясь от происходящего и не видя ничего перед собой. — Там поёт серебряный дождь…

Альден затих. Чуть поднял голову — Кейра почувствовала направленный взгляд.

— Гитара, — тихо произнёс император.

— Что? — Кейра вздрогнула.

— Возьми гитару.

— Я…

Не собиралась петь. Не хотела петь. Уже несколько лет как не играла. Вообще не готовилась.

Альден повёл головой в направлении угла; гитара поднялась в воздух и сама поплыла через комнату, избавив девушку от мук выбора.

«Только бы не запутаться в переборе», — успела подумать Кейра, принимая инструмент.

> Отпустите меня в мой сон, там поёт серебряный дождь.
> Там заждался меня мой конь, но следов в траве не найдёшь.
> Там горит на окне свеча — дом, в котором помнят и ждут,
> Где не тронет меня печаль, где беда и боль не найдут.
> Отпустите меня домой, там застыли стихи в огне.
> Этот дождь, он пришёл за мной, этот дождь вспомнил обо мне.
> Смотрит осень в мои глаза — неподвижно-янтарный взгляд,
> Серой птицей небо в слезах. Кто сказал, что нельзя назад?
> Лабиринт размытых дорог рассечёт дождя серебро.
> Кто изменит проклятья срок, прочитав слова над костром?
> Сине-бархатный взмах крыла, серебристо-печальный звон.
> Это смерть за мною пришла. Отпустите меня в мой сон… [4]

Закончив, девушка не без облегчения выдохнула: некоторое количество эмоций ушло в песню и прекратило разрывать её изнутри. Посмотрев на единственного слушателя, она с удивлением поняла, что ему тоже стало легче: дыхание Альдена выровнялось, руки перестали ходить ходуном.

— Можешь… ещё? — спросил император.

Большого желания снова бросаться на риск не было — новую песню придётся обдумывать с нуля. Но выбора ни в одной из плоскостей не оставалось.

— Только закрой окна, сквозит.

— Есть, — кивнул Альден, не сделав ни единого движения.

Подумав, Кейра решила попробовать немного сдвинуть эмоциональный фон.

> Вместе с запахом выжженных солнцем полей
> Тёмной птицею в сердце входит новая осень.
> Ты плетёшь свой венок из траурных лент,
> Из увядших цветов и почерневших колосьев.
> Но кто знает, чем обернутся холода и потери
> Для того, кто умел верить,
> И кто знает, когда над водою взойдёт голубая звезда
> Для того, кто умел ждать…[5]

Кажется, Альден оценил. Когда песня закончилась, он поднялся и прошёлся по комнате.

— Дальше? — уже сама предложила девушка. Голос чуть дрогнул от волнения.

— Если не сложно.

И она продолжила. На ходу вспоминая весь свой репертуар и корректируя его, чтобы не возникало диссонансов с обстановкой. Несколько раз рука соскользнула, несколько раз вылетели из головы строчки, но император не обращал на это никакого внимания. Сама же Кейра не рисковала откладывать гитару, и всё играла… Хотя, конечно, больше пела — в своём владении голосом она была уверена больше.

Прошло около часа, когда Правительница поняла, что в запасе осталась всего одна песня. Альден к этому времени почти пришёл в норму; мрачный и потрепанный, но зато с живыми глазами, он сидел напротив и думал о чём-то своём. Стена между ними давно исчезла, и физическая, и психологическая.

— Можно тебя попросить?

— М? — Альден поднял голову. Кейра закусила губу, набираясь решимости.

— Сделать перерыв на чай. И… выпей, пожалуйста, какой-нибудь элексир. Успокоительный.

Император, не проявив ни малейшего недовольства, кивнул:

— Я тоже хотел. Спасибо, что сказала.

Девушка улыбнулась, устало, но благодарно: ответ, да и сама просьба имели к чаю посредственное отношение.

По случаю отдыха — гитару наконец-то удалось отложить — переместились на диваны. Очистив и заново накрыв стол, Альден выпил что-то из своих запасов и лёг отдыхать. Кейра старалась не привлекать внимания: эффекты у различных средств были разные, многие в принципе не подразумевали какого-либо вмешательства в процесс. Так что, если захочет продолжить разговор, сам подаст сигнал.

Через несколько минут император вернулся в сидячее положение и сделал глоток из чашки. Бросил на гостью скорбный взгляд:

— Злишься на меня?

— Не говори глупостей, — девушка качнула головой. — Расскажешь, что случилось, или не поднимать эту тему?

Взгляд Альдена снова дернулся в сторону.

— Нового почти ничего. Одно за другое, третье за четвёртое… Завершило всё убийство наместника Аргентума. Я когда-то накладывал на него и остальных связки, позволяющие, во-первых, узнать об их смерти, во-вторых, увидеть последние минуты. Правда, никогда раньше не доводилось опробовать на практике… Полноценно, по крайней мере.

Императора передёрнуло, видимо, от воспоминаний о пережитом.

— В общем, теперь Аргентум совершенно точно в руках инферналов. И ничего хорошего нам это не сулит.

— Разве нельзя что-то придумать? — воспользовавшись удобным моментом, Правительница решила создать основу для примирения друзей между собой. Альден кивнул:

— Нармиз предлагал перекроить планы. Правда, я тогда был не в состоянии рационально мыслить, и… вместо обсуждения наорал на него. Столько всякого наговорил… Тоже теперь прощения просить.

— Почему «тоже», со мной ты не поругался, — Кейра усмехнулась, — не на ту напал.

— Не знаю, что бы я без тебя делал, — признался император. — В лучшем случае ещё несколько часов так просидел.

— Как и Нармиз. Я на него наткнулась по дороге сюда. Переживал, что он ответил тебе гораздо жёстче, чем получил сам.

— В самом деле?.. Это он, наверное, из-за моей реакции так подумал. — Альден бросил задумчивый взгляд в окно: — Хотя сейчас я и правда не отказался бы поубивать всех до вхождения в силу…

— Так тоже никаких гарантий не было бы, — напомнила Кейра, — тем более, их пришло четверо. Один ускользнул — и

всё, вот тебе не умирающий от старости меняющий внешность террорист без привязки к центру силы. Создающий любое оружие силой мысли.

— Да знаю я, знаю. Просто всё так сложно… Задрала меня эта война, — император поморщился. — Мало того что ни конца ни края, так к тому же почти половина территории потеряна. Замкнутый круг: что хочешь делай — придёшь к одному, надо расширяться. А как, если постоянно то на одном направлении атакуют, то на другом?.. Расслабиться вообще не удаётся. Причём кажется, что справляешься, успеваешь отдыхать, а оно, на самом деле, копится внутри, ждёт подходящего момента.

Император снова стал мрачнеть — накручивание не прошло впустую. По-видимому, успокоительное сняло основную нагрузку, но в долговременной перспективе уступало внешним факторам. Девушка поспешила увести внимание в сторону:

— Военные издержки это ладно. Ты зато с Нармизом видишься регулярно, хоть по делам, хоть в какой обстановке. А я одна сижу неделями, как ни соберусь до кого-нибудь добраться — сразу что-то происходит. И в итоге откладываю до бесконечности.

Перегнувшись через стол, Альден коснулся её руки. На секунду — но этого хватило, чтобы выразить довольно многое.

— Это разрешение время от времени появляться на фронте? — уточнила Кейра, не веря в свою удачу. Как оказалось, правильно; император вздохнул:

— Пока нет. Ты же все мои доводы наизусть знаешь…

Девушка угрюмо кивнула; попытка не пытка.

Когда пауза затянулась, она вдруг заметила, что челюсти Альдена снова сжались, а взгляд остановился в пространстве. Голова Правителя продолжала сопротивляться искусственной волне успокоения, и небезуспешно. Что ж с ним сделать-то?..

— О чём я?..

— О том, как мне тяжело без встреч, — напомнила Кейра, параллельно сама погружаясь в мысли.

— Угу. Я, как ты понимаешь, тоже против встреч ничего не имею, но планировать сейчас совершенно невозможно. Всё скачет, как не знаю что, меняется по сто раз… Могу только один совет дать: есть возможность — лети, пока она не исчезла, а мы уже как-нибудь под тебя подстроимся. Но квартироваться всё равно лучше у себя, иначе с этим фронтом — вон, как я станешь.

Кейра дотянулась до лежавшей неподалёку гитары и коснулась струн. Прислушалась к звону.

— Не знаю. Может, если бы я добралась сюда чуть раньше, даже этого можно было избежать. Помнишь, ты когда-то так же успокаивал меня? Давно, ещё в самом начале. Когда у меня не

получалось то одно, то другое… Сначала пытался говорить серьёзно, объяснял ошибки, а потом бросал и садился играть. И все проблемы как рукой снимало.

Губ Альдена коснулась тень улыбки:

— Больше тебя ничем не пронять было. Сидит девчонка, ревёт, что она никогда не станет нормальным Правителем, и никого не слушает…

— А ты отвечал, что — из тебя же что-то получилось, значит, и из меня толк выйдет.

Правительница улыбнулась в ответ — почти не видя собеседника: перед глазами вставали картины далёкого прошлого. Их общего прошлого.

Подтянув гитару, она с первого раза взяла нужные аккорды. Пальцы легко начали выводить перебор; эту песню она когда-то выучила одной из первых и ни за что не позволила бы себе забыть.

Налей ещё вина, мой венценосный брат,
Смотри — восходит полная луна.
В бокале плещет влага хмельного серебра,
Один глоток — и нам пора
Умчаться в вихре по дороге сна.
По дороге сна пришпорь коня, здесь трава сверкнула сталью,
Кровью — алый цвет на конце клинка.
Это для тебя и для меня, два клинка для тех, что стали
Призраками ветра на века.
Так выпьем же ещё, есть время до утра,
А впереди дорога так длинна.
Ты мой бессмертный брат, а я тебе сестра,
И ветер свеж, и ночь темна,
И нами выбран путь — дорога сна.

Кейра мельком бросила взгляд на друга: улыбка на лице Альдена не собиралась никуда пропадать.

Всё правильно. Это была их песня. Если что-то и могло сейчас сработать, то она.

По дороге сна — тихий звон подков, лёг плащом туман на плечи,
Стал короной иней на челе.
Остриём дождя, тенью облаков стали мы с тобою, легче,
Чем перо у сокола в крыле.
Так выпьем же ещё, мой молодой король,

Лихая доля нам отведена:
Не счастье, не любовь, не жалость и не боль —
Одна луна, метель одна,
И вьётся впереди дорога сна.
По дороге сна, мимо мира людей. Что нам до Адама и Евы,
Что нам до того, как живёт земля?
Только никогда, мой брат-чародей, ты не найдёшь себе королеву,
А я не найду себе короля.
И чтоб забыть, что кровь моя здесь холоднее льда,
Прошу тебя, налей ещё вина.
Смотри — на дне мерцает прощальная звезда,
Я осушу бокал до дна
И с лёгким сердцем — по дороге сна…[6]

Забыв об окружающем, девушка не уловила момент, когда император опустил голову. Ничего особенного — однако сердце нехорошо кольнуло.

По окончании песни он остался в том же положении.

— Всё нормально? — Кейра занервничала. Ну что такое, ничего ведь не предвещало!

— Да, наверное, — отозвался Альден.

Поднялся, подошёл к окну. Опёрся обеими руками на подоконник.

— Альден?..

— Всё в порядке. Я… можно вопрос?

Подумав, девушка решила не повторять ошибок и сократила дистанцию сразу — тихо подошла и встала в нескольких шагах позади. Ответила:

— Конечно. Что-то случилось?

— Нет, просто вспомнилось… некоторые вещи. И снова нахлынуло. Ничего серьёзного, я ведь уже выпил элексир. У тебя кто-нибудь есть?

Вопрос был задан настолько неожиданно, насколько в принципе возможно; у Кейры голова пошла кругом, как от удара пыльным мешком. В этот момент она даже порадовалась, что Альден не видит её лица.

Немного придя в себя, девушка отозвалась:

— Можно сказать, что нет. К чему ты это?..

— Песней навеяло.

Пауза между репликами оказалась минимальная. То ли император ответил без задней мысли, то ли считал продолжение

интуитивно понятным… Трактуй как хочешь.

Кейра решила задать главный вопрос прямо:

— Ты ведь не пытаешься вернуться к нашему разговору… об отношениях… и…

— Переиграть? — изумление в голосе было совершенно искренним. Он наконец-то повернулся к ней; в глазах — то же самое. — Даже не думал об этом. Если ты не… или ты подумала, что я?..

Несмотря на усиливающийся идиотизм произносимых фраз, понимание ситуации постепенно росло.

— Да, — кивнула Правительница, — ты так спросил, я не знала, что и думать.

Альден сделал к ней шаг, но в замешательстве остановился — наверняка хотел прикоснуться, но посчитал нелепым и рискованным с учётом темы обсуждения. Сказал:

— Если ты не чувствуешь себя обиженной, то я полностью поддерживаю наши нынешние отношения. На мой взгляд, они отличный образец всего, что я тебе обещал… тогда.

«Тогда» — ухнуло в голове слово.

Мысли снова обретали порядок.

Эту тему они не поднимали с того самого времени, ни разу. Пережив свою внезапно возникшую влюблённость, Кейра постепенно и думать забыла о том, что когда-то предлагала другу-Правителю перевести отношения в иной формат — настолько естественной и органичной оказалась их дружба.

— Согласна. Всего, и даже больше. Наверное, я…

Девушка смутилась, но одёрнула себя и твёрдо продолжила:

— Раз уж мы заговорили об этом, то я должна поблагодарить тебя. Если бы не тот случай, я не знала бы… что думать об отношениях. В принципе. А ты помог усвоить простую, но важную мысль, что отношения между Мечтателями это… не то. Парадокс.

— Парадокс, — повторил Альден.

В его глазах снова не получалось ничего прочитать — ни одного конкретного и понятного чувства.

— Ну, не совсем… Просто не знаю, как выразиться, — Кейра с тревогой следила за очередными изменениями в эмоциональном фоне.

Император махнул рукой:

— Не важно. Оставим эту тему?

Решив разобраться до конца, девушка подошла почти вплотную и коснулась плеча друга:

— Не пойми меня неправильно, но ты мне не соврал? У тебя такой вид, словно…

— Я же говорю, ассоциативная цепочка. Дал неосознанно

намёк, и ты подняла этот вопрос. Вот и всё.

Он смотрел ей в глаза, прямо и открыто, даром что побледнел. Что же с ним творится, если воспоминания раз за разом обрушивают его в пучину страданий…

Драма ситуации заключалась в том, что Правительница истратила все готовые способы вернуть разговор в прежнее русло, а импровизация буксовала.

— Теперь не пойми меня неправильно снова, — вдруг сказал Альден. — Тебе надо уйти. Я сейчас хочу побыть один и обдумать кое-что. Ты не будешь против?

Девушка закусила губу:

— Если ты…

— Даю слово, что контролирую себя и ничего с собой не сделаю. В любом случае не сделаю: элексир подействовал, а до прежнего состояния мне очень далеко. Не меньше полутора месяцев.

В глазах императора на секунду осталась одна-единственная эмоция — та самая тоска, которая проглядывала, когда они сидели за столом. Через секунду её вновь сменил водоворот неопределённости.

— Какие-то у тебя слабые элексиры, — Кейра через силу улыбнулась.

— Можешь потом подарить свои, — совершенно серьёзно ответил Альден. Коснулся её плеча: — Иди.

На выходе из гостиной девушка бросила быстрый взгляд; император снова стоял у окна, опустив голову.

* * *

Всё должно было быть не так. Совершенно не так.

На первый взгляд — никаких точек пересечения. Его седой давности разговор с Кейрой. Срыв Маркуса, привёдший того к случайному знакомству с покровительницей эльфов. Подозрения Ресда в…

Твою ма-а-ать…

Альден схватился за голову: ещё и Ресд! Вряд ли Кейра соврала, в этом не было необходимости. Значит, с Ресдом у неё ничего нет — или, по крайней мере, ничего серьёзного. «Можно считать…»

С учётом того, в какое положение повелитель драконов себя поставил, переплетение взаимоотношений между Правителями грозило нанести психическую травму решившему его распутать. И таковым, по всей видимости, окажется именно Альден,

завязанный на всех участников в отдельности и вынужденный наблюдать за развитием событий в целом.

Хорошо хоть, эта тема не поднялась во время последнего визита Ресда… Иначе всё закончилось бы гораздо быстрее и печальнее.

Хотя — Кейра в конце упомянула Правителей как категорию. Значит, Ресд отпадает?

Сердце бухало как огромный барабан, и с каждым ударом голову заполняла вязкая муть, мешавшая мыслям двигаться, — долговременный эффект успокоительного. «Опорожнив» сосуд нервной системы, накапливавший переживания, эликсир создавал на некоторое время барьер-предохранитель, не давая наполнять его сверх определённой меры.

Через минуту «туман» рассеялся. Альден зевнул; конечно, от лекарств вкуса не ждут, но приятного в искусственной полумедитации было мало.

Теперь вопрос, что делать дальше. Несмотря на помощь Кейры, встряхнувшей его и вернувшей в приемлемое состояние, работать он пока не способен. Найти Нармиза и помириться? Неплохой вариант… но чуть позже. Сейчас он всё-таки хотел бы побыть один.

Повернувшись, император прислонился лбом к прозрачной пластине, заменявшей в окне стекло. Сквозь висевшие над городом облака проглядывало солнце: появлялось, напоминало о себе несколькими тёплыми лучами и снова скрывалось в белой пелене. Нормальная умеренная погода…

Альден в незнамо какой раз помечтал, чтобы этот день поскорее закончился, вместе со всеми его проблемами.

Ладно, силы есть — переживём как-нибудь.

Занавесив окно, чтобы не изводить себя бессмысленным ожиданием, император пошёл обратно к диванам. Сел, потянулся к недопитому чаю. И с удивлением обнаружил на столе сложенный в два раза листок бумаги.

Кейра? Перед уходом? Чего она вдруг?

Однако надпись на лицевой стороне — немного неровная, выведенная, по всей видимости, вручную — повергла его в ступор: «Альдену».

Правитель потеребил записку, не решаясь развернуть и прикидывая варианты. Забросить в резиденцию предмет снаружи задача нетривиальная. Быстро и незаметно в текущих условиях это сделать вовсе невозможно — даже прямой пробой пространства окажется перенаправлен. Но в ином случае требовалось признать, что Кейре зачем-то понадобилось конкретизировать адресата.

Получив за время размышления очередную порцию «тумана» в голову и вынужденно взяв полминуты отдыха, в конце концов Альден решил действовать по правилам. Минут десять он потратил на всевозможные проверки, преимущественно — на магическую активность. Ко всем воздействиям материальная форма непонятного письма оказалась инертна и не явила ничего подозрительного. Единственное, что удалось выяснить, почерк действительно имел естественное происхождение, но графологическую экспертизу император проводить не стал. Использовав последний, защитный амулет на себя, он, наконец, развернул листок.

> «Здравствуй. Я Одиночка, временно нахожусь в твоём городе и хотел бы встретиться. Напиши ответ здесь, письмо само переместится обратно. Даю слово, что не питаю злых намерений».

Альден нахмурился. Похоже, лимит приключений на сегодня ещё не выбран.

Вероятность внезапного появления Одиночки он оценивал примерно в пятьдесят процентов. Остальные пятьдесят приходились на хорошо спланированную диверсию. Очень хорошо спланированную — с учётом заброса письма на охраняемую территорию… И возвращения с неё?

Первое, что пришлось сделать, это активировать телесный потенциал и нейтрализовать активные элементы эликсира в крови: прежде нужды создавать антидот для успокоительного как-то не возникало, а голова требовалось ясной. Разобравшись с этим, Альден наскоро составил план действий и вывел под текстом письма:

> «Согласен. Где ты находишься?»

Записка и впрямь исчезла через секунду после того как он убрал руку. Ничего себе, через все щиты, через все блоки…

Активировав устройство связи, замаскированное под медальончик на шее, Альден вызвал штаб гарнизона.

— Засекли метку, которую я поставил?

— Так точно.

— Она должна была только что переместиться. Точка назначения в черте города?

— Так точно. Почти в самом центре, император… Довольно недалеко от вас.

— Отлично, — Правитель задумался. — Полное сканирование на километр вокруг. Результаты на носитель и

передать мне по внутренней почте. Приоритет высший.

— Есть.

— Подготовить сводную группу, защитный профиль, до ста человек. Вызов к месту сканирования.

— Есть.

— Жду.

К моменту, когда Альден дошёл до рабочего кабинета, на чёрном матовом кругляшке доставщика, похожего на автоматическую кофеварку, как раз появился хрустальный кубик. Слитным движением Правитель подхватил его и вставил в стоявший неподалёку проектор; азарт захватывал его всё сильнее.

На полу комнаты возникла голографическая полусфера, отобразившая участок сквера. Если Альден не ошибался — того самого, что находился возле резиденции, почти не просматриваясь с выходящего на фасад балкона его покоев, но просматриваясь из окна кабинета. Подходить проверять самостоятельно император поберёгся и подтвердил догадку, покрутив на проекторе колёсико масштаба.

Ни в одном из спектров присутствие защищённых от наблюдения объектов не обнаружилось. Даже сам контактёр, спокойно сидевший на лавочке, выглядел совершенно безобидным и почти не имел магического фона. Перемещение предметов в обход правил, отсутствие непосредственного прикрытия…

Всё так и звало махнуть рукой и сказать: «да это всего лишь Одиночка, решивший наведаться в самый неподходящий момент». Поддавшись скептицизму, Альден поднял вероятность диверсии до семидесяти процентов.

Появления записки он снова не заметил. Между тем, доставлена она была сюда, а не в гостиную. Налицо привязку к адресату.

> «Спасибо, что откликнулся. Я в пятистах метрах к северу от тебя, в парке на скамейке, один».

Да у него и самого привязка к адресату. Интересно.

Когда император заканчивал развешивать амулеты, медальон мелко завибрировал.

— Слушаю.

— Группа готова, оперативный номер двести двадцать один. Находится в ста метрах от границы зоны сканирования.

— Переключайте.

Раздались два последовательных сигнальных щелчка — оператор отключился от разговора, вместо него подключился командир отряда. Доложил:

— Примипил Табий.

— Я пойду на контакт, страхуйте меня. Подозреваю хорошо замаскированную диверсионную группу, приманку снайпера, агента устранения.

— Вас понял. Выход на позиции через минуту, — с подробностями офицер уже был ознакомлен.

Через всё здание, потом вокруг него, потом через сквер — у самого Альдена прямая дорога займёт минуты три. Он бросил взгляд на окно, размышляя, какого поведения стоило бы придерживаться. В обычных условиях встреча с Одиночками требовала минимум подготовки; если сейчас подготовлена диверсия и этот момент учтён, лишние пара минут его выдадут.

Хотелось бы выбрать вариант «не ходить совсем», но он, к сожалению, отсутствовал. Войны Мечтателей относились к соревнованиям того формата, где неявка на поединок засчитывалась как проигрыш: если у врага появилось неизвестное оружие, твой долг заставить применить его против тебя, потому как это единственный способ придумать адекватную защиту.

Отсчитав для верности пятьдесят шагов по кабинету и сверившись с часами, император открыл окно и шагнул с подоконника наружу. Самый экономный вариант такого перемещения заключался в попеременном сгущении воздуха под ногами и схождении таким образом по невидимым ступенькам, но это требовало определённой концентрации, так что плавное приземление обеспечил один из защитных амулетов.

Вслушиваясь в мягкий шорох палых листьев под сандалиями, Альден задумался уже о том, какой вариант на самом деле устроил бы его больше всего. Одиночки редко забредали во владения Правителей — считали это неподобающим для себя времяпровождением. Точнее, не забредать, а выходить с Правителями на контакт: так-то, инкогнито, они могли путешествовать сколько угодно, даже в военные периоды, с повсеместными проверками на присутствие личины. От них можно было узнать некоторые интересные вещи, которые, кроме как в спокойном разговоре между двумя равными, можно никогда и не услышать.

Зато если его сейчас попытаются убить, это будет означать две вещи. Во-первых, инферналы владеют несколькими важными секретами тактического уровня. Как пробраться в закрытый глухим щитом город. Как дойти до его центра не вызвав подозрений. Как передать письмо, привязанное к объекту, в резиденцию императора. А во-вторых, они готовы раскрыть такие крупные карты ради одной-единственной попытки. Замечательный расклад — если знать, что обычно ситуации с

такими ставками предполагают несколько попыток.

К нужной скамейке Альден подходил сзади, со стороны деревьев, оставаясь незамеченным. Незнакомец сидел спокойно, с момента сканирования даже не поменяв позу; откинувшись на спинку, он смотрел то ли вперёд, то ли в небо, всем своим видом демонстрируя беззаботность. Одежда, состоявшая из светлых штанов и белой рубашки с короткими рукавами, усиливала впечатление.

Ну что ж, последний контроль. Не дойдя около тридцати шагов, Альден коснулся дужки очков, одновременно мысленно подавая нужную команду; стёкла подёрнулись алой дымкой, которая через пару секунд расступилась. Мир визуально выцвел, зато силуэт Одиночки наоборот, вспыхнул яркими цветами. Как на подбор — исключительно располагающими, светлыми и тёплыми.

Дёрнув бровями, Альден вернул очки в естественный режим и уже не таясь обошёл скамейку, попадая в поле зрения.

— Привет, — улыбнулся гость, парень лет шестнадцати на вид. — Альден?

— Да, — кивнул тот.

— Я надеялся, что узнаю тебя. Мне… нужно встать?

— Зачем? — не понял император.

— Этикет, правила… традиции?

Сообразив, в чём дело, Альден покачал головой:

— Только если ты собираешься стать полномочным послом.

— Не думаю, что гожусь для этого, — парень снова улыбнулся.

— Тогда забудь про церемонии.

Они с минуту рассматривали друг друга, прежде чем Альден, наконец, спросил:

— А тебя как зовут?

— Монах. Просто Монах.

* * *

Облик императора Альдена расходился с тем, как его представлял Монах. Безусловно, он выглядел естественным продолжением своего государства — сквера, немногочисленных гуляющих в нём, зданий, высящихся на заднем плане. Вливался в обстановку легко и непринуждённо, так, как может только человек, находящийся в родном для него окружении. Но — это только подчёркивало разницу между ожидаемым и действительным.

По рассказам Маркуса хозяин Новой Римской империи выходил чрезвычайно активным, ироничным и уверенным в себе. Непоколебимым в привычных условиях. Может, война не входила в рамки привычных условий. Может, она шла не так, как ожидалось. В стоявшем перед Монахом юноше лет восемнадцати не было ни первого, ни второго, ни третьего. Хотя это, без сомнения, был именно Альден — такой, каким он являлся в жизни.

— Ты меня знаешь, — скорее констатировал, чем спросил Правитель.

— Посредственно, — Монах улыбнулся, — Маркус о тебе рассказывал.

— Он у вас? — брови Альдена взлетели вверх.

— Уже нет. Приходил месяца два назад, просил помощи в борьбе с инферналами, но не нашёл её. И решил двинуться дальше.

Подумав, император кивнул:

— Примерно как я рассчитывал.

— Рассчитывал? — не понял Монах.

— Предполагал. Я был уверен, что он в порядке и ищет возможность вернуться.

«Но всё же волновался за него», — мысленно закончил Одиночка, с интересом всматриваясь в лицо собеседника. Произнёс вслух:

— Он вернётся только когда почувствует, что готов к этому. Что готов вернуть всё то, что потерял.

— Да, — снова кивнул Альден. — Вы долго общались?

— Несколько часов.

— О чём?

Вопрос был задан так ненавязчиво, что даже Монах, внутренне подготовившийся к подобному, сбился с мыслей.

— О разном, — осторожно ответил он. — Преимущественно рассказывали друг другу разные истории из жизни.

— Из жизни? — Альден поджал губы. — Необычно для Одиночки.

— Я многому у него научился.

Правитель молчал.

Ситуация явно сворачивала не туда, хотя Монах никак не мог понять, какую ошибку — или несколько ошибок? — он допустил.

— Зачем ты пришёл? — спросил, наконец, Альден, по-видимому приняв какое-то решение.

— Поговорить, — осторожно ответил Монах, поневоле становясь серьёзным.

— Зачем?

— Зачем поговорить?

— Да.

В глубине души Одиночка изумлённо вздохнул: совершенно непредставимый в его обычном кругу общения формат ведения разговора. Ах, если бы только получилось наладить контакт, это какие возможности для саморазвития…

— Я хочу получить от тебя информацию.

— Какую? — в глазах императора блеснуло торжество.

— Что такое свобода.

Альден осёкся. Помолчал, словно размышляя над чем-то принципиально важным. Негромко переспросил:

— Что?

— Что такое свобода. В твоём понимании.

— За… — он сглотнул, справляясь с голосом, — зачем?

Этот вопрос был гораздо сложнее предыдущих: Монах никогда не пытался задавать его себе.

И найденный на него ответ тоже оказался не из приятных.

— Наверное, я хочу знать, есть ли она у меня.

— Наверное? — Альден словно искал любую возможность оттянуть наступление какого-то нежелательного момента.

— Я не думал над этим раньше, поэтому не могу знать точно.

Внезапно Правитель снова напрягся.

Не успел Монах ничего пояснить, как получил новый вопрос:

— Откуда ты пришёл?

— Из дома, — Одиночка не сдержал удивления таким переходом.

— Что ты называешь домом?

— Место, где я живу и чувствую своим.

Короткие отрывистые вопросы посыпались один за другим. Но теперь они, как в издевательство над Монахом, были наипростейшими, требующими обращения больше к памяти, нежели к чему-то ещё.

— Кто там бывает, кроме тебя?

— Мои друзья.

— Кого ты называешь друзьями?

— Тех, кому доверяю.

— Откуда ты знаешь всё, что знаешь?

— Проверяю информацию самостоятельно либо беру на веру.

— На веру друзьям?

— Да.

— Как ты используешь полученную от меня информацию?

— Для дальнейших размышлений.

— Что ты называешь размышлениями?

— Обработку знаний.

— Зачем тебе нужна обработка?

— Для встраивания в картину мира.

— Кто создал твою картину мира?

— Я сам.

— Для чего?

Монах озадачился. Для чего — он не знал.

Он неосознанно опустил голову, и Альден вскинул, направляя на него, сжатый кулак:

— Не двигайся!

— Не двигаюсь, — озадаченность скачками перерастала в ошеломление непонятностью происходящего. — Ты мне угрожаешь?

— Именно.

— Но почему?

— А ты сам подумай, — голос императора дрожал от напряжения.

— Думаю, — почти жалобно ответил Монах. — Не понимаю. Вообще ничего.

— Ты Одиночка?

— Д… да.

— Как у тебя появилась эта мысль?

— Мне сказали…

— Кто?

— Другие Одиночки.

— Это они так представились или ты сам решил?

— Они.

— Как ты можешь доказать самому себе, что ты именно Одиночка?

— Я… знаю то, что знают Одиночки. И умею то, что они умеют.

Альден закусил нижнюю губу, обдумывая услышанное.

— Что-нибудь, чего не знаю я?

— Я не знаю… Нет, знаю! — мысль вспыхнула в голове Монаха так неожиданно, что он непроизвольно подался вперёд, заставив императора напрячься ещё больше. — Маркус говорил, что вы не владеете координатным перемещением?

— Что это? — кажется, Альден тоже удивился. Конкретизировал: — Что ты под этим понимаешь?

— Я… но…

Сознание снова замкнуло. Когда-нибудь это должно было произойти: «новые» контуры мышления не могли не вступить в конфликт со «старыми». Но Монах не предполагал, что это случится в настолько неподходящей ситуации.

— Говори, — велел император.

— Ты ведь Правитель, — тихо озвучил суть проблемы Монах. — Я не могу сообщить тебе принцип. Не должен.

— Я не знаю ни одного элемента этого принципа?

— Маркус говорил, что ни один Правитель его не знает.

Альден, тоже нервничая всё сильнее, размышлял. Наконец, решил:

— Слушай меня и ничего не делай. Переместись на два метра назад себя. Так, чтобы остаться у меня на прицеле. Если отклонишься больше чем на пару градусов, я приму меры. Ты меня понял?

— Да.

— Перемещайся.

Монах сформировал образ, задал параметры, вдохнул в него энергию. Почти никаких ощущений не последовало, только картинка перед глазами поменялась: словно порыв ветра пронёс его сквозь спинку скамейки и оставил ровно на два метра дальше, переведя в стоячее положение.

А затем произошло то, чего Монах не видел ни в одном из предположений, — у Альдена подломились ноги и он упал вперёд на колени.

— Ты Одиночка, — прохрипел император. Закашлялся.

— Я могу приблизиться?..

Вместо ответа Альден издал непонятный звук, который было совершенно непонятно как трактовать. Впрочем, он тут же сам пояснил:

— И ты меня ещё спрашиваешь?

Восприняв это как руководство к действию, Монах быстро подошёл к нему и взял за руку, помогая подняться.

Вновь оказавшись на ногах, император уставился на него выпученными глазами:

— Ты всё-таки Одиночка!

— Ну… да, — Монах пожал плечами.

— Ты действительно знаешь Маркуса?

— Да, всё, как я сказал. Я ни в чём не врал.

— Я… не сразу включил детектор. Поэтому не знал.

Помолчав, Монах рискнул поинтересоваться:

— Ты расскажешь, что сейчас было? Как-то совершенно непонятно.

— Ещё бы было понятно, — Альден невесело хмыкнул. — Я принял тебя за биоробота. Которому заложили сознание, нужную память и отправили ко мне с какой-то целью. Выведать информацию, например.

— Биоробота? — тупо повторил Монах. Правитель вздохнул:

— У нас тут война вообще-то. А на ней чего только нет.

Война. Диверсии.

— Я мог догадаться. Мог ведь… — Монах сокрушённо покачал головой. — Даже в голову не пришло.

— Тебе и не положено, ты ведь Одиночка, — на последнем слове тон Альдена едва уловимо изменился, словно он с величайшим трудом удержался от того чтобы вздрогнуть.

— Я не такой, как все, — к удивлению Монаха, его собственная фраза тоже прозвучала как-то странно. Как если бы в ней скрывался гораздо больший смысл, чем заложенный, и он об этом знал. Но боялся признавать.

— О да… Ещё ни с одним Одиночкой у меня такого театра не было. Пошли сядем?

Когда они оказались на скамейке, Монах на автомате дёрнулся, чтобы сложить ноги под себя, но вовремя опомнился: он не на своей территории. Нужно вести себя соответственно.

Альден, по-видимому, заметил его движение. Со вздохом сказал:

— Располагайся как хочешь. Не мне теперь ставить тебе правила.

— Ничего страшного, я сам виноват.

— В чём? Что я мог тебя убить?

Монаха передёрнуло, когда это слово, как конверт, вскрылось и развернулось в его сознании всеми гранями своего смысла.

— Думаю, да. Ты ведь не желал мне зла, а действовал по обстоятельствам.

— По обстоятельствам… — Альден махнул рукой. — Ты про свободу в понимании Правителей спрашивал? Вот она. Действия по обстоятельствам. Ничего нет, кроме этих обстоятельств. Как тебе со стороны? Нравится?

— Как так? — не понял Монах. Приготовился слушать.

— Ты всё ещё хочешь говорить об этом? — император слегка удивился. — Ну, смотри. Вот вас где-то полсотни человек, у вас есть определённая общая деятельность. Появляется специальный человек, который берёт её организацию на себя. Теперь сбор объявляют не каждый самостоятельно, а при возникновении необходимости говорят этому человеку: есть дело, нужен общий сбор. И человек сам всех собирает. Вкладывает свои силы в общее дело. Может такое быть?

— На добровольной основе. Если человек сам захотел этим заниматься, — Одиночка задумался. — И… если все одобрят эту идею: потому что кто-то может не захотеть посредника.

— Всё сугубо добровольно, — Альден быстро приходил в себя, и даже более, учитывая его первоначальное состояние. Закинув руку на спинку скамейки, он стал жестикулировать

другой: — Допустим, он занимается этим всю жизнь. За это время успевает смениться… сколько? Пусть будет одна десятая часть всех Одиночек. Подойдёт?

— Наверное, — кивнул Монах.

— После его смерти вызывается второй, на тех же принципах. Проблем за это время никаких не было, всё делалось по-честному. Один трудится, а все остальные освободились от необходимости проводить определённую процедуру. Согласятся они повторить?

— Думаю, да.

— Хорошо, повторяют. За это время успевает смениться ещё десятая часть. После смерти второго вызывается третий. Понимаешь, куда я клоню?

— Что все Одиночки сменятся и в итоге новые будут ждать, что кто-то возьмёт на себя обязанность сбора, потому что так привыкли, — Монах улыбнулся. — Я знаю этот механизм, его вывели в эксперименте с обезьянами. Но Одиночки тем и отличаются, что выше всего ставят личные права. Все имеют право не вызываться занимать это место.

— И что будет? — поинтересовался Альден, нисколько не смущённый тем, что его замысел вроде как не оправдался. Монах пожал плечами:

— Ничего. Вернётся как было.

— Несмотря на то, что все будут ждать, что кто-то да вызовется?

— Ну да. Права есть права.

— Хорошо. А теперь представь, что все эти полсотни — твои друзья. И ты можешь вызваться. Сделаешь это?

— Если не захочу, то нет. Это моё право. И они поймут.

— Что значит «поймут»?

— Ну… поймут.

— Простят?

Монах задумался. Впереди виднелась ловушка.

— Нет, они не станут обижаться. У них те же самые права, так что они поймут, почему я не стал этого делать.

— А они обязаны?

Плохо совместимое с понятием «Одиночки» слово вдруг приблизило ловушку, почти, казалось, обойдённую.

— Что обязаны?

— Понимать тебя. У них есть такая обязанность?

— У Одиночек нет обязанностей, — Монах покачал головой.

— То есть ты полагаешься на то, что они поймут тебя и не станут обижаться?

Бах — один «старый» контур мышления врезался во второй.

Одиночка встряхнул головой, заставляя её работать:

— Это очень высокая вероятность.

— Но, полагаю, тебе не нужно объяснять разницу между закономерностью и вероятностью? — Альден выглядел довольным. Разговор тем временем продолжался. — Итак, ты можешь занять это место. Хотя не обязан. И твои друзья знают, что ты можешь занять это место и таким образом облегчить им жизнь.

— Кажется, я понял, о чём ты, — Монах посмотрел в ответ. — Нет, они совершенно точно не порвут отношения. Они, конечно, не обязаны этого не делать, но за это я могу поручиться.

— Нет необходимости, никто не говорит о разрыве. — Альден чуть наклонился вперёд, уменьшая расстояние. — А вот как ты будешь чувствовать себя, зная, что мог занять место и помочь тем самым своим друзьям, но не стал этого делать?

Всё упиралось в понятие «друзья». Друзья — это те, кому ты доверяешь…

А доверия нужно добиваться…

Тем более — обоюдного доверия.

— Думаю, я почувствую себя виноватым, — негромко ответил Монах.

— Я тоже так думаю, — кивнул император и вернулся в прежнее положение. — Так вот, свобода Правителей — это когда ты никому ничего никогда не обязан. Более того, ты не обязан даже следовать установленным правилам и соблюдать чьи бы то ни было права. Хочешь — можешь уничтожить все те полсотни друзей, перед которыми чувствуешь вину. Вычеркнуть из реальности. И создать полсотни новых, перед которыми никакой вины нет. И ничего тебе за это не будет. А единственное, что ты сделать не можешь — не не вправе, а именно не можешь, — заставить вот это, — Альден согнул палец и постучал по груди в области сердца, — не чувствовать себя виноватым, когда предаёшь друзей. Которых у тебя, на самом деле, миллионы. Ровно столько, сколько составляет население твоей страны.

Так и не сумев отыскать новую ловушку, Монах уточнил:

— Но ведь можно же никого не предавать? Государства устроены иначе, чем простые сообщества. Если какая-то должность освобождается, на неё тут же найдётся замена, независимо от твоих действий. И в результате никто не пострадает.

Альден покачал головой:

— Предательство это иметь возможность и не помочь. А если рассматривать наши государства, в этом мире, то самые большие возможности не у того, кто сидит на троне. А у того, кто создал всю страну. Понимаешь разницу?

— Но ведь если на троне будет кто-то сидеть, он так или иначе будет заботиться о населении. И никто не окажется предан.

— Формально да. Но фокус в том, что, если что-то пойдёт не так, ударит это в любом случае по тебе.

— По…

Император молча постучал пальцем в области сердца, и Монах осёкся.

Спустя несколько долгих минут, в течение которых Одиночка устаканивал совершенно расклеившееся на составляющие восприятие, он заметил, что процесс изменений подошёл к концу. Альден, так же сидевший напротив, в той же позе — разве что чуть повернул голову, подставив лицо солнечным лучам, стал похож на тот самый образ, который сложился в памяти Монаха под влиянием рассказов Маркуса.

Уверенный, ироничный, активный, — вспомнилась характеристика, к которой он был привязан. Не активный. Ироничный лишь слегка. Получается, уверенный? Разговор прибавил ему уверенности? Как странно.

Но из этого следует, что у императора личностный кризис. Завязанный не на что иное как на категорию Правителей.

— У тебя всё получится, — произнёс Монах.

Альден перевёл на него удивлённый взгляд:

— Что?

Неизвестно, что он увидел в глазах Монаха, но его лицо моментально преобразилось обратно. Ненадолго вернувшаяся уверенность в себе растаяла без следа.

Сердце заныло.

Секунду назад собиравшийся сказать что-то тёплое и ободряющее, Одиночка вдруг ясно понял, что этого не хватит, и начал спешно придумывать другие варианты. Само собой у него вырвалось, поперёд всех оценок и барьеров:

— Хочешь научиться координатному перемещению?

Глаза Альдена расширились настолько, что, казалось, он сейчас упадёт с сердечным приступом. Но — радости, которая могла бы быть причиной такой реакции, в них не наблюдалось.

«Зачем, зачем, зачем, — билось тем временем в голове у Монаха. — Я не должен рассказывать, не должен…»

— Нет, — наконец, выдохнул Правитель.

Теперь, верно, глаза полезли из орбит у Монаха.

Император твёрдо повторил:

— Нет.

— Почему? — спросил Одиночка, не в силах уже осознавать какие-либо эмоции.

— Нельзя. Сорвусь. Погибну зря. — Сглотнув, закончил: — И

вместе со мной погибнет страна.

«Всё. Достаточно. Это всего лишь первый разговор! Достаточно!»

— Хорошо, — Монах кивнул. — Я… мне надо идти. Надо.

Помолчав, Альден спросил:

— Ты обиделся?

— Нет, — Одиночка покачал головой, не отводя взгляда. — Я восхищаюсь тобой. Но мне надо идти.

— Ты ещё придёшь?

— Обязательно.

Монах поднялся, обозначая уход. Произнёс всплывшую в голове шаблонную фразу:

— Спасибо за разговор.

— Спасибо за визит, — Альден тоже встал. Бросил последний, задумчивый взгляд: — До встречи.

И раньше, чем Монах начать формировать образ, обошёл скамейку и пошёл вглубь сквера.

* * *

Когда Кейра ещё только подходила к его укрытию, Нармиз не без иронии отметил, что они фактически поменялись ролями. Если он за прошедшее с их разговора время успел прийти в себя и собраться с мыслями, то девушка наоборот, оказалась в совершенном раздрае, пусть даже — по крайней мере, по первому впечатлению — нейтрального характера, без оттенка обиды или злости.

Судя по взгляду, которым встретилась с ним покровительница эльфов, оказавшись в изолированном пространстве, у неё в голове пробежали примерно те же мысли.

Тем не менее, она, как и всегда, нашла силы улыбнуться:

— Тебе гораздо лучше.

— И это твоя прямая заслуга, — ответил Нармиз. Потянулся к воротнику, собираясь выключить плеер, но Кейра, отследив движение, остановила его:

— Можно?

— Конечно.

Сев рядом, она прислонилась спиной к псевдостеклу, запрокинула голову и закрыла глаза.

Через несколько секунд в её раскрытую ладонь, ближнюю к Нармизу, лёг наушник-бусинка, длинный провод от которого вёл в район шеи главы Братства.

— Кто о чём, а Нармиз о войне, — усмехнулась Кейра,

опознав в аккордах снятой с паузы песни «Страж империи».

«И такой вариант тоже есть», — мысленно согласился Нармиз. Но вслух говорить ничего не стал.

Правительница истолковала его молчание по-своему:

— Ты скоро уходишь?

Уходит. Давно пора, на самом деле. Если бы большая часть его жизни действительно составляла война, как привыкли думать остальные Правители, он бы ушёл ещё несколько часов назад. Но тогда он не встретился бы с Кейрой и не подумал обо всём, о чём подумал.

— Конечно, — ответил он. — По-хорошему, я сюда именно за этим и приходил.

> Слишком стремительно падаешь вниз,
> Но успеваешь понять:
> Все эти дни, всю недолгую жизнь
> Ты привыкал умирать.[7]

«Какие милые знаки. И один за другим, главное».

— Как поговорили? — спросил он, не давая задержаться паузе.

Девушка вздохнула, не открывая глаз. Пожевала губу.

— Ну, по крайней мере, ваш конфликт почти улажен. Вы зеркально думали друг о друге и сели по разным углам переживать об одном и том же. Так что осталось поговорить вам самим.

— Спасибо, — Нармиз постарался вложить максимум эмоций в негромко произнесённое слово и накрыл лежавшую на подоконнике руку Правительницы своей.

Вздрогнув всем телом — так сильно, как не ожидал даже он, — она вдруг высвободилась и прижала руку к животу, закрываясь. Спустя две долгие секунды прошептала:

— Извини, я… сейчас не лучший момент. Слишком яркие ассоциации. Извини.

— Ассоциации с чем? — нейтрально поинтересовался Нармиз, концентрируя всё внимание на том, чтобы ничем не выдать внутреннюю бурю переживаний.

— Я… не важно, ладно? Не бери в голову. Я не хотела тебя обидеть.

Открыв глаза, она сама взяла его за плечо и крепко сжала. Затем вернулась в прежнее положение.

— Всё в порядке?

— Да, — глава Братства кивнул, — просто неожиданно. Вы-то там не поругались?

— Не то чтобы, — взгляд девушки затуманился, когда она обратилась к памяти. — Сначала я его успокоила, сели говорить о разном, вспоминать прошлое. Потом выискались воспоминания… имеющие определённое значение для того, что происходит сейчас. И конец разговора получился довольно странным.

— Настолько странным, что ты теперь вздрагиваешь от любого прикосновения. Или я что-то не так сделал?

Главное, достоверно установить характер причины. Но если спросить прямо «ты вздрагиваешь именно потому, что до тебя дотронулся я?», то ответ Кейры в любом случае окажется «нет».

— Я…

Девушка замолчала, формулируя. Мотнула головой:

— Это очень долго и сложно объяснять. Может, просто закроем тему?

Либо у них и впрямь вышел настолько скомканный разговор, что она теперь нервно реагирует на все физические контакты.

Либо самое лучшее, что можно сделать, это просто закрыть тему.

— Конечно, — согласился Нармиз.

А теперь — обратный отсчёт до времени, когда можно будет уйти без негативных последствий.

— Извини, что начал тормошить. По тебе ведь видно, что ты не совсем в порядке, — дополнил он.

— В порядке, — не согласилась Кейра, — но немного не так, как надо. Знаешь, бывает, что в голове столько всего вертится, и ни на одной мысли не получается сконцентрироваться нормально. И единственное, что помогает, это какие-нибудь элементарные действия, позволяющие переждать.

— Знаю, конечно. Плеер подойдёт?

— Наверное.

Они поправили сползшие наушники и предоставили право заполнить пространство между собой бесплотным голосам, ничего не знавшим о людях, сидевших на подоконнике в центре осаждённого города.

Один из голосов пел о том, что он видел в старом мире, другой наоборот, о далёких планетах, до которых, вероятно, теперь уже было не добраться. Один хотел спеть о любви, но Нармиз безжалостно переключил его сразу как опознал песню; судя по невербальной реакции Кейры, при полном её одобрении.

Три композиции спустя, в соответствии со своим внутренним таймером, Нармиз выключил плеер и сказал спокойно, но категорично:

— Всё, пора выдвигаться.

Вернув наушник, Правительница поблагодарила его

искренней улыбкой с тенью вины:

— Ну вот, теперь и ты меня спас.

— Так уж спас. Я почти ничего не говорил.

— Зато твоя музыка привела в чувство.

Глава Братства пожал плечами, мол, тебе виднее, хорошо, если так. Хотя песни им попались довольно простые, без значимого эмоционального фона.

— Держись. Это мы с Альденом привычные.

— Ладно. Иди, я пока посижу.

Девушка повернулась к окну, словно солнечные лучи могли согреть её сквозь защитную пластину. Стараясь ступать как можно тише, Нармиз двинулся вниз по лестнице.

Оказавшись на улице, он тоже бросил взгляд на солнце; времени оставалось не так много, исключительно на дорогу. Конфликты закончились. Эмоции закончились. Приближались бои.

Когда контрольные пункты при входе на территорию резиденции остались позади, Правитель проверил одежду на наличие незастёгнутых ремешков и пуговиц и накинул капюшон. Коснулся воротника, снова включая плеер. Вытянул из него же наушники.

«Свято!», — дохнул в уши голос, перемежаемый ударными.

«— Свято, — мысленно согласился с ним Нармиз. — Если любовь и война главное, что есть на свете, буду заниматься тем, чем умею лучше. Не думая о том, что дело не в умении, а в отсутствии альтернативы».

Свят тот дух, что течёт во мне,
Священна кровь, что течёт на войне,
Путь, что ведёт в обещанный рай,
Меч Господа, что сжимает длань.
И мы этим святы, святы!
Но ничто не свято для меня в этом мире.

Голос, произнося одни согласные глуше, чем привычно было слышать, а к другим добавляя новые тона, струился, заполняя всё существо и вытесняя из сознания лишние мысли.

Плащ, подчиняясь воле хозяина, начал медленный, для экономии энергии и лёгкости восприятия, перенос в подпространство.

Шаг, другой. Всё быстрее. Слегка пригнувшись, Нармиз начал неторопливый разбег, с каждым метром погружаясь в другое измерение всё глубже. Окружающий мир постепенно выцветал, солнце теряло яркость, зато все контуры становились чётче,

словно их местоположение определялось эхолокацией.

Через полминуты постоянное ускорение вкупе с завершённым переходом позволило идти — бежать, лететь бесплотным ветром — через город напрямую, сквозь более не существующие стены и другие материальные преграды.

> Поход в страну чужую — свято,
> Свята рука, что вверх поднята,
> Священно то, что вера чтит,
> Священно то, что Бог велит.
> Смотреть священно в море крови,
> Пасть ниц пред яростью Господней,
> Свят друг, погибший на руках,
> Священно то, что лгут в церквях.[8]

Вскоре город закончился, и Нармиз устремился на северо-восток, в направлении одной из ключевых точек фронта. Той, на которой в ближайшие дни, возможно, будет предпринято наступление сил союзников.

Ни в Новой Римской империи, ни тем более в Братстве церквей не существовало. Но это не значило, что у их подданных не было ничего святого.

* * *

— Не занят?

Ресд зафиксировал перо, писавшее без приложения его физических усилий, поставил на паузу проектор. Обратил взгляд на визитёра:

— Разумеется, занят, что за вопрос? Если хочешь поделиться чем-то серьёзным — делись.

Тавис просочился в кабинет, постаравшись сделать это как можно изящнее, и сразу направился к стоявшему напротив Ресда гостевому стулу. Заняв его, нагнулся поближе, сокращая расстояние ещё сильнее.

— Я хотел поговорить с тобой. И это важно.

— Ну так говори, — безразлично отозвался Ресд. Большая часть его внимания сейчас была занята данными с подключённых к телу биоприборов.

Инфернал целенаправленно искал его взгляда, и заговорил только когда нашёл.

— Мне кажется, в наших отношениях есть определённые сложности. Не знаю, что навело тебя на такие мысли, но ты

считаешь, что я то ли не отдаю все свои силы нашим общим целям, то ли пытаюсь как-то обмануть тебя или остальных…

Разобравшись с приборами и через это заинтересовавшись происходящим гораздо сильнее, чем первоначально, Ресд внимательно слушал.

Наверное, это не входило в представление Тависа о ходе разговора, потому что перед следующей его мыслью образовалась пауза.

— И это при том, что ты следишь за нами, контролируешь наши действия. Получается расхождение. Если ты знаешь, чем мы занимаемся, то почему думаешь, что я где-то пытаюсь схитрить, симулировать реальную деятельность?

— А тебе не приходило в голову, что ты можешь просто-напросто лажать? — поинтересовался Ресд. Поставил на стол локоть, подпёр голову кулаком.

— О тех случаях, где я действительно что-то сделал не так или не выполнил задачу, я ничего не говорю, — Тавис развёл руками, демонстрируя покорность, и удвоил амплитуду оттенков в голосе: — Хотя и там всегда объясняю причины, почему поступил именно так, а не по-другому.

Инферналы очень тонко чувствуют разницу между объяснениями и оправданиями, — вспомнил одну из своих старых мыслей повелитель драконов, — когда дело касается их собственных подчинённых. И категорически не видят её в остальное время.

— Но ведь проблема не в этом, — продолжил командир тёмных ангелов. — Ты иногда сознательно пытаешься выставить меня дураком перед всеми. Высмеиваешь мои предложения, мои действия. И ничего подобного — в отношении остальных. Если у нас единая команда с общей целью, я хотел бы узнать, чем заслужил от тебя такое недоверие? Что заставляет тебя так относиться ко мне?

— Ну, давай уже, — подтолкнул его Ресд. Если бы не некоторые последствия недавнего выжиганий эмоций, ситуация наверняка захватила бы его.

— Что «давай»? — сыграл непонимание инфернал.

— Мне озвучить? — удивился Правитель.

Тавис чуть склонил голову. На его губах заплясала улыбка довольства.

— Не стоит. Мой дорогой друг, я хочу вручить тебе подарок, уникальный в своём роде. На свете только два человека могли бы преподнести его. Пусть он убедит тебя в моей полной и беззаветной преданности общему делу… и лично тебе.

Он достал из кармана штанов маленький полупрозрачный

кубик и положил на середину стола. Выжидающе уставился.

Сперва повелитель драконов убрал на край документы, над которыми работал. Затем пощёлкал кнопками проектора, сохраняя открытый образ в нужном виде. Спустя полминуты наблюдения за инферналом его кубик оказался в ложе сканера.

Сантиметрах в двадцати над столешницей развернулась полусферическая картинка. Слева виднелся край лесной зоны, остальное пространство занимал открытый луг с одинокой фигуркой посередине.

Ресд сел в кресле прямо, так чтобы на линии взгляда находились сразу и сюжетный центр голограммы, и глаза Тависа. Включил запись.

Спустя несколько секунд к одной фигурке присоединилась вторая, материализовавшаяся прямо из воздуха.

— Имей в виду, одно неверное движение, и ты труп, — послышался знакомый девичий голос. Появившийся поднял руки, совсем как недавно перед Ресдом:

— Верю. Но мне от тебя ничего не нужно, кроме разговора.

— Кроме центра ничего не задействовано? — уточнил повелитель драконов. Дождался покачивания головой, подкрутил на проекторе колёсико масштаба. Изображения Тависа и Оры приблизились так, что стало возможно разглядеть черты лица каждого.

— Говори, — велела девушка.

— Ты член нашей команды, — вкрадчиво начал инфернал. — Хоть и не хочешь участвовать в войне полноценно. И ты имеешь право знать, что у нас наметились некоторые… изменения.

— И не только в войне, — скривилась Ора. — Почему меня должно интересовать, что у вас происходит?

— Потому что ты одна из нас. Независимо от того, что происходит в мире. Ближе, чем мы, у тебя никого здесь не будет.

— Сомнительный довод. Это всё? — инферналка обозначила движение тела на разворот, показывая, что собирается уходить.

— Нет. Это только начало, — теперь Тавис на голограмме уставил внимательный взгляд на неё, перпендикулярно тому, что сейчас упирался в Ресда. — Я знаю, почему ты так реагируешь. И признаю, что в нашу первую встречу был неправ. Я хочу извиниться за все те глупости, которые сделал.

— А мне ты рассказывал, что всё сделал гладко и она сама на тебя сорвалась, — не удержался повелитель драконов от подковырки. Нечасто инфернал сам приходит к тебе в кабинет и выставляет свои ошибки напоказ.

Тот покраснел, но взгляда не отвёл.

— Продолжай, — подумав, решила Ора.

— Нам нужна твоя помощь. Действительно нужна. Даже не помощь в прямом смысле — от тебя почти ничего не потребуется. Только согласие и одобрение… Ресд не справляется с обязанностями. То ли сознательно сливает нас, то ли просто не вытягивает ответственность. Мы уже понесли некоторый ущерб из-за его непродуманных действий, и дальше явно будет только хуже.

На этот раз Правитель промолчал, полностью обратившись в слух и зрение; глаза реального Тависа по-прежнему буравили его.

— И вы хотите сместить его. Это единственное решение, которое вы смогли придумать?

— Нет, конечно. Мы же понимаем, что смена руководства в нынешней ситуации это крайний шаг. Но на замечания от нас он не реагирует, попытки выловить для личного разговора тоже ничего не дают: вроде, всё слышит, что ему говорят, но ничего не меняет. А война тем временем продолжается, и наше положение сложное…

Потянулась пауза. Лёгкий ветер трепал волосы двух заговорщиков.

— Кто станет новым лидером? — спросила, наконец, Ора. — Ты?

Инфернал на голограмме покачал головой:

— Вероятнее всего, нет. Я тоже вряд ли вытяну, по крайней мере, на этом этапе. Может, когда-нибудь потом.

Девушка закусила губу.

— Я подумаю.

— Подумай. Но не тяни… пожалуйста.

На лице Оры, перед тем как она исчезла, успело отразиться удивление.

Проектор издал тихий щелчок, предупреждая о пятисекундном отрезке до конца записи. Промотал её до конца, погасил картинку.

Ресд и Тавис по-прежнему сидели молча друг напротив друга.

Инфернал нарушил молчание первым:

— Это мой подарок. Выявление неблагонадёжного товарища, на которого не получится опереться в экстренной ситуации.

Правитель молчал.

— То, что на записи, было три дня назад. Если бы она относилась к тебе так же, как ты относишься к ней, за три дня она рассказала бы обо всём уже сто раз.

Правитель молчал.

— Она не может не понимать, как осуществляется смена руководства, когда лидер не слышит голос коллектива. Она тебя не спасла, Ресд. Могла спасти, но не сделала этого.

Правитель молчал.

Законы логики требовали задать множество уточняющих вопросов. Кто ещё участвует в заговоре? Это фальшивка от начала и до конца? Какие цели преследует Тавис на самом деле? Что он собирается делать дальше? Что он станет делать, если не добьётся целей?

Всё то, истинность чего обычно можно проверить стандартными приборами. Ресд знал об этом — как и о том, что нужно играть ошеломление. Без всякой привязки к тому, что стандартные приборы не могли дать достоверных сведений.

У его роли был другой текст.

— Тавис, ты действительно на моей стороне?

Вопрос застиг инфернала, когда тот уже поднимался со стула, собираясь уходить. Снова сев, командир тёмных ангелов восстановил зрительный контакт:

— Да, как я и сказал.

— А остальные?

— В смысле?

— Плеть и Фауст. Они на моей стороне?

Тавис напрягся:

— Я не знаю.

Ресд отвёл глаза. Постучал пальцем по проектору.

— Это был хороший подарок. Очень хороший. Но подарки — это личное. А работа это работа. Понимаешь?

Инфернал кивнул.

— Ты не сможешь добиться успеха, если не будешь развиваться. Ты замечаешь шутки в свой адрес, но ничего не пытаешься делать, чтобы их предотвратить. Ты срываешься и попадаешь в неприятности, но ничего не делаешь, чтобы уберечься от этого в дальнейшем. Понимаешь?

— Да.

— У тебя большой потенциал. Используй его с умом. А теперь иди.

Не оглядываясь, Тавис вышел из кабинета…

* * *

…и через минуту вскочил с кресла, напоминавшего гибрид медицинского и массажного. Уже ничем не ограничиваясь, торжествующе нанёс удар по воздуху с шумным выдохом. Самое сложное позади!

Инфернал проверил данные с контролирующих комнату датчиков: ничего не проникло, никаких следящих устройств или

чего-то ещё чужеродного? Нет, всё в порядке.

Благодарно хлопнув куклу, которая, выполнив свою задачу, теперь лежала рядом с дверью безжизненным трупом, он вышел в основное помещение своего кабинета. Проверил датчики здесь, удовлетворённо кивнул и мыслеобразом целиком растворил заднюю комнату — последний след своей трёхдневной операции.

* * *

В принципе, он неплохо подготовился, — подумал повелитель драконов, разглядывая из переведённого в лежачее положение кресла потолок кабинета. — Даже мышление моё более-менее научился понимать, вот ведь сюрприз. Жаль, что он не использует это в лучших целях, ну да ладно… Не надо быть слишком требовательным.

Задумка с записью была реализована великолепно. Возможность взять и вручную проверить истинность её содержания не предусматривалась: если Ора в самом деле три дня назад обсуждала с Тависом заговор, но не захотела поставить в известность о нём его жертву, она будет всё отрицать. А если запись подделана, она честно скажет, что ничего не знает по этой теме.

Для убедительной подачи информации Тавис даже организовал спектакль — в прямом смысле слова: задействовав биоробота на ручном управлении, который может нести любую чушь без риска запороть легенду на полиграфе.

Мысленно прокрутив ситуацию несколько раз, Ресд решил разыграть её до конца. В его руку скользнул небольшой заполненный до краёв чёрной дымкой стеклянный шарик. Закрыв глаза, Правитель сконцентрировался на другом таком же, находившемся за несколько сотен километров.

— Какие люди, — послышался вскоре голос Оры, так, словно она стояла рядом, а на самом деле — в его голове. — Чем обязана?

— Соскучился я по тебе. Здесь только война и дикие подростки, а душа хочет любви и сострадания. К кому ж мне ещё с этим обращаться?

Инферналка хохотнула, оценив юмор.

— Существование твоей души ещё не доказано. Так что если кто чего и хочет, то конкретно ты, неизвестно кем являющийся.

— Кроме человека, я никем являться не могу. С чужими видами не скрещиваюсь, в неподходящем климате не обитаю.

— Да ты реально клинья подбиваешь, — развеселилась

Ора. — Я уж думала, показалось. Совсем тебя припекло, смотрю.

— Клинья вещь такая, бей ты, пока не забили в тебя. — Ресд выдержал небольшую паузу, давая время на переход с несерьёзного разговора на серьёзный. — И об этом я тоже хотел поговорить. У меня к тебе деловое обоюдовыгодное предложение.

— Ну-ка, ну-ка. Помнится, у тебя своеобразные взгляды на обоюдную выгодность.

— Это какие же? — искренне удивился Ресд.

— Сезонная акция «вступи в войну с половиной мира и докажи свою преданность» ничего не напоминает?

— Ну, начнём с того, что определение «получи долю в мировом господстве» будет вернее…

— А закончим тем, что будем раз в месяц стабильно искать любви и сочувствия, потому что, видите ли, половина мира слишком больно кусается, — съязвила Ора.

— Если бы мы получали раз в месяц любовь и сочувствие, то уже праздновали бы победу, — спокойно парировал повелитель драконов. — А так — ну, кусается, куда ж без этого.

— Ох… ладно, давай к делу.

Ресд закрыл глаза, настраиваясь.

— Нам нужны механизмы для выстраивания защиты крепости. Механизмы сложные, создать их можно только вручную. А потенциал, как понимаешь, у нас и так расписан. В связи с этим предлагаю следующее: я предоставляю чертежи и макет, ты создаёшь по ним несколько экземпляров, передаёшь нам. Чертежи и макет забираешь и можешь использовать как угодно.

— От оно как, — чуть удивлённо произнесла Ора. — Купить меня решил.

— Не тебя, а твоё доверие. Что может быть приятнее, чем нежданный значимый подарок?

— Например, безопасность?

— Десяток таких машинок на твой город — и безопасность гарантирована.

— Предложение хорошее. Заманчивое… Но я всё-таки откажусь.

— Ищешь подвох?

— Зачем, в этом я вполне тебе верю, — инферналка сделала паузу. — Но, как я уже говорила в самом начале, я не собираюсь участвовать в вашей войне. Никоим образом.

— И я выполнил обещание, за два месяца тебя потревожили всего дважды, ни разу не попросив войска.

— Ресд, не надо. Ты нормальный человек, так что не будем разводить политес и пытаться трактовать фразу «никоим

образом».

— Не будем, — повелитель драконов вздохнул. — Хотя не скрою, мне жаль упускать такую возможность к укреплению отношений. Чем же мне ещё тебя заинтересовывать, как не безопасностью?

— Да чем угодно. Я открыта всему, что не имеет отношения к войне. Спокойно хочется пожить, понимаешь? Не вставая ни на чью сторону.

— Понимаю. — Помолчав, Ресд добавил: — Тем не менее, если тебе что-то будет нужно, говори. Мне дороги наши отношения.

— Хорошо. Когда-нибудь обязательно придётся. Спасибо, Ресд… Удачи тебе.

Связь прервалась.

Немного покатав шарик по столу, Ресд закрыл глаза и начал прокручивать всё произошедшее за последний час вместе.

Мысль пересмотреть свои ориентиры на союзников была странной, но занятной.

* * *

Цена моей чудесной идеи вышла порядка десяти дней.

Именно столько занял переход — своими силами, без телепортаций и других способов мгновенного перемещения — на самый север Фор-Корста. Переезд, если быть точным: не знаю, насколько сильное впечатление оказал бы на его Правителя пеший путь, но такими запасами свободного времени я точно не обладал, поэтому обзавёлся лошадью. Купил, добавив к имевшемуся остатку заработанное самостоятельно.

Строго говоря, десять дней — или сколько там уже прошло?.. — могли сократиться на два-три. Но в этом я сознательно пошёл на сделку с совестью, увеличив время отдыха. Обстановка ужасно давила на нервы, даже не сама обстановка — вся ситуация, в которой я оказался. Необходимость воздерживаться от любых мыслеобразов и соответствующим образом контролировать своё сознание; если в период пребывания в Общине это воспринималось как собственная необязательная блажь, то теперь каждую сколько-нибудь значимую проблему тянуло решить с помощью прямого вмешательства в реальность. Необходимость проводить по полдня, а то и больше в седле и наблюдать проплывающие в стороне пейзажи, мучительно медленно по сравнению с полётами через весь континент. И, конечно, необходимость зарабатывания

денег, хоть эта деятельность и требовала большей концентрации, а значит, отвлекала от невесёлых раздумий.

Вспоминая разговоры с друзьями, я частенько зависал на теме особенностей восприятия инферналов. Их характерной чертой, среди прочего, являлась искажённая аутосакрализация: «всё, что происходит, происходит в первую очередь для меня». Это было интересно, с учётом появления у меня буквально через пару дней после начала путешествия абсолютного ориентира на высшую волю. Ощущение, что все предпринимаемые действия неотрывно отслеживает всевидящий взор здешнего Правителя, появилось и далее не проходило ни на секунду. Он видит меня. Он оценивает. Он ждёт, что я поступлю правильно. И посылает мне знаки, чтобы указать путь. А я не знаю, как они выглядят.

Попытка абстрагироваться от этого привела, по принципу другой крайности, к фокусированию на явлениях другого рода. В которых так же не нашлось ничего хорошего.

Все окружающие видели во мне мага-ученика, оказавшегося удивительно далеко от своих, и относились соответствующе. Слово «соответствующе» в данном случае отражало одну десятую от истинного положения вещей: казалось, каждый прохожий имел при себе нематериальные весы, на которых скрупулёзно вымерял тот объём эмоций, который надлежит использовать в отношении конкретного человека. Причём как только я прятал одеяние мага и становился похож на рядового горожанина, «положенные» мне эмоции меняли состав, подстраиваясь под другую социальную роль.

В чём-то это было похоже на следствие халатного подхода к созданию общества; я тоже в первую неделю после перехода из старого мира допустил подобную ошибку. Но нет, благодаря возможности сравнивать казалось, что здесь что-то другое. Время от времени в голову приходило слово «традиции», но какие традиции, если люди, с одной стороны, ограничены устоявшимися нормами отношений, а с другой, открыты для всего необычного и непривычного? Та же магия предоставляет колоссальные возможности развития, и все связанные с ней новшества принимались на ура. Загадка.

* * *

Последней вехой на моём маршруте должно было стать небольшое поселение рудокопов. Лагерь в глубине горного района, держащийся на поставках провизии и товаров первой необходимости извне и энтузиазме самих рабочих. В городке, из

которого к ним ходили торговые караваны, ходили слухи, что энтузиазм этот основывается на маге земли, входящем в команду и обеспечивающем достаточную эффективность добычи. Никаких подтверждений — но для меня представляла ценность любая информация.

Переночевав в последней на ближайшее время гостинице, утром я покинул городок и отправился навстречу горам, которые раньше виднелись на горизонте, а теперь — наконец-то! — разрослись до того, что закрывали практически весь обзор. Радость не омрачила даже необходимость подъёма по каменистым склонам под растущим углом; впереди остался последний этап поиска.

Никто из местных проводников не смог сказать, где обитаются маги земли, так что пришлось отказаться от их услуг и ограничиться картой. Многочисленные указанные на ней тропинки змеились в самых различных направлениях и оканчивались где родниками, где тупиками и петлями, где пещерами, а некоторые просто были помечены датами последних экспедиций в тех направлениях. Оставив пещеры на вторую очередь, я выбрал вариант освоить недоосвоенное.

Лошадь давно осталась позади. Карабкаясь по нагретым за день скалам, я изредка бросал взгляды то вниз, в образовавшееся несколько километров назад ущелье, на дне которого пролегала основная дорога к рудокопам, то вверх, ища обещанный картой разлом, по которому можно было подняться выше, на нужную тропу.

Жара постепенно спадала, солнце уверенно стремилось на запад, придавая силы ветрам. Моим планам это не должно было помещать: заданный темп позволял преодолеть этот участок до того, как опустится непроглядная ночная тьма, в которой сложно различить даже собственные руки. Главное — не пропустить разлом.

По закону подлости, он оказался с внутренней стороны скалы, мимо которой я прошёл; если бы не крутил усердно головой в поисках ориентира, точно упустил бы. Сюда лучи уже не попадали, так что пальцы обожгла несоответствующая этому часу прохлада. Мысли тут же перескочили на расчёт остатка времени.

Карабкаться пришлось довольно долго, и на протяжении всего пути я думал о том, что надо поторопиться — успеть вернуться на солнце до того, как оно зайдёт. Повезло. Найдя наверху камень поровнее и потеплее, я лёг на него, одновременно вслепую ища в рюкзаке бутыль с водой.

Карта утверждала, что не знает этого места. То есть знает,

потому что этот район на ней представлен весь, но сориентировать меня конкретно не может. Может, здесь. А может, здесь. На нужную тропу не похоже — угол не тот. А до следующей по направлению, которая похожа по изгибу, слишком далеко. От идей запуска разведывательных устройств на большую высоту я вынужденно отучил себя ещё во время скачки между городами, так что оставалось только вздохнуть и пойти прямо. Посмотрим, куда выйдем.

Дорога в ущелье стала ещё более узкой и далёкой. Теперь в её сторону приходилось смотреть чаще: найденная тропа оказалась довольно крутой и к тому же близкой к краю. Градус напряжения резко поднялся, когда главный путь внизу вильнул на прощание и ушёл вбок — в противоположную от меня сторону. Похоже, про маршрут можно забыть.

Предчувствие открытия, не подававшее признаков жизни полторы недели, вдруг напомнило о себе. Оно звало не останавливаться как можно дольше, пока не настанет крайний срок устроения привала. Сцепив зубы, я нехотя признал, что вряд ли смогу остановиться, даже если захочу.

Неизвестно, как должен был выглядеть конечный результат. Раз у Земли нет общины, её маги должны жить раздельно, а значит, как-то обеспечивать себя. Допустим, у них нет с этим проблем. Но — как именно выполнено решение? Самый логичный вариант это небольшое плато, сокрытое наверху одной из гор, на котором маги держат хозяйство. Впрочем, я не знал даже пределы их возможностей, и потому можно было рассматривать любые варианты, включая выращивание растений на голом камне.

Мысли встали на наезженную колею — думать о жизни и быте магов земли я натренировался. Без какого-либо толку, но зато это занимало мозг и позволяло отключиться от происходящего.

С того времени, как солнце превратилось в красный диск над самым горизонтом, я успел углубиться в каменный лабиринт. Ущелье с некоторым запозданием ушло вслед за основной дорогой, но моя тропа перед этим уверенно набрала наклон и вывела на ещё более высокий уровень. Словно в насмешку над недавней потерей ориентира, там обнаружилась глубокая трещина. Оказавшись на дне её и снова почти уйдя от солнца, я вдруг понял, что её края это промежуточная вершина: выше ничего не наблюдалось.

Шаг следовал за шагом, постепенно накапливался вечерний сумрак. И вдруг в какой-то момент, когда я снова начал поднимать перед глазами пелену пустых размышлений, тропа сделала резкий поворот, ещё один и вышла на открытое

пространство.

По левую руку находилась отвесная скала, по правую метров через семь-десять обрыв. Идеальное место для привала, — сказал бы я несколько минут назад. Но положение меняло наличие живого человека, который сидел на траве обратившись в сторону зашедшего солнца. Длинноволосый мужчина лет тридцати в простой свободной одежде неярких тонов.

Взяв себя в руки и найдя силы приблизиться, я произнёс, надеясь, что меня услышат, несмотря на осипший от волнения голос:

— Здравствуйте. Я ищу магов земли.

Человек, повернувший голову, когда я подошёл, улыбнулся и кивнул:

— Я маг земли. Меня зовут Эрго.

Глава 8

Большая пещера в верхней части горы, в которой жил Эрго, напоминала мне, с одной стороны, драконью выемку, с другой, пентхаус с окном во всю стену, правда, незастеклённым. Уходя в глубь метров на тридцать и метров десяти в высоту, она располагалась на солнечной стороне и была открыта всем лучам и ветрам.

Снаружи плотно подогнанные булыжники образовывали лестницу, по которой без особого труда можно было спуститься вниз, на пологий склон. Зажатое между несколькими скалами небольшое пространство стало для Эрго полноценным двором: у ручья, выходившего из каменной толщи и плавной дугой заворачивавшего на спуск, были разложены-расставлены какие-то приспособления, а за ним располагались посадки — грядки и деревья.

Второе ответвление ручья проходило внутри пещеры, где в боковой стене для него оборудовали специальный желоб. Поодаль, вдоль противоположной входу плоскости находились жилые постройки, точнее, разделённые ростовыми деревянными перегородками участки. Центр занимала, принимая львиную долю света, столовая, совмещённая с зоной готовки. Сзади неё образовывали стену примыкающие помещения, входы в которые были занавешены плотной тканью: мастерская, подсобка, библиотека, она же кабинет.

Обстановка пышностью не отличалась: мебели и бытовых принадлежностей хватало, но всё исключительно простое, сделанное своими руками и ориентированное на прямое функциональное назначение. Мой намётанный за первый месяц жизни в Фор-Корсте глаз отметил отсутствие любых намёков на художественные декорации; в общине Огня вырезание из дерева считалось полноценным искусством, на почве которого в значительной мере строились торговые отношения с близлежащим городком. Тут же всё было добротным, но незатейливым.

Может, аскетизм был уникальной чертой конкретно Эрго, но я склонялся к версии, что ни у одного мага земли не водится в доме ничего замысловатее обструганных досок. Проверка гипотезы безвременно откладывалась: гостей в этом краю не то что не любили — те очень редко добирались до мест, где можно встретить кого-либо из земляных, а про их труднодоступные жилища и говорить не приходилось.

Впрочем, вероятность неожиданной встречи вполне

укладывалась в их ритм жизни. Так что Эрго, сидевший напротив меня уже который час, охотно поддерживал любую поднимавшуюся тему и заботился только о наличии чая в больших, по пол-литра, глиняных кружках.

Свою я без толку крутил на столе, не поднимая головы и думая над услышанным.

Меня не обманули, у Земли в самом деле не было своей общины.

Как и у Воды.

Зато в среде земляных магов присутствовала своеобразная иерархия, в чём они были похожи с огненными. А у водяных и воздушных она отсутствовала. В свою очередь, последователей огня и воды сближали традиции разного рода соперничества и дух состязательности, которых другие две стихии были лишены.

Каждое сообщество характеризовалось определёнными принципами организации, по каждому из которых образовывались дуальные связи. При этом ни один из них не имел решающего значения. То есть, зацепившись за услышанную фразу относительно магов земли, я продолжил ассоциативную цепочку и начал руководствоваться собственной логикой, согласно которой Правитель Фор-Корста скрывался именно среди земляных. С тем же успехом можно было начать поиски с общины Огня, на том основании, что у них есть иерархия, а значит, есть кто-то, кому все подчиняются.

Или опрашивать местных, где находится столица и как попасть к главному, — вертелась в голове назойливая мысль.

Выйдет очень забавно, если в итоге окажется, что глава общины Огня в самом деле затаившийся Правитель… наверное.

— А как ощущается частица земли, пробуждённая в душе? — поинтересовался я, продолжая разговор.

Улыбка Эрго заплясала в тенях, которые свечи на столе отбрасывали на его лицо. Волосы он завязал в хвост, чтоб не мешались, так что весело поблескивавшие глаза были полностью открыты. Небольшая щетина дополняла образ рассеянного то ли поэта, то ли писателя.

— А как ощущается частица огня? — со смешком спросил он.

— Ну… я имею в виду, что ты чувствуешь, когда обращаешься к ней? Огонь даёт ощущение внутреннего тепла, такого, нематериального. А земля? Какое приятное чувство она может давать? Ощущение, что душа прорастает, как растение?

Картинка, оформившаяся в голове, выглядела своеобразно, но реакция Эрго оказалась сдержанной. Наверняка он успел наслушаться подобного бреда от других соискателей мудрости его стихии.

— Нет, рост тут не при чём. Скорее, ты начинаешь чувствовать землю напрямую, ту, которая вокруг тебя. Как бы получаешь новый ориентир в пространстве и можешь им, при желании, заменить остальные чувства. В общем-то, он их и заменяет — во время выхода на прямой контакт.

Я кивнул, снова уйдя в более насущные мысли.

— Всё жду, когда от тебя прозвучит, наконец, фраза «хочу стать твоим учеником», — усмехнулся Эрго, делая глоток чая. — Или ты надеешься получить образование за одну ночь?

— Не то чтобы… — пальцы ещё сильнее сжались на кружке. — Я… не знаю, что теперь делать. Смысл ведь был не в том, чтобы просто найти магов Земли. Мне нужен был… нужен… финал.

— Финал? — недоумённо дёрнул бровями Эрго.

— Да. Моё путешествие тянется гораздо дольше, чем кажется. И задачи у него… немного не те, с которыми обычно ищут магов.

Земляной перевёл взгляд на свечу напротив, беря паузу на формулирование.

— Тебя привели в смятение слова о различиях в устройстве Общин, это было видно. Возможно, ты искал для себя что-то конкретное и вдруг понял, что твои предпочтения не совпадают с окружающим.

— Хуже, — я покачал головой. — Я искал что-то выше Общин. Что-то — или кого-то — скрывающегося среди обыденных вещей и влияющего на всю страну в целом.

Разумеется, политология не входила в число дисциплин, изучаемых магами Земли. Почесав лоб, Эрго удивлённо переспросил:

— На всю страну? Имеешь в виду, пробудившего все стихии?

Но даже ему приходили в голову те же мысли, с которых начинал я!

Что я сделал не так? Что я делаю не так?!

Я положил голову на руки, уже не заботясь о том, как выгляжу для радушного хозяина. Выдохнул:

— Да, к примеру. Но на вопросы об этом мне ответили, что это бред и невозможно в принципе.

— Всё в порядке? — в голосе Эрго послышались нотки беспокойства. — Ты плохо выглядишь.

— Более-менее. Это был тяжёлый… тяжёлые две недели.

Полтора месяца, ну да ладно. Об этом лучше не думать.

— Думаю, тебе пора отдохнуть. Иди, ложись, наутро всё становится проще.

Вздохнув, я поднял глаза на мага:

— Спасибо. Извини, что я веду себя так странно. Просто

состояние дикое.

— Всё нормально, — он коснулся моего плеча мягким движением сильной руки. — Хотя, если не возражаешь, я бы дал тебе ещё один совет.

— М?

— Подумай над тем, чего ты на самом деле ищешь. Над тем, что принесёт тебе максимальную пользу. И исходи из этого. Чтобы быть счастливым, не обязательно бегать за призраками и открывать в себе все стихии сразу. Для начала хватит и одной, а там уже видно будет, нужно тебе остальное или нет.

Добрый заботливый маг Земли. Продукт своего общества, и близко не понимавший суть моих проблем.

— Я подумаю. Спасибо.

В мастерской для меня подготовили одну из лавок, достаточно широких для сна. Я лёг на спину и уставился в потолок, на котором продолжали дрожать тени — несмотря на поздний час, Эрго пока сидел.

Как только тело расслабилось до приемлемого уровня, пришло забытье.

* * *

Нам ли под надзором век коротать —
Наше дело путать следы,
Ветром в чистом поле петь да гулять
Да звенеть лучами звезды.
Лёд да туман, вьюга-метель да снег,
По городам ветер ушёл в побег.
На моих глазах спорили огонь да лёд,
Кто кому судья и кто кому прервёт полёт.
А над этим всем ветер поднимал свой флаг
Выше всех вершин. Вот так![9]

Вынырнув из сна так же неожиданно, как и провалился в него, я ещё пару минут лежал в темноте, приводя мысли в порядок.

Снилось что-то странное. Сюжет в памяти не отложился, только непонятное мельтешение красок, не разбираемое на составляющие. И — звучавшая фоном песня, которую я никогда раньше не слышал. По крайней мере, осознанно. Воспроизвести достоверно из неё не получалось ни одного слова, и это было немного обидно: интересно ведь.

Поняв, что обратно заснуть так просто не выйдет, я стал примериваться к идее пойти на кухню — сделать чаю, к примеру. А может, там до сих пор стоит предыдущий недопитый.

Неожиданно звенящая тишина ночных гор отступила, и откуда-то издалека послышалось тихое пение. Расстояние мешало различить слова, но тембр заставлял подозревать в ночных похождениях Эрго.

Это было гораздо занятнее чая. Но вставал вопрос: а как маг отреагирует на однозначное вмешательство в личное пространство?

Голос звучал настолько тихо, что я не удержался и вышел на кухню. Глаза успели привыкнуть к темноте; посуда действительно стояла на прежнем месте, включая мой старый чай. План действий получил логическое завершение, и внутренний конфликт прекратился сам собой.

Сев на скамью и на автомате обхватив чашку ладонями, я мысленно вернулся к событиям прошедшего вечера. В какой-то момент пение прекратилось, но спустя полминуты началось вновь — уже другая песня.

Здорово так жить, наверное. Один, в самостоятельно оборудованном жилище, с прекрасным видом, да ещё и с внушительными метафизическими возможностями. Прям как Одиночка, к слову…

Неожиданно для самого себя я напрягся. Пойманная за хвост промелькнувшая ассоциация вернулась на место и стали расти, развиваясь. Чем дальше, тем сильнее становилось странное, несоответствующее обстановке чувство диссонанса, без сомнения завязанное именно на неё.

Чего я ждал? Что люди, объединённые в Общину лишь формально и живущие обособленно даже друг от друга, будут выглядеть как-то иначе? Как, если они действительно привыкли к этому и чувствуют себя комфортно?

Комфортно…

Вспыхнув, мысль озарилась ярким светом, а затем трансформировалась, отразив своё первоначальное значение.

Усилием воли я заставил себя остаться на месте и никуда не срываться. Так, какие есть варианты? Первый — Эрго ничем не выделяющийся среди своих маг земли, который на беспардонное нарушение личных границ может реагировать мгновенно и сурово. Это грозит мне выдворением как минимум из его дома. Второй — я выиграл.

Соответствует ли моя уверенность такой весомой ставке? Пожалуй, да. Когда песня закончилась, я решительно поднялся и направился к выходу из пещеры.

Эрго полулежал на освещаемом луной склоне метрах в двадцати ниже. Видимо, шорох моих шагов был достаточно громким: он оглянулся почти сразу после того, как я сошёл с «лестницы». Не отрывая взгляда, маг коснулся земли рядом с собой — присаживайся.

Приблизившись, я остановился.

— Разбудил? — спокойно спросил Эрго.

— Наверное.

Тишина.

Лёгкие дуновения ветра холодили кожу, но за полтора месяца жизни на открытом пространстве я успел подзакалиться. Здесь вообще многое отличалось от основной части мира.

— Ты ведь не просто маг земли, да?

Получилось скорее утвердительно, чем вопросительно. Побольше бы света сейчас…

— Что для тебя «просто»? Я мастер Земли, — в его голосе не появилось ни раздражения, ни интереса. Ничего, что могло бы прямо указать на истинность или ложность догадки.

— У всех магов, которых я наблюдал, было не так много проблем. Управление лежит на гражданских администрациях, с магическими структурами они не пересекаются, — я осознанно вставил тяжёлые для неподготовленного восприятия фразы. — От жителей сплошь почёт и уважение. Деревня без мага считается не совсем полноценной. При этом всё, что требуется, это потратить несколько лет на обучение. Или даже меньше. И иди куда хочешь, делай что хочешь. Можешь остаться где-то жить. Можешь отправиться через всю страну в поисках непонятно чего, того, что даже сам объяснить не можешь. Нету ни жилья, ни транспорта, ни даже еды — показывай фокусы, люди тебе сами мелочь накидают. И не только мелочь.

Чуть развернувшись в мою сторону, Эрго молча слушал, не перебивая.

— Или оставайся в Общине и трудись вместе с ней. Не забывай выполнять какие-нибудь мелкие обязанности несколько раз в день и сиди себе на полном обеспечении. Развивайся, учись управлять мировой стихией. Решишь, что достиг предела, — иди в другую и учись там. Никаких ограничений, кроме тех, которые ставишь себе сам. Идеальное общество. Да?

— Кто я такой, чтобы судить об идеальности? — заметил Эрго. — Я доволен жизнью в том виде, в котором она есть.

— Ты не производишь впечатления довольного человека, — сделал я выпад. — Точнее, ты всего лишь доволен. Но не счастлив.

— Маг и не может быть счастлив в мире обычных людей. Он

больше не принадлежит ему — только миру стихий. Счастье приходит только во время прямого контакта со своей сущностью, — не отрывая спокойного взгляда, Эрго поднял и растёр трёмя пальцами щепотку земли.

Неужели я ошибся?..

Ногти впились в ладони в сжатых кулаках.

Да нет же, это противоречит всему моему опыту! Но что тогда получается, он осознанно сказал глупость в надежде задавить авторитетом?

— Ничего подобного, — выпалил я. — Я общался с самыми разными магами и знаю, о чём говорю.

— Даже если так, при чём здесь они? — Эрго пожал плечами, не делая даже попытки защитить свой как будто бы весомый аргумент. — Сейчас разговариваем мы с тобой. И лично я вполне могу не быть счастлив.

— При том, что ты сперва сослался на всех. А значит, у тебя нет устоявшейся позиции.

Несколько невыносимо долгих секунд маг держал взгляд, после чего перевёл его куда-то в сторону находящегося ниже нас ручья.

Я победил?..

Тихо, но твёрдо я закончил:

— Ты Правитель Фор-Корста.

Вышедший из-за облака месяц осветил лицо Эрго и дал возможность считать оттенки. Но, насколько я мог судить, не изменилось ничего: по-прежнему не проявлялось ни насмешки, ни непонимания, ни намёка на одобрение.

Затем Эрго устремил взгляд вперёд. Не в чёрное небо к то ли реальным то ли мнимым звёздам, а прямо перед собой, на острые пики соседних гор.

И, наконец, вернул на меня, уже обновлённый. Единственным, что осталось от прежнего мага земли, была романтическая мечтательность в следовых количествах. Прочее заменили уверенность в себе и могучая воля, рядом с которыми блекли, пожалуй, даже воспоминания о Нармизе.

— Фор-Корста, — чуть изменив произношение, произнёс Эрго. Добавил: — Да.

Улыбнулся — возвращая прежний, «расслабленный» вид.

— Ты… поможешь мне? — у меня перехватило дыхание.

— Помогу, — Эрго кивнул. — Но оставим дела на завтра. А сейчас отдыхай.

Откинувшись на спину и закрыв глаза, он подложил руки под голову. Дождался, когда я сползу на ватных ногах и сяду рядом, набрал полную грудь воздуха и тихо запел:

День
Растает день
Вечною тайной в былом
Где
Струится свет
В сердце хрустальным дождём…

Здесь было слышно совершенно по-другому относительно пещеры. Во много раз проникновеннее и эмоциональнее, не говоря уже о различимости слов и мелких оттенков.

По горному склону текла, отражаясь эхом, живительная песня.

Утоли мои печали,
Скорбные надежды,
Унеси с собою вдаль
Память о былом.
В переливах ярких звёзд
Всё, что было прежде,
Растворится, словно дым,
Предрассветным сном…

Голос Эрго резко набрал силу, и показалось, что тугая вибрирующая волна звуков ударила по мне, окружая и захватывая.

Чист
Мой новый лист
В книге свершений и снов.
Пусть
Тоска и грусть
В нём не оставят следов.
Утоли мои печали,
Скорбные надежды,
Унеси с собою вдаль
Память о былом.
В переливах ярких звёзд
Всё, что было прежде,
Растворится, словно дым,
Предрассветным сном…[10]

* * *

— Хм…
— О.
— У-у.
— Хм… М.
— Угу…

Маловразумительный сам по себе диалог наполнялся информацией с помощью тактического процессора. На поверхности огромной круглой тумбы диаметром в три метра, к которой, как спутник к планете, жалась сбоку ещё одна, метровая, раскинулась объёмная голографическая карта центрального участка фронта масштабом примерно один к сорока тысячам.

Время от времени масштаб карты менялся, и тогда муравьи, кочевавшие по ней бесчисленными стадами, превращались в живых мертвецов, демонов, закованных в доспехи рыцарей и других типовых юнитов объединённой армии инферналов. То почти мгновенно переносясь с места на место, как в фильме на ускоренной перемотке, то едва шевелясь, словно переставляемые вручную фигурки в настольной игре, они раз за разом пробовали на прочность оборону крепости, неровная окружность которой занимала центр карты.

Куда идти и что делать, стадам сообщали стрелочки трёх цветов: подчиняясь невербальным командам Ресда и Фауста, они, словно светящиеся рогатые гусеницы, протягивались из одной точки в другую, увлекая за собой «муравьиные» отряды.

Из дальней части зала за игроками следил лежавший на диване и похожий на ленивого кота Плеть. Сменённый Фаустом, он был отослан разгрузить голову, чтобы снова встать на «вахту» через час-два — вместо него же. Повелитель драконов в периоды пребывания в ставке командования работал практически без перерывов.

— А вот так?
— Угу. Хорошо.

Погрузившись в картину боя, Ресд не сразу услышал приближающийся по коридору топот. Сняв устройство ввода информации, представлявшее собой надеваемое на ухо полукольцо, он последним из присутствовавших обернулся к двери.

В зал влетел один из прислужников — нежить, как и подавляющее большинство здешних гуманоидов; с учётом работы в штабе единственное, чем таким как он позволено было отличаться от живых, это белой с синюшным оттенком кожей.

— Тревога! — крикнул он. — Энергетический выброс второго

класса, на северо-западной стороне!

Сорвав своё полукольцо, Фауст не глядя швырнул его на стол и первым помчался на улицу. Остальные последовали за ним.

Через весь горизонт протянулась широкая густо-чёрная полоса, периодически подсвечиваемая снизу красными вспышками. Распределившись по крыльцу штаба, инферналы выхватили из карманов маленькие, похожие на театральные бинокли и стали исследовать странное явление. Ресд мысленно похвалил себя за очередной вбитый в головы товарищей рефлекс и прищурился — большую часть внешних устройств ему заменяли модифицированные органы чувств.

Сомнений не было, материковые горы на бывшей северной границе Империи ни с того ни с сего превратились в сплошную гряду вулканов. Да ещё каких! Прикинув вероятность такого события, Ресд потянулся к передатчику — и не удивился, когда его опередил входящий сигнал.

— На связи, — произнёс он вслух, давая возможность остальным поучаствовать в разговоре.

— Ресд, тут горы долбануло! — от переживаемой бури эмоций у Тависа наконец-то прорезался голос. — Это п…ц, я не знаю, что с ними делать!

Секунд десять повелитель драконов вслушивался в поток панического мата, ища в нём полезную информацию, потом, дождавшись паузы, вклинился:

— Успокойся.

— Х…ли «успокойся», ты понимаешь, что тут происходит?!

— Тавис, успокойся, — с нажимом повторил Ресд. Инферналы многозначительно переглянулись между собой. — Вспомни всё, чему я тебя учил. И успокойся. Готов?

Командир тёмных ангелов судорожно, с шумом выдохнул. Произнёс чуть тише:

— Да. Что с этим делать?

— Что там сейчас, конкретно?

— Извержение по всей цепочке. Какие-то взрывы непонятные, но далеко, я ничего не вижу.

— Лава течёт на северную сторону? — скорее уточнил, чем спросил Ресд.

— Да! Она мне всё спалит на…, как её остановить?

— Конечно. Зачем имперцам лить всякую дрянь на свою территорию, лучше на предполагаемого противника. А ты, значит, и постройки к горам слишком близко подвёл.

— Ну… они, это… — Тавис шмыгнул носом. — Что теперь делать-то?

— Слушай меня внимательно. Запоминаешь?

— Да…

— Летишь к себе и спасаешь производственные комплексы. Производственные. Столько, сколько сможешь. Возводишь вокруг них земляные валы. Кроме них ничего не трогай, у тебя чуть меньше суток на всё. Потом рвёшь сюда и присоединяешься к осаде. Ты меня понял?

— Да, — немного удивлённо. — Так а как мы… после такого?..

— Войска, естественно, отсылаешь сюда. Я даю сутки отсрочки чтобы исправить то, что ты натворил. От всех прочих обязанностей тебя это не освобождает. Всё понятно?

— Да, — после паузы ответил Тавис. Короткий писк сообщил, что связь прервалась.

Вздохнув, Ресд снова посмотрел в направлении руин Рима:

— Красиво, а?

— Тавис зацепил барьер? — уточнил Фауст.

— Ага. Полтора месяца держался, а теперь, видимо, надоело облетать и решил срезать дорогу.

Инферналы хмыкнули, привычно насмешливо, но всё равно чуть встревожено. Сомнения за обоих озвучил Плеть:

— А мы потянем осаду? В таких условиях?

— Идём за мной.

Вернувшись под крышу и не торопясь двинувшись в сторону зала собраний, Ресд сунул руки в карманы штанов и поинтересовался:

— Фауст, голова работает?

— Ага, — с интересом откликнулся сзади тот.

— Противник задел растяжку и нарвался на серьёзные неприятности. Под вопросом выживание одного из его производственных районов. Что ты будешь делать?

— А на меня это никак не повлияло?

— Абсолютно.

— Нанесу удар, пока он не очухался, — ухмыльнулся демонолог. — Хочешь поймать их встречным манёвром?

— Не совсем. Элемент неожиданности, конечно, будет. Но у меня разрешилась другая дилемма.

— Какая?

— Сейчас всё покажу.

Добравшись до тактического процессора, Ресд нацепил на ухо датчик и начал прокладывать по карте одну за другой бордовые стрелки.

— Главный вопрос заключался в том, как вас распределить, чтобы желаемое совпало с действительным. Точнее, чтобы роли, которые вы считаете для себя предпочтительными, максимально

совпали с ролями, которые вы играете лучше всего. Потому что в первую очередь нам нужна эффективность, и только потом всё остальное.

— А в чём вопрос, если нужна эффективность? — Фауст, мучаясь интригой, побарабанил пальцами по краю тумбы.

— В том, что мы все разные. А Тавис — вообще уникален.

Ресд сделал завершающий штрих и махнул рукой:

— Помните этот план?

— Мой, — кивнул Плеть. — Но ты от него отказался.

— Тогда условия были другие. Кому-то пришлось бы сидеть и ждать, пока другие занимаются самым интересным. А для этого нужен очень веский довод. Теперь он у нас есть, — повелитель драконов назидательно поднял вверх указательный палец, — кретинизм.

— Сидеть и ждать будет Тавис? — уточнил Плеть под смешок Фауста.

— Именно. До него не так часто доходит, насколько идиотскими выглядят его действия со стороны. И мы не имеем права не воспользоваться такой ситуацией.

* * *

— Да-да, — отозвался Альден на стук в дверь.

Вошедший легат-командующий гарнизоном остановился сразу за порогом; изначально бодрый и сосредоточенный, он подрастерял уверенность, столкнувшись с Альденом глазами. Но что именно он там увидел, осталось загадкой.

— Сработала особая система безопасности столичного контура, император.

— Вот как? Интересно.

Правитель поднялся с кушетки, повёл занемевшим плечом, на котором лежал.

— Это всё что известно?

— Пока да. Большая часть сканеров в тот район не дотягивается, а те, которые могут, зашкаливают от помех.

— Да, помех там должно быть много… Идём посмотрим.

Покинув личную комнату отдыха при городском штабе, они направились по переплетениям коридоров в основную часть здания.

Не прошло и десяти секунд, как медальончик на шее оповестил о звонке.

— Я, — отозвался Альден, коснувшись его двумя пальцами.

— Твоя цепочка сработала, ты в курсе? — пропуская

приветствие, сообщил Нармиз.

— Ага. Хотя подробностей ещё не знаю.

— Рвануло сильно. Если считать по максимуму, то…

— А смысл? Всё равно точно оценить не получится.

— Главное, что отыграли, — не согласился глава Братства. — Хороший повод к контрнаступлению, как считаешь?

— Пока не знаю. Надо смотреть.

— Ты как будто не рад.

— Рад, рад. Давай, подлетай завтра, там всё решим.

— Давай. Конец связи.

— Быстро работают, — похвалил легат. Кто именно звонил, он знать не мог, но имеющих право прямого внеочередного доклада первому лицу было не так уж много. Скорее всего, отметился кто-то из союзников.

— Дело нехитрое, там ведь всё по дальней связи. Это нам с этажа на этаж надо бегать. Хм… — Альден снова коснулся медальона: — Я.

Кейра так же чуть запоздала с новостями.

— Привет, не разбудила? Мне передали, что там твоё суперкольцо сработало.

— Ага, мне тоже, спасибо.

Девушка хмыкнула:

— Ты сегодня спал? Как-то совсем безрадостным ощущаешься.

— Да я, вот, думаю, что у меня как будто день рождения наступил: все звонят, говорят ключевую фразу и ждут от меня хорошего настроения.

— Кто знает, — многозначительно произнесла Кейра. — Ладно, мне прилетать?

— Конечно. Кто ж пирог нарезать будет.

— Из трупов плохие пироги. Давай, я позвоню, как соберусь.

— Конец связи, — по привычке закончил Альден, хотя контакт уже прервался.

Легат кашлянул в кулак:

— Разрешите сказать?

— Тоже хотите высказать за неподобающий настрой? — поинтересовался император.

— Я же не первый год вас знаю. Раньше вы сами звонили бы всем подряд и делились, что ваша задумка сработала.

— Может, меня подменили? — спросил Альден. Шутка выскочила на автомате, без малейшей эмоциональной вовлечённости.

— Даже если и так, то я должен попросить вас играть более убедительно. А то, не ровен час, поймают на таких вот моментах.

Император промолчал. Ответить было что — но интерес пропал окончательно.

Добравшись до зала совещаний, они пересекли его и вошли в дальнюю дверь. Обычно эта полусферическая комната метров пятнадцати в диаметре использовалась несколько раз в год, примерно как центр управления стратегическим оружием: главное, это поддерживать чистоту и порядок и надеяться, что задействовать функционал не придётся. В войну же на ней держалась большая часть городских защитных систем.

Поверхность стен и потолка, не исключая двери, покрывали вертикальные прямоугольные пластины из чёрного стекла, по стыкам шла сетка световых трубок. В центре полусферы на небольшом возвышении располагался ложемент сложной формы — единственный предмет мебели.

— Включить режим просмотра, — дал команду Альден.

Чёрные пластины заморгали цветными всполохами и спустя несколько секунд, настроившись, выдали картинку — панорамный обзор с внешней стороны крепости.

Сторонний наблюдатель мог бы проассоциировать его со сравнительным коллажем «до и после ядерной войны»: насколько благостной и мирной выглядела подконтрольная империи территория на юго-восточной стороне, настолько пустым и безжизненным был ландшафт на северо-западной. Неровные переходящие друг в друга участки выгоревшей почвы, песка и потрескавшегося камня, испещрённые рытвинами и воронками, изрезанные оврагами и окопами, широкой дугой надвигались на Юстицию, начинаясь в километре от неё и не заканчиваясь до самого горизонта.

— Фокус в направлении Рима, десять. Двадцать.

На тридцатикратном приближении экраны покрылись разноцветной рябью, не дававшей что-либо разглядеть.

— Они «закрыли» всю местность? — не понял легат.

— Нет, но пограничная зона действует не только на сканеры. Чем меньше мы получим информации, тем лучше для них.

Альден прошёлся в задумчивости по комнате. Подошёл к ложементу, отбил пальцами дробь по подлокотнику.

— А как вы понимаете, сейчас они заинтересованы в этом вдвойне.

То ли командующий почувствовал смену настроения прежде его самого, то ли взял инициативу в свои руки — на его губах появилась предвкушающая улыбка:

— Собирать всех на совещание, император?

Альден закрыл глаза. Кивнул:

— Собирайте.

В этот момент раздался тихий приглушённый звон, будто кто-то украдкой стукнул по хрустальной поверхности. Одновременно с этим несколько пластин затянула белая клякса световой вспышки. За ней последовали ещё пять или шесть, но уже без звуковых сигналов.

Правитель напрягся. Неужто решились?

Переглянувшись с легатом, он увидел в его глазах тень той же тревоги и кивнул, соглашаясь: время простых обстрелов закончилось, пошла артподготовка.

* * *

У всех, кого впоследствии называют Правителем или инферналом, есть общая деталь восприятия, характеризующая их в первый период после перемещения в мир. Их не впечатляет само перемещение, в глубине души они всегда к нему стремились. Не впечатляют эффекты, сопровождающие переход, включая разговор с Хранителем, — это вступление, ненавязчивый повод задуматься над случившимся в жизни крутым поворотом. Даже первые свидетельства того, что мысль в самом деле может влиять на материю самым непосредственным образом, только подготовка к главному.

Человека, способного создать с нуля, на основе исключительно умозрительных представлений новое государство, пронимает лишь тогда, когда оно окружает его полностью, занимая всё поле зрения. Чтобы новый мир оказался признан, он должен на сто процентов вытеснить старый — хотя бы на самом мелком кусочке пространства, не больше окружности радиусом в горизонт. Но на сто процентов, без каких-либо уточнений.

В это мгновение наступает осознание. А вслед за ним приходит ощущение всемогущества.

Это — моя земля. Мои владения. Я могу создать миллион, два, десять миллионов человек или других живых существ, и все они будут служить мне верой и правдой, не потому, что я что-то сделал для них, а единственно потому, что я тот, кто я есть. Могу мановением руки возвести десятки городов и тысячи деревень, и они будут жить и развиваться — под моим контролем. Не потому, что меня кто-то поставил на это место, а потому, что в этом заключается их предназначение. Определённое мной. Их создателем.

Следующее осознание может прийти в течение нескольких дней, а может задержаться на месяцы: за горизонтом мир не заканчивается. Там, куда не дотягивается взгляд, живут другие

такие же люди, и реальность подчиняется им точно так же, как и тебе, не делая никаких различий. Ты лишь один из многих. И даже на своей земле — первый среди равных.

Третье осознание можно ждать годами, и главное его условие — понимание, что новый мир не приемлет правил старого. К которым, в том числе, относится и формула «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого». У всемогущества нет границ. Если другие могут взять и начать творить на твоей территории что-то своё, это не значит, что твои права на неё под вопросом. Напротив, это означает, что ты получаешь потенциальные права на всю реальность, без остатка, кто бы ни владел отдельными её частями в данный момент. И только от тебя зависит, зафиксируешь ты их или нет.

По прохождении этого этапа все Правители, светлые и тёмные, вступают в глобальную игру. Роли в ней назначаются автоматически, соответственно сделанному выбору, — охотник или защитник. В классическом варианте первый всю жизнь проводит в поисках подходящей цели, слабейшей особи противоположного вида, а второй в подготовке к будущей войне, в наступлении которой он не сомневается. Неклассических вариантов множество.

Неизменны в ведущейся игре три принципа: у охотника всегда будет жертва, у защитника — нападающий, а единственное, от чего зависит победа, это разум во всей его сложности и многогранности.

* * *

Обстрел начался и больше не закончился. Солнце скрылось в стороне, где собирались с силами враги, прошло невидимым под землёй и уже готовилось появиться с противоположной, подсвечивая снизу грязные, словно неровно покрашенные серой акварелью облака, затянувшие большую часть неба. А невидимый купол временной столицы Новой Римской империи продолжал вздрагивать под ударами снарядов, по количеству лишь немного не дотягивавших до крупного града.

Горожане, особо не испытывая тягот войны внутри защищённого периметра, мирно спали. Зато в штабе и комендатурах свет горел всю ночь напролёт: имевшиеся планы срочно дорабатывались и корректировались с учётом новых обстоятельств. В коридорах не стихало позвякивание металлических элементов индивидуальной брони, технический персонал сбивался с ног, разнося документы и тонизирующие

средства.

Несмотря на суматоху, все с трепетом ждали момента, когда поступит команда и помещения опустеют. В решающем акте двухмесячной драмы одним предстояло исполнять роли непосредственно на стенах Юстиции и под ними, в самой гуще событий, а другим — на втором плане, обеспечивая стабильность работы военной машины.

Сигнал пришёл в четыре часа тридцать минут, за полчаса до ориентировочного рассвета. Поступив на центральный узел связи, разлетелся по проводам во все концы города и с протяжным дребезжащим звоном разбился о стены длинных коридоров, заглушив и словно вобрав в себя прочие шумы.

На несколько секунд установилась полная тишина, а затем разом заскрипели все стулья — военные двинулись к выходам.

Дождавшись, когда в зале совещаний штаба останется только Кейра, Альден хлопнул ладонью по столу и поднялся:

— Пошли?

Правительница кивнула, но судя по отсутствовавшему взгляду — на автомате.

Внешне она выражала полную готовность к действию: прямая спина, закрытый брючный костюм из коричневой кожи, по старинке называемый охотничьим, туго заплетённая коса, для надёжности убранная под куртку, а на одних только манжетах с десяток амулетов различного назначения. Однако когда Кейра разняла сцепленные в замок руки и поднесла одну к лицу, стало видно, что пальцы подрагивают. Девушка закусила губу.

— Нечего думать, — прокомментировал невысказанную мысль император, — пей.

— А контроль?

— Будет контроль. Пей.

Война многое усложняла. А многое — предельно упрощала.

Перед каждым серьёзным боем Кейра волновалась, не скажется ли чрезмерное употребление всевозможных эликсиров и не приведёт к обратному эффекту относительно желаемого. Позиция Нармиза была непоколебима: хочешь увидеть, к чему приводят чистые эмоции, — взгляни на инферналов. Альден, занимавший промежуточное эмоциональное положение между ними, ориентировался по ситуации.

Девушка извлекла из нагрудного кармана крохотный пятимиллилитровый пузырёк, в один глоток опустошила и откинулась на спинку стула, ожидая действия.

На пороге зала появился офицер с характерной лазурной полосой вдоль ворота доспеха, служившей знаком различия состоявших на военной службе понтификов.

— Можно забирать?

Кивнув, Альден выбрал несколько документов из лежавшего перед ним белого «ковра», положил отдельно от общей массы и не теряя времени направился в заднюю комнату готовить к работе манипулятор.

Через открытую дверь было видно, как понтифик управляется с набором артефактов, положенных для этого случая. Обострившиеся в преддверии битвы чувства даже донесли до ушей шорох бумаги и резанули глаза бликом от серебристого листа, напоминавшего фольгу, с помощью которого осуществлялось физическое копирование.

Почтовому пакету предстояло отправиться к Нармизу, засевшему восточнее Юстиции и ожидавшему новостей из штаба. Вопрос шифровки в условиях неконтролируемой вероятности возможного перехвата решался просто: защищённые всеми стандартными средствами документы посылались в нескольких отличающихся друг от друга экземплярах, из которых только один содержал достоверную информацию. Какой именно — оговаривалось предварительно, с глазу на глаз.

Закончив с работой, офицер ушёл. Кейра дошла с ним до дверей, выдала указания секретарю и вернулась к Альдену. Специально для неё в комнате манипулятора появилось второе кресло, более простое на вид и не имеющее никакой «начинки». Но, равнодушно скользнув по нему взглядом, девушка стала прохаживаться взад-вперёд; то ли эликсир требовал выхода энергии, то ли своё напряжение не отпускало.

— Ты всё озвучил, что думал, или есть какие-то идеи помимо того? — поинтересовалась она.

Император откинулся в своём кресле, устроил голову поудобнее и закрыл глаза, готовясь к соединению. Ответил после некоторой паузы:

— Их задача — взять город. В условиях численного перевеса нет особого смысла что-то накручивать и проворачивать комбинации. И аналитики тоже отметили, что склонности к усложнению и импровизации последние три недели шли на спад.

— Но ты всё равно чего-то боишься? Или мне кажется?

Не став отвечать на вопрос исходя из буквального смысла, Альден сделал в голове пометку, что выбранный Кейрой эликсир, во-первых, вошёл в силу, во-вторых, имеет побочным эффектом некоторое ослабление ассоциативного мышления.

— На войне всегда есть чего бояться. Нельзя упускать вероятность, что нас целенаправленно вводили в заблуждение и теперь разыграют что-то феерическое.

— А они способны?

«Они не знаю, а вот Ресд…»

Альден промолчал. Насколько он понял из последних разговоров с Нармизом, новость, что повелитель драконов фактически подтвердил своё предательство, за всеми остальными событиями прошла мимо подруги — и теперь никто не хотел брать на себя роль гонца с нерадостной вестью.

Жужжание в подголовнике кресла стало нарастать, перед глазами заплясал калейдоскоп, а спустя несколько секунд сознание рывком расширилось. Ощущение тела пропало, а сам Альден словно вылетел через крышу здания и повис в небе примерно над центром города. По мысленной команде обзор перешёл на периметр стены; угол зрения, составивший триста шестьдесят градусов, дал возможность наблюдать всё происходящее снаружи сразу.

Восток медленно разгорался, но, к счастью, это было всего лишь встающее солнце. Специализированная техника не передавала многообразие красок, а некоторые природные элементы вроде тумана и вовсе игнорировала, чтобы уменьшить тактические возможности противника. За вспышками ударов по городскому энергощиту и плясавшими перед глазами строчками виртуального текста, отражавшими техническое состояние крепостных сооружений, по другую сторону выжженной и перепаханной пустоши виднелись орды готовившихся к наступлению вражеских армий.

— Снимаются, — сказал император вслух. Ни губы, ни язык не чувствовались, но он накопил приличный опыт работы с манипулятором чтобы не путаться в действиях. — Маскировку уже сняли.

— Пока не двигаются? — донёсся откуда-то из другого измерения голос Кейры.

Сканеры сфокусировались на нужном районе, снимая информацию о наличии энергетических полей. Изучив полученные цифры, Альден ответил:

— Нет, но переключение мощностей проведено. Они в полной готовности. Как только захотят — пойдут в течение десяти-пятнадцати минут.

— Ждём?

— Ждём.

Судя по звукам, девушка села в своё кресло. Но через минуту не выдержала и снова принялась ходить.

* * *

— Начинайте, — разрешил Плеть.

Штабной экран, на который выводилась картинка съёмки местности, имел сходство с кинотеатральным — в плане как размера, так и сюжета.

К серым краскам предутреннего пустыря добавился новый, зелёный цвет: на поле грядущей битвы запускали маскировочный газ. С поверхности послышался выворачивающий душу рёв компрессоров, к которому присоединился вой вентиляторов, погнавших заслон в сторону расположения имперских войск.

Зелень была насыщенной до предела, что не могло не напрячь имперцев. На протяжении месяца активное вещество применялось с нарастающей концентрацией, и если в первое время на жиденькую, почти прозрачную смесь, мешавшую разве что смотреть в стандартные бинокли, никто не обращал внимания, то в последнюю неделю противник исправно задействовал свои специальные силы чтобы отгонять туман подальше — слишком мешал вести боевые действия, а прямое противодействие потребовало бы гораздо больших усилий. С точки зрения классической борьбы всё правильно: на создание химического продукта инферналы тратили ценные производственные мощности, имперские маги же — только собственные силы на нагнетание ветра.

— Замечена энергетическая активность, — доложил кто-то из техников, сидевших за панелями управления.

Большой экран оперативно отразил изменения в секторе: протянувшиеся пунктирные линии и пиктограммы показали, что противник поступил как от него и ожидалось, то есть вручную остановил продвижение завесы.

— Отчёт метеорологов! — крикнул Плеть.

Спустя минуту под его начальственные очи явился один из аптекариев — неживой человек с всклокоченной шевелюрой и абсолютно белой кожей, неотличимой по цвету от его халата. Последний обозначал принадлежность к группе, занимавшейся атмосферными явлениями: в структуре аптекариев, игравших в государстве нежити роль учёных, стихиальщики не были выделены в обособленное подразделение.

— Всё идёт по плану, повелитель. По нашим подсчётам, достаточно увеличить давление примерно на десять процентов, чтобы полностью блокировать имеющиеся у противника ресурсы. Это потребует увеличения…

— Туда, — инфернал махнул рукой в сторону техников, откинулся в кресле и снова сосредоточился на экране. Несмотря на наличие начальника штаба, ему нравилось руководить лично: и делом занимаешься, и на душе хорошо, и ощущение, что

главный здесь ты, а не кто-то другой, не теряется.

Преодолев из трёх возможных километров примерно половину, полотно тумана под встречным напором остановилось, чуть сдвинулось назад и там уже повисло плотной трепыхающейся массой. С обеих сторон на него пока продолжали давить, но задачи были выполнены: одни обезопасили свои позиции, а другие вымерили подходящее расстояние для следующего этапа действий.

Со стороны нежити к линии разграничения двинулись полки ближнего боя из трупов и скелетов, на карте сектора представленные как чёрная крупа. Главные действующие лица этого момента, шустрые пауки-специалисты, которые потащили к зелёной полосе технические приборы, на ней вовсе отображались как живая пыль.

К моменту, когда мечники скрылись в тумане, техники уже отрапортовались, что приборы включены и запущены, то есть начали генерировать вибрацию и издавать шорох, скрежет и прочий шум, сопровождающий передвижение крупных боевых соединений.

Едва посланные вперёд неживые полки вышли на другую сторону поля, на экране один за другим замелькали пиктограммы зафиксированных ударов артиллерии. Чёрная «крупа» довольно быстро начала исчезать, иногда целыми горстями за раз. Изрядно напряжённые имперцы получили отличный повод для начала атаки и использовали его по максимуму.

«Лишь бы в контрнаступление не пошли», — подумал Плеть, разглядывая картинки на экране.

Но всё шло как и было задумано. За следующие полчаса поле оказалось в очередной раз перепахано, посланные полки полегли до единого солдата, а третий паучий состав сумел заменить почти всю уничтоженную шальными осколками технику. Затем метеогруппа зафиксировала снижение давления на туман со стороны магов, а через несколько минут вражеская артиллерия начала затихать.

Дезу раскусили — освободившиеся маги отследили источники звука.

— Таймер на десять минут, — приказал инфернал.

Перед полем уже собирались настоящие, боевые подразделения. Скелеты, поднятые и неподнятые мертвяки, кто с оружием ближнего боя, кто с автоматами, кто со спецсредствами, кто конный и со всем сразу. Демоны всех мастей, в зависимости от назначения имевшие от двух ног до шести. Бесчисленное множество видов существ поддержки, которых никто и никогда не считал…

И, конечно же, за их спинами готовилась к непрерывному огню собственная артиллерия.

Весь манёвр уложился в три части. Шаг первый — ослабить бдительность противника. Долго убеждать, что в нарастающей эффективности маскировки кроется какой-то тайный смысл. Шаг второй — подтвердить эти опасения: под максимальной маскировкой, которая забирает все силы воздушников, сымитировать наступление, то ли вынуждающее тратить без толку ресурсы вражеский орудий, то ли перетягивающее на себя внимание и скрывающее готовящуюся атаку на другом участке фронта. Шаг третий — начать наступление простейшим образом: использовать маскполосу по прямому назначению и подвести к противнику максимальное количество войск.

— Десять минут, повелитель.

Никто больше не стрелял. Имперцы бросились искать второе и третье дно.

Что ж, отправим их туда.

— Всеми силами в атаку, кавалерия вперёд! Огонь изо всех орудий!

* * *

Когда и без того плохо видимые силуэты зданий, зубцами выступавшие из линии горизонта, окончательно исчезли в живой чёрной полосе, Нармиз кивнул самому себе. События развивались в соответствии с той логикой, на которую он ориентировался.

Сенсус был одним из четырёх городов-спутников Юстиции, лежавших на трактах, которыми она соединялась с приграничными провинциями. Дорога на Аргентум и сопутствующий торговый поток давали неограниченный потенциал к росту — но всё, как обычно, изменилось с началом боевых действий. С севера вместо товаров пошли армии нечисти, и отвыкшему за годы спокойной жизни городу пришлось вспоминать своё второе, военное назначение.

Бои шли ожесточённые: благодаря своему расположению Сенсус оказался в нынешнем тактическом рисунке одной из ключевых точек, создававших внушительную угрозу для тех, кому не принадлежал, — либо для инферналов, на которых он давил с фланга при штурме Юстиции, либо для союзников, терявших вместе с ним транспортную артерию и вынужденных держать здесь гораздо большее число войск.

Неделю назад имперцев сумели выдавить из городской застройки, аккурат в начале периода подготовки к финальной

битве. Аналитики взвыли: позицию необходимо было вернуть, иначе противник, и так обладавший количественным перевесом, получит крепкую «дугу» для атаки и отбиваться от него придётся единственно крепостными орудиями.

Нармиз имел собственное мнение насчёт вероятности штурма по северной дуге. Хотели бы использовать её — вели бы себя по-другому. Нет, им явно требовался широкий плацдарм, уходящий далеко за пределы города-спутника. Поэтому, наперекор советам из штаба, три имеющиеся у главы Братства легиона приняли защитную конфигурацию, словно говоря: «да не нужен нам этот Сенсус, мы так, тихонько рядышком постоим».

Что характерно, прав оказался он, а не аналитики.

— Замечена первая волна, — доложил один из операторов, — атака по форме три.

В бункере было довольно тесно: до начала боя все старшие офицеры находились рядом с командующим.

Глава Братства переключил свой экран в режим тактической карты. Запросил:

— Объём силы.

— Объём силы сорок пять-пятьдесят четыре тысячи единиц.

Слишком много для первой волны, даже с учётом обстоятельств. Нехорошо.

— Первая линия, приготовиться к обороне. Второй эшелон связи, объём силы первой войны.

Карта как будто тлела с верхнего края — пространство затягивала почти беспросветная чернота, угрожавшая дойти до блестящей синей паутины внизу и разорвать её на мелкие кусочки.

— Второй эшелон связи, — сообщил оператор, — объём силы первой волны сорок пять-пятьдесят четыре тысячи единиц.

— Замечена вторая волна! Атака форма три! — перебили его.

— Объём силы? — уточнил Нармиз, уже представляя, что услышит, и корректируя план действий.

— Объём силы семьдесят две-восемьдесят пять тысяч единиц!

Глава Братства размял костяшки, собираясь внутренне. Выдохнул:

— Всем линиям, приготовиться к обороне. Огонь на поражение, не допускать сокращения дистанции с противником до двух квадратов. Закопайте этих тварей!

* * *

— У меня есть нехорошее подозрение, что боя не будет, —

задумчиво произнёс Альден.

— А что тогда? У них нет другого выхода, кроме атаки на город, — голос Кейры донёсся по нарастающей, как если она постепенно приближалась. — Есть первый сигнал. От Нармиза.

— У меня на столе лежит таблица шифра.

Хмыкнув, девушка с небольшими паузами зачитала:

— Массированное наступление, сектора один пять ноль один-один пять два шесть, помощь не требуется, ситуация напряжённая. Запрос данных, запрос на пересмотр планов. Призыв к осторожности.

«Взлетев» ещё выше, Альден наложил на пространство внизу координатную сетку и нашёл нужное место. Цокнул языком:

— По всей линии соприкосновения в Сенсусе. Вот это сюрприз.

— Почему сюрприз? — не поняла Кейра.

Император пригляделся ко вспышкам вдали, неплохо демонстрировавших местонахождение плацдарма.

— Они не должны были атаковать туда такими силами. Похоже, решили прорывать на окружение.

— Ещё одно донесение.

Сбегав к секретарю и вернувшись, Правительница сообщила:

— Запад. По той же схеме.

— Хм…

Альден бросил взгляд налево: в западной стороне всё выглядело спокойным. Видимо, первое впечатление было ложным.

Направленное сканирование не сразу, но пробило маскировочное поле — и ещё один участок фронта осветился серией взрывов.

— Да, окружение, — подтвердил император.

Не дождавшись продолжения, Кейра напомнила:

— Сторона без присутствия. Может, отправим резерв?

Альден нервно почесал подбородок.

— Рано. Но… передай, пусть будут готовы к перемещению.

* * *

Мурлыкая под нос засевшую в голове песню, Ресд прохаживался около тумбы вычислительного центра, в автоматическом режиме собиравшего информацию и отражавшего актуальную оперативную обстановку на поле объёмного изображения.

Единственное отличие реальной войны от игровой, которое

он для себя отмечал, состояло в непредсказуемости длины перерывов между ходами. Иногда, как и за игровой доской, нужно было раздавать команды каждую минуту. Иногда приходилось ждать час или два.

— Первый на связи, — раздался в голове голос Плети.

«— Слушаю, первый», — мысленно же отозвался Ресд. Подошёл к тумбе, с широким размахом опёрся руками на её край.

— Действую по плану, продвигаюсь вперёд. Отклонений нет.

«— Отлично. Продолжай».

Фигурки на поле никакой конкретной информации о ходе боевых действий не давали; повелитель драконов видел клинч, в который противоборствующие стороны вошли западнее Юстиции, но не знал, какого результата ждать.

— Второй на связи.

«— Слушаю, второй».

— Действую по плану. Успехов нет, — в голосе Фауста слышалось напряжение, как и всегда, когда он сосредотачивался на решении какой-то задачи.

«— Что там?»

— Оборона очень крепкая. Я её как будто колышу, но не могу продавить. «Таракан» всё рубит на корню.

«— Я понял. Продолжай».

В районе Сенсуса картина не менялась уже с неделю, но это ничего не значило: в любой момент ослабление одной из сторон могло всё резко изменить.

Хотя нет, резко не получится. В самом крайнем случае Ресд может и сам присоединиться к увлекательным баталиям на имперских рубежах.

* * *

К полудню линия фронта двинулась.

На окраинах Сенсуса гремели и гремели орудия, смешивая всё новые массы живой и мёртвой плоти с пропитанной кровью, маслом и ядами землёй, и ни одна из сторон не могла добиться успеха. Огромный военный опыт имперцев позволял противостоять превосходящим силам инферналов, хотя и не давал возможности перейти в контрнаступление.

Совсем иначе складывалась ситуация в западном районе, где знания не имели главного компонента для перехода в силу — присутствия любого из Правителей. Государственный потенциал давал возможность непрерывно бросать на защитные рубежи свежие подразделения. Но если римские солдаты, стройными

рядами появляясь из протянувшейся на многие километры полосы серого тумана, могли после создания рассчитывать только на самих себя, то силы чёрного воинства удваивались за счёт постоянного оперативного вмешательства их повелителя. Уничтожить огневую точку, «засветить» скрытое подразделение, создать из ниоткуда препятствие на поле боя — всё это стоило энергии, но приносило неоценимую пользу.

На вторую линию обороны отходили по всем правилам, спасая в первую очередь союзных солдат и существ и наиболее важную технику, но едва успели расположиться перед началом новой атаки. Третью прошли не останавливаясь.

* * *

— Они вошли в зону Волюнтаса.

Кейра не ответила; сидя на полу прислонившись спиной к своему креслу, она обложилась документами и одну за другой читала полные сводки.

На плечо легла рука; оказывается, Альден отключился от манипулятора. Сев рядом, император подобрал одну ногу, опустил на неё скрещенные руки и упёрся лбом. Поправил алый плащ-палудаментум, закрывший обзор.

— Я должна идти туда, — упрямо повторила Правительница в очередной раз, не поднимая глаз от бумаги.

Доводы Альдена она знала наизусть и даже была согласна с ними. Но у неё выворачивало душу от необходимости сидеть в четырёх стенах и не приближаться к местам основных действий.

Ребята так могли. Она — нет.

Да, сейчас противник дойдёт до Волюнтаса, завяжет бои на его границах, создав зеркальную противоположность положения в Сенсусе, и вынудит одного из Правителей покинуть крепость. А после этого ударит на любом участке периметра свободными силами — один инфернал ещё не появился на фронте, держит в напряжении постоянным обстрелом защищённого контура.

И как только дождётся подходящего случая для прорыва, результат многонедельного сражения за Юстицию будет зависеть от одного-единственного факта: у кого больше потенциала, у защитника или нападающего.

— Что с резервом? — Альден поднял голову.

— Один легион в пути, будет через пять-шесть часов, в Бонуме стоят ещё два, — ответила Кейра, избегая смотреть ему в глаза. Встала. — Отправить?

— Не надо. Следи дальше за сводками — и будь готова

выдвигаться.

* * *

— Первый на связи, вижу цель, — радостно отрапортовал Плеть.

«— Молодец, первый, так держать. Говори, если обстановка изменится».

Сельская местность наконец-то стала подходить к концу. Аккуратные виллы и усадьбы, разбросанные по холмам и окружённые бесчисленными рвами и окопными линиями, успели порядком надоесть: то тут, то там возникали группы, прикрывавшие отход основных имперских частей. Неожиданно появляясь в одном из ста возможных мест, они либо активировали припасённые ловушки, либо выбивали из строя наиболее тактически ценные юниты — жертвуя собой, но продавая свои жизни подороже. Иногда они выныривали сразу по несколько, вынуждая брать паузу и ждать подхода специальных частей, которым приходилось рыскать широкими зигзагами, от одной армии к другой.

На стратегическом уровне, впрочем, это ни на что не влияло, участок фронта можно было считать прорванным. Единственный значимый очаг сопротивления, который ждал впереди, — Волюнтас, главная цель, хорошо укреплённая и подготовленная к комплексной обороне.

Но прежде чем браться за него, нужно было выполнить несколько предварительных условий.

* * *

— Блок шесть, вперёд! Блок тринадцать, на страховку! Все, кто на поле, давите по полной!

Вот так-то. Фауст победно улыбнулся: это было увлекательное столкновение, но дело близится к концу. Одна линия занята, остальные — чистая формальность. Никто не может противостоять ему.

* * *

Почти одновременно на двух участках карты появились индикаторы перемещения боевых действий. Позиции Нармиза

начали продавливать и, похоже, откинули с переднего края; крайне неприятно, но вполне терпимо.

А войска, занявшие оборону под Волюнтасом, вступили в огневой контакт, приняв волну наступления, которая гнала их вот уже несколько десятков километров. Само по себе это ничего не значило — вот только линия столкновения выглядела довольно странно. Удар шёл не по центру, как если бы нечисть атаковала в лицо. Не по правому флангу, в соответствии с предполагаемым манёвром разделения сил. Красная мигающая полоска, зажёгшись в центре, расширялась в сторону левого фланга и охватила уже четверть городского радиуса.

— Волюнтас окружают, — сообщила Кейра.

— Не факт, — Альден напряжённо всматривался в происходящее на юго-западном рубеже, снимая и анализируя показатели одного за другим сканеров.

— Уже факт. Оттуда прислали сводку: бои поверхностные, основной удар направлен по касательной. Город не пытаются прорывать, но расширяют площадь соприкосновения.

Вновь разорвав контакт с манипулятором, император поднялся и принял у подруги свежие донесения. Пробежал глазами по строчкам, поинтересовался:

— И что это значит?

— Широкий обхват. Волюнтас возьмут в одно большое кольцо вместе с Юстицией и продолжат движение на юго-восток.

В голосе Кейры уже появились нотки торжества — того личного, которое, складываясь с остальным, и образует в конечном итоге общественное. Торжества человека, который получил шанс проявить себя и помочь команде выполнить задачу. Хоть никто ещё и не сказал вслух, что она может отправляться на фронт.

— Идут ва-банк. Не став фиксировать результат, решили разыграть ситуацию дальше, — Альден, в свою очередь, тоже обязан был доиграть роль. — Какой в этом смысл?

По всем правилам, увеличив общий радиус охвата Юстиции до половины, а значит, сравнявшись в этом параметре с имперцами, инферналы должны были задействовать те возможности, которые давали им преимущество в следующем акте. А именно — выбрать наиболее уязвимый участок крепостной стены и пойти на прямой штурм: из пятидесяти процентов выбирать гораздо удобнее, чем, например, из двадцати. Да и ресурсы защитников будут вынужденно растянуты; до момента, пока гарнизон сконцентрируется в районе бреши, получится чистое призовое время.

Ведущая знала военную теорию не хуже друзей. Другое дело,

что применяла её гораздо реже в силу специфики деятельности и потому могла сделать ошибку там, где другой всё сделал бы правильно, руководствуясь практическим опытом.

— Я не знаю, — покачала головой Кейра. — С одинаковой вероятностью инферналы могли заиграться и захотеть выиграть «вчистую» или иметь какой-то хитрый план.

Альден кивнул:

— Не забывай об этом. Самое простое, что они могут сделать после твоего прибытия, это развернуться и ударить по Юстиции.

— Да, я помню. Как только понадоблюсь — зови, я сразу же вернусь.

— Хорошо, иди, — император через силу улыбнулся. Подумал, крикнул вдогонку: — Да, если фронт стабилизируется, тоже возвращайся! Не увлекайся и не трать время!

— Ладно! — откликнулась девушка уже из приёмной.

Оставшись один, Альден не удержался и закрыл ладонями лицо.

Во время разговора эмоции по чистой случайности подтолкнули один из кусочков паззла, и он встал на место, продемонстрировав нечто, что стоило предвидеть заранее.

Инферналам не обязательно было идти на приступ. Уж кто-кто, а Ресд, благодаря значительному опыту, разбирается в стратегии. Как только обозначается блокада города — а это около восьмидесяти процентов периметра, — перед его владельцем встаёт выбор: сидеть внутри до последнего, под угрозой полного окружения и захвата в плен, либо бежать и использовать резервы для прорыва блокады извне. Как правило, здравомыслящие люди, как Правители, так и инферналы, выбирают второй вариант, потому что шансы на удачный исход в первом слишком малы.

Но у Альдена, уже оставившего столицу, этот выбор отсутствовал, второй город он не сдаст ни при каких обстоятельствах. А значит, предпримет все мыслимые и немыслимые меры чтобы не допустить полного окружения.

В том числе, отправит резервы из центра на периферию. Тем самым оставляя крепость с минимумом гарнизона.

Как ни жаль было это признавать, но его поймали в психологическую ловушку.

Что ж, будем играть от этого.

* * *

За шумом битвы, шедшей уже совсем недалеко от командного бункера, Нармиз не сразу различил вибрирование связного

медальона. Не глядя щёлкнул по нему, крикнул, стараясь услышать звук собственного голоса:

— На связи!

— Что у тебя? — взволнованно спросила Кейра. — Ты в порядке?

— Я живее всех живых! Погоди минуту, я перезвоню!

Он и сам не знал, в какой пропорции в нём сейчас смешались холодная концентрация и азарт. Происходящее диктовало одну-единственную мысль: если он не удержит темп и пропустит свой ход, умрёт от самого осознания этого.

Приказы чередовались с запросами, мысли с образами, и не существовало ничего кроме битвы, в которой он сошёлся с главным своим противником. Главным не по статусу — по уважению, которого тот заслуживал.

Через минуту, конечно же, отвлечься не получилось; бросив взгляд на часы, Нармиз насчитал семь. Но это были мелочи. Установив связь, он вернулся к изучению тактической карты.

— У меня всё нормально, только что замечательно отбился. Как у вас? Что-нибудь случилось?

— Более-менее. Главное, что у тебя всё получается. Мы сейчас поднатужимся — и тоже всё будет нормально.

На сердце чуть потеплело от дружеской поддержки. Губы раздвинула улыбка.

— Хорошо. Если что, я на связи. Удачи.

* * *

Добежав до воздушной площадки на крыше штаба, Правительница позволила себе немного отдышаться.

Здесь был оборудован целый небольшой птичник — специально на особый военный случай наготове держали не менее трёх голубей и трёх орлов ездовой категории; последних, само собой, брали в Республике. Теневые рысаки Братства тоже имелись, но их, как единственный вид скоростного транспорта, использовавший землю, держали внизу.

За минуту отдыха как раз успели вывести и приготовить к перелёту орла. Коротко поблагодарив, Кейра хлопнула птицу по шее и размашистым дуговым движением провела по головным перьям, активируя имеющиеся амулеты.

Бросив взгляд на вспышки в небе далеко впереди, девушка закусила губу и повернула влево, в сторону Волюнтаса.

Все города-спутники располагались в двенадцати-пятнадцати километрах от стен Юстиции. Мало, много — смотря кому и для

чего. Кейра пролетела этот промежуток за пару минут. При этом уже с середины пути внизу пошли стычки; крепостные орудия сюда добивали еле-еле, безо всякой речи о точности стрельбы, так что охрана транспортной артерии от передовых отрядов противника целиком ложилась на плечи расположившихся в этом районе частей.

Охрана, впрочем, была подготовлена заранее. С северной стороны прямую, как стрела, дорогу заслонял земляной вал, таивший в себе множество огневых точек. Перед ним располагался защитный ров, а вдоль обочины тянулись орудия навесного огня. Полномасштабное наступление надолго бы здесь не завязло, но для текущей ситуации хватало. Об урожае с вытаптываемых полей, да и об имуществе в оставленных посёлках никто не заботился — людей бы уберечь. Волнуемые ветром золотистые моря по обеим сторонам от тракта смотрелись печально; единственное, на что имело смысл надеяться, — что сюда не дотянутся излюбленные инферналами пожары.

Решив посодействовать защитникам, Правительница составила образ и материализовала через каждые сто метров по несколько ящиков боеприпасов. Видеть её не могли — маскировка в пути не снималась, — но, зная, откуда бывают такие подарки, артиллеристы помахали в пустое серое небо и постучали в пластины доспехов.

Волюнтас встретил Кейру полупустыми улицами. Постоянное его население составляло под пятьдесят тысяч, но все, кто хотел, заблаговременно переместились подальше от линии фронта, и только немногие бежали прямо сейчас, дотянув до последнего. По направлению редких людских потоков, текущих вдоль аккуратных домиков от двух до четырёх этажей в пастельных тонах и диссонирующих с ними по эмоциональному фону, можно было отследить, в какой стороне сейчас идёт сражение, а где более-менее безопасно.

Как и прочие крупные поселения, Волюнтас расширялся циклично, отражая результаты борьбы гражданских и военных чиновников; при взгляде сверху были чётко видны окружности, которые, как в древесном стволе, разделяли «слои» районов и образовывали линии обороны, от последней, совпадающей с крепостной стеной, до первой, почти на самом краю. Фронт подошёл к городу меньше часа назад, поэтому все здания по периметру пока стояли на местах; опыт подсказывал, что это ненадолго и довольно скоро они падут грудами камня, выводя на край следующую шеренгу.

Судя по изрядному количеству чёрных тел на окраинах, оборонительный вал уже принял на себя одну порцию нечисти.

Но затем одна за другой над ним замерцали вспышки, сопровождаемые оглушительным треском. Инферналы всё-таки не ограничились лёгким ударом и подгоняли осадную артиллерию, собираясь прорывать энергощиты.

Направив орла к земле, Кейра сжала в руке металлической кругляшок — стандартную определительную метку, которая в нужный момент наполнялась ментальной энергией и позволяла по прибытии в сектор привлечь внимание без риска поймать шальной выстрел. Ответный сигнал пришёл с мелкой площади неподалёку; места на ней едва-едва хватило для памятника какому-то местному герою, нескольких деревьев и пары лавочек. Приглядевшись, девушка заметила пост наружной охраны возле одного из зданий и направилась к нему, одновременно снимая маскировку.

— Главнокомандующий Эльфийской республики Кейра. Мне нужен командующий обороной города.

Один из часовых наскоро «просветил» её парой стандартных амулетов и, пригласив идти следом, повёл в подвал, где располагался штаб. Глухие доспехи в боевой форме скрывали лицо и блокировали большую часть невербальной информации, но спокойные и уверенные движения солдата давали надежду на благоприятные перспективы боя.

Проверка перед входом во внутренние помещения была более серьёзной, со сверкой личины и прочими деталями. После неё Кейра, наконец, получила доступ к нужному кабинету. Помимо незнакомых легатов из офицеров здесь обнаружился так же незнакомый, но всё-таки более близкий есаул; эльф поприветствовал лидера полуулыбкой. От простой, бумажной карты поднял взгляд немолодой круглолицый мужчина с посеребрёнными сединой висками:

— Мы вас заждались, Ведущая. Принимаете участок?

Девушка качнула головой:

— Тяжело было вырваться, везде сейчас нужна помощь. Командуйте, я не знаю, когда меня выдернут обратно. Магистр ведь вы?

— Я. Легат Контомний.

Поджав губы, римлянин коротко вздохнул и вернулся к изучению обстановки. Согласно правилам, при совместных действиях нескольких легионов они поступали во временное распоряжение одного из участвующих легатов, получающего на этот период специальное звание магистра. Соответствующую теоретическую подготовку имели все, но мало кто испытывал удовольствие от необходимости применять её на практике.

Контомний обвёл пальцем область:

— Где-то здесь они ставят орудия. Группами по два-три, не больше.

— Свои пристреляны? — уточнила Кейра.

— Да. Нужно только вскрыть маскировку и задать точные координаты.

— Сделаем.

Подойдя к столу, Правительница взяла один из карандашей, несколько раз глубоко вздохнула, настраиваясь. Сформировала предварительный образ, запустила…

В глаза словно насыпали песка, малейшее движение отдавалось режущей болью, но всё-таки она сумела взглянуть на нужный район. Внизу мелкими насекомыми проносились неизвестные существа, появляясь прямо из воздуха и словно не замечая ни стен огня, ни клубов чёрного дыма, стелившегося над землёй.

Итак, каким образом инфернал мог выстроить свою маскировку? Вариантов много, самые популярные — поле, сеть, выделенная защита. Начнём по порядку. Нырнув вниз и осмотревшись, Правительница не увидела ничего нового и вернула «глаз» в прежнюю точку. Так, поле отпадает.

Она сосредоточилась на пальце, который в этот момент не ощущался, но утыкался — она знала об этом — в область на карте, где совершенно точно стояли вражеские орудия. «Глаз» сам собой повернулся в нужную сторону и чуть сдвинулся по плоскости. Следующий образ, имевший нечто общее с блуждающими клинками, взрезал часть пространства по диагонали. Эффект не обнаружился; значит, и не сеть тоже.

Выделенная защита была самым дорогим способом маскировки: обслуживания требовал каждый конкретный объект, на что далеко не всегда хватало ресурсов и времени. Но здесь даже придумывать ничего не нужно было; девушка всего лишь усилила концентрацию на желании увидеть сокрытое и вдохнула в это желание энергию.

Тут же проступили очертания десятка огромных, метров семи-восьми в длину, толстых труб, как будто бы деревянных. Покрытые какими-то незнакомыми иероглифами, они опирались на косые кресты подставок.

— Засвет, — произнесла Кейра. Перенесла внимание на другую руку, с карандашом, и, ориентируясь на повороты «глаза», поставила в нужном месте точку на карте. Командующий продиктовал координаты, полминуты ожидания — в одно из орудий сверху по диагонали вонзился широкий ярко-оранжевый луч. Трубу не разрезало — точности не хватило, но в боку образовалась широкая прореха, из которой вырвались языки

пламени.

Девушка подождала, не соберётся ли батарея перестроиться, быстрыми движениями расставила остальные точки, разорвала контакт и закрыла глаза ладонями. Добавила на всякий случай:

— Двигаться они не собираются, но лучше накрывать разом.

— Принести что-нибудь? — деловитый, но с оттенком заботы голос магистра сделал мрак чуть уютнее.

— Коня и шашку, — совершенно серьёзно отозвалась Правительница, отнимая руки от лица. — Я слишком долго сидела взаперти.

* * *

«— Первый, приём!»

— Первый на связи.

«— Ты никак в обход двинулся?»

— Ну да, а что? — не понял Плеть.

«— Задача какая ставилась?»

— Связать боем. Я и связываю.

«— Уверен? Следи, чтобы тебя не связали. Помнишь дальнейшие действия?»

— Помню, не волнуйся, — Плеть постарался вложить в голос максимум уверенности. — Тем более, так создаётся гораздо больше угрозы по стратегии.

«— Ладно, дело твоё. Главное, держи себя в руках».

— Ага. Конец связи.

«— Стой. Я сейчас, пока время идёт, буду укреплять внешний периметр, заодно и тебе чего-нибудь отправлю. Но всё равно не советую углубляться ещё сильнее, понял?»

— Понял.

«— Конец связи».

Закончив разговор, Ресд раскрутил шарик передатчика вокруг своей оси, бросил взгляд на карту и усмехнулся.

Время к вечеру. Интересно, на сколько задержится Тавис?

* * *

— Второй на связи.

«— Слушаю».

— Что по плану?

«— Ничего. Этап не окончен».

— Хм, — Фауст машинально бросил взгляд на тактическую

карту. Обстановка пока позволяла болтать. — Новостей никаких?

«— Ты хочешь узнать, сколько у тебя времени? — в голосе Ресда появилась тень отстранённости. — Не знаю. Нам уже подарили несколько часов, так что пока занимайся своими делами. Я сообщу, если что-то изменится».

— Да тут такое дело. Либо мне сейчас собираться, либо я начинаю ещё одну атаку и занимаюсь ей.

«— Занимайся спокойно. Третий придёт — сам будет договариваться».

— Отлично. Конец связи.

Встряхнувшись и немного размяв мышцы, Фауст вернулся в кресло. Впереди была новая увлекательная партия.

* * *

Ещё до того, как Тавис вошёл в зал, Ресд почуял неладное: ритм шагов скорее соответствовал не командиру тёмных ангелов, а одному из созданий Плети низкого пошиба.

Физических ран явивший себя пред очи начальства инфернал не обнаружил, но это ничего не значило. Имея достаточный опыт взаимодействия с союзниками такого рода, повелитель драконов понял, что настало время работать нянькой.

— Я прибыл и готов к труду и обороне! — возвестил Тавис. Сделал большой глоток воды из высокого стакана, который принёс с собой, чуть пружинящей походкой двинулся в сторону тактического процессора.

— Солнышко, ты на часы смотрел? — едко поинтересовался Ресд, поднимаясь с дивана. — Ещё немного, и мы в самом деле к обороне перейдём.

Он догадывался, что сложные лексические конструкции либо «повесят» сознание собеседника, либо пройдут мимо него, но ничего не мог с собой поделать — раздражение требовало хоть какого выхода.

— Я не солнышко, — справился с первой частью Тавис. — Я…

Вода в стакане кончилась, и восполнить её оказалось важнее, чем продолжить мысль.

— Ну, как же. На небе солнышко зашло, теперь — ты вместо него. — Ресд сделал над собой волевое усилие, принуждая к успокоению. — Иди сюда. Тебе нужно прочистить голову.

— Я чист, — возразил инфернал, думая о чём-то своём.

Повелитель драконов, мысленно ругнувшись, плавным, но быстрым шагом двинулся к собеседнику.

— А тусовка будет, даже если мы проиграем? — невпопад

спросил Тавис. Лишь в последний момент почувствовав опасность, он дёрнулся — но сравниться в скорости с крыльями, тем более в таком состоянии, не мог. Потрепыхавшись немного в коконе, он затих и встретился глазами с Ресдом, который внимательно рассматривал его.

Глаза красные, зрачки слегка расширены, веки припухли. Дыхание в норме. Похоже, происшествие с вулканами настолько вывело несчастного из равновесия, что он решил плюнуть на правила и покурить травы прямо на задании. Или, по крайней мере, на обратном пути в штаб.

Пока Ресд настраивал амулет, до него донёсся и характерный запах дыма, осевшего на одежде Тависа. Поморщившись — эти ноты вызывали у него в первую очередь тошноту, — повелитель драконов стал раскачивать блестяшку перед носом у пациента, принуждая фокусировать на ней расползающееся внимание.

Через пару минут карательного лечения инфернал яростно забился в спеленавших его крыльях и как только оказался на свободе помчался к неприметной двери в противоположной стороне от угла отдыха. Побег сопроводил стеклянный звон, с которым разбился о пол стакан; владелец не обратил на него никакого внимания, как, впрочем, и на мокрое пятно на груди от пролитой воды.

Вздохнув, Ресд повернулся к тумбе процессора и тяжело опёрся на неё. Тавис как будто нарочно вёл себя таким образом, чтобы усложнять жизнь окружающим и навязывать им наименее эффективные решения из возможных.

Беглый взгляд на объёмную карту никаких открытий не принёс: всё как и прежде. Создания уничтожаются, командующие напрягают мозговые извилины в ожидании развязки. Но она не наступит до тех пор, пока последний важный участник не переживёт последствия употребления наркотиков.

Это заняло минут десять; Ресд успел полностью проветрить зал, дистанционно проинспектировать состояние центрального корпуса и объявить готовность к маршу. Вернувшегося инфернала всё ждало, можно сказать, на блюдечке.

Подойдя к процессору и наскоро оценив положение войск, Тавис буркнул:

— Что теперь?

Ресд бросил на него короткий взгляд, поинтересовался:

— Хочешь что-нибудь сказать? — не дождавшись ответа, согласился: — Ладно, потом поговорим. Принимай командование центральной группой. Фауст и Плеть расширили зону обхвата до половины, но дальше продвинуться не могут, так что будем исходить из имеющегося. Ищи подходящий участок стены и

начинай концентрацию. Когда будешь готов наступать, свяжешься с ними и дашь координаты; они полетят, как только будет нанесён удар на пробитие.

Тавис вперил в лидера злой взгляд.

— Вопросы? — уточнил Ресд.

— Не надо никого звать.

Повисла пауза.

— В со…

— Не надо никого звать. Всё нормально.

— Что нормально?

— Ресд, хватит уже! — рявкнул инфернал. Чуть сбавил тон: — Хватит вот этого вот! Я в порядке и справлюсь со всем, что нужно. Успокойся со своими лекциями и займись делами, а я возьму крепость и…

Пересилив себя, Ресд приблизился вплотную и чуть согнулся, нивелируя разницу в росте и оказываясь с собеседником лицом к лицу. Злости в глазах того прибавилось: он явно решил, что над ним продолжают издеваться.

— Тавис. Я дал тебе около суток, чтобы разобраться с возникшими проблемами. Нам пришлось менять планы, потому как наступать требовалось немедленно, а твоё отсутствие всё портило. Я отправил других на фланги, тебе, таким образом, остался центр. И самая почётная задача — первым нанести удар по крепости и, скорее всего, прорваться внутрь. Не сидеть на земле, отвлекая силы противника от других участков, а руководить главным наступлением. Что сделал ты? Накурился, опоздал на несколько часов, ставя под риск всю операцию. А как пришёл — начал требовать снова поменять все планы, чтобы ты остался в центре один, а остальные продолжали обеспечить тебе лучшую диспозицию.

— Я не…

— Да?

Тавис поджал губы:

— Я не ставил операцию под риск. Я уже давно воюю и много раз видел, что несколько часов ничего не решают.

— Ты уже брал крепости?

— Да!

— Такого размера?

— Нет, но…

— Может, ты ещё и забыл, как раздражает, когда другие выбиваются из времени?

— Планы менять я тоже не требовал! Ты всё это так представил, как будто именно из-за меня всех…

— Тавис.

— …надо выдернуть сюда…

— Тавис.

— Что?!

— Иди командуй. Ты запомнил план действий?

— Да.

— Повтори.

— Я же сказал, что запомнил!

— Хорошо. Иди.

Раздав наскоро приказы с помощью процессора, инфернал быстро покинул зал, избегая пересечения взглядов.

Ресд же в который раз вздохнул. Ему ещё предстояло каким-то образом защищать одного своего вынужденного союзника от двух других, когда битва закончится.

* * *

Сочетание включения в манипулятор и разговора по прямой связи было определённого рода эквилибристикой, и Альден временно разорвал контакт с первым прибором в пользу второго.

— Я.

— Уход с участка, — сообщил Нармиз.

— Да, я знаю, — удивился император, — минуту назад принесли сообщение от тебя.

— Оно идёт пять-десять минут. Я предпочёл дать сигнал заранее и потом, в случае ошибки, опровергнуть. Так вот, всё верно. Жди основной удар.

— Понял. Ты действуешь как задумал?

В последние несколько встреч они с жаром обсуждали, как стоит поступить в такой ситуации — бросить все силы на защиту Юстиции или всё-таки оставить Нармиза в районе Сенсуса с тем чтобы вернуть ключевую точку и получить через это преимущество в следующем этапе.

— Да, — подтвердил глава Братства. — Мы справимся, не волнуйся.

— Твои бы слова… Ладно, конец связи.

Бросив опасливый взгляд на экраны и не найдя там признаков начавшегося наступления в лоб, Альден бросил секретарю, с уходом из штаба покровительницы эльфов вернувшему свои полномочия:

— Свяжись с Кейрой, вызови сюда для поддержки. И разошли по городу, что скоро начнётся.

Хлоп — несколько экранов в разных местах сверкнули белым и тут же погасли, словно перегорев. Император пересчитал

чёрные участки: три, по шаблону ведения осады.

Манипулятор работал с данными от всех приборов, не только тех, что располагались на крепостной стене, поэтому включение в него прояснило некоторые моменты. Три сектора внешнего пространства, расходящиеся широкими конусами белого тумана, относились к наиболее подходящим для прорыва участкам обороны. На севере располагался один из выходов водопроводной системы — предсказуемо. Использовать это место для заброса шпионов, несмотря на все усилия, инферналам не удалось, теперь попробуют в другом качестве. Ворота тракта, идущего через Мету, — тем более. Северо-западный спутник был оставлен очень быстро, Альден мог даже поспорить, что на его руинах сейчас расположен один из основных лагерей или даже штаб противника. На западе выбор пал на гораздо более неприметный отрезок; возможно, командующий фронтом просто отмерил необходимое количество километров по карте.

Земля вздрогнула; манипулятор и близко не мог передать тех ощущений, которые испытали находившиеся на улицах, а уж на стенах и подавно — но Альден уже сталкивался с этими орудиями, пусть и в меньшем масштабе. Горло против воли сдавило: по краям двух крайних конусов тумана появилось розоватое свечение. Сомневаться не приходилось, если это пробило защиту Дворца, то городская не устоит ни при каких условиях.

Условно центральный сектор, в направлении Меты, остался как будто без внимания, но на самом деле сейчас демонстрировалась классика здешних войн для сверхкрупных оборонительных объектов; разумеется, Ресдом, инферналам её знать было неоткуда. Три первичных удара наносились вразнобой, так, чтобы захватить как можно более широкую дугу. Затем следовали два дополняющих, дезорганизующих действия защитников: сконцентрированные на трёх районах, те должны были перестроить планы под два их них, которые, как правило, ещё и находились на противоположных концах. Последний удар, собственно взламывающий периметр и открывающий путь внутрь города, наносился только в одну точку.

В зависимости от особенностей конкретной ситуации, в частности, масштабов противостояния и принципов мышления командующих, тактика могла меняться. Чаще всего варьировалось количество ударов; три и так было много, хоть Альден и считал, что Юстиция тянула на большее, но удивило его не это. Три точки — заделы под возможные прорывы. Значит, Ресд, чья команда насчитывала четыре Мечтателя, против трёх у соперников, даже не предполагал возможности разыграть

численное преимущество до конца.

Дальнейшие размышления на эту тему прервал скачок напряжения или что-то похожее на него. Картинка, предоставляемая манипулятором, моргнула и погасла. Глаза закрыла кромешная тьма, но, хуже того, Альден лишь спустя несколько секунд понял, что вернулся в реальность, — посредством осязания. Все источники энергии в здании, а скорее всего в городе, вырубились.

* * *

Чем ближе становился конец битвы, тем меньше у Ресда оставалось возможностей повлиять на её результаты. Всё, что можно было сделать, уже сделано, и теперь четвёртый, последний этап осады покажет, хватило предпринятых усилий или какая-нибудь из сторон ещё имеет что бросить на весы.

С возвращения Тависа всё шло чётко по плану, даже сеансы связи. Двое других инферналов устремились на оговорённые заранее позиции, проходя нужные точки в нужные моменты времени и этим нервируя обороняющихся — те ещё не знали, куда будет направлен прорыв. Успехи дневного наступления оказались не то чтобы перечёркнуты, но никакой серьёзной роли в дальнейшем развитии событий не играли: Сенсус и Волюнтас вместе взятые не могли сравниться с Юстицией.

Сидя в кресле рядом с тактическом процессором и покачивая ногой, закинутой на другую, Ресд краем глаза следил за раскладом, ожидая, когда красное созвездие приобретёт необходимую форму и будет готово к началу штурма. Основное внимание его было направлено на стену зала впереди, превращённую в большой экран и демонстрировавшую вид на один из участков крепости. Мягкий приглушённый свет создавал ощущение открытой террасы загородного домика, и это заставляло по-другому воспринимать каждый летящий в сторону камеры снаряд, даром что большая часть шума фильтровалась.

Оборону такого типа в Риме они сломили только благодаря фактору неожиданности. Здесь всё было честно, ключ и замок находились в равном положении. Поле боя накрывал вечерний сумрак, на фоне которого светло-серая громадина стены выглядела ещё более подавляющей. По перемещавшему на дальних рубежах тёмному воинству били с верхних трёх ярусов, даже последний, на котором стояли не огнестрельные орудия, а механические катапульты, не отставал; наверное, заблаговременно покрывал ближние подступы какой-нибудь

дрянью. Хотя по-настоящему он себя проявит чуть позже, вместе с тремя нижними, когда осаждающие сократят расстояние до минимума.

Часть стены закрывала внушительная земляная насыпь — не от снарядов, те останавливались ещё раньше стационарными энергощитами. Усиленная глубоким рвом впереди, она должна была удерживать наземные, самые многочисленные войска — единственные, которые могут распространять влияние, отодвигая чужие границы и расширяя свои. За насыпью оставалось немного свободного места, и, как подсказывала память, именно там до поры до времени пряталась первая линия защитников крепости, отгонявшая сапёров и прочих специалистов.

Тем временем все многочисленные плоды фантазии трёх почуявших свободу подростков ждали своей очереди вступить в бой; даже отсюда Ресд слышал рёв тёмной орды, которую перебрасывали на фронт на протяжении нескольких недель. Зубастые, когтистые, ядовитые, дурманящие, летающие, не вспоминая о тех орудиях убийств, которые они могут зажимать в конечностях. На стороне союзников, конечно, тоже много всякого, и живого происхождения, и результатов научных достижений, но на их стороне не было главного — ужаса. Он был против них, как, в общем-то, и всегда.

Если подумать, в этом и заключалась главная причина такого отношения Правителей к инферналам. Враждебность можно проигнорировать, открытую агрессию — простить, злобу, жестокость и гордыню — оправдать. Гуманисты разработали достаточно широкий набор действий, уводящих их от принципа «око за око, зуб за зуб». Но если тебя повергли в ужас, значит, проломили психологическую защиту, всю, которая была. Донесли мысль, что ты бессилен, войдя в твой дом и прибив записку с этой фразой ножом к двери спальни.

А бессилие не выносит никто, не только инферналы.

Хотя, будь они умнее, использовали бы ужас гораздо более целенаправленно.

От размышлений отвлёк пульс, идущий от устройства закрытой связи. Положив на шарик руку, Ресд мысленно произнёс, не отрывая взгляда от экрана:

«— Слушаю».

— Я третий, — возник в голове голос Тависа, — запрашиваю этап.

«— Остальные в курсе?»

— Да, только что говорил.

«— Даю этап. Расчётное время одна минута».

Переключившись с помощью процессора на внутреннюю связь

между воинскими подразделениями, Ресд скомандовал:

«— Артиллерия, первый блок, огонь. Второй блок, приготовиться».

— Есть, первый блок огонь!

Над крепостной стеной на экране замелькала серия белых вспышек, «гасящих» привязанную к сектору аппаратуру. Орудия тем временем продолжали бить.

«— Второй блок, огонь через десять секунд».

— Есть, второй блок огонь через десять секунд!

Поймав момент розового всплеска над шестым ярусом, Ресд активировал образ. Третий блок артиллерии не имел никаких особенностей, давно грохотал где-то неподалёку от Меты и не участвовал в самом интересном; аналог электромагнитного импульса был его личным вкладом в осаду.

* * *

Волны, ходившие в небе над Юстицией почти сутки, вдруг пропали — генераторы, на которых держались щиты, вырубились. Мешанина звуков сразу поменяла тональность: более не встречая препятствий, снаряды полетели в город, круша здания. Гражданских на улицах было мало, для спасательных же служб наоборот, пришло время. Через паутину застройки понеслись на первые сигналы, уворачиваясь от взрывов, пожарные команды.

Стена осталась целой, что многие посчитали хорошим знаком, — но это было только начало. Наружную её сторону уже кромсали на куски, стремясь добраться до оставшихся без серьёзной защиты орудий. Гранитные плиты таяли с каждой секундой, всё больше и больше открывалось дыр во внутреннее пространство, на обозрение приближающимся адским полчищам показывались перекрытия галерей, словно обнажающийся скелет.

Земля задрожала, пошла — и более не остановилась. Заухала серия подземных взрывов, на них наложилась магия, сверху — давно запланированные образы. Со стороны зашедшего солнца к крепости поползла, расширяясь с каждой секундой, огромная трещина, как будто инферналы решили расколоть материк и проложить прямую дорогу из преисподней. Сожрав несколько зазевавшихся отрядов нежити, разлом дошёл до насыпи, разрезал её, низвергая на непроглядываемое дно земляную массу, остановился перед самой стеной, словно покорённый её мощью. А затем, получив новую порцию сил, ударил и пробил её насквозь, ломая на куски глубочайший цельный фундамент.

Два рядом стоящих бастиона удержались, но пролёт между

ними практически перестал существовать. Каменные, деревянные обломки, упавшие орудия оказались нагромождены на дне образовавшегося ущелья и стали единственной преградой для желающих войти в город. Пришедшие в себя маги из подразделений, расположенных за насыпью, взялись было заделывать пробой, но их сил хватило только на то, чтобы обтесать края. Огромный ров, тянущийся вдоль оборонительной линии, за какие-то несколько минут превратился в нейтральный фактор, и ни катапульты, ни другая уцелевшая артиллерия не могли справиться с чёрным-серо-красным морем, хлынувшим сразу с трёх сторон.

* * *

Едва поняв, что противник-инфернал покинул фронт, Кейра стала собираться обратно. Разобравшись с непосредственными угрозами гарнизону Волюнтаса и примкнувшим к нему легионам с севера, она оставила группировку самостоятельно развивать контрнаступление и побежала наверх искать, где нашли временное укрытие её орлу.

Быстро темнело, к моменту взлёта основным источником освещения стали вспышки взрывов внизу; для режима кошачьего зрения их, впрочем, хватало. Хотя в стороне Юстиции сверкало так, что никаких усовершенствований не требовалось. Стиснув зубы, Кейра на полной скорости ринулась туда.

Низкие облака не давали рассмотреть картину штурма целиком, но по всему крепостному периметру с западной стороны кипели бои. Требовалось решить — лететь прямо туда или к Альдену.

По личной связи император на ответил, и выбор стал очевиден. А пролетев несколько километров и поняв обстановку, Правительница убедилась в его правильности: серьёзнее прорыва стены вряд ли что-то могло быть.

Стационарные щиты едва помогали — лишь вокруг бастионов мерцала прозрачная, но всё-таки надёжная бледно-голубая скорлупа, остальное пространство, в первую очередь пролёты стен, было открыто для уничтожения. На охоту рванули орды вражеских стервятников; тёмные ангелы буквально заполонили небо, с некоторыми, не видевшими Кейру, едва удалось разминуться, птица уворачивалась в последний момент. От снарядов, боевой магии и прочего запускаемого обеими сторонами в воздух и вовсе было не продохнуть, даже на высоте.

Выбрав момент, Правительница спикировала и опустилась на

крышу бастиона за две секции до пролома. Расчёты катапульт продолжали работать в окружении небольших сводных отрядов из людей и эльфов, паливших в проносящихся мимо крылатых тварей из карабинов и луков соответственно. Размахивая на всякий случай меткой-пропуском, Правительница приблизилась и крикнула с двадцати шагов:

— Где главный?

Неизвестно, услышали ли её, но один из бойцов-людей, оторвавшись от стрельбы, указал в сторону от себя на проём спуска.

Оказавшись на винтовой лестнице, девушка вдруг почувствовала себя угодившей в варенье мухой: воздух загустел и каждое движение стало требовать в разы больше усилий. Ей открылся полутёмный зал, освещаемый несколькими лампами, закреплёнными на внутренних стенах. Половину пространства занимали артиллерийские орудия на подвижных лафетах напротив квадратных окон, по остальному перемещались их расчёты. Места было довольно много, но без того чтобы приноровиться и влиться в установленный здесь порядок не стоило и надеяться ходить без угрозы столкнуться с кем-то.

За поворотом уже ждал командир, суровый мужчина в сером мундире с незнакомыми знаками отличия. Прежде чем Правительница успела разжать челюсти и произнести нужные слова, он проверил её двумя амулетами и хлопнул по плечу, оставив на куртке след голубой краски. Воздух тут же вернулся в нормальное состояние; тягучая вибрация отдачи от выстрелов продолжала ощущаться, но гораздо слабее, пушки как будто отдалились на несколько сот метров.

— Временная метка. Сойдёт через полчаса, никаких следов, действует по периметру, — рублеными фразами объяснил офицер. — Говорите.

— Это поле акустической защиты? — уточнила Кейра.

— Да.

— Кто его ставит? Оно стационарное? Держится после разрушения стен?

— Маги, прикреплённые к дивизии. Имеет заряд, при нарушении целостности медленно гаснет.

— То есть после первого же попадания в орудийный отсек оно становится бесполезно?

Римлянин коротко кивнул.

— Понятно. Кто здесь главный? Мне нужен отряд пехоты для зачистки.

Офицер на секунду задумался, в его голосе наконец-то появились тени эмоций:

— Полковник на третьем ярусе. Но мы не отвечаем за весь периметр, Ведущая, на один бастион — по пол-отрезка с каждой стороны.

— Я разберусь. Спасибо.

Следующие два этажа она преодолела быстрее, чем спускалась с шестого на пятый. Здесь всё оказалось таким же, разве что полковник использовал кусочек свободного пространства чтобы втиснуть Г-образный стол. Ждал он, тем не менее, тоже у лестницы — видимо, между ярусами работала простейшая система связи. Не шаги же её услышали, через грохот снаружи и «липучку» внутри.

— Отряд пехоты для зачистки, сводный профиль, от десяти человек, — не теряя времени, распорядилась Кейра.

— Со сводным помочь не могу, — офицер махнул рукой в сторону, — можете поискать ближников снаружи, но и только.

— Почему не можете?

— У нас крепостная батарея, а не полевая, — губы полковника разрезала кривая ухмылка. Правительница мысленно ругнулась, справляясь с досадой.

— Поняла. Сколько бойцов я могу забрать?

Римлянин медленно повёл головой, раздумывая.

— Если пойдёте внутри, то всех, кого найдёте. Ненужных отсылайте в бастион. Если снаружи — там свой командир.

Мысль о возвращении на верхний ярус продержалась недолго: ни идти туда самой, ни забирать с него часть и так немногочисленных защитников не хотелось.

— Пройду здесь. Спасибо.

На третьем уровне тоже не отдыхали, вступать в схватку пришлось едва за спиной захлопнулась тяжёлая бронированная дверь. Галерея напоминала увеличенный в несколько раз вагон купе: лампы горели под пятиметровыми потолками, слева тянулись двери, ведущие в артиллерийские отсеки. Широкий главный проход перегораживали в несколько шеренг имперские стрелки, безостановочно палившие в накатывающиеся волны штурмующих, ещё нескольких было видно через дверь ближайшего отсека. Ни у кого не наблюдалось не то что мечей, даже боевой брони, все в тех же серых мундирах, словно добровольцы-гражданские.

Правительница встряхнула рукой, активируя один из амулетов на рукаве, и сжала ладонь; из подпространственного кармана в неё выпал боевой лук, покрытый тончайшей разноцветной росписью. Переведя оружие в нужный режим стрельбы, девушка хлопнула по плечу крайнего справа бойца:

— Позицию!

В сторону отходить было некуда, так что стрелок отодвинулся назад. Опустив карабин, он занялся патронами, однако когда закончил — стрелять оказалось уже не в кого. На пару секунд задержав стрелу, пока вокруг её острия не появится венчик золотого свечения, Кейра спустила тетиву — и по коридору пронёсся вихрь из десятка языков волшебного пламени. Некоторым из них удалось прожечь двух противников за раз, часть срикошетила от стен, добираясь до самых дальних. Большая часть угрозы мигом пропала, и имперцы переключились на добивание шевелящихся: пули действовали гораздо менее эффективно.

После второго выстрела Кейра приказала:

— Половина вперёд со мной, половина параллельно нам по отсекам!

— Выполнять! — подтвердил её слова молодой офицер, лет двадцати пяти, не больше, с курчавыми тёмными волосами. Архонт? Центурион?..

— Вы артиллеристы? — поинтересовалась Правительница, используя мимолётную паузу. — Никого больше нет?

Римлянин поморщился:

— Крепостные дивизии заняты именно тем, чтобы держать дистанцию. Центурион крепости Квароний. Вы-то здесь как оказались?

— Главнокомандующая Республики Кейра, — молодчик спал с лица, — помогаю, пока могу. А вы на это время поступаете в моё распоряжение.

Ничего удивительного в том, что её не узнали, не было, единственный визит сюда состоялся много лет назад, в других условиях. Слова про отсутствие подразделений разного типа оказались худшим сюрпризом.

— Виноват, не узнал, — Квароний подтянулся. — Нас перебросили с южного фланга на случай возможного прорыва, это стандартный манёвр. Но кроме карабинов нам ничего не положено.

— Эльф? — удивилась Кейра: в сером отряде вдруг промелькнул тёмно-зелёный мундир. Услышав обращение, его обладатель приблизился и доложил:

— Отделение поддержки, Ведущая, урядник Таульмилон.

— Не то, случаем, которое занимается установкой акустической защиты?

— Так точно, Ведущая. Но в одиночку я бесполезен, — эльф развёл руками, в одной из которых держал имперский карабин.

Удача показалась на глаза, но тут же выскользнула сквозь пальцы. Цокнув языком, Кейра кивнула:

— Тогда по первоначальному плану. Вперёд!

Занимавшие позиции в первом отсеке уже возобновили стрельбу, пока они разговаривали.

В принципе, даже работающее поле мало чем помогло бы: из всех располагавшихся на этаже орудий немногие уцелели, а способных сходу продолжить огонь наверняка осталось и того меньше. Тем не менее, требовалось закрыть бреши в стенах — без этого нечего было и думать забирать уцелевших. Отвоёвывая метр за метром, отряд продвигался, а Кейра тем временем восстанавливала гранитное полотно, на этот раз сплошное, без амбразур. По пути они подобрали ещё две небольшие группы, опрокинувшие часть стеллажей со снарядами и забаррикадировавшиеся в отсеках.

Идти становилось всё легче, но затея дала сбой где-то на середине, когда раздался взрыв на пройденном участке и внутрь проник новый диверсионный отряд. Защитное поле крепости успело восстановиться — но летать внутри него можно было без проблем, а значит, и использовать ручную взрывчатку. Половину отряда пришлось вернуть и распределить по этажу.

Наконец, Правительница добралась до противоположной двери и попала в следующий бастион. Здесь её, вместе с очередной проверкой на личину, ждали новые неприятности.

— Стена почти разрушена, — сообщил командир. — Пройти можно либо по первому-второму ярусу, либо по пятому-шестому.

— Наверх, — решила Кейра, окрылённая наличием пары десятков спутников. Потом, подумав, уточнила: — На пятый.

Пятый, последний крытый этаж начисто лишили и зоны расположения орудий, и несущих стен с внешней стороны, оставив его подвешенной в пустоте полуизолированной коробкой на единственном ребре опоры. Спасать тут, естественно, оказалось некого, все мало-мальски благоразумные давно ушли; как голова ни утверждала, что без участия осадной артиллерии пролёт будет сложно обрушить окончательно, глаза призывали повернуть назад, и даже Правительнице стало не по себе. Дополнительно страх нагнетали тускло светящиеся уцелевшие лампы.

— Может, пройдём ниже? — подал кто-то голос, пока она разбиралась с амулетами.

— Время, — отрезала девушка. — А если тут рухнет, прилетит тем, кто внизу, никакой разницы. Ближе ко мне!

Восстановление стен не выглядело целесообразным, так что следующий артефакт накрыл отряд динамическим полем невидимости. Группа двинулась вперёд неторопливым бегом, перепрыгивая дыры в полу и бросая опасливые взгляды в ведущие

в никуда проёмы в левой стене. Крепостные щиты уверенно держали обстрел, гораздо опаснее были бесчисленные чёрные тени, искавшие пути внутрь активных участков периметра.

Наконец, километровая дистанция завершилась, и люди сгрудились у двери последней на своём пути твердыни, переводя дух. Здесь сканирование провели до того как впустить — вполне логично не ожидая дружелюбных гостей. Командующий полковник, однако, расстроился их небольшому числу:

— Насколько понимаю, больше подкрепления не будет?

— Везде ад. — Кейра прошла мимо него до противоположного края бастиона, посмотрела в глазок на двери, ведущей к пролому.

— Ясно.

Слухи о силе великих магов, как называли Правителей простые смертные, ходили разные. Считалось, что она не имела пределов, но в зависимости от обстоятельств ей удавалось воспользоваться или нет. Плюс инструкции наверняка требовали от гарнизонных офицеров готовности умереть не сходя с боевого поста, не полагаясь на эвакуацию; по крайней мере, в Республике было заведено именно так. Как иначе, если крупные и сверхкрупные оборонительные сооружения единственные могли противостоять силе изменения реальности? Уничтожение самостоятельных армий занимало не в пример меньше времени и сил.

Тем не менее, Кейра ненавидела войну как таковую и вместе с ней — необходимость требовать от кого бы то ни было отдать жизнь. Ей пришлось до судорог стиснуть зубы, чтобы вернуть самообладание и прогнать из глаз непрошенные слёзы; мысленно она уже прощалась с этой батареей и её людьми.

— …раетесь делать? — проник в уши настороженный голос.

— Не знаю, — девушка резко дёрнула головой. — Но что-нибудь сделаю. Да, этих людей передаю вам.

Полковник дёрнул бровями, удивляясь её желанию идти под вражеский огонь в одиночку, но спорить не стал.

— Пусть идут наверх. Центурион, найдите старшего, скажите…

Остальное её не касалось, пора было браться за свою работу. Не оборачиваясь, Кейра вышла из бастиона на порог бездны.

Слева по глазам ударил стробоскоп разбивающихся о щит снарядов. Все орудия противника были сконцентрированы на проломе, но лишь некоторая их часть располагалась напротив него или рядом. У тех же прочих, которые не основывались на лучевом принципе, эллипс рассеивания ложился таким образом, что в подавляющем большинстве случаев накрывал препятствия;

от километровой секции стены остались жалкие огрызки, соседний бастион виднелся вдалеке как одиноко стоящая башня. Гром взрывов стоял такой, что устройства шумоподавления не справлялись.

Зато вид на поле боя открывался, за вычетом ночного мрака, превосходный. Обороняющие вал продолжали держаться, их огонь сейчас был практически единственной помехой для армий, со всех сторон стекающихся к ущелью и уходяших в него, словно впадающие в реку притоки. Правительница подползла к краю, стремясь разглядеть ситуацию лучше. Внизу оказалось ещё жарче, здесь огни сливались в единую пульсирующую волну огненных оттенков: далеко в глубине мерцали защитные поля, под укрытием которых осаждающие втягивали в город полевую артиллерию, по ним долбили из всех калибров защитники, стянутые с окрестных районов.

Прежде чем Кейра успела что-либо предпринять, на устройство связи пришёл вызов.

— Ты где? — неестественно чётко на фоне окружающего шума послышался крик Альдена.

— На стене над пробитым участком, с южной стороны! — крикнула Кейра, едва слыша себя. — Что у вас?

— Все основные аккумуляторы сдохли! Работают резервные, но я не знаю, на сколько их хватит, осторожнее там!

— Ладно! Что мне делать? Ты решил, что со стеной?

— Пусть остаётся, как есть! Сил хватает, перемелем! Ты сразу над проломом?

— Да, ровно над ним!

— У них куча заслонов внизу, но то ли снаряды до них не долетают, то ли моментально включаются новые! Не знаю, в чём дело! Попробуй разобраться, если что — вызывай!

— Ладно!

Можно было включить режим «аквариума», который заглушил бы всё, кроме передатчика, но, учитывая местонахождение Кейры, это приравнивалось к переходу оживлённой трассы с заткнутыми ушами.

Брошенная в воздух горсть металлических шариков размером с крупный жемчуг поймала магнитные поля, сложилась в устойчивую равностороннюю фигуру и медленно полетела в оскалившуюся бездну. С секундной задержкой один из браслетов на руке девушки спроецировал на воздух соответствующей формы видеоэкран.

Преодолев с половину пути, наблюдатели зависли, словно легли на стекло. Вернулись выше, попробовали прорваться снова — бесполезно. Отлично, проблема найдена, хотя и не понята.

Состав образ и вдохнув в него силу, Правительница помогла преодолеть препятствие и скоро смогла подробно рассмотреть дно ущелья; экран словно демонстрировал вид из кабины пилота, исследующего разлом на бреющем полёте. Вверх никто не смотрел и внимание на неизвестный прибор не обращал, чёрным ордам было не до того, особенно в предвкушении битвы. Однако в какой-то момент наблюдение чуть не закончил выстрел одного из дико выглядящих, явно на магической основе, демонических орудий, прошедший совсем рядом и выбивший один из шариков.

Не теряя времени, Кейра отвела многоугольник в сторону. Вывела из него ещё один элемент, направила на оставшиеся, получая визуальный контакт, и стала формировать новый образ. Здесь одним желанием было не обойтись, но именно такие моменты впоследствии давали силы зубрить техническую документацию. Процесс создания бомбы уложился в минуту. Отдельно висящий шарик вернулся к остальным, и Правительница выключила экран, возвращаясь к собственным глазам.

На дне ущелья, ближе к наружной стороне, загорелся яркий свет. Пройдя за пару секунд все цвета спектра от малинового до бледно-голубого, он на мгновение исчез — а затем сменился ещё более яркой белой вспышкой. Всё имевшее магическое происхождение в радиусе тридцати метров отдало энергию, которая, собравшись воедино, сдетонировала с едва слышным наверху хлопком и разметала останки вражеских существ и техники. Щиты исчезли, и в проделанную брешь тут же полетели снаряды обороняющихся, дополнительно расширившие её раза в полтора.

— Сделано! — доложила по личной связи довольная собой Правительница, отползая от края.

— Молодец! — голос Альдена стал чуть тише, видимо, он переместился в более спокойное место. — Теперь двигай ко мне. На полпути к резиденции девяносто градусов налево, там увидишь парк и за ним здание театра. Я сейчас около него.

— А здесь больше ничего не нужно?

— Не нужно. Давай, я тебя жду.

Выходы наружу находились только в бастионах, но вариант спускаться на землю Кейру не устроил: она сейчас попадёт в самое пекло сражения, при том, что не должна включаться в него. Можно было пробежать очередную километровку, но время поджимало.

Добравшись до шестого яруса, она с помощью специального свистка вызвала орла, на котором прибыла сюда, вновь достала из подпространства лук и присоединилась к ближайшей группе

катапульты. Заметившие её эльфы сдержанно поприветствовали главнокомандующую, не отрываясь от боя; её оружие ничем принципиально не отличалось от их, и это было очень кстати, потому что стервятники наседали нещадно. Тёмные ангелы, крылатые демонические обезьяны, нелепо выглядящие, но опасные не менее других призраки, кого только ни было. Идея воздушного боя так давно казалась союзникам бесперспективной, что адекватных средств противодействия их войска не имели. Однако на примере нынешней осады им довелось почувствовать разницу между специализированными немногочисленными авиагруппами и массированным налётом. По-хорошему, можно было стрелять хоть вслепую, обязательно в кого-нибудь да попадёшь.

От схватки Кейру отвлёк призывный клич орла, которому чудом удалось пробиться, пролетев по краю стены. Защита его за время отсутствия хозяйки успела наполовину разрядиться, но лучших способов добраться до центральных районов всё равно не было. Напоследок одарив солдат мешками с песком взамен используемых в качестве заграждений пустых ящиков, девушка взлетела.

Армии тьмы успели отыграть потерянный участок и снова вкатывались волна за волной в черту города. Союзная артиллерия била без остановки, но этого не хватало, вдобавок на ней сосредоточились вражеские силы поддержки: снаряды взрывались в воздухе и меняли траектории, а инфернальы тем временем обустраивали на выходе из ущелья полноценный плацдарм.

Единственное, что немного радовало, — количество летающих врагов при удалении от крепостного периметра резко упало. До здания театра Кейра, получившая возможность передышки, не добралась, Альден обнаружился чуть ближе, на пологой крыше одного из невысоких зданий, судя по форме — комплекса бань. Рассматривая происходящее у стены в бинокль, император время от времени произносил что-то в широкий облегающий браслет, освобождая на несколько секунд одну руку. Алый плащ за спиной эффектно трепался ветром.

Опасность! — почувствовала Правительница. Приглядевшись, она и впрямь заметила за ближайшей пристройкой наверху непонятную тень. Вряд ли охрана — та стояла широким периметром, десяток гвардейцев полукругом внизу, по двое на крыше каждого из крыльев. Неизвестный, по-видимому, тоже отследил её появление и не теряя времени бросился вперёд. Скорость его не сильно превышала обычную человеческую, но силуэт перемещался скачками, как медленный диафильм. Инфернал, под максимальной защитой.

— Сзади! — закричала Кейра, посылая орла в пике, но уже понимая, что не успевает. Горло сдавил ледяной страх.

Гигантские когти клацнули впустую: за миг до соприкосновения их остановил возникший вокруг убийцы непроницаемый белый светящийся шар. Проскользив, он улетел во внутренний двор и впечатался в землю — но вместо того чтобы спуститься и схватить врага, Правительница бросилась к упавшему другу. «Пожалуйста, пусть всё обойдётся, пусть всё обойдётся!», — билось в голове под оглушительный стук сердца.

Альден лежал лицом вниз, укрытый плащом, из-под которого медленно стекала, следуя лёгкому наклону крыши, кровь. Трясущимися руками Кейра перевернула его, посмотрела в пустые стеклянные глаза — и от души врезала кулаком по черепице, выплёскивая бурю эмоций в ругательства. Император был жив, но какого напряжения это стоило!

Активировав личную защиту, девушка кинулась во двор. Спрыгнула с внутренней стороны, погасила кувырком падение, огляделась — но всё уже было кончено. Покрытую ровной травой лужайку расчертили несколько полос вскопанной земли, чуть в стороне лежал орёл с явно сломанной шеей — от прямого образа никакие амулеты не спасают. Та же участь постигла преторианцев, чьи тела лежали вокруг в неестественных позах. Сам инфернал, забрав с полдюжины жизней, успел сбежать.

Сверху захлопали крылья: на место стычки прибыл настоящий Альден, в той же самой одежде, но верхом на голубе и с живым лицом.

* * *

— Ты почти схватила инфернала, — сообщил император, приземляясь рядом с подругой. Недовольно скривившись, она подтянулась, села к нему за спину и ткнула под ребро:

— Удрал, сволочь. А ты не лучше: хоть бы предупредил, что используешь куклы!

Альден натянул поводья, давая команду на взлёт. Ответил настолько невозмутимо, насколько позволяла ситуация:

— Я сам про них не сразу вспомнил. Обычно чем меньше уделяешь им внимания, тем эффективнее они работают. А за нападавшим отправились, есть шанс взять.

— Жду не дождусь, — кровожадно отозвалась девушка.

Здание театра с купольной крышей и небольшим шпилем располагалось в нескольких кварталах от них. Квадратный скверик был заполнен военной техникой; орудия постарались

расставить так, чтобы не снести фонтан в центре и разбросанные по территории немногочисленные деревья, но большая часть лавок и кустов всё равно лежала обломками. Дороги перекрывали баррикады в две линии — первая по границе зонтика перемещаемого энергощита и вторая на дальних подступах.

Спешившись на плоской окружности крыши, Альден махнул рукой в сторону жужжащего агрегата, без колёс, но с характерно светящимся днищем:

— Вот на этом и держимся. Весь город накрыли каким-то импульсом, от которого все работавшие в тот момент генераторы ушли в спячку.

— Типа электромагнитного? — предположила Кейра.

— Думаю, да. Что-то на его основе.

— Ты поэтому сюда выбрался?

— Угу. Манипулятор сгорел начисто, — император сосредоточил внимание на боях у пролома. Видно было далеко не всё, но господствующие высоты сейчас были как никогда опасны. — В принципе, мы стоим. Через пару часов подойдут оставшиеся легионы из Бонума, главное, дождаться их. И, конечно, не пропустить никаких сюрпризов.

— Стена может пасть, — в голосе Кейры звенело напряжение, — её обрабатывают по всем уровням.

— Пускай, — кивнул Альден, — бастионы им за неделю не взять такими темпами. У них независимые контуры, если сосредоточатся на их взломе, считай, мы выиграли.

— А новых прорывов не боишься?

— Прорывы хуже, — согласился император. — Три задела на сто десять градусов, резервы подогнаны. Могут вдарить вторым импульсом, тогда стена, скорее всего, перестанет существовать… Это будет крайне неприятно. Но у нас в запасе есть Нармиз, с ним, надеюсь, вытянем.

— Ладно. — Помолчав, Кейра спросила: — Меня колотит или здание в самом деле дрожит?

— Подземные толчки. Всё нормально, — серьёзно отозвался Альден. На всякий случай пояснил: — Пытаются прорываться через канализацию, но туда согнали всех стихиальщиков в гарнизоне. Поэтому приходится терпеть воздух, но взамен можно не волноваться о скрытой атаке.

Подумав, девушка кивнула: услышанное её устроило. Поинтересовалась:

— Так и что мне делать?

— Вон там, через две улицы, собирается кулак, чтобы откинуть закрепившихся за стеной. Можешь взять на…

Разговор прервал вибрирующий механический рёв,

перекрывший грохот артиллерии обеих сторон. Посмотрев в направлении новой угрозы, Альден констатировал:

— Сюрприз.

От осадного лагеря к городу двигались четыре махины — чёрные бронированные капсулы, которые плавно несли около шести тонких гибких щупалец. Издаваемый ими низкочастотный шум становился то тише, то громче, но в любом случае пробирал до костей; Альдена невольно передёрнуло. Оценив подвижность машин, он нахмурился: с учётом общей высоты и гибкости конечностей стену они, может, не слишком быстро, но преодолеют. Сам момент пересечения будет оптимальным для концентрации огня, однако не хотелось подпускать их настолько близко… Ладно, делать нечего.

Капсулы чуть осветились изнутри огненно-красным, а через пару секунд вырвавшиеся из них лучи ударили в ближайшие бастионы, буря их щиты. Не успел Правитель испугаться, как его вдруг озарила догадка — да ведь он это уже видел!

— Периметр! — послышался крик Кейры.

Одновременно с механическими колоссами на приступ пошла вторая группа, по всей видимости, демонов. По дуге от западной стороны до северо-западной на крепостную стену вылезли ящероподобные чешуйчатые твари, каждая размером с крупный дом, а то и два. Застыв, они повертели головами, осматриваясь. Одну метким попаданием снаряда в голову удалось снести обратно, но остальные бросились в атаку: отталкиваясь мощными лапами, они сгруппировывались в кольцеобразную форму и на полной скорости влетали в застройку, преодолевая улицу за улицей и круша имперские позиции.

— Займись броненосцами, — скомандовал Альден, — я пока разберусь с кальмарами.

Это может быть ловушкой, — мелькнула мысль. Ресд специально подсунул эту приманку в надежде, что в памяти всплывёт соответствующая история.

Поджав губы, император несколько секунд следил за капсулами, раздумывая и считывая их поведение, и в итоге решился.

Сначала следовало отломать им ноги — они тонкие, хрупкие, так и притягивают взгляд. Разработчик это учёл, поэтому хрупкость была мнимой, соответствующий образ даже навскидку был тяжёлым, энергозатратным. Из чего они состояли в прошлый раз, Альден уже не помнил, но времени предполагать не оставалось; после боя, если всё будет хорошо, доберётся и посмотрит.

Невидимые лезвия рассекли в наклонных плоскостях все

щупальца разом, и стало понятно, что догадка верна: капсулы не передвигались с их помощью, а левитировали самостоятельно, как бы нащупывая дорогу впереди и создавая ложное ощущение простой победы. Правитель, не имеющий соответствующего опыта, на этом моменте должен был растеряться и таки сосредоточить на неподатливых штуковинах огонь артиллерии, упуская инициативу в наземных действиях и прощаясь со зря потраченным потенциалом.

Но если всё было верно, выход из лабиринта маскировался под тупик. Следующий образ тоже вышел достаточно тяжёлым, но лишь за счёт отсутствия информации о том, какая начинка скрывалась в бронированной «голове». Суть же воздействия была простой — спалить управляющие контуры и нарушить равновесие.

Машины как раз перезарядились и собирались снова стрелять, но вдруг покачнулись и расплылись в разные стороны, блуждая по всем трём плоскостям. Щупальца, которым отводилась отвлекающая роль, всё-таки были важны, знал об этом проектировщик или нет. Два луча улетели в небо, разрезав подставившиеся облака, один прочертил огненную полосу почти параллельно стене, а один влетел прямо в позиции осаждавших. У самого Альдена за его долгую жизнь тоже случались такие промахи, поэтому на радость наложилось злорадство: поделом, Кулибины, будете знать, как в конструктор заигрываться! Теперь сами ищите выключатель у этой балалайки.

Судя по тому, что капсулы продолжали блуждать и стреляли в третий раз, экстренные выключатели у них отсутствовали. Император торжествующе сжал кулак — раунд был выигран вчистую.

У Кейры тем временем возникли серьёзные проблемы с броненосцами. Один из них прямо на глазах Альдена пролетел, отброшенный, через целый район и протаранил головой крепостную стену — но, выбив из неё пару осколков, поднялся с земли и как ни в чём не бывало снова отправился сеять хаос.

— Попробуй физиологию! — крикнул император. — Рви их изнутри!

Первый, пробный заход завершился успехом: броненосец, намеревавшийся укатиться в дальние сектора, по дороге свалился и забился в судорогах.

— Работает! Если с первого раза не получится, бей снова, может быть, у них по два сердца. Подгадывай, чтобы они находились в движении, так легче.

Подруга кивнула. Лицо её застыло в напряжении, но после первой удачной жертвы начало оттаивать.

Разделавшись и с этой волной, они перевели дух. Альден заметил:

— Вот поэтому я не воспринимаю негуманоидные расы. — Добавил: — Их трое, так что ждём ещё одну порцию. А дальше видно будет.

Внизу тем временем наметилось движение. Солдаты на баррикадах залегли и время от времени в кого-то стреляли, со стороны центра города на площадь одна за другой выплывали антигравитационные платформы с мелкокалиберными орудиями, станковыми пулемётами и ящиками с боеприпасами.

Не то чтобы Альден не любил Юстицию, но в Риме он действовал во многом поспешно и на эмоциях. Конечно, на момент штурма столицы превосходство инферналов было подавляющим, имперские войска так или иначе выдавили бы из городской застройки, а сама она оказалась стёрта с лица земли, но всё равно стоило развернуть оборону на всей доступной территории, а не выводить всех за пределы крепостной линии. Ресд, а может, и сами инферналы использовали это упущение по максимуму, в результате чего все получили то, что получили. Поэтому по легионам, участвующим в битве при Юстиции, было заблаговременно распространено: делайте что хотите, хоть разнесите по камешкам здание резиденции, если противник засядет в нём, но удержите город. В случае победы инферналов заботиться о возможном числе жертв среди гражданских будет некому.

В небе за городом вспыхнуло сразу несколько ярких взрывов: кому-то надоело возиться со спятившими капсулами и их всё-таки подорвали. Проводив взглядом фейерверк, Кейра хмыкнула:

— Здорово ты их. Быстро догадался?

— Я с ними уже сталкивался, — мотнул головой Альден, снова переключая мысли на наземные действия. — Ресд когда-то показывал этот фокус и сейчас повторил не внося изменений. Если бить по ногам, то…

Осёкшись, он посмотрел на подругу. Всё-таки проговорился, причём менее подходящую обстановку было трудно представить.

Девушка стояла боком, лицом к волнам осаждавших, со сжатыми до предела кулаками. Игра теней и позиция над площадью навевали мысли о разгневанном языческом боге.

— Давно это известно? — спросила она отстранённо.

— Нет. Я тоже узнал случайно.

Альден положил руку ей на плечо. Вроде бы, помогло; Кейра опустила голову и глубоко вздохнула, успокаиваясь. Произнесла уже другим тоном:

— Обсудим потом.

— Согласен, — император внутренне расслабился — потеря контроля в такой момент могла стать фатальной.

До них донёсся рёв: на одном из проспектов прорвали оборону. Пушки успели отвести, но теперь удары приняла вторая линия защитников. Замелькали мерные, как по часам, полупрозрачные щиты, которые разбивали волны нечисти и словно экскаватором сгребали на полсотни метров назад, — похоже, часть магов вытащили из-под земли и перебросили на более уязвимые участки.

Следом пришла и третья волна колоссов, в очередной раз пошатнувшая землю.

Обрушились два пролёта стены, один — рядом с предыдущим, оставив соединявший бастион стоять непоколебимой скалой среди бурлящего моря, а другой — в северо-западной части города, открывая новый этап в ходе осады. На груды камней в новых дырах вскарабкались сопоставимые с ними по размеру туши, видоизменённые драконы. Возрождённый в качестве нежити представлял собой шестилапый приземистый скелет, передвигавшийся относительно медленно и неуклюже, но явно обладавший большой мощью, пусть на костях и отсутствовала дополнительная масса. Призванный — призванный ли? — из преисподней имел четыре лапы, более классические пропорции и увенчанную противопоставленными бычьими рогами большую голову на гибкой змеиной шее. Из ноздрей то и дело вырывались клубы дыма: принадлежность к аду требовала умения отжигать. Под ногами у гигантов уже копошилась пехота.

Скелет, оказавшийся в дальнем проломе, покрутил маленькой, словно инородной головой и пополз вперёд, сметая плотно подогнанные друг к другу двухэтажные домики, как картонные. Демон наоборот, прошёл чуть вперёд, освобождая дорогу мелочи, и остановился, намереваясь, по-видимому, плеваться издалека и взламывать основное направление.

— Оставь мне ближнего! — крикнула Кейра и, прежде чем Альден успел что-либо сделать, спрыгнула с крыши вниз. Мягко, на мыски приземлилась, использовав какой-то из амулетов, помчалась к ближайшей артиллерийской батарее. Решив, что она справится, император вскочил на голубя и полетел севернее.

Наступление здесь развивалось медленно, скелет скорее расчищал поле боя, чем наносил гарнизону повреждения, так что последний пока сдерживал натиск. Альден приземлился на первую подходящую крышу и взял паузу на подумать.

Зацепиться особо было не за что. Стрелять в скелета сложно, несмотря на размер, — всё пролетает между костями. Антимагия? Симуляция выстрела выявила вокруг дракона сферу замедления:

снаряды вязли в густеющим воздухе. Колосса предлагалось ломать в ближнем бою, мечами и копьями. Конечно, можно было высосать его постепенно, обходя защиту, но учитывая, с кем имели дело, он мог успеть выполнить все поставленные задачи к моменту, когда свалится из-за нехватки энергии.

Периодически дракон останавливался и крутил своей смешной головой. Она притягивала внимание несоответствием размера остальному телу и даже поднимала в памяти какие-то ассоциации, но ни одну из них не получалось поймать.

В руинах лежали уже несколько полных улиц. Время таяло, скоро придётся оставить попытки найти элегантное решение и приступать к последовательному выводу из строя.

Стоп!

Скелет в очередной раз замер и поднял голову. Зачем нежити мозги, вопрос философский, а с определённой стороны — технический, но тем не менее. Если предположить, что голова выполняет роль антенны…

Небольшой вес подготовленного образа косвенно подтвердил теорию. А затем дракон в самом деле развернулся и пополз обратно в пролом, давя не успевших увернуться порождений бездны. Какое-то время он поработает охраной пролома, пока контроль снова не перехватят или не придумают что-то другое, но пока опасность миновала.

Слева Кейра расправилась со вторым экземпляром; судя по поведению, огнедышащий то ли собирался взрываться, то ли просто впал в замешательство, но так или иначе покинул бой. На вызов по личной связи Правительница откликнулась спустя несколько секунд, подтвердила:

— Всё в порядке, больше он не помешает.

— Мой тоже. У тебя много сил?

— Прилично, — с готовностью отозвалась девушка, — что делать?

— Прими командование этим сектором. Думаю, фокусы закончились, дальше будет обычное массированное наступление. Я подвыдохся и займусь вторым проломом, а ты держи первый.

— Поняла! А… где заканчивается мой сектор?

— Как обычно: за тобой столько, сколько можешь удержать.

Правительница усмехнулась, локальная победа её явно взбодрила.

— Договорились. Я на связи.

* * *

Прибывшие из тыла легионы приняли рубежи и откинули противника с передних плацдармов. Навстречу им из-за стены вышли свежие полки нечисти, ещё более злые, чем прежние. Волна схлёстывалась с волной, ни кинжального огня, ни атак магией по площади, ни артиллерии не хватало, чтобы добиться преимущества, и стороны сходились в ближнем бою. Периодически на залитые кровью и пеплом улицы опускались облака серого тумана, слабо различимые на фоне пелены пороховой гари и чёрного дыма от горящих зданий; в большинстве случаев тушить пожары не имело практического смысла. Туман вносил в течение боя коррективы, либо добавляя к нему новые элементы, либо изымая имеющиеся, и либо союзники, либо инферналы ненадолго получали превосходство, которое стремились выразить в осязаемых успехах, пока ситуация не поменялась снова.

Понятие времени существовало только в защищённых и изолированных от общей сумятицы местах — штабах, узлах связи. Для всех, кто находился за их пределами, мир сузился до гремевшей вторые сутки битвы.

Весы качнулись ещё по паре раз в каждую сторону, после чего остановились. Через город пролегла неровная линия, на которой зафиксировались столкновения, с высоты её можно было легко определить по грудам гарантированно мёртвой плоти, поднявшимся вместо разрушенных зданий. Время от времени их раскидывали крупнокалиберные снаряды, но, как правило, всё в возможном радиусе полёта было завалено другими такими же. Заниматься очисткой было некому и некогда — сначала требовалось определить победителя, на плечи которого и легла бы эта почётная обязанность.

После замирания весов вновь проявилось и стало замедляться время. Постепенно зарево пожаров начало тускнеть, отступая перед новым источником света — с востока, откуда до того шли имперские, эльфийские и сумеречные части. Под конец их осталось настолько мало, что самые упорные вбились клином глубоко в позиции противника, но так и не смогли добраться до крепостной стены. Однако шедший из-за неё им навстречу чёрный поток иссяк ещё раньше.

* * *

Не веря своим глазам, Альден осмотрелся снова, более внимательно. Ни в одной стороне не наблюдалось живой твари из вражеского стана, ни из-за одного дома, открывавшегося его

зрению, не выглядывала оскаленная морда, ни одна костяная или разлагающаяся рука не поднимала оружие.

Ноги подкашивались от усталости, но необходимость держаться на них исчезла. Рухнув на колени, Правитель выдохнул:

— Отстояли!

Переведя дыхание — запрокинул голову и закричал в рассветное небо:

— Отстояли!!!

Из-за его спины со свистом вылетел на дозвуковой скорости какой-то мелкий снаряд и разорвался на высоте нескольких этажей золотым цветком. С разбитой мостовой императору махали Кейра и Нармиз с одинаковыми счастливыми улыбками.

Глава 9

Утром я застал Эрго улыбчивым, в меру спокойным — в общем, абсолютно таким же, каким он был в первый день знакомства. Настоящее лицо он проявлял, видимо, с частотой праздников на календаре. Или, того хуже, один раз на каждый визит нового соседа.

— Чай? — предложил он, заметив меня на пороге мастерской.

— Да, сейчас, — кивнув, я свернул к выходу из пещеры с намерением воспользоваться здешним санузлом.

В какой-то момент мозг осознал, что один из запретов снят: меня приняли, можно пользоваться потенциалом! — что было немедленно отпраздновано чисткой зубов нормальной щёткой с нормальной пастой вместо кусочков коры, принятых у местных жителей.

Задумавшись на эту тему, я сформировал основу для разговора.

— А в чём всё-таки смысл создания именно такого общества? Магия вместо науки, всеобщее равенство, отсутствие общей власти?

Уверенности, что с Эрго можно общаться так же панибратски, как, например, с Альденом, не было, поэтому вопрос прозвучал почти академическим тоном, как учителю в школе. Хитрый блеск глаз Эрго, однако, помог расслабиться.

— Ты думаешь, перечисленные черты являются продолжениями друг друга?

— Пожалуй, нет. Но… Даже не знаю, что меня удивляет больше.

Помешав чай в своей кружке, Эрго откинулся назад, к стене и предложил:

— Подумай. Это действительно интересно.

— Магия это мелочи, — стал я рассуждать вслух, — она есть буквально везде. Философия стихий уже интереснее, но, наверное, любая сформировавшаяся культура имеет что-то подобное.

Эрго с лёгкой улыбкой кивал, не соглашаясь ни с чем конкретным, но одобряя подход в целом.

— Магия, заместившая науку. Выполняющая её функции, и даже более. Абсолютный контроль природных процессов, защита от любых бедствий. Это очень, очень круто. Но…

— Но?

Я почувствовал, что добрался до сути:

— Это стазис! Да, магия обеспечивает полный комфорт проживания, но людям становится некуда стремиться. Они перекладывают на магические способности все сколько-нибудь серьёзные заботы и не развивают другие направления.

— А зачем что-то развивать, если и так всё работает? — подкинул вопрос Эрго.

— Затем, что перестают работать инстинкты самосохранения, — с жаром ответил я, седлая волну остаточных знаний с лекций в Лентане. — Есть социальные процессы, которые должны поддерживаться из поколения в поколение, ну, или чуть реже. И здесь всё сводится к тому, что — если появится какая-то проблема, неподвластная магам стихий, она уничтожит всё общество. Потому что нет механизмов, способных решить что-то без обращения к магии.

— Ты провёл в стихийной Общине не так много времени. Может, ты что-то не заметил и там всё-таки ведётся аналитическая деятельность? Или не там, а в неисследованной части страны?

Я замолк, борясь с новым аргументом, но, подумав, признал:

— Может, и так. У меня не сложилось такого впечатления, но это возможно. В этом случае… мои рассуждения несостоятельны.

— Когда-нибудь мы это выясним, — Эрго ободряюще улыбнулся и вновь опёрся на стол. — А пока займёмся насущным. Можешь начинать рассказывать, какую помощь ждёшь от меня.

Он взял с тарелки бублик и откусил от него, демонстрируя, что на некоторое время замолкает и внимательно слушает.

Мой взгляд тем временем остановился в пространстве. В голове не проскакивало ни одной серьёзной мысли, несмотря на то, что эта тема неоднократно прокручивалась и даже делались какие-то выводы и ставились заметки для будущего разговора. Вот этого, в котором я участвую в данный момент.

— Мне нужна военная помощь, — произнёс я через силу. Попытался поднять глаза на Эрго, но кружке рассказывать было гораздо легче. — Я оставил друзей в беде и они сейчас воюют вместо меня. То есть не вместо меня, а… Я больше не участвую, а они продолжают. И им надо чем-то помочь.

— Что требуется лично от меня? — поинтересовался Правитель, запивая бублик чаем. — Открыть тебе тайны мира, взять тебя в ученики, передавить твоих врагов в постелях, наделить союзников суперсилами?

— Ты всё это можешь? — осторожно уточнил я.

— Какая разница? Могу или нет — перечисленное имеет отношение только ко мне, но не к тебе. Вопрос ведь не в моих способностях, а в твоих потребностях, — Эрго бросил ироничный

взгляд. — Давай так. Раз ты не знаешь, чего хочешь сейчас, расскажи, чего хотел, когда шёл сюда.

Фраза «шёл сюда» имела несколько возможных значений и могла подразумевать что угодно. В моей голове она сходу приняла широкий смысл: путешествие началось задолго до ухода из Общины — в момент падения Киева. Ответ сам соскочил с языка:

— Найти союзников.

— Ага, — согласился Правитель. Поставил кружку. — Это проще всего.

Он с такой уверенностью поднялся из-за стола, что я поинтересовался:

— Они ведь не лежат у тебя под кроватью про запас?

— Нет, я предпочитаю спать один. Более того, избегаю делать за людей то, что они способны сделать сами.

Воспользовавшись тем, что он повернулся ко мне спиной, я не удержался и зажмурился, мысленно добавив пару ругательств. Что-то мне готовили, и шестое чувство подсказывало, что сюрприз окажется не из приятных. Тем не менее, пришлось вставать и идти следом — другой помощи ждать было неоткуда.

— Как ты оцениваешь свои способности к убеждению людей? — зайдя в библиотеку-кабинет, Эрго придержал полотно на входе, приглашая за собой.

— Ниже среднего, — сходу ответил я. — По крайней мере, среди Одиночек.

— А свою внушаемость?

— Ммм… это важно?

— Не знаю. А для тебя?

Изнутри эту комнату я ещё не видел, лишь мельком цеплял взглядом с кухни. Выглядела она как рабочий кабинет в том виде, какой нужен магу земли: не слишком большой письменный стол, позади него широкая деревянная доска для записей, похожая на школьную, три книжных шкафа, куча горшков в специальных подставках, часть с растениями, часть без. Света сюда проникало не так много, но на вбитом в потолок крюке имелась незатейливая свечная люстра.

— Допустим, найду я тебе союзников, — продолжил Эрго, копаясь в ящике стола. — Что ты будешь с ними делать?

Вряд ли Правитель Фор-Корста любил что-то больше словесных игр. Я задумался, подбирая слова:

— Если ты их назовёшь союзниками, это будет на чём-то основываться. На чём-то, что присуще только союзникам. И вряд ли ты не умеешь их выбирать. Так что — просто возьму их и поведу в бой.

— Далековато вести придётся, — с сомнением заметил Эрго. — Войны бывают очень, очень долгими.

— Хочешь сказать, союзники со временем могут превратиться в противников?

— Такое тоже возможно, — маг на секунду выглянул из-за стола для очередного, на этот раз серьёзного взгляда. — Людям свойственно менять убеждения, если их что-то не устраивает.

— Вряд ли это имеет смысл обсуждать сейчас, — я недоумённо пожал плечами.

— За одним исключением: заранее подумай, что ты будешь обещать им и чем удерживать возле себя.

В памяти всплыло собрание Одиночек и необычное выступление на нём Карса, и я согласно кивнул — больше самому себе, чем Эрго, по-прежнему закрытому столом.

Наконец, он нашёл нужный лист и поднялся. Прикрепил его уголками к доске, отошёл, подпуская меня ближе.

— Не самое интересное, что можно рассказать о нашем многострадальном мире, но тебе понравится.

— Да ладно?! — вырвалось у меня. — Ты серьёзно? Здесь есть второй континент, а о нём никто не знает?!

— Не совсем так. Рассказываю один раз, слушай внимательно. Готов?

— Да.

— За этими горами есть часть суши, где обитают люди, — Эрго обвёл занимавшую карту землю округлой формы, как выяснилось, не материк, а полуостров. — В нынешних условиях у твоих друзей нет и не было возможности узнать о ней. Местные относят себя к Мечтателям, но ни к кому более — ни к Правителям, ни к Одиночкам. Их там довольно много, и, хотя силами они обладают меньшими, чем другие, там определённо есть из кого выбирать, чтобы взять с собой на войну.

— Насколько меньшие? — уточнил я, разглядывая бесчисленные пунктирные многоугольники.

— Сильно меньшие. — Эрго указал на один из них: — Ты же не думаешь, что это размер полноценного государства?

— Феодализм? То есть надо собрать человек десять, чтобы они оказались сопоставимы с…

— Лучше не ставь себе таких ограничений, тем более что ты ещё ничего не видел собственными глазами.

Я кивнул. Спросил без особой надежды:

— Карту ты не отдашь?

— Конечно же, нет, — Правитель усмехнулся, без издевательства, но достаточно категорично. — Более того, она давно устарела.

— Ты как будто делаешь шаг навстречу и два шага назад, — заметил я.

— Ничего, это полностью укладывается в твои задачи. Ты же не скажешь, что самое важное здесь — политические контуры?

— Не скажу, — принял я подсказку, хотя и не был до конца уверен в своей честности.

Эрго хлопнул меня по плечу:

— Пошли, а то чай остынет.

— А сколько у меня времени на всё?..

— Сколько понадобится, — отмахнулся Правитель. — Как будешь готов отправляться, скажешь, и я тебя перемещу.

* * *

На лавке в мастерской я пролежал с пару часов: информация медленно устаканивалась и распределялась по сформулированным вопросам. Чем занимался в это время Эрго, неизвестно, но какие-то дела у него наверняка были.

Он вошёл на кухню, когда я наливал себе чай из только что созданного чайника. Удивился:

— Воспользовался бы моим, чего потенциал тратить.

— Мяты захотелось, — объяснил я. — Мало ли, ты её не любишь, не выливать же потом.

Хмыкнув, Эрго налил себе утренней заварки, разбавил тёплой водой. Я ненавязчиво следил за его действиями.

— А ты сам придерживаешься стихийной философии?

— Ты думаешь, я просто сижу здесь и изображаю мага земли на случай появления туристов? — улыбнулся Эрго.

— Значит, не только земли? — ухватился я за услышанное. Правитель кивнул:

— Люди разные приходят, и ищут тоже разное.

— Большинство, наверное, остаются у Огня и Воздуха, — начал я рассуждать вслух, — они располагаются ближе всего к материку. — Поправился под ироничным взглядом Эрго: — Ах да, ещё новая часть света… Значит, всё-таки поровну?

— На самом деле, нет. Если тебя клонит к конкретной стихии, ты не пойдёшь в другую всего лишь потому, что до неё ближе идти. Так что всё зависит от конкретных людей.

— А почему ты ждал меня здесь, а не в Общине огня? Или это ко всем относится и надо понять, что идти следует в другое место?

— Тоже по-разному. В первую очередь действительно надо понять, что тебе нужно. После этого по-разному складывается:

кто-то, как ты, может дойти сам, кого-то лучше встретить, чтобы проблем не было.

— Хм… то есть, сами стихии особой роли не играют? Интересно всё-таки, к чему я отношусь, к Огню или Земле.

Поставив кружку на стол, Эрго посерьёзнел и устремил на меня прямой взгляд:

— Ты Правитель. Ты уже стал им, так будь до конца.

Я невольно подобрался. Что-то в услышанном было от самодисциплины Нармиза, что-то от державной гордости прочих лидеров, и внутри возникло болезненное ощущение несоответствия. Последний раз, когда мысли обращались на себя как Правителя, а не кого-либо ещё, был, оказывается, непредставимо давно.

Поразмыслив на эту тему, я поднял глаза от стола:

— Думаю, теперь можно идти.

— Если задержишься на час-полтора, успеешь на обед, — Эрго чуть расслабился, но остался невозмутимым.

— Я узнаю за это время что-нибудь особенное?

— Зависит от тебя. Могу предложить несколько способов нарезки лука, — в глазах хозяина дома сверкнули искорки смеха. Я улыбнулся:

— Как-нибудь в другой раз. Переместишь меня?

— Конечно.

Вернувшись в мастерскую, я занялся оставшимся почти не разобранным мешком с принесёнными вещами. Накопленный по большей части уже в Фор-Корсте, он содержал одну вещь со времён княжества, самую крупную и дорогую, — кожаную броню, всё это время лежавшую туго свёрнутой в ожидании подходящего случая. Наверное, можно считать, что он наступил; по крайней мере, у меня понятие «феодализм» ассоциировалось в первую очередь с феодальными войнами. Натянув её поверх холщовой ученической одежды, я остался доволен: сочеталось оно довольно неплохо, да и на крестьянина я стал походить меньше. Давила непривычная тяжесть, да и под солнцем наверняка будет жарко, но в целом сойдёт.

В ожидании меня Эрго стоял лицом к панораме гор, если я не путал — именно в ту сторону, где мне предстояло оказаться.

— Не против, если мои вещи полежат у тебя до возвращения?

— Пожалуйста. — Повернувшись, он протянул руку: — Удачи, Маркус. Возвращайся победителем.

Прежде чем мозг отследил тепло его ладони, пещера исчезла.

* * *

Вперёд и назад от меня шла ровная мощёная дорога, по сторонам от неё тянулись, прыгая по холмам, пшеничные поля. Через несколько километров обещала быть деревня, далее виднелась ещё одна, а на одном из холмов стоял классического вида средневековый замок. Встречать меня никто не собирался, ну да и правильно.

Если где-то и можно встретить местного лендлорда, то скорее в замке, чем в деревне. Значит, пойдём туда. Хотя подождите, я ведь могу пользоваться потенциалом…

Мысли о том, какое средство передвижения создать, прервал стук копыт. Вскоре из-за ближайшей возвышенности появился в клубах пыли отряд всадников. Я напрягся: шлемы с рогами это ладно, такие и на Земле были, но в совокупности с чёрно-красными знамёнами и устрашающего вида чёрными мечами на боках у коней они выглядели как предвестье скорых неприятностей.

Решив дать неизвестным один шанс, и не больше, я подготовил образы для атаки и защиты.

Рыцари затормозили на безопасном — для них, в том числе, — расстоянии. Передний подъехал вплотную и бросил, не снимая шлема:

— Кто такой?

— Иду в замок. Хочу встретиться с хозяином этой земли, — в тон ответил я.

Как ни странно, этого оказалось достаточно. То ли наглость действительно второе счастье, то ли моя одежда не вызвала никаких подозрений.

— Вас проводить?

— Проводите.

Гужевой транспорт после пересечения Фор-Корста создавать не хотелось, но не тащиться же за ними пешком. Из облака серого тумана — господи, как я отвык от творения таких крупных объектов! — выехал серый конь, снаряжённый к поездке.

Отряд поскакал впереди, время от времени заботливо оглядываясь и проверяя, не отстаю ли. Странно всё это. Надо было проверить, не пластмассовые ли у них доспехи.

Замок оказался самым обычным, никаких тебе плах, дыб, колёс и прочих средств физического устрашения. Всё ограничивалось антуражем: ни на одной из самых грозных пик, торчащих из внешней стены в сторону предполагаемого противника, я не заметил ни тела, ни даже головы какого-нибудь несчастного.

Не то чтобы я в самом деле надеялся их увидеть, но меня

обуял жгучий интерес. Прежде чем договариваться с местными феодалами о чём-либо, необходимо выяснить, что они из себя представляют: не Одиночки и не Правители — а кто тогда? Судя по первым наблюдениям, до инферналов они тоже не дотягивали. Впрочем, и слава богу.

Аккуратный квадратной формы замок на холме и относительно ухоженная и развитая деревня у его подножья словно вывалились из компьютерной игры. Поверхностный анализ ощущений показал, что мне… скучно. Побывав в Новой Римской империи, Эльфийской республике, да даже Фор-Корст был таинственнее! — я не чувствовал здесь ничего, что внушало бы трепет и уважение, свидетельствовало о самобытности и культурных достижениях.

Через секунду после этой мысли ударил стыд: сказали же, что их возможности ограничены! Может, они и хотели бы, да не могут создать ничего сопоставимого по значению. Ну, замок и замок, чего я к нему прицепился? В самом деле хотел, чтобы первый встреченный феодал оказался психопатом-садистом?

На крохотном кусочке земли строиться не то же самое, что в полноценном государстве. К тому же, если достопримечательности станут на каждом углу возводить, на них на все скопом и плюнут. Нотр-дам воспринимался бы совсем по-другому, если бы был не одним из парижских соборов, а единственным культовым строением условной республики центральной площади Парижа, или где он там стоит.

Тем временем во двор, где мы с отрядом, не спешиваясь, ждали, из внутренних помещений замка вышел коренастый парень лет семнадцати с короткими светлыми волосами в незастёгнутом расшитом халате поверх домашних штанов и голого торса. Прищурившись на солнце, он сплюнул и приблизился. Произнёс, чуть наклонив голову набок:

— Я тебя не знаю.

Судя по тому, как рыцари без малейших раздумий склонили перед ним головы, он-то и был мне нужен.

— Да, я здесь новенький. Появился, как оказалось, на твоей территории, решил зайти познакомиться.

— А цель? — прямо спросил феодал.

— Просто познакомиться. — Спешившись, я сократил расстояние. — Я здесь ничего не знаю, поэтому надо кого-то расспрашивать. В принципе, не навязываюсь, если хочешь — поеду дальше.

— Ну, если так, то заходи. Как тебя? — парень протянул ладонь.

— Маркус.

Хотелось добавить что-нибудь про княжество, раз уж появился повод, но я промолчал.

Парень театральным жестом развёл руки, словно обращаясь к толпе, и рыцари, а также остальные, кто в этот момент находился во дворе, слитно прокричали:

— Слава Примарху, властелину тёмной стороны и повелителю Чёрного предела!

— Вот так надо, — со смешком прокомментировал парень.

— А почему не что-нибудь попроще?

— Сам себя не похвалишь — никто не похвалит, — Примарх хлопнул меня по плечу и направился обратно в замок. — Пошли, ты как раз к завтраку.

* * *

Впервые за долгое время я увидел факелы как средство освещения. До того, кажется, в римской тюрьме, где они помогали создавать мрачную угнетающую атмосферу. Хотя в княжестве тоже было пару раз — обычно использовались масляные лампы, но это в домах, а уличная стража не пренебрегала и ими.

Однако в гостиной, небольшом круглом зале с лёгким ступенчатым понижением от краёв к середине, всё было цивилизованно: под потолком горела хрустальная люстра с порядка сотней свеч, которой с лихвой хватало на несколько диванов, кресла у стен и разномастные столы. Часть предубеждений относительно бескультурности местных жителей сразу исчезла.

К слову, на завтрак нам принесли исключительно домашнее — то, что можно было изготовить с квазисредневековым оборудованием. На вкус это никак негативно не повлияло, только усилило вхождение в роль аутентичного дворянина, но наблюдение было интересным: в своё время я изредка баловался, создавая что-то, запомнившееся по старому миру и не воспроизводимое здесь.

— Ну что, нравится, как мы живём? — поинтересовался Примарх, наливая себе воду из огромного чайника в чуть менее огромную кружку, которая, по-видимому, считалась чайной. Забавная тенденция, с учётом обычной посуды Илиаса и полулитровой Эрго.

— Да как-то ничего особенного, — я пожал плечами, провоцируя его на рассказ.

— А ты сам чего хочешь? — сделал обратный манёвр хозяин.

— Как все, — переключившись на свой чай, я изобразил размышления. — Нельзя же решать что-то, не зная, как тут в целом всё устроено.

— Но что-то ты ведь должен знать. Жить это одно, воевать — другое, всё вместе — третье.

— Допустим, третье. Что для этого надо?

— Выбрать место где-нибудь поблизости и поселиться, — Примарх пожал плечами, — а война тебя сама найдёт.

— Так а с кем воевать-то?

— Э, найдётся, с кем! Для начала надо отгрызть кусок земли у кого-то, кто занимает понравившееся место. Как разберёшься с ним, можно будет думать дальше: или выгонять его совсем, или расширяться в другую сторону.

— Ах да, дефицит земли, — вспомнил я. — Хотя не думал, что всё оформлено так просто.

— А чего такого? — удивился Примарх, похоже, искренне. — Нормальный процесс, ничего особенного.

— Ладно, а если я не хочу воевать?

Феодал чуть поскучнел:

— Ну, тогда тебе куда-нибудь на побережье. Там всегда можно найти свободное место, а драться особо не с кем.

— Что, так мало людей выбирают мирное сосуществование? — улыбнулся я.

— Не столько не с кем, сколько не за что, — поправился Примарх. — Даже если припрёт — ну, отвоюешь такую же скалу, как у тебя. Или кусок пляжа вместо скалы. И ничего не поменяется.

— А захватить всё побережье, раз там одни пацифисты? — я начал расходиться, давая волю фантазии. — У меня тактическое преимущество, значит, они не успеют подготовиться. Зачищу весь район, создам береговое королевство, начну на появившиеся ресурсы строить флот…

— Остынь, — скривившись, Примарх махнул рукой. — Живут себе люди и живут, не мешай.

— Так ведь люди везде живут?

— Туда они специально идут, чтобы им не мешали, — феодал отхлебнул чаю. Помолчал, раздумывая. — Хочешь непрекращающейся войны — иди в империю, там таких с распростёртыми объятиями ждут. Вот там и оторвёшься.

Я стал загибать пальцы:

— Значит, есть обычная местность, где много народу и идут постоянные стычки из-за территории. Есть побережье, куда уходят пацифисты жить в своё удовольствие. Побережье не черноморское, кстати?

— Нет, — засмеялся Примарх, — скорее, питерское. Хотя тёплые места тоже есть.

— И есть империя, в землях которой есть место только войне.

— Эй, это у нас есть место только войне! — поправил феодал.

— В смысле?

— А, ладно, забей, — он махнул рукой с тенью разочарования в голосе.

— Местный фольклор? — предположил я.

— Типа того.

— Ладно. Так и что за империя? Чем она отличается от остальных, как вообще выглядит?

— Знаешь, что такое клуб исторического фехтования? — поинтересовался Примарх.

— Допустим.

— Вот он и есть. Собираются любители понагибать окружающих на предмет земли и ресурсов, учатся воевать, а потом устраивают тур по окрестностям.

— Больше на кочевую орду похоже, — заметил я.

— Ну, они называют себя империей, — безразлично пожал плечами феодал.

— А другие их как называют?

Вопрос вылетел на автомате, и в момент, когда Примарх разлепил губы, я уже знал, что услышу. По крайней мере, представлял. Характеристика самоназванной империи оказалась объёмной и звучала очень проникновенно — верилось, что её давали в сердцах люди, в той или иной мере пострадавшие от набегов.

Предсказуемость ситуации не испортила её комизма, так что мы оба в голос рассмеялись.

* * *

— Прибыл Вожак, господин.

— Отлично. — Примарх кивнул на согнувшегося в поклоне слугу, обращаясь ко мне: — Это мой мажордом. Зовут, как ты догадываешься, Жора.

— А почему не мажор? — поинтересовался я.

— Жорик, что ты об этом думаешь? — переадресовал вопрос Примарх.

— Я живу, чтобы служить моему господину, — смиренно отозвался мажордом.

— Вот поэтому. Как сказали, так и зовётся. Свободен.

Из коридора послышались голоса, видимо, Вожак

направлялся прямо сюда. На всякий случай я спросил:

— Мы друг другу не помешаем?

— Нет, — усмехнулся хозяин, — он здесь живёт. Не всё время, но большую его часть.

— Он один из нас, правильно?

— Ага. Но обитается у меня: так проще и ближе, а в свою берлогу уходит когда приспичит одному побыть.

В дверь вошёл высокий худощавый парень, от вида которого моя рука с чашкой замерла на полпути. Тёмные волосы до плеч, косуха со множеством заклёпок, кожаные штаны, высокие ботинки, даже заплечная сумка, удерживаемая за одну лямку, на манер торбы — я как будто на секунду вернулся в старый мир.

— Фух, добрался, — объявил Вожак. Пройдя мимо меня, бросил сумку у одного из диванов, разлёгся на нём и с наслаждением потянулся.

— Это Маркус, это Серый, — отрекомендовал нас Примарх. — Он у нас новичок, пришёл набираться опыта.

— А, это дело хорошее, — Вожак приподнялся, дотянулся пожать мою руку. — Как тут у вас, о чём говорите?

— Про деревню рассказывал, которую из-за тебя вчера спалили, — едко ответил хозяин, хотя мы обсуждали совсем другое. Про деревню я слышал первый раз.

— Да блин, я же не виноват! — возмутился парень. — Одну линию держать, вторую держать. Ну, спалили одну деревню, не разорваться же мне.

— Разорваться тебе твои товарищи, если что, помогут, — хохотнул Примарх. Серый тем временем продолжал кипеть возмущением. — Ладно, сейчас посидим и начнём сверку делать, там всё видно будет.

— Как сверку? Сегодня какое число?

— То самое. Что, опять продолбал?

— У-у-у, — схватившись за голову, Серый откинулся на диван. Примарх передразнил его, изобразив волчий вой. — Не, Прима, я со смены, пока не отдохну — никаких сверок.

— Да отдыхай, никто тебе не мешает. Но сверку всё равно будем делать.

— А что за смена? — присоединился я к их обсуждению.

— На линии стоять, — ответил Серый, — защищать базу. Точнее, на скольких понадобится, на стольких и стоять. Мы с ним по очереди выходим, чтоб не напряжно было.

— Злые соседи? — понимающе кивнул я.

— Скорее, очень добрые. Чрезмерно, я бы сказал, — вставил Прима, не внеся, однако, никакой ясности.

— Два через два, как обычная работа, — добавил Серый. —

Платить не платят, но зато скучать не дают. И уволить не могут.

— Я тебя сам уволю, шкура, — пригрозил Прима, — пока из-за тебя замок не спалили.

Сопроводив соответствующим устным посылом, тот запустил в него диванной подушкой из-под головы. Хозяин дома в долгу не остался, и следующие пару минут я наблюдал за их шутливой баталией, следя, чтобы ничего не прилетело в меня.

Расслабляться ребята явно умеют. Вот бы ещё посмотреть их в работе.

— Ну всё, хватит, — выдохнул Прима. — Хватит, я сказал! Я пока к себе, чуть позже вернусь. Можешь показать ему своё крыло или снаружи поводить.

— Лучше крыло, — решил Серый, — оно внутри и ходить особо не надо.

Крыльев, по-видимому, было ровно два, на каждого проживающего феодала. Из гостиной вели три двери, одна из которых была противопоставлена остальным и выходила в главный коридор. Прима вышел в левую, значит, Серый предположительно жил справа.

— Почему он называл тебя Вожак? — полюбопытствовал я.

— Я здешними оборотнями руковожу, — подтвердил догадку феодал. Потянулся к столу, набрал в свободную миску жареной картошки с мясом. Я хотел оставить его на некоторое время в покое, но еда не стала препятствием для разговора. — Что-то типа кавалерии, только гораздо круче. И с другими войсками не спутаешь.

— Значит, вы с Примархом воюете на одной стороне.

— Прима он и есть Прима, — Серый махнул рукой. — Ну да, мы с ним уже давно знакомы, так что решили объединиться и вместе решать проблемы.

— Это хорошо, — честно сказал я, — а то поначалу сложилось впечатление, что здесь не до эмоций, за всё надо биться.

— Ну так мы и бьёмся. Ничего не поменялось, просто чуть проще.

— Вы изначально были рядом?

— Не-е-е, — протянул Серый, — какой там. Целую операцию проворачивали! Договорились с моими бывшими соседями, что я уйду, они разделят освободившуюся землю, а взамен дадут своих войск. Потом договаривались о проходе для них к Приме, и уже отсюда расширялись, выдавливая одного из местных.

— Но вам всё равно общую границу охранять, получается.

— Было бы что охранять, — ухмыльнулся Вожак, — я там всё лесами заставил. И противопожарную систему наладил. На них

посмотрели — и плюнули: неохота возиться. Я сам не нападаю, ну так и фиг с ним.

— Значит, агрессивный сосед с другой стороны находится?

— Какой? Что за агрессивный сосед? — недоумённо нахмурился феодал.

— Ну, которого вы обсуждали. Он ещё деревню спалил.

— А! — Серый тут же расслабился. — Так он нормальный. Деревня это так, ничего особенного. Он чуть позже подъедет, скоро сам его увидишь.

От неожиданности у меня кусок печенья попал не в то горло. Прокашлявшись, я уточнил:

— Вы понарошку воюете, что ли?

— Ну, не так чтобы… Скорее, не в полную силу.

Едва уложившаяся в голове информация грозила подвергнуться ревизии.

— А все остальные войны здесь настоящие или такие же?

— Самые настоящие, — успокоил меня Серый. — Это как тренировка: схватываясь между собой, мы не теряем навык и потом гораздо эффективнее отбиваемся от желающих поживиться нашим добром.

— Вдвоём отбиваетесь? Или втроём?

— Как нужно будет. Можно вдвоём, можно Царевича добавить. Компанией, оно всё веселее.

Обмозговав услышанное, я вернулся к недоразобранным темам:

— Что за империя такая, про которую говорил Прима? Что там за люди, есть смысл туда подаваться?

Вожак задумался:

— Если хочешь, тебе, конечно, никто не запретит. Но у нас их не любят.

— В вашей компании?

— Не, во всей округе. Империя это те, от кого больше всего неприятностей. Они приходят раз в несколько лет и пытаются расшириться за наш счёт. А мы все объединяемся и защищаем территорию. Иногда они отхватывают, иногда мы. По-всякому бывает.

— Территорию отхватывают или кренделей? — уточнил я.

— Да какая разница. Короче, останешься здесь — будешь воевать против них. Пойдёшь туда — будешь воевать против нас. Никакой, в сущности, разницы.

— И тебя не напрягает, что я могу сейчас уйти и потом явиться сюда с армией? — удивился я. Серый пожал плечами:

— Дело твоё. Мы-то, думаю, отобьёмся.

— Но, может, и нет. Тогда я могу отгрызть у вас кусок земли,

а вам придётся или потесниться, или искать другое место.

— Тогда и будем думать, — философски ответил Вожак. — А пока отдыхай и ни о чём не волнуйся.

* * *

Третьего феодала я вышел встречать на улицу, предварительно заручившись словами Серого о том, что ходить можно везде, куда пускают; куда нельзя, туда и не пустят. Мне понравилось общаться с ними раздельно: так разговор шёл гораздо более последовательно, а информация приобретала личный характер. Заодно время до встречи можно было потратить на уединённые размышления.

Замок занимал центр крепости, между входом и главными воротами находились внутренний и внешний дворы. Всё остальное пространство, как мне вежливо сообщили караульные, относилось к закрытому для посетителей. Зато разрешалось выходить наружу, если возникнет желание исследовать укрепления с расстояния.

Знакомиться с обслугой, занятой во дворах, я не стал, отправившись вместо этого на стену. Впереди открывалась всё та же сельская пастораль, не имевшая никакой связи с разговорами о постоянных боевых стычках. Не скрываются ли военные базы с задней стороны, куда мне предпочли не пускать? Вполне возможно.

В целом, новые знакомые вызывали у меня смешанные чувства. С одной стороны, они выглядели достаточно серьёзными, с другой, как будто не использовали эту серьёзность девяносто процентов времени. Делать выбор в пользу кого-либо из них я был совершенно точно не готов, не из-за антипатии, а просто потому что не до конца владел ситуацией.

— Едут, едут! — закричали на башне. Сообщение подхватили снизу. Приглядевшись, я тоже заметил появившуюся на дороге процессию. Она представляла собой строгую антуражную противоположность тому отряду, который встретил меня ранее: бело-розово-голубая гамма во всём, включая лошадей, сверкающие на солнце доспехи, вместо устрашающих декораций — украшения из птичьих перьев.

— Едут! Открывай ворота!

Я успел переместиться во внутренний двор, ожидая, что прибывшие заедут сразу в него, как в случае со мной, но они спешились заранее. Рыцарь в самых ярких, покрытых эмалевой росписью латах снял шлем и неожиданно направился сразу ко

мне. Лет шестнадцать-семнадцать, среднего роста, русые чуть вьющиеся волосы разделялись косым пробором.

— Это ты тот сюрприз, который мне обещали? — весело спросил он.

— Скорее всего, — мы сходу пожали руки, и я добавил: — Маркус, новичок.

— Царевич, можно просто Царь. О титуле даже не задумывайся.

— Мне казалось, они вам нравятся, — усмехнулся я.

— Брось, это для публики.

Феодал собрался бы войти в замок, но я мягко задержал его:

— Подожди, нас попросили погулять здесь. Прима к чему-то там готовится.

— К сверке, небось, — кивнул Царевич, легко поверив в сказанное. Вернулся на прежнее место, прищурился на солнце. — Если к тебе придут и скажут: «пошёл вон отсюда, наш солнцеликий повелитель, владыка закатных земель, дважды император тридесятого царства желает здесь обосноваться», — тебе придётся выдать что-нибудь не менее пафосное, чтобы они поняли, с кем имеют дело. А если сказать: «Я Вася, всегда здесь жил и буду жить дальше», — тебя пошлют далеко и надолго. Потому что Вась полно, а солнцеликий владыка — один. Затем и нужны титулы.

Мне пришло в голову, что этот блондин немного напоминает манерой общения другого знакомого, Карса.

— Не задумывался. А что за сверка?

— Результаты наших боёв за лунный период. Я их хорошо в этот раз отделал, будет на чём поучиться.

— Один — двоих? — удивился я.

— Так мы же по правилам, — объяснил Царевич, — естественно, они вдвоём сильнее меня. Но на поле выставляется определённое количество солдат с каждой стороны, и я руковожу один, а они по очереди. Никакой разницы, по сути. Ещё вопрос, кому легче: я, конечно, без отрыва работаю, зато им надо постоянно между собой координироваться.

— Вон оно как. Понятно. — Я решил проверить информацию: — К войне с империей, небось, готовитесь?

— Ты про неё уже в курсе, да? С империей, с пришельцами, с кем понадобится. Развлекаемся, в конце концов, чтоб без дела не сидеть.

— Ха.

— Про пришельцев я, если что, серьёзно. В смысле, про людей, горящих желанием стать новыми соседями для твоих. Появляются не пойми откуда, нападают на тебя, на компромисс,

как правило, не идут. За то и получили прозвище.

— Серый, насколько я знаю, тоже таким был.

— Ну, там дело другое, — с лязгом развёл руками Царевич. — Там налицо общественный договор и попытка мирного урегулирования.

— А с империей такого не может быть?

— Увы, — феодал вздохнул. — Её можно считать фракцией, подбирающей всех избегающих самостоятельного существования. И то ли эти люди сами по себе такого склада, то ли у них внутренние конфликты приходится закрывать внешними, но империя циклически входит в стадию агрессивного роста и поглощает соперников до тех пор, пока раздрай внутри не совпадёт с ударом снаружи и не придётся откатываться обратно. Я понятно объясняю?

— Вполне, — кивнул я. После лекций Веалена меня такими вещами было не испугать.

— Можно сказать, по этому циклу работает всё пространство Доменов, не только империя…

— Доменов?

Царевич обвёл рукой двор:

— То место, где ты находишься. Исторически сложилось. Домен это единица территории, принадлежащая одному Мечтателю.

— Понял. Так что там?

— Цикл империи, как я уже сказал, это расширение-сжатие. Первая стадия — все ссорятся между собой и делят имеющееся. Вторая — появляется сильный лидер и прекращает внутренние конфликты. Третья — он ведёт всех за новыми землями. Четвёртая — нарастание совокупного давления, в результате чего война проигрывается, а лидер уходит, сам или с чьей-то помощью. И так по кругу. Там много нюансов, но суть в этом. Все остальные живут с оглядкой на империю и потому действуют примерно в том же цикле: когда империя слаба, все творят что хотят, когда начинается новая война — постепенно объединяются. И после победы распадаются обратно.

Я кивал, поглощая знания. Спросил:

— А побережье? Прима говорил, что есть ещё такая группа.

— Фракция отшельников, — поморщившись, Царевич с новым лязгом махнул рукой, уже пренебрежительно. — Нормальные люди есть всегда и везде, но если брать целиком — они ничем не лучше империи: та агрессивная, а эти пассивные. Пользуются тем, что находятся на самом краю и до них никогда не добирается, и на все просьбы о помощи — если ты не знаком с кем-то лично, конечно, — отвечают в духе «ваши проблемы, сами

и разбирайтесь».

— Но ведь побережье с трёх сторон, — осторожно заметил я, вспоминая карту Эрго. — Как до них могут не добираться? Кстати, и где эта империя?

— Ща всё будет.

Вслед за Царевичем я пошёл во внешний двор. Коней оттуда успели увести, но несколько грозных окриков и команд в считанные минуты переместили свиток из седельной сумки в руку владельца.

— Побережья-то много, но историю пишут те, кто дольше живёт, — пояснил феодал, поддевая тесёмки и раскатывая карту на ближайшей стене. — А те новички, которые плюют на всё и селятся неподалёку от империи, либо через несколько лет включаются в её состав, либо, учитывая, что мы имеем дело с эскапистами, пропадают. Могут всплыть потом на другом конце Доменов, забрав ту скалу, на которую гарантированно никто не претендует. Могут всплыть где-нибудь в море, на радость рыбам.

Хихикнув, я всё же заметил:

— Жестоко.

— Ты когда-нибудь пытался объяснить что-то человеку, который не хочет тебя слушать? — осведомился Царевич.

— Даже когда их предупреждаешь о смертельной опасности?

— В первую очередь! Согласно их идеологии, люди взаимодействуют только когда им что-то нужно друг от друга. И когда уговариваешь кого-то выбрать другое место для поселения, они слышат в этом «уйди, это хорошая земля, я хочу, чтобы ты её лишился», — Царевич сделал большие глаза. — И самое смешное в этом то, что я абсолютно серьёзен.

— Да уж.

Империя занимала порядка четверти полуострова в северо-восточной и восточной частях, отделяясь от северного побережья небольшой полоской занятой другими земли. Помимо неё других сопоставимых по размерам образований не наблюдалось, лишь на юге жалась к горам область примерно с пять-семь обычных «клеточек».

— Мы вот здесь, — Царевич ткнул пальцем в западную часть. Я нашёл взглядом полностью закрашенный зелёным многоугольник; по-видимому, именно там находился Домен оборотней. Удобно для ориентирования.

Феодал прочертил линию с севера на юг чуть левее центра:

— В последний раз империя дошла вот сюда. Вот здесь и здесь мы их разбили, после чего понесли обратно. В принципе, если так судить, любой кризис это время для развития, абсолютно любой. Многие неплохо расширились на оставленных империей

территориях, а некоторые даже поменяли место жительства.

— Бывшие хозяева, небось, разозлились?

— Не без этого, — усмехнулся Царевич. — Те, кто выжил после нашествия, конечно. Тоже маленький цикл.

— Всё-то у тебя циклами измеряется, — поддел я. Он назидательно поднял палец:

— Циклы это мелочи. Главное — система!

— Которая?

— Вся!

— Кончайте снаружи болтать, нам тоже интересно! — донёсся до нас крик незаметно появившегося на пороге замка Примы.

— Чего ты там не слышал? — весело отозвался Царевич. Свернул карту, хлопнул меня по плечу: — Потом дам скопировать, если напомнишь. Пошли, поедим хоть.

Феодалы обнялись и двинулись в гостевую, короткими обрывочными фразами обсуждая что-то понятное только им. Я тихо шёл сзади, думая о своём.

Задумка с тремя обособленными разговорами сыграла и благодаря этому картина начинала проявляться.

— О, Царевич! — обрадовался Серый. Он лежал на прежнем диване, но за время моего отсутствия успел переодеться в лёгкую домашнюю рубашку, оставленную незастёгнутой, и хлопковые штаны; всё, разумеется, в серых тонах.

— Царь, просто Царь, очень приятно, — откликнулся тот. Они тоже обнялись, и все трое расположились на явно излюбленных местах: Серый на диване, Прима и Царевич в креслах, — образовавших практически правильный треугольник. Противоборствующие тёмные и светлые силы, возглавляемые ими, остались за стенами замка, до следующей игры, и никакого влияния здесь не имели.

Сев туда же, где и был, я оказался напротив Примы.

— Ну что, готовы к труду и обороне? — поинтересовался Царевич, одновременно делая рывок и отбирая у снующих тенями слуг блюдо с наполовину съеденной копчёной курицей. Девушка, нёсшая его, ойкнула от неожиданности, услышав рядом с собой железный скрежет. — Я прикинул, они вам явно не помешают.

— Что-то ты разошёлся, — заметил Прима, занимаясь чайником. — Забыл, что по очкам всё равно я веду?

— Пускай веселится, — поддержал напарника Серый, — в прошлом периоде я его разделал — теперь его очередь.

— Вы ещё и очки по отдельности замеряете? — присоединился я к разговору. — А в чём их смысл?

— Мы же не просто так, от балды, по территории бегаем, —

объяснил Царевич. Ухмыльнулся: — Ну, ладно, даже если так. Во-первых, нужно подсчитывать результаты периода, кто сколько потенциала потратил, как эффективно. Кто выиграл, в общем. Во-вторых, эта статистика потом обрабатывается и архивируется, чтобы в случае чего можно было посмотреть, например, какие виды войск против кого лучше, какие задумки тестировались, а какие ещё нет.

Слушая его, я вспомнил сразу два вопроса, имеющих определённый вес как применительно к Доменом, так и в общем.

— О, это интересно. Вы умеете рассчитывать потенциал?

— Конечно, как и все цивилизованные люди, — феодалы усмехнулись; видимо, шутка относилась к какой-то внутренней теме. Царевич продолжил: — Объём потенциала у всех разный, поэтому работают так. Весь доступный тебе объём делится на количество самых обычных людей, селян, которых ты можешь создать. Получается математическая единица…

— Что за угар? — вклинился Прима. — Давай лучше я. Короче, объём, необходимый для создания одного рядового человека…

— Не рядового, — возразил Царевич, — а гражданского. Мало ли, какого рядового он сделает.

— Ладно, гражданского! В общем, это и будет единица. Чем больше деталей ты к нему прикручиваешь, тем больше требуется энергии. Пехотинец — ноль-пять примерно: если крестьян ты можешь склепать условно десять тысяч, то пехотинцы сильнее и их получится только пять тысяч. Всадник — ноль-три, там ещё лошадь. Ну, и так далее.

— То есть смысл в том, чтобы взять верхнюю… то есть нижнюю величину, и от неё отмерять всё остальное? — уточнил я. — А сколько здесь обычно потенциала имеют, минимум и максимум? Есть статистика?

Феодалы переглянулись. Царевич за всех ответил цитатой:

— Статистика есть, только я вам её не покажу, у вас документов нету.

— Понятно, — не стал настаивать я. Задумался, вспоминая второй припасённый вопрос. — А как в этом плане устроена империя? Там какие-то другие законы действуют или…

— Или, — снова отозвался Царевич, успев чуть раньше Серого. — На территории империи нет законов.

Засмеявшись, феодалы подались вперёд и слитно хлопнули в шесть ладоней над столом, на мгновение образовав «солнышко». Судя по идеальному попаданию и достаточно чистому звуку, это тоже был один из местных видов командного спорта.

— В империи такая же сборная солянка, как и по другую

сторону границы, — пояснил Прима. — Живут они, конечно, по-своему, но война происходит точно так же: бояре собирают ополчение, объединяются и под единым командованием начинают поход на запад.

— Не путай его, — поправил Царевич, — нет там никаких бояр. Это так, для простоты понимания.

— Бояре — те Мечтатели, которые ассоциируют себя с империей, так? — уточнил я. — И какой союз быстрее распадётся, тот и проиграл?

— Ага.

— Надо же, — я почесал подбородок. — Интересно было бы посмотреть на них. Я привык совсем к другой модели войны…

— А мы знаем, — вдруг заявил Серый. А затем феодалы снова ударили в ладоши, повергнув меня в ступор.

Прима первым загоготал над моим ошалелым лицом. Сообщил:

— Ты Правитель.

— Но как?..

— Элементарно, Ватсон. Уж их-то отличать мы умеем.

Приведя мысли в более-менее стройный порядок, я отследил, что атмосфера изменилась. Нынешняя чем-то походила на игру «Что? Где? Когда?», где команда из трёх знатоков соревнуется против одинокого телезрителя.

— Только вы трое или вообще все? — спросил я.

— Думаю, мы трое, — непринуждённо ответил Царевич. — Хотя гарантировать ничего нельзя.

— Чем ближе к империи, тем чаще появляются Правители, — добавил Серый, — их туда явно тянет.

Сделаем заметку на будущее: в империю стоит наведаться, там есть какие-никакие перспективы.

Я заглушил волевым усилием панические позывы. Наклонился вперёд:

— Вы можете перечислить всё, что знаете о Правителях? У меня есть определённые задачи, и это важно для их выполнения.

— Выдернуть кого-то и забрать с собой, — кивнул Серый. — Обычно при этом обещаются безграничные возможности и море приключений.

— Ну… в какой-то мере, — осторожно согласился я. — Думаешь, это плохо?

Вместо него ответил Прима:

— Представь, что ты перемещаешься в другой мир. Тебе обещают райское наслаждение и кучу единомышленников. А по приходу — либо тебя встречает начавшаяся война с империей, либо надо искать уголок, где можно приткнуться для более-менее

нормальной жизни. И его вдобавок надо отбить.

— Если не хочется, можно и не отбивать, поселиться где-то поодаль, — возразил я, используя свежеполученные знания.

Между тем в первоначальные предположения о тактике привлечения союзников совершенно точно требовалось вносить коррективы. Как-то я, привыкнув к реалиям сообществ Правителей и Одиночек, не учёл, что где-то условия жизни могут быть ещё хуже.

— Райское наслаждение собственными руками и соседи-дебилы, — язвительно прокомментировал Царевич. — Лучше уж война.

— Вам не угодишь. Ну, ладно, допустим, всё так плохо. Тогда в чём проблема собраться и пойти в другое место?

— Ты не понял, — Серый пристально посмотрел на меня. — Один раз нам уже пообещали невыполнимое. А потом приходят люди и обещают второй раз. Ты бы согласился оставить обжитое место и уйти неизвестно куда?

— Непосильным трудом, — вставил Царевич. — Иногда — не только своим.

— Всегда есть кто-то, кому не нравится его окружение и кто готов идти дальше, — рассудил я.

— Только таких почему-то никогда и не берут, — отбил Прима. — Они и здесь-то никому не нужны, а там и подавно. Забирают всегда лучших. Слушай! — он подался вперёд и предложил, чуть понизив тон: — Я тебе дам координаты, попробуй увести одного…

Остальные феодалы заржали, оценив юмор. Я тоже улыбнулся, но веселиться стало не так просто, как полчаса назад. Озвучил новый довод:

— Если Правители откуда-то приходят, значит, куда-то и уходят.

— Ну да, спускаются с гор, — пожал плечами Прима. — Там тоже делать особо нечего, слишком уж напоминает уход на побережье.

— Я не о том. За горами тоже полно пространства. Почему вы думаете, что там обязательно хуже?

— Уж не знаю, как они преодолевают барьер за горами, — ответил вместо него Царевич, — но если бы за ним было лучше, оттуда не приходили бы в поисках подмоги, это точно.

На это мне ответить было нечего, и я оборвал разговор, склонившись над очередным чаем и плошкой печенья.

Феодалы тоже молчали, переключившись на еду, но спустя некоторое время Царевич откинулся в кресле и довольно похлопал свой доспех напротив живота:

— Отлично, первый голод утолён, можно и о делах подумать.

— Я всё ещё отдыхаю, — отозвался Серый.

— Ну ладно. Пока ты отдыхаешь, пойду чугуний поставлю. Маркус, прогуляешься со мной?

Без особого энтузиазма кивнув, я последовал за ним в коридор.

— Да не расстраивайся ты так, — Царевич на ходу положил руку мне на плечо, заодно дав оценить вес доспеха, — ты же только что прибыл.

— Дело не в этом. Я и не рассчитывал найти кого-то в первый же день. Но вы мне рассказали столько, чтобы заподозрить проблемы на всём пути. Понятно, что это всё ваши субъективные мнения, но… планка запросов повышается. Вы хорошие люди, но мне теперь надо искать тех, кто ещё лучше.

— Хм… Ты мне сейчас подкинул идею.

Дойдя до конюшни, Царевич снова достал из сумки карту. Передал мне, жестом подозвал помощников.

— Вот, скопируй себе и разверни передо мной.

Составив образ, я «достал» из первого свитка второй такой же, убрал оригинал на место. Пока разбирался с тесёмками, поинтересовался:

— Скажи хоть без цифр, у вас действительно мало потенциала? Или это просто традиции, что все обеспечивают себя самостоятельно?

Царевич в это время стоял в позе витрувианского человека, помогая слугам снимать с него по частям доспехи. По его лицу проскочила гримаса, но он всё-таки ответил, довольно твёрдо:

— Традиции всегда следуют за объективной реальностью. Не знаю, на какие объёмы ориентируешься ты, но да, брать на себя чужие траты потенциала здесь принято только между очень близкими людьми. Без обид.

— Разумеется, — кивнул я. Развернул карту в нужном положении.

— Вон там, — кивнул Царевич в её направлении, — как я уже говорил, мы. Если пройти два домена наверх, на третьем выйдешь к заливу, там живёт мой друг. Даже если не найдёте контакт, думаю, вам будет интересно пообщаться.

— Спасибо. Ходить по ориентирам гораздо проще, чем блуждать. — Я присмотрелся к нужному сектору: — А залив не считается побережьем?

— Считается, но, как мы обсуждали ранее, нормальные люди есть всегда и везде.

— То-то тебе не жаль отправить его со мной, — усмехнулся я. Царевич пожал плечами, помешав этим одному из слуг, но не

обратив на это никакого внимания:

— Он достаточно самостоятелен, чтобы решать такие вещи адекватно. Ты мне тоже нравишься, так что не вижу проблемы в том чтобы познакомить вас. — Подумав, он добавил: — Может, хоть он вернётся и расскажет, что это за край Правителей.

— Оттуда никто не возвращался? — удивился я.

— В том-то и дело. Настоящее поле чудес. Или остров дураков, как посмотреть.

Все доспехи оказались сложены в стороне, и Царевич с наслаждением потянулся. Снял поддоспешник, подставил ветру голую грудь. Перевёл довольный взгляд обратно на меня:

— Солнце высоко, если выйдешь сейчас — доберёшься ещё до темноты.

— Уже прогоняешь?

— Ни разу, — Царевич повёл рукой в сторону замка. — Мы, может, по твоим меркам и ютимся в халупах, но место переночевать всегда найдётся. Я тоже сегодня остаюсь здесь. Так что решай сам.

Взвесив за и против, я всё-таки выбрал дорогу. Здесь меня ждали веселье, немного информации в дополнение к полученной, и только. Между тем союзники меня интересовали больше.

— О ребятах не волнуйся, — сказал напоследок Царевич, — я передам, что ты попрощался и с ними.

Да, с таким уровнем командного взаимодействия — было в высшей мере наивно разделять их для разговоров и надеяться, что это останется незаметным.

* * *

Ни лошадь физически, ни я морально не успели устать к моменту, когда путь подошёл к концу. Границ или каких-то других признаков разделения территории не было в помине, ничья стража внимания не проявляла. Лишь промелькнули по разным сторонам дороги два невыразительных замка и несколько деревень, и ветер приобрёл новые оттенки, свидетельствующие о близости моря.

Преодолев очередной холм, я оказался над покрытым крупной тёмной галькой берегом. Лучи заходящего слева солнца делали камни почти чёрными, зато серые скалы, нагромождённые чуть правее геометрического центра залива, наоборот, высвечивались и отливали золотым. На скалах примостился, так же не обделённый солнечным светом, небольшой замок. Специалистом по фортификации я себя, понятно, не считал, но,

несмотря на узкую тропу, ведущую к воротам, сложилось впечатление, что он строился совершенно не для защиты. Любимый дом, совпавший по форме с шаблонами мышления других людей, — возможно, но не попытка обустроить сверхзащищённую крепость без отрыва от живописного пейзажа.

Вблизи проявилась такая милая деталь как придорожные фонари, расставленные в шахматном порядке и освещавшие опасные места и повороты тропы, тем сильнее, чем темнее становилось вокруг. Сами собой всплыли воспоминания о Лентане, и я тоскливо вздохнул. Но углубиться в размышления не успел — сквозь шум волн пробилась музыка, флейта с гитарой.

> Закатные рыцари едут на чёрных конях
> К собору, где мастер упорно рисует священный покров.
> У мастера кисть золотая танцует в руках,
> Он сам — словно дар возрождённых из пепла наивных волхвов.
> Хотели бы рыцари знать, где богатство племён,
> Которым теперь ни за что не порвать католических пут.
> Ведь в золоте мастера спрятан языческий сон,
> Его привезли каравеллы, искавшие в Индию путь.
> Спите спокойно, жители Города Солнца,
> Спите спокойно…[11]

«Десять к одному, что Царевич сдал меня», — мелькнула мысль. Песня была красивой, да и голос завораживал, произнося слова будто читая сказку или воспроизводя древнюю легенду. После припева текст стал неразборчивым: то ли волны зашумели сильнее, то ли ещё что.

Когда я поднялся на площадку перед воротами, створки уже раскрыли. Двор был один, впрочем, на большее не хватило бы места. В глубокой арке таились двери во внутренние помещения замка, по сторонам тянулись деревянные пристройки хозяйственного назначения, их обнимали сзади трёх-четырёхэтажные крылья.

Пока у меня принимали лошадь, из арки появился феодал. Ростом и возрастом с меня, худощавый. Тёмные волосы имели длину больше средней, передние пряди, приподнимаясь у корней, обрамляли лицо до подбородка, задние спадали на плечи. Под накинутым халатом виднелась белая рубашка со шнуровкой на вороте вместо пуговиц и широкими рукавами, заправленная в чёрные штаны. Через ремень шёл спиральный серебряный узор, серебряное тиснение также покрывало невысокие сапоги.

Плавная пружинистая походка чем-то напомнила воинов

Братства сумрака, но скорее выдавала склонность к театрализации, как и живые губы, чуть прищуренные глаза и подвижные брови. На пальцах блестело несколько колец, хотя мне подумалось, что представить этого парня женатым было бы сложно.

— Добро пожаловать в Замок-над-морем, — объявил феодал, разводя, насколько позволял свободно лежавший халат, руки. — Я о тебе почти ничего не знаю, но это и не важно: друзья друзей мои друзья, а времени познакомиться у нас в избытке.

Голос у него был приятный, каждая буква как будто имела собственный эмоциональный оттенок. Под впечатления от вечернего залива возникла ассоциация с порожистой рекой, где течение в разные моменты времени имеет разную скорость и сопровождается разным звучанием, но в сущности вода остаётся одинаковой на всём протяжении.

Подойдя ближе, феодал остановился, направил на меня палец и таинственным тоном произнёс:

— Ты, верно, гадаешь, что о тебе успели рассказать. Предлагаю небольшую игру: я озвучиваю один факт, а ты говоришь, верен он или нет. Факт первый: ты во мне заинтересован.

— Смотря что понимать под заинтересованностью, — хмыкнул я. Ощущения были занятные, словно мы вдвоём оказались на сцене театра, а всё окружающее стало декорациями, акцентирующими на нас внимание зрителей. Присутствующая во дворе обслуга и впрямь никак не проявляла себя, молча занимаясь делами или наблюдая.

— Факт второй, — продолжил парень, — ты ничего обо мне не знаешь.

— Самую малость. Недавно узнал, что ты заботишься о гостях и поставил ради них фонари.

— Их функция чрезвычайно важна, — совершенно серьёзно пояснил феодал, — они приводят в мой дом новых гостей.

— Гости или фонари? — улыбнулся я. Собеседник, добавив несколько новых оттенков в голос, подмигнул:

— И те и другие.

Сделав паузу, он чуть сдвинулся назад, подпёр подбородок, изображая раздумья, и оглядел меня.

— Факт третий: у тебя есть устремления, но нет друзей.

— Неправильно, — отозвался я.

— Хм… Значит, их просто не хватает, — феодал встретился со мной глазами. — Ты довольно одинок в этой части вселенной и ищешь кого-то, за кого сможешь зацепиться и продолжить свой путь.

— Убью Царевича, — в сердцах высказался я. Собеседник удивлённо поднял брови:

— За что? Он не имеет к этому никакого отношения. — Снова направив на меня палец, произнёс, сделав упор на последнее слово: — Это всё ты.

— Что я?

— Эту информацию мог бы считать почти любой, если бы достаточно хорошо присмотрелся. Царевич, к слову, передал о тебе всего несколько слов: что ты Правитель и исследуешь эти земли в поисках чего-то интересного. Или кого-то.

Я выдержал внимательный взгляд:

— Всё верно. Он предложил для начала отправиться к тебе, дав неплохие рекомендации.

— Смею надеяться, я их заслуживаю, — феодал наклонил полкорпуса и голову вперёд, делая изящный поклон. Выпрямился, протянул руку: — Меня зовут Вираф. Если мы увлекались в детстве разными вещами, тебе это ни о чём не скажет. А если одними, пробудит несколько приятных воспоминаний. Мой дом — это твой дом, и нас ждёт ужин.

— Маркус. Но я не так давно ел, так что… — меня прервало бурление живота, получившего сегодня много чая, но гораздо меньше нормальной еды. Хозяин замка мягко приблизился, не отпуская мою ладонь, и доверительно сообщил, с точно выверенной долей иронии:

— Ты о себе многого не знаешь.

Пока он шёл ко входу в замок, я помотал головой, приходя в себя; ощущение сцены рассеялось, но, по-видимому, ненадолго. Столько внимания мне последний раз уделяли… когда? Что-то похожее было с Альденом — тот же фонтан эмоций, правда, его хотелось наблюдать со стороны, растекаясь от удовольствия. Вираф работал как будто от меня самого, прибором, подключающимся к батарейке. И не то чтобы я чувствовал себя уставшим от такого контакта — но самовосприятие немного сбилось. Это был по-прежнему я, но какой-то другой.

Наказав себе держать ситуацию под контролем и трезво оценивать происходящее, я направился к арке, где Вираф ждал, разглядывая с мечтательной улыбкой закат.

* * *

— Ты ей нравишься.

— Не привык к таким проявлениям интереса, — осторожно заметил я.

Служанка, девушка лет пятнадцати-шестнадцати, только что вышедшая из зала, была то ли по указанию, то ли по собственной инициативе прикреплена ко мне. Стоя за спиной, она постоянно следила за уровнем жидкости в бокале, количеством и качеством салфеток, чистотой поверхности стола и наперегонки со мной хватала предметы, когда я по привычке пытался делать что-то сам. При этом она каждый раз бросала застенчиво-игривые взгляды, которые с определённого момента стали смущать сильнее, чем непривычный формат приёма пищи.

— Не переживай, — качнул головой Виграф, — если не захочешь, продолжения не будет.

На время еды он снизил эмоциональный напор и стал более умиротворённым. Художественность действий никуда не делась, но у меня появилась возможность думать о чём-то помимо них.

Дождавшись момента, когда хозяин дома отвлечётся на кусок картофелины и положит его в рот, я спросил:

— Это твои проделки?

Не поддавшись на провокацию, феодал протестующее взмахнул руками, но говорить начал только дожевав до конца:

— Никаких проделок, ответственно заявляю. Я могу позволить себе достаточно самостоятельную прислугу, которая сама выбирает, на кого обращать внимание.

— Да уж, кто-кто, а ты можешь, — усмехнулся я. Уточнять не пришлось, судя по весёлому прищуру, Виграф всё понял и так. Отсалютовав мне бокалом, он произнёс:

— За умение собирать вокруг себя хороших людей и умение обращаться с ними!

Тост я оценил, но пришлось обойти без чоканья: обеденный стол был настолько большим, что даже сидя напротив через узкую часть мы не могли соприкоснуться руками.

— У тебя часто собираются большие компании? — поинтересовался я.

— Время от времени бывает. Обычно это связано с днями рождения, говорят, у меня подходящая обстановка для этого.

— И персонал, — не удержалась на языке шпилька.

— Да если бы, — Виграф вздохнул. — Большинство проводят праздники в своём непосредственном окружении. Воители — со сподвижниками и рыцарями, мирные — дома с ближайшими друзьями. И только некоторые достаточно легки на подъём для выездов и достаточно постоянны чтобы испытывать потребность в общении.

Мысли о служанке наложились на ассоциации с Одиночками, и я спросил:

— Какой вообще средний возраст жизни здесь? У Мечтателей,

понятно дело.

— Никаких пределов, — сделал широкий жест рукой феодал. — Можешь умереть за несколько дней. Можешь прожить сто лет и не испытывать ни малейших затруднений.

— По идее, чем больше воюешь, тем больше риски?

— Само собой. Но и отказ от соперничества ничего не гарантирует. Всегда может оказаться, что ты кому-то мешаешь, и придётся защищать жизнь и имущество с мечом в руке, а не с обидой на языке. И в этом плане — чем чаще ты воюешь, тем больше у тебя шансов, ведь это не только полезные навыки, но и ещё более полезные связи.

— А тебе часто приходится драться?

— Я предпочитаю решать споры до того, как они перейдут точку невозврата, — улыбнулся Виграф, — и, рискну сказать, это получается неплохо. Несколько раз приходилось идти на крайние меры, но особых проблем не возникало.

Вопросы в голове на время закончились, так что я переключился на еду. Феодал в это время приступил к своим:

— А как обстоят с этим дела у Правителей?

Я уделил ещё немного времени салату, обдумывая ответ. Решил отвечать честно, в качестве ответного уважения:

— У меня не так много возможностей судить об этом. Я сам попал в мир меньше полугода назад и только через пару месяцев узнал о бессмертии. Моим друзьям что-то около пятидесяти-шестидесяти, точных цифр не помню. Вроде как это норма, хотя войны, конечно, вносят свои коррективы.

— У вас не практикуются диверсии, заказные убийства? — будничным тоном спросил Виграф. Скорее всего, он ориентировался на близкие ему реалии, но от неожиданности я даже задумался над вопросом.

— Нет, ничего подобного. Насколько это в целом противоречит установкам Правителей, не знаю, может, мне повезло и я попал в абсолютно миролюбивую компанию. Но вообще — зачем они? У нас нет проблем с расширением, скорее, наоборот, с освоением. А кроме как ради территории…

— Удобное расположение, — напомнил Виграф. — Это тоже относится к территории.

— Нет, — я покачал головой. — Не могу представить, чтобы кого-то убили за выход к тёплому побережью. Всё решаемо… если это решать.

Отпив из бокала, феодал задумался. Спросил:

— Как ты считаешь, проистекают ли все проблемы людей, которых ты увидел здесь, из нехватки земли?

— «Квартирный вопрос»? В какой-то мере. Но вряд ли все,

скорее, это форма выражения. Люди не умеют договариваться и потому имеют то, что имеют.

— Ты уже пытался о чём-то договориться с ними? — с интересом уточнил Виграф. Помедлив, я признал:

— Ни о чём серьёзном. Скорее, я в этом ориентируюсь на ощущения. Здесь всё гораздо… жёстче. Меньше возможностей для компромисса, чем я привык.

— Есть мнение, что их — то есть нас — специально отправляют сюда, чтобы учиться работать совместно, — глаза Виграфа загадочно блеснули. Он помолчал, давая обкатать мысль, добавил: — Интересно, что ты скажешь об империи. Если вдруг я забуду, напомнишь продолжить эту тему?

— Конечно, — я кивнул. — Империя и решение споров.

— Скорее, империя и земельный вопрос, так будет точнее.

Вытерев пальцы салфеткой, Виграф встал и посторонился, освобождая место принявшейся за свою работу прислужнице, молодой женщине лет двадцати пяти. Спросил, обращаясь ко мне:

— Посидим ещё или расходимся спать?

Я вдруг понял, что после сытного ужина голова начинает отключаться, тело успело настроиться на продолжительный отдых.

— Хотелось бы посидеть, но, похоже, я недолго продержусь.

— Тогда отдыхай, — согласился феодал, — тебе сейчас покажут комнату. Захочешь продолжить — спускайся, можно даже без меня, здесь всё равно не так много места, чтобы гулять. С кем пойдёшь, с Альмой или заберёшь Берту? — он кивнул на женщину рядом с собой.

Вовремя поняв подоплёку вопроса, я попросил, постаравшись скрыть волнение:

— Выдели Берту, если не сложно.

— Берта?

— Я всё слышала, — отозвалась та. Наскоро составила грязные тарелки в одну стопку, чтобы занимали меньше места, вытерла руки о передник.

— И позови Альму сюда, пусть закончит с уборкой.

Замок действительно оказался небольшим, ничего похожего на римский дворцовый комплекс и даже мой дворец в Киеве. До комнаты мы шли меньше минуты, а сама комната напомнила мне размером самую первую, в московской квартире. В ближней половине стояли письменный стол-уголок с небольшим запасом чистой бумаги и письменных принадлежностей, платяной шкаф, тумбочка для обуви, ростовое зеркало, диванчик и пара стульев, в дальней — двуспальная кровать и тумбочка в проходе, которым она отделялась от занавешенного окна. За внутренней дверью

обнаружился полноценный санузел с душевой кабиной, но последней я решил воспользоваться уже завтра — кровать тянула к себе слишком сильно, благо теперь можно было не бояться желающих согреть её.

* * *

Просыпание застало меня в полной темноте. Некоторое время ушло на осознание места и причины пребывания, затем я попытался уснуть снова, но безуспешно. Сориентировавшись, с какой стороны большой кровати находится окно, дотянулся до занавески, оттащил в сторону. Комнату наполнил мягкий лунный свет; я явно лёг слишком рано и потому вскочил среди ночи.

Света показалось мало. Вчера вечером на тумбочке обнаружился агрегат, который я определил как масляную лампу. Очень живописная и историчная, в бронзовой оправе и со стеклянным колпаком, она выглядела так непонятно, что пришлось ещё пару раз задать себе вопрос, так ли мне нужно дополнительное освещение. И не зря: несколько попыток разобраться в устройстве и поджечь нужным образом огонь закончились провалом. Когда процесс надоел окончательно, я плюнул и дал мысленный приказ; в лампе тут же заплясал язычок пламени.

Над дверью в комнату обнаружились часы, которые я искал вчера. Стрелки показывали на час и советовали если уж не спать, то, по крайней мере, остаться в комнате и не будить ползамка ночными шатаниями. Может, я бы и послушался, но здесь было решительно нечего делать. Судя по скромной обстановке, помещение в принципе не предназначалось ни для чего помимо удовлетворения базовых потребностей, а всё остальное гости должны были получать спускаясь вниз и включаясь в общую атмосферу.

Если верить рассказам Виграфа, в этом есть смысл, — признал я. Минут десять ушло на умывание из вполне цивилизованного водопровода, затем в шкафу, помимо кожаной брони, которую сняли с меня перед ужином и принесли сюда, был найден лёгкий домашний халат по размеру — заманчиво мягкий по сравнению с холщовой одеждой ученика Общины. Накинув его вместо рубахи и прихватив с собой лампу, я покинул комнату и отправился в путь по хитросплетениям коридоров.

Поселили меня в одной из башенок, и самое логичное направление было вниз. Но если на первых поворотах перепад высоты ощущался достаточно явно, то с определённого момента я

не был уверен, что иду именно туда, откуда пришёл вчера, а не забрёл в совершенно другую часть замка. Никто из прислуги не попадался, но, наверное, к лучшему: сложно объяснить цель своих действий, когда сам не до конца её понимаешь.

Впрочем, примерно половину времени нахождения в этом мире я сталкиваюсь с данным затруднением, и ничего, жив пока.

Сзади послышались тихие шаги, и ко мне вышла Альма в свободной ночной рубашке до колен и окружённая светом от такой же, как у меня, лампы, которую она держала за кольцо двумя руками. Освобождённые от узла прямые волосы пшеничного оттенка, немного не дотягивавшие до плеч, и большие голубые глаза, в которых плескалось целое море любви и обожания, довершали образ спустившегося с неба ангела — хоть и навряд ли чтобы указать мне дорогу.

Девушка первой нарушила тишину, томно улыбнувшись:

— Заблудились, милорд?

Совладав с собой, я сглотнул и произнёс, разлепляя непослушные губы:

— Мне нужно попасть… куда-то, где я смогу дождаться Виграфа утром.

— Его светлость ещё не спит, — Альма качнула головой, — если нужно, я провожу прямо к нему.

— Да, пожалуйста.

Снова улыбнувшись, девушка прошла вперёд. Следуя за ней и остановив взгляд на тонких плечах, я пытался справиться со своим состоянием — одновременно злобой на банальные реакции, недоумением всем происходящим и тягой уйти в отрыв. Из головы не уходила мысль: если бы она ни о чём не спрашивала, просто взяла за руку и повела за собой в комнату, я бы не смог противиться и отдался на волю обстоятельствам.

— Сюда, — Альма остановилась перед дверью, ведущей, судя по закругляющейся стене, в какой-то зал. Поклонилась: — Всего доброго, милорд.

— Спокойной ночи, — негромко, едва ли не самому себе, ответил я, получив напоследок ещё одну улыбку. Чуть встряхнул головой, приходя в себя.

Дверь оказалась тяжелее других и плотно подогнана. Как только она потеряла контакт с косяком, в щель пробились звуки музыки, тем более громкие что в коридоре стояла полная тишина. Понадеявшись, что повороты достаточно хорошо скрадывают шумы, я постарался войти побыстрее и вернул дверь на место.

Не слишком большой зал овальной формы выполнял, насколько я мог ориентироваться на свой опыт, функции гостиной. В центре стояли друг напротив друга два чуть выгнутых

дивана с низким квадратным столиком посередине, перпендикулярно им в дальней широкой стене горел камин, правее виднелась дверь. Вдоль ближней широкой стены, в центре которой вошёл я, стояли книжные шкафы.

Читать при имеющемся тусклом освещении, конечно, было нельзя, но Вираф был занят другим. Избавившись от халата, он сидел на правом от меня диване, закинув одну ногу на другую, откинув назад голову и положив руку на диванные подушки, и подпевал льющейся из невидимых колонок песне. Но когда он заметил моё появление и прервался, вдруг оказалось, что голос был только его.

Плавно крутанув кистью свободной руки, Вираф заставил музыку затихнуть; ей же повёл в сторону второго дивана:

— Располагайся. Нам теперь ещё долго не уснуть.

Присев, я постарался расслабиться хотя бы примерно так же, как он, но, по-видимому, не получилось. Окинув меня внимательным взглядом, феодал заметил:

— Отдых пошёл тебе на пользу, но только частично.

— В смысле?

— Не сталкивался ли ты по пути из своей комнаты с одной хорошей девушкой, которая…

Я вспыхнул раздражением и смущением:

— Снова скажешь, что это не ты её послал?

— Маркус, — разведя руками, Вираф так сочно произнёс моё имя, что, в принципе, этим можно было и ограничиться: уж что-что, а передавать голосом эмоции у него получалось превосходно. Сейчас в нём слышались горечь и усталость. — Мне хватает развлечений помимо издевательств над тобой и тем более сводничества. Меня интересует только то, почему ты так остро реагируешь.

— Не остро, — я решил защитить себя. — Я вообще никак не реагирую. Сперва она бросала на меня взгляды за ужином, потом пыталась… ну, ладно, не пыталась, но наверняка хотела прийти ночью.

— Так ведь в том и дело! — Вираф снова взмахнул руками, на этот раз с ужасом. — На месте бедной девочки я бы места себе не находил от того, что её игнорируют. Развивать отношения или не развивать — решай сам, но одна твоя улыбка в её сторону оказалась бы ценнее сотни моих!

Я хотел поинтересоваться, не нарушаем ли мы такими разговорами ничьей тайны личной жизни, но вспомнил о звукоизоляции помещения. Пришлось продолжить.

— Давай логически. Раз я так сильно ей понравился, улыбка даст понять, что ей есть на что надеяться, и она сконцентрирует

внимание на мне ещё больше. Со следующим знаком то же самое, то есть ставки раз от раза повышаются. А когда дойдёт до момента, когда возникнет объективная невозможность продолжить… Допустим, я не хочу с ней спать, потому что у меня уже кто-то есть. Ставки будут настолько высоки, что её страдания не пойдут ни в какое сравнение с тем дискомфортом, который она испытывала от отсутствия улыбок.

Виграф покачал головой:

— Всё гораздо сложнее. С точки зрения формальной логики, ты абсолютно прав, но подавляющее большинство людей не использует её в размышлениях, а в чувствах — вообще ни один. Существует огромное множество вариантов развития событий, каждый из которых окажется лучше того, которому следуешь ты. Даже если ты не хочешь проводить с Альмой время наедине, у тебя есть масса возможностей сделать её чуточку счастливее, и ни одна из них не используется. Подари ей взгляд, улыбку, коснись руки — ничего серьёзного или сложного, но она запомнит тебя как нежного и отзывчивого гостя, а не каменного истукана, который приехал, отверг её чувства и отбыл, как ни в чём не бывало.

— Какие чувства, если разговор только об улыбках, — запротестовал я.

— Какие чувства, боюсь, тебе никогда не узнать: так сложилось, что мы с тобой другого пола, — Виграф усмехнулся.

— Но ты ведь откуда-то всё это знаешь.

— Частично навыки, частично талант. Есть, кстати, такая теория: если потратить десять тысяч часов на какое-то занятие, не механически, а осознанно и развиваясь, станешь мастером. Что бы это за занятие ни было.

— Десять тысяч часов, — задумался я. — Допустим, выделять по два часа каждый день. Это пять тысяч, на семь — семьсот с небольшим недель. По пятьдесят четыре… Тринадцать с чем-то лет. Сколько, говоришь, тебе?

— Режим затворника, — покачал головой Виграф. — Некорректный подход в силу того, что ты общаешься с живыми людьми гораздо больше. Если только нарочно не избегаешь этого.

— Ну, я не то чтобы о чистом общении думал.

Вопросительно кивнул в сторону внешней стены зала, подразумевая мои проблемы с Альмой, феодал усмехнулся:

— По два часа каждый день на протяжении тринадцати лет не все выдержат.

Тема началась шутливо, но у меня в голове вдруг возник показавшийся важным вопрос, хоть объективно он и запоздал на несколько часов.

— Если я спрошу о личном, ответишь?

— Спрашивай, — спокойно кивнул Вираф.

— Но только чтобы раскрыть суть. Вот ты живёшь здесь. В окружении не такой уж многочисленной прислуги, почти в замкнутом пространстве. Наверняка ты давно и плотно со всеми…

— Только с противоположным полом, — как ни в чём не бывало поправил феодал. — И в рамках возрастной категории.

— И тебя не смущает, что приходит абсолютно левый человек, которого тебе, конечно, порекомендовали, но о котором ты не знаешь ничего конкретного. И оказывается в постели с теми, кого… кто…

Вираф терпеливо ждал окончательной формулировки, что, впрочем, не мешало ему внимательно считывать моё лицо.

— Кто является твоим близким окружением, — вывернулся я. — Твоими, во всех смыслах, людьми, которых ты создал и которые принадлежат тебе.

— Это хороший вопрос, — вдруг согласился Вираф, — ты правильно сделал, что озаботился им. Здесь не принято обсуждать такие вещи, именно потому, что они затрагивают те глубины души, которые даже их владельцы предпочитают не исследовать. Принадлежат… Не совсем правильное слово, — он повернул голову вбок и устремил взгляд куда-то в пространство над камином. — Я, безусловно, забочусь о них и для меня очень важно, чтобы все они были счастливы. Не говоря уж о жизни и здоровье. Но эмоциональная сфера… Человека ведь определяет свобода воли. Ты пытался общаться с кем-то, имеющим абсолютного доминанта? Они не хорошие и не плохие, просто такие, какие есть в сложившейся ситуации, но — ужасно скучные в сравнении с самостоятельными и волевыми людьми. Или даже не волевыми. Даже когда создаёшь прислугу, ты должен отдавать себе отчёт, что это будут люди, а не роботы и не молчаливые суровые гномы. И, если всё сделано правильно, больше никаких проблем не возникает.

— Самостоятельность? И всё, больше ничего не нужно? — не то чтобы я не поверил, но как будто чего-то не хватало, каких-то кусочков паззла.

— И самоконтроль, конечно. Спасибо, — вернув взгляд на меня, Вираф прищёлкнул пальцами. — Есть такая черта характера как эгоцентризм. И Мечтатели-эгоцентрики во много раз хуже. Можно сказать, все окружающие в этом случае воспринимаются… как созданная прислуга.

Я задумался. Ощущение гармонии в услышанном заключении присутствовало. Кивнул:

— Это интересно. Надо будет подумать позже.

— Но не слишком долго, — посоветовал феодал. — Если ты не собираешься гостить у меня больше нескольких дней — а по тебе видно, что не собираешься, — не упускай время и разберись с Альмой. Хоть как-нибудь.

Я вздохнул:

— А если у меня в самом деле кто-то есть?

— Даже если есть, — Вираф выделил тоном первое слово, — всё равно нужно разобраться. Скажи ей об этом прямо, она, конечно, понервничает, но проблем станет меньше. Девушки воспринимают это гораздо легче, чем апатию никем не неангажированного.

Тема, вроде бы, исчерпала себя, чему я был очень рад, и спустя минуту молчания Вираф поднялся. Дошёл до одного из шкафов, открыл стеклянные створки, вернулся с двумя бокалами и бутылкой.

— Предлагаю игру, раз уж мы сидим в такой чудной обстановке и говорим по душам. Ты когда-нибудь играл в музыкальные ассоциации?

— Не думаю. Но если это не литрбол, можешь считать, что я согласен.

— Хорошо, правила такие: я воспроизвожу отрывок какой-либо песни, ты отслеживаешь, с какой другой песней он у тебя проассоциировался, и воспроизводишь её. Потом моя очередь. Если возникнет желание, можно спрашивать об ассоциативных цепочках.

— Я не умею петь, — покачал головой я. Феодал возразил:

— Голос у тебя в порядке, остальное не важно. Мы ведь думаем в первую очередь о тексте, а не о мелодии, вот и напоминай себе об этом.

— А вино, я так понимаю, для размывания самоконтроля?

— И для спортивного интереса, — Вираф как раз успел всё расставить и налил первые порции до середины. — Всё время, пока думаешь, ты пьёшь. Как часы в шахматах.

— В такие шахматы я точно раньше не играл, — я развеселился. Наклонился ближе, взял свой бокал; азарт уже начинал подогревать изнутри.

— Приступим.

Вираф сделал небольшой глоток, подержал вино во рту, размышляя, проглотил и негромко запел. Голос у него был чистый, явно натренированный на играх такого рода. Не знаю уж, как называлась соответствующая ему ступень в таблице звучания голосов, но для меня он ощущался не слишком высоким и бархатным.

Закатные рыцари едут на чёрных конях
К собору, где мастер упорно рисует священный покров.
У мастера кисть золотая танцует в руках,
Он сам — словно дар возрождённых из пепла наивных волхвов.

— Песня, которой ты меня встречал! — обрадовался я, узнав.

— Ну, не то чтобы встречал, — по лицу Виграфа скользнула задумчивая улыбка. — Проассоциировалось с твоим скорым визитом.

— Так и знал, что это что-то значит.

Феодал повёл бровями, погладил указательным пальцем краешек бокала:

— Ты её, скорее всего, не полностью слышал. В любом случае, рекомендую потом послушать до конца, оно того стоит. А пока — пей.

Усмехнувшись, я сделал свой глоток — вкус у вина был необычный, по крайней мере, ничего похожего встречать раньше не доводилось — и откинулся на спинку дивана.

Мастер, ты бесу отдал свою память,
Запутался в масках, пытаясь их снять.
Мечту не нашел, лишь талант пропиваешь
И в пыль затоптал совесть прошлого дня.
Ты хочешь найти хоть кого-то, кто ценит
Вечность, которой не знает овца,
Но воздух не держит того, кто не верит,
Ведь надо поверить хотя бы в себя![12]

— Хорошо, — Виграф медленно кивнул, оценивая. — Хорошо! А в тему-то как вошло. И ты ещё говорил, что поёшь плохо.

Стараясь не разлить вино, я изобразил, что развожу руки, мол, что есть, то есть.

Войди в мой новый мир,
Открой и стань другим.
Всё дам тебе, здесь всё можно.
Над вечностью времён
Сгоришь моим огнём,
Все, что вокруг тебя, — воздух![13]

— А смысл в том, чтобы ассоциировать песни по образам, эмоциям или подбирать по повторяющимся словам? — уточнил я. Вираф мягко засмеялся:

— Смысл в том, чтобы получать удовольствие от происходящего. Но всегда можно спросить, что привело к той или иной мысли.

— О, ну, раз так, то могу я поинтересоваться, угрожаешь ли ты мне? — вино уже начинало отдавать в голову, и на мгновение показалось, что заданный шутливо вопрос был воспринят серьёзно. Но феодал лишь повёл головой, хитро прищурившись, и после пары секунд молчания отозвался:

— Сейчас посмотрим, чем мне ты ответишь.

Вызов так вызов. Вдохнув поглубже, я запел:

> Не знает боли и прощальных горьких слов
> Это самый новый из миров.
> Твой новый мир, ты веришь в него,
> Обрекая на гибель врагов.
> Твой новый мир, твой храм на крови,
> Он всегда будет только твоим,
> Твой новый мир![14]

— За Мечтателей! — провозгласил Вираф, поднимая свой бокал.

— За Мечтателей! — поддержал я. В этот раз столик был подходящего размера, и мы, столкнувшись над ним, выбили из стекла тонкий звон, после чего залпом допили остававшееся вино. Хозяин взялся за бутылку, разливая по новой, попутно сыронизировал:

— Сражаться за жизнь, пить за мечтателей.

— Сам достал вино и произнёс тост, а теперь недоволен, — хмыкнул я.

— Кто сказал, что я недоволен? Я ищу истину.

— Проверь на дне бутылки, — кивнул я на его руки.

Вираф весело рассмеялся. Закончив, вернулся на место, смочил губы.

— Чем бы тебя удивить… Попробуем вот этим.

> Святая земля не свята ни в пиру, ни в бою,
> На ней не найти ни Эдема, ни даже Сезама.
> Но Маленький принц покидает планетку свою,
> Как, будь он большим, покидал бы свой каменный замок.
> [15]

— Медведевым меня удивить решил? — ухмыльнулся я.

— Сударь, вы меня несказанно радуете своим кругозором, — Виграф всплеснул руками, довольно улыбаясь.

— От сударя слышу, сударь. — Я уже начал перебирать ассоциации, как вдруг заметил пробежавшую по лицу собеседника тень. — Что?

— Слишком… неорганично, — тон феодала изменился на куда более простой. Он отвёл взгляд, притворяясь, что отвлёкся на что-то. — Не продолжает, а нарушает атмосферу, если так понятнее. Диссонанс.

— Понял. Извини, само вырвалось, — я тоже почувствовал, что связь между нами нарушилась.

— Всё нормально. Продолжай. Если не делать ошибок и не акцентировать внимание, всё само восстановится.

Большая часть ассоциаций успела покинуть голову, я даже не сразу смог вспомнить песню, которая сейчас звучала. После некоторых мучений и крупного глотка вина нужное подобралось:

> Неуместен, безоружен, поздней осенью раздавлен,
> Состояние — простужен, равновесием оставлен.
> Вдохновением поруган, одиночеством отравлен,
> Нечувствителен к испугу, пьяной радостью расслаблен[16].

— Да не переживай ты так, — прокомментировал Виграф, — я же говорю, чем раньше забудешь, тем раньше всё нормализуется.

Я развёл руками. Сделал глоток из бокала — и получил неожиданный вопрос:

— У тебя действительно кто-то есть?

— Хм, — я помедлил, раздумывая. Вино тянуло выдать всё без утайки, вытряхнуть на собеседника всю свою нелепую историю, но сейчас это не хотелось обсуждать, не важно, с кем. — Это сложный вопрос.

— Я понял, — кивнул Виграф. — Продолжаем.

> Белая гвардия, белый снег,
> Белая музыка революций.
> Белая женщина, нервный смех,
> Белого платья слегка коснуться.
> Белой рукой распахнуть окно,
> Белого света в нём не видя.
> Белое выпить до дна вино,
> В красную улицу в белом выйти.[17]

— А у тебя? — вернул я, наклоняясь вперёд. Вираф выразительно махнул рукой, подразумевая полный обитателей замок. — Нет, кто-то постоянный. За кого ты держался бы.

— Я много за кого держусь, — он пожал плечами. — И вряд ли смогу сказать, потому ли это, что мне все одинаково безразличны, или потому, что одинаково важны.

— Понятно.

— В любом случае, — добавил Вираф, — я вполне доволен тем, что имею. Вряд ли в нынешней ситуации можно позволить себе другой образ жизни.

— А если поменять ситуацию? — закинул удочку я.

— Это сложный вопрос.

Ему удалось почти полностью скопировать мою собственную интонацию — а в том, что это было осознанно, я не сомневался. Разве что блеск в глазах он дополнил от себя.

Теперь пришлось задуматься: удовольствие от игры крылось в разнообразии, но, несмотря на ослабление контроля сознания, на ум приходило всё меньше неиспользованных групп и исполнителей.

Какая-то песня просилась на язык, но никак не получалось вспомнить начало. Я в замешательстве постучал пальцем по столешнице. С другой стороны стола раздался ответный стук в полфазы: ритм ускорился ровно в два раза.

— Я угадаю эту песню с пяти нот, — весело усмехнулся Вираф в ответ на мой удивлённый взгляд. Подмигнул.

— Это вряд ли, тут нет никаких зацепок.

Слова, наконец-то, всплыли в памяти, и я, прервавшись, запел:

> Наши мысли разорвались пополам на «да» и «нет»,
> Наша правда бьёт по нервам громом будущих побед,
> Ритм для тысячи сердец,
> Тех, что ждут сейчас и здесь,
> Один на всех!
> Тёмному безумью ярким светом по глазам,
> В помощь снам и новолунью, кто-то против, кто-то за.
> Чёрным перьям — белый снег,
> Пьяной крови — русла рек,
> Одни на всех![18]

— Пожалуй, — признал Вираф. Сделал глоток, поставил бокал на стол. — Но вообще ты не прав, многие песни опознаются

по одному лишь ритму. Иногда и по несколько сразу.

— Никогда не экспериментировал, — я пожал плечами.

— Да ладно тебе.

Феодал внимательно уставился на меня, пальцем отстукивая по три удара на одну паузу.

— Квин, — улыбнулся я. — Но это исключение, её знают все.

Стук стал размереннее разнообразнее. Сначала было непонятно, но, вслушавшись в мысли, я опознал:

— Ария, «Потерянный рай».

— Вот видишь, — Вираф взмахнул рукой.

— Ну-ка, давай я тебя погоняю, — алкоголь внутри звал на приключения.

— А давай, — легко согласился феодал, откинулся обратно на спинку дивана.

Я начал выводить двумя пальцами средней сложности ритм, в котором серия мерных ударов чередовалась с серией быстрых. Феодал полежал, вслушиваясь, потом подключился и стал отбивать ритм ногой:

— Эбни парк, «Рождённый не в то время».

— Не угадал, — хихикнул я, — Медведев, «Алёха Боханский».

Вираф пожал плечами, не прекращая постукивать:

— Не помню её. Может, это тот самый случай, когда на один ритм приходится несколько песен. По которым, к слову, можно многое узнать о человеке.

— Так уж многое?

— Смотря кто будет смотреть, — Вираф подмигнул.

— Ну, тебе-то и музыка не обязательна.

— Скажем так, я могу работать без музыки, — феодал легко подскочил с дивана и стал мерить зал шагами, всё ещё отстукивая ритм и даже не сбиваясь с него, хотя в дело пошли и мыски и каблуки. — Но это — одна из лучших форм самовыражения. Запрашиваю музыкальную паузу.

— Посреди музыкальной игры? — я засмеялся. Атмосфера, как мне и обещали, снова разрядилась.

— Считай это моим вкладом в ассоциации.

По щелчку пальцев ожили колонки, спрятанные где-то в стенах. Вступила гитара, ритм подхватил барабан, а сам Вираф, освободив ноги, сконцентрировался на вокале и движениях руками:

Где бы ни был, я везде чужой,
Что мне Вашингтон, что мне Токио.
Злые взгляды мне не изменить,
Их улыбкою не победить.

Но я стою и я силён,
Я не в том времени был рождён.
Пусть в спину мне плюёт народ,
Я знаю цель — и иду вперёд.
Я рождён не в то время
И живу здесь, не в то время.
Я рождён не в то время
И живу здесь, не в то время.

После первого куплета вступила труба, добавившая композиции определённую торжественность. Я мог поставить всё имеющееся на то, что слышал очередной гимн.

Слыша многогласый ноющий вой,
Я не трачу свои силы на него.
То, что вижу вокруг, раздражает меня,
Ведь не должен мир выглядеть вот так!

Здесь нету места для таких, как я,
Но, черт возьми, я не предам себя.
Зло извратило этот мир, и в нём
Не нужна мораль, все идут на дно.[19]

* * *

Когда Вираф проводил меня до комнаты, оказалось, что луну в её окне сменил занимающийся рассвет. Рухнув в кровать, я раскинул руки и вдохнул полной грудью, ощущая, что если и не счастлив, то довольно близок к этому. Все проблемы находились по-прежнему рядом, но отступили на несколько шагов, скрываясь из поля зрения, и это дало возможность расслабиться и ощутить дыхание жизни. Или наоборот, расслабление отвело проблемы на задний план…

Одна из самых интересных мыслей, успевших посетить меня перед сном, касалась Альмы. Согласно тому мировосприятию, которое я имел в данный момент, единственная проблема заключалась в незнании, как с ней обращаться. Ни мысли о Кейре, ни представления о недопустимости беспорядочных связей не вызывали такого дискомфорта, как чувство неподготовленности и бессилия.

«Да она сама может всему научить, — подумалось вдруг, —

опыта хватит».

«Я князь, — пришёл ещё более неожиданный ответ, — всемогущий Правитель, меняющий мир по своему желанию. Я не могу так облажаться перед обычной девочкой!»

«А что, кроме других Мечтателей в партнёры больше никто не подходит? Да они таких, как ты, видели в разы больше, чем Альма».

«Не важно. Я не могу. Не могу».

* * *

День потратили на неспешное разгребание дел: работу с отчётами, переформирование подразделений, выживших в мясорубке под Юстицией, корректирование планов на следующий этап боевых действий. До него была минимум пара недель — какой дурак пойдёт в наступление без потенциала, на одних производственных мощностях и естественном человеческом ресурсе? Подкидывать солдат туда, где стороны сцепились намертво и никак не могут разойтись, это одно. Но в данном случае единственное серьёзное противостояние велось под Юстицией, а значит, можно было не беспокоиться. Первые сутки потенциал держится на нуле, потом потихоньку восстанавливается, в объёме, необходимом для создания до ста тысяч единиц пушечного мяса, а хороших бойцов и того меньше. Раскидаешь их по линии фронта, компенсируя пассивные потери — от артиллерии, диверсий и прочего, — и толку в итоге?

Но неспешность не означала спокойствия. Команда провалилась, и все это ощущали очень явно. Ресд специально постарался разделить инферналов так, чтобы они не имели возможности встретиться до самого вечера, — любая начатая на нервах словесная перепалка могла развиться и превратиться в настоящую бурю. Пускай погуляют, переключатся, а там видно будет.

Первым в лагерь вернулся Фауст, хозяин самого организованного государственного механизма и самого целеустремлённого склада характера. В процессе визита в свой Дворец он не получил никакой информации и не решил ни одного вопроса, с которыми не смог бы разобраться отсюда. Но порядок есть порядок: раз сказали, что его полёт в общих интересах, слетаем. По возвращении он коротко обрисовал впечатления от вида сверху на опустевший лагерь и предложил перейти непосредственно к «вечеринке проигравших», то есть попойке.

К концу первой бутылки к ним присоединился Плеть, успевший растрясти уныние за время полёта в самый отдалённый удел. Остатки недовольства оказались перебиты радостью от присутствия Ресда: обычно повелитель драконов такие мероприятия не посещал. В этот раз долгожданное согласие было дано, но на условиях сохранения морали и разумности: никаких половых сношений с кем бы то ни было в помещениях с общим доступом, никаких принуждений друг друга к чему бы то ни было, даже если это просто курение травы, и тому подобное.

Последним, уже ближе к ночи, появился Тавис мрачнее тучи — проблем у него и раньше хватало, а после срабатывания десятка вулканов стало и того больше. Кисло поприветствовав собравшихся, он объявил, что намерен пить сразу до отключки, и не теряя времени приступил к выполнению поставленной задачи с завидным рвением.

Ресду не то чтобы было весело или интересно — чего он здесь не видел? Такого рода развлечения он прошёл много лет назад, со множеством компаний самого разного толка. Смысл его присутствия заключался в первую очередь в поддержании командного духа: «побеждать или проигрывать — всем вместе» — и лишь где-то потом следовали встряска и получение удовольствия.

Тем более что инферналы обладали собственными взглядами на то, как следует получать удовольствие и от чего. Обсуждение установленных в этот раз ограничений с перечислением привычных забав превратилось в полноценную тему разговора, занявшую не менее часа времени, при том, что с ними не спорили, а всего лишь предавались воспоминаниям. Кое-чем Ресда всё-таки сумели заинтриговать; в некоторых случаях он приоткрывал свой интерес, давая ребятам отследить его и вволю посмеяться.

Отдельное внимание уделялось употреблению алкоголя. Так и не удалось выведать, заранее инферналы озаботились созданием забитой спиртосодержащей продукцией кладовки или же, действуя в рамках втайне заключённой договорённости, не опустошали в битве при Юстиции резервы потенциала в ноль, приберегая «на донышке» неприкосновенный запас. Соль заключалась в том, что ноль потенциала либо достигался, либо нет, нельзя было решить: «вот, у меня осталось десять условных единиц, их я приберегу и больше не буду тратить». Дарованная Мечтателям сверхсила, словно в насмешку над ними, чтобы не витали в облаках, априори заканчивалась неожиданно: только что была — и вот ты уже пуст, хотя казалось, что хватит и сейчас и на пару действий чуть позже. Судя по тому, как инферналы уходили

от соответствующего вопроса, потенциал они всё-таки приберегли, ну да не страшно, специфика человеческого ресурса. Зато никто не поймал сутки ожидания, и можно было считать, что команда худо-бедно справляется с осторожностью и планированием.

За исключением всё того же Тависа, правда. Несчастный ещё больше налёг на спиртное, когда подняли тему его вылазки внутрь города в надежде убить кого-нибудь из Правителей. Ресд в меру логики защищал проявленный авантюризм, но командиру тёмных ангелов, который насилу удрал от погони, судя по всему, было от этого не легче.

В результате он первым и ушёл на цикл отдыха. Точнее, отправился: подхватив лишившегося последней координации напарника, Плеть и Фауст вызвали из коридора специально дежурившую стражу, которая унесла пускающего пузыри инфернала в подсобные помещения для процедуры очистки. Отключка и для него, и для остальных участников мероприятия предусматривалась планом не раньше рассвета, независимо от обстоятельств.

Тавис вернулся спустя полчаса с растрёпанными волосами, но в свежей одежде и в целом аномально чистый, хотя и по-прежнему угрюмый.

— Наша песня хороша, начинай сначала, — жизнерадостно объявил Фауст.

— Ты о чём? — ещё сильнее нахмурился Тавис, потянувшийся в этот момент к бутылке с коньяком.

— О нас с тобой и таких, как мы. Тебе теперь заново начинать, а то потом градус некуда повышать будет.

Все рассмеялись, оценив совпадение ситуации и фразы, и даже у Тависа проклюнулась лёгкая улыбка. Но затем он, оборвав себя, заявил:

— Да пофиг. Всё равно итог один и очевиден заранее.

— Но ты же здесь не для итога, а для процесса, — заметил Плеть.

На это Тавису ответить было нечего, так что с горьким вздохом, как будто его привели сюда насильно, он попросил:

— Передай что-нибудь с двадцаткой.

Плеть с Фаустом оживлённо загремели бутылками, дожидающимися своего часа под столом.

Найдя что-то подходящее, демонолог на несколько секунд застыл; из облака серого тумана, появившегося рядом с ним, вышла очаровательная девушка, расовую принадлежность которой выдавали разве что маленькие загнутые назад витые рожки и копытца вместо ступней. Сокровенные места

прикрывались совершенно символическими топиком и юбочкой. Получив бутылку и сопровождающий хлопок пониже спины, она дошла до Тависа.

— Держи, — пояснил Фауст, — замечательный сорокоградусный ликёр с двадцатилетней козочкой, как ты и просил.

— Ему сейчас этой козочке разве что на жизнь поплакаться, — хмыкнул Ресд.

— Сорокоградусный надо чем-то разбавлять, — проявил эрудицию Плеть. — Так что ещё можно подоить.

— Эта козочка, если надо будет, сама тебя подоит, — ухмыльнулся Фауст.

Тавис, принявший тем временем бутылку и заставивший демонессу разминать ему плечи, отозвался:

— Можно и подоить, но только не здесь.

— Э, — демонолог напрягся, — или сделай себе свою, или оставь нам взамен. Нам-то кто разносить будет, если ты эту уведёшь?

— Сейчас Ресд накидается и будет здесь всё разносить, — отбил в неожиданном направлении Тавис. Повелитель драконов слушал разговор в пол-уха, думая параллельно о своём, так что шутка застала его врасплох и инферналы радостно загоготали над его удивлённым лицом.

— Подожди, — вдруг вмешался Плеть, — это ведь дренейка.

— Чего? — нахмурился Фауст.

— Ты обычно чистых демонов делаешь. А это не демон. Это…

— Такой же демон, как и все! Такая же. Даже чуть получше в некоторых отношениях.

— С тем, что получше, я согласен, — кивнул Плеть. — Но это отдельная раса, дренеи или, есть ещё вариант, драенеи.

— И ничего мои демоны не драные! — шутливо возмутился Фауст. — По крайней мере, пока.

— Под Юстицией все были драные, — вздохнул Тавис.

— Да нет, я серьёзно, — настаивал Плеть, — раса так и называется, дре…

— По-моему, он хочет драников, — перебил Фауст. Крикнул демонессе: — Деточка, принеси драников.

— Никаких драников в общих помещениях, мы договаривались, — удачно вставил Ресд, — спровоцировав новый взрыв смеха.

* * *

— Хандра? — поинтересовался Плеть, становясь рядом.

— Есть немного, — Ресд прищурился на мерцающие над лагерем звёзды. — В масштабах космоса наше поражение ничего не стоит. Но мы сами стоим ещё меньше. Одна десятая от ничего.

— Да ладно, ничего же не потеряно, — с наигранной беззаботностью ответил инфернал. Облокотился рядом на перила. — Потом наверстаем, главное, чтобы сами в порядке были.

— Вот о том и думаю. Что-то Тавис совсем расклеился.

— Думаешь, не вытянет? — Плеть стал чуть серьёзнее. Ресд усмехнулся, не столько предположению, сколько своим мыслям о классовых отличиях инферналов.

— Вытянет, если помочь. Надо его как-то приободрить, что ли. Поменьше издеваться, побольше веселить.

— Да ты же сам постоянно его поддеваешь, — удивился Плеть.

— Так знаю! В том и проблема: начал, и не знаю, как остановиться, — повелитель драконов вздохнул. — Затягивает. А Тавис тем временем нервничает. Надо как-то сообща это решать.

— Ну, давай попробуем, — без особого энтузиазма согласился повелитель нежити. Помогать кому-либо ему раньше не предлагали.

— Пошли, потренируемся причинять добро и наносить пользу, — глотнув напоследок свежего воздуха, повелитель драконов развернулся и двинулся обратно.

Возможно, он действовал на эмоциях: то у него было целых два варианта возможных союзников, то вдруг оба стали прозрачными, почти фантомными. Тавис, на которого он решил попробовать опереться после их задушевной беседы, едва не сорвал план осады, более того, в самый неподходящий момент решил поиграть в ассасина и отправился гулять по территории противника. Один, без отряда, как потом объяснил — «одному проще нападать и скрываться». О том, что все Правители гарантированно будут окружены лучшими бойцами, почему-то не подумал, точнее, понадеялся на авось.

С Орой он после битвы не связывался, но учитывая, что успеха команда не добилась, это и не имело особого смысла: в лучшем случае пожелает удачи, в худшем — позлорадствует, тем и ограничится.

Оставалось радоваться тому, что инферналы, ощутив горячку боя в полной мере, так, как никогда раньше не доводилось, забыли про допущенные Тависом косяки и больше делились впечатлениями от пережитого, чем анализировали, кто какой вклад внёс.

— Тебе на кой? — поинтересовался Фауст в момент возвращения Ресда и Плети.

— Нет, ну скажи. Чтоб понятно было, с чем ты сравниваешь, — настаивал Тавис.

Все участники попойки уже успели пройти по одному очищению, командир тёмных ангелов стремительно приближался ко второму. Фауст, с которым они завязали очередной бесполезный пьяный спор, находился на второй позиции в забеге.

— Какая разница, какой город, если я говорю о явлении в целом?

— Есть разница! Ты, видимо, не наблюдал этого достаточно и потому теперь так рассуждаешь.

— О чём речь? — поинтересовался Плеть, наполняя себе бессчётный бокал.

— Плеть, братюня, вот скажи, — Тавис перевёл взгляд выпученных от негодования глаз на него, — бомжи это хорошо или плохо?

— Стоп! — гаркнул Фауст, поднимая руку. — Не о бомжах разговор!

— Бомжи это совершенно точно плохо, — высказался повелитель нежити. — А в чём проблема?

— Дай я скажу! Нет, дай я скажу! — демонолог руками и ногами вырывал у собеседника инициативу в разговоре и благодаря громкому голосу одерживал победу. — Вот есть церковь, куда люди приносят миллионы денег за то, чтобы им мужик в рясе или с полумесяцем на башке отпустил грехи. Оттуда все уходят одухотворённые, и это считается нормой. Перед церквями сидят местные побирушки, которым все на подъёме раздают, может, не миллионы, но тысячи точно. Это тоже считается нормой. А чуть дальше, за оградой и далее по всему городу сидят точно такие же побирушки, которым точно так же раздают деньги. Но это почему-то считается странным! Для Тависа, по крайней мере.

— Церковь не норма! Бомжи всех мастей не норма! — с революционным запалом рубанул по воздуху командир тёмных ангелов. — Всех на хер, на общественные работы!

— На одних работах далеко не уедешь, — резонно заметил Плеть, — людям надо отдыхать и развиваться. А бомжи и побирушки играют роль объекта приложения сил. Кинул монетку — почувствовал себя лучше, получил моральный подъём.

— Вот, даже он это понимает! — Фауст усилил давление. Тавис в долгу не остался:

— Подъём это круто, спору нет. Но дело-то не в этом! Вы лидеры или кто? Надо же мыслить глобально, не опираясь на

сиюминутные нужды!

Термин «правители» был под негласным запретом, так как использовался в качестве самоназвания противостоящего союза. Вместо него использовали любые синонимы, хоть сколько-то подходящие по смыслу.

— И что же нам предложит гениальный стратег, чуть не сложивший голову во благо науки? — едко поинтересовался демонолог.

— Фауст, не надо, — одёрнул его Ресд. Пояснил: — Ты уходишь от сути спора.

— Я, может, и не гений, но такие вещи понимаю, в отличие от вас, — продолжал злобствовать Тавис. — Хрен с ними, с бомжами, работать всё равно смогут один из десяти. Но если дать слабину здесь, полетит всё остальное! Воры, наркотики, проститутки!

— Приехали! — заорал Фауст, заглушая смешки остальных. — Что ж ты, наркоман грёбаный, лекции нам читаешь, если сам своим правилам не следуешь?

Тавис беспомощно открывал и закрывал рот, но мозг демонолога сейчас работал быстрее: пока на одну насмешку подбирался ответ, успевала сформулироваться следующая.

Состояние Ресда в процессе наблюдения в полной мере отражала фраза «было бы смешно, если бы не было так грустно». С одной стороны, надо было как-то спасать незадачливого напарника, с другой, тот сам загнал себя в ловушку.

Повелитель драконов попытался переключить внимание остальных, но те продолжали упражняться в остроумии — даже Плеть не мог сдержаться, будучи постоянным участником сборищ для потребления различной дряни. В конце концов, пришлось пойти на крайности: Ресд дотянулся до ближайшего стола и два раза с силой ударил.

Мгновенно установилась мёртвая тишина, а на него уставились три пары одинаково ошарашенных глаз. Этот способ несколько раз применялся на занятиях по теории, и кардинальная смена формата посиделок не могла остаться незамеченной.

— Народ, — как можно дружелюбнее произнёс Ресд, фактически «откатывая» этим назад и лишая повода обвинить его в срыве атмосферы неформального общения, — давайте относиться друг к другу по-людски. Даже если Тавис окажется не прав, не надо лишать его возможности высказаться. Дослушаем до конца, а там и видно будет. Ты ведь скажешь, когда закончишь?

Командир тёмных ангелов, не ожидавший такого развития событий, нервно кивнул и начал вспоминать, на чём же он

остановился. Первые слова сопровождало характерное дрожание голоса, но потом алкоголь взял своё, и он снова понёс со всей душой, под настороженными взглядами остальных:

— Я, может, веду себя не совсем правильно. Но у нас свои условия, а на Земле свои. И мы обсуждаем объективные законы социального действия. А суть их заключается в том, что, как только ты даёшь слабину в одном месте, тебя тут же пробуют на крепость в другом. И так, пока не разрушат окончательно всё, на чём держится общество.

— Государство не разрушается, — вставил Фауст, — иначе разрушилось бы давным-давно.

Ресд тихо шикнул на него, и демонолог скривился, показывая, что больше не собирается участвовать в происходящем. Жестом подозвав ждавшую в стороне демонессу, он усадил её на пол рядом с собой на колени и стал использовать её голову как тактильную игрушку для снятия стресса.

— Оно разрушается, так или иначе. Но периодически появляется кто-то, кто его восстанавливает, — объяснил Тавис. — Если вовремя закручивать гайки, всё будет работать. И тем не менее, бомжи, проститутки, наркоманы и прочие отбросы общества это негатив, от которого следует избавляться постоянно, как только они начинают появляться. Потому что это как накипь… или, скорее, ржавчина — появляется при коррозии и углубляет её.

— Чем тебе проститутки-то не угодили? — поинтересовался Плеть, заняв освободившееся место оппонента. Тавис снова выпучил глаза:

— Как ты вообще можешь их защищать?!

— Ну, смотри, — повелитель нежити предпринял попытку разобраться спокойно и взвешенно, — во-первых, они перерабатывают лишнюю половую энергию. Либидо это, кажется, называется. Название «древнейшая профессия» подразумевает, что людям всегда требовался выход для неё, а проституция позволяет делать это без вреда для окружающих.

— Без вреда?!

— Если гормоны не переполняют мозг, человек не начнёт бросаться на окружающих, и всё такое.

— Ты понимаешь, что это уничтожает институт брака?! — возопил Тавис, по-видимому, не веря, что слышит такое от напарников. Те, впрочем, испытывали похожие ощущения.

— Дожили, он защищает брачно-семейные отношения, — отстранённо прокомментировал Фауст.

— Брак необходим для нормального функционирования государства! Это ячейка общества, на которой держится всё

остальное! А проституция её подтачивает!

— Всё так, — саркастично отозвался демонолог. Поднял вверх кулак: — Слава кэ-пэ-эс-эс.

— Не додавили эту гадину в советах, — мрачно сообщил Тавис.

— А пытались? — засомневался Плеть.

— Все всегда пытаются. Но только наталкиваются на таких, как вы, и всё останавливаются!

— Слышь, попроси у меня ещё кого-нибудь создать, — обиделся Фауст. — Святоша недоделанный.

— Война закончится — у меня будет всё, — пообещал чуть изменившимся тоном Тавис. Глаза его заблестели лихорадочным блеском. Ресд навострился: кажется, начиналось самое интересное, то, ради чего и стоило слушать все предшествующие рассуждения. — Брошу пить, курить и начну…

— Заниматься спортом! — хохотнул Фауст. Повелитель драконов оборвал его движением руки.

— И спортом, если захочу! А в первую очередь я займусь своей страной. Построю её в том виде, в котором она заслуживает быть, — не кузницей для непрекращающейся войны, а раем на земле. Или в небе, не важно! Главное, что люди там будут людьми, а не скотами. Будут относиться друг к другу… как братья и сёстры, не на словах, как в церквях грёбанных, а на деле! Будут любить друг друга и уважать, не свысока, а на равных. Наркотиков не будет, потому что все будут счастливы. Вместо алкоголя буду проводить культуру в массы — тот же спорт, театры, музыка, балет! Чтоб даже не думали ни о чём помимо этого.

— А если будут думать? — поинтересовался Ресд. Тавис сходу ответил:

— Не будут. Я хороший пра… лидер, придумаю что-нибудь.

— Что ж они на протяжении всей истории с либидо своим разобраться не могли? — вклинился Фауст.

— Потому что отношения были не те! — огрызнулся повелитель тёмных ангелов. — Если у тебя будет чёткое понимание, что это плохо, ты не будешь этого делать! А если будет вот такое вот «либидо слить, бутылочку пососать», то никогда общество и не избавится от этих пороков.

— Да ты идеалист, Тавис, — задумчиво произнёс Ресд. — Не ожидал от тебя.

Совершенно неожиданно, причём, кажется, для всех, Тавис вызверился. В глазах его загорелась самая настоящая ненависть.

— Я не идеалист! — свистящим полушёпотом произнёс он, — идеалисты хотят мира во всём мире. Они хотят, чтобы рай

наступил по всей планете и все почувствовали его на себе. Но такого не будет! Я этого не допущу, слышишь?! Они даже через мой труп не пройдут — это я пойду по их трупам, а потом скормлю их животным! Их и всех, кого они защищают. Воры, насильники, убийцы. Все, кто портит общество своим присутствием, тянет его вниз. Пока их не уничтожить, не вывести под корень всю заразу, которую они несут с собой, мира на земле не будет. Ни для кого. И я жизнь положу для того, чтобы не допустить этого рая для всех, потому что, если они сделают его так, как хотят, места для моего — уже не останется! И придётся снова… возвращаться к войне… кузнице…

Всхлипнув, Тавис опустил голову и выронил бокал, который держал недопитым уже несколько минут. С жалобным звоном стекло разлетелось, оставляя бордовую кляксу на полу, но на это, похоже, никто не обратил внимания. Прежде чем кто-то успел встать, Тавис выбежал из зала, не глядя захлопнув за собой дверь.

— Дела, — протянул Фауст. — Не знал, что он так может.

— Только не продолжайте, — негромко попросил Ресд, залпом допивая своё вино.

Плеть ничего не произнёс, но многозначительно вздохнул.

Глава 10

— Как самочувствие? — встретил меня вопросом Виграф. Сегодня он был в светло-синей рубашке классического покроя, но более ничем не отличался от себя-предыдущего и с аппетитом поглощал какую-то кашу, сверкая жизнерадостным лицом. Я, впрочем, тоже не чувствовал дискомфорта после затянувшихся посиделок и честно ответил, садясь напротив:

— Нормально. Твоё, смотрю, тоже.

— Вполне. А значит, мы готовы развивать начатое. Как ты смотришь на прогулку по программе «всё включено»?

Следом за мной в зал вбежала Альма и, виновато поклонившись в сторону хозяина, заняла место по инструкции, за моим стулом; манку из большой кастрюли в центре стола я успел наложить сам. Бросив на нас весёлый взгляд, Виграф издал короткий звучный вздох, проассоциировавшийся у меня с былинными барышнями, томно поглядывающими из окна светёлки.

— Альма, нальёшь чаю? — попросил я, вспомнив недавние наставления. Девушка просияла и кинулась к посуде; хорошо ещё, что сорт подавался один и не возникло потребности разбираться в нюансах. — А что за программа такая?

— О! — Виграф чуть наклонился вперёд и стал таинственно рассказывать, сопровождая слова плавной жестикуляцией одной рукой. Выглядело это как нечто среднее между объяснением плана диверсии, рекламой нового шоу и воспроизведением сказок тысячи и одной ночи. — Минуя несколько близлежащих доменов, мы попадём на Змеиную гряду, одно из самых высоких скоплений гор в этой части мира. Поднимемся на самый верх, наблюдая рождающийся на наших глазах закат, и попадём в гости к моей подруге, которая живёт в вулкане, подобного которому ты ещё не видел!

— Учитывая, что это будет первый вулкан в моей жизни, я заинтригован.

— Ваш чай, милорд, — прошептала Альма практически мне на ухо. Поймав ещё один взгляд Виграфа, я мысленно вздохнул — как же это всё странно ощущается! — и коснулся руки девушки, которой она пододвинула чашку.

— Спасибо.

— Альма, дорогая, сбегай вниз скажи, что мы скоро отбываем, — отослал её феодал. Прищёлкнул пальцами: — Ах да, Маркус, ты ведь не против оставить лошадей и прогуляться на дирижабле?

— Ого! — от лошадей мне по-прежнему требовался отдых, да и предложение было необычным. — Полностью за.

— Прекрасно. Распорядись тогда, чтобы подготовили дирижабль. — Когда за девушкой захлопнулась дверь, он торжествующе развёл руками: — Совсем другое дело! Скорость твоего прогресса по сравнению со вчерашним днём просто поражает.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но, вспомнив о присутствии за спиной Виграфа Берты, почувствовал, что краснею, и переключился на завтрак.

Закончив, Виграф подошёл к окну и кивнул вниз:

— Вон он, красавец.

Во дворе раскладывали сложную конструкцию из кусков полотна мягко-серого цвета, соединённых между собой деревянными, вроде бы, рейками. В центре оно приподнималось каким-то объектом размером с автомобиль, вероятно кабиной или как там оно называется.

— Поместится? — выразил сомнение я, вставая рядом.

— Конечно. На определённом этапе вступает автоматизация, и дальше надо только следить за ветром.

Мне стало любопытно, и я решил досмотреть процесс до конца.

Действительно, когда полотно заняло практически всё доступное пространство, над кабиной сам собой возник пузырь, который стал быстро расти и поднимать за собой оболочку. Дойдя до уровня нашего окна, шар остановился и воздух перенаправился в стороны.

Объект внизу оказался похож на открытую конную коляску века восемнадцатого-девятнадцатого, но не обособленную, а лежащую на обнимающем её снизу и сзади моторном отсеке, органично продолжавшем контуры.

— Здорово! — восхитился я. — Вот куда тратят потенциал люди, далёкие от войны?

— Ага, на средства доставки, чтобы стать к войне чуточку ближе.

— Серьёзно?

— В некотором смысле, — Виграф усмехнулся, но обычные для него озорные искры в глазах притухли. — В рабочем режиме он становится невидимым, чтобы завистники и дураки не могли испортить удовольствие.

— Эк у вас тут, — покачал головой я.

— Да как везде, — феодал тряхнул волосами и вернулся к столу. — Ну-с, можно начинать собираться. Час у нас точно есть, хотя никто не мешает отправиться и к ночи.

— Что надо успеть сделать? — деловито поинтересовался я. Вираф окинул меня долгим оценивающим взглядом. Кивнул самому себе, снова посмотрел мне в глаза.

— Одеться.

Личность приютившего меня человека характеризовалась уже тем, что помимо «комнаты для прослушиваний» он уместил в свой не такой уж большой замок комнату для переодевания. Натурально, две стены из четырёх целиком занимали шкафы, а окно напротив двери, по всей видимости, оставили чтобы оценивать вид одежды в солнечном свете. В углу у окна возвышались ростовые зеркала, позволяющие разглядеть себя с любого ракурса.

Обошлось без бесконечных примерок, но минут десять Вираф плясал между секциями, напевая что-то под нос и изредка поглядывая на меня. В конце концов, подобрал два комплекта и торжественно вручил:

— На, присматривайся, я скоро приду.

Льняная пара из спортивных брюк и рубашки с подвёрнутыми рукавами мне не приглянулась, хотя и выглядела неплохо. А вот чёрные с фиолетовым отливом брюки и мягко-сиреневая рубашка затронули в душе что-то связанное с княжеством и были немедленно надеты. Они оказались малость неудобны в нескольких местах, и я решил две проблемы за раз — сделав подправленную копию и вернув оригиналы на место. Теперь и мне будет что носить, и хозяин ничего не потеряет.

Вскоре вернулся Вираф в синем костюме с золотого цвета декоративным оформлением, включая характерную шнуровку на торсе. Окинул меня довольным взглядом:

— Хорошо.

— Твой в шкафу, — сообщил я, — это уже копия.

— Чудо, а не ребёнок, — феодал всплеснул руками.

— В смысле?

— Анекдот такой есть, — он подошёл ко мне, расстегнул дополнительно одну пуговицу сверху, доведя счёт до двух, поправил рубашку на плечах. — «Сёмочка, иди домой обедать!» — «Мы поели у Мойши, мам!» — «Чудо, а не ребёнок!»

Я усмехнулся. Задал наиболее интересующий сейчас вопрос:

— Ты серьёзно пойдёшь в этом?

— Почему нет? — в голосе Виграфа звучало искреннее недоумение. Встав в героическую позу, он краем глаза полюбовался на своё отражение в зеркале. — Не вижу ни одной причины.

Память о доспехах местного предводителя светлых сил заставила смириться. Но на всякий случай я уточнил:

— Мы, чисто случайно, не на слёт гусарского клуба едем?

— Обижаешь! Я такой один. Хотя интересная задумка для домена, надо будет подкинуть кому-нибудь мысль.

— А не жалко? — удивился я. — Да и вообще, зачем подкидывать кому-то мысли? Неужели люди сами не знают, чего хотят?

— Я бы сказал, их желания слабо соотносятся с формами создаваемых сообществ, так что этот момент никого особо не волнует.

Ответ так удивил, что на нём разговор и прервался, и я молча последовал за занимавшимся последними приготовлениями Виграфом. Лишь однажды поинтересовался:

— Люди ведь объединяются по интересам. А разве можно, имея одинаковые интересы, формировать различные структуры?

— Разумеется. Политические партии — самый явный пример, — походя отбил феодал, на секунду оторвавшись от дел. Пришлось снова согласиться с ним.

Судя по тому, что провожать нас почти никто не вышел, даже Альма, о которой я волей-неволей думал большую часть времени передвижения по замку, путешествия Виграфа были делом более чем привычным. Сев на диванчике по ходу дирижабля рядом с полной рычажков панелью, феодал дёрнул самый большой из них и помахал находящимся внизу. Лестницу, по которой мы забирались, уже отодвинули, так что от заведения мотора до подъёма в воздух прошло секунд десять, не больше. С непривычки вцепившись сразу в оба борта до боли в пальцах, я наблюдал, как перед нами под низкий подвывающий гул проплывают многочисленные башенки и, наконец, остаётся целиком внизу замок.

Владелец его, спокойно откинувшись и положив одну руку рядом, подставлял лицо ветру и не показывал ни малейшего волнения по поводу отсутствия стен и нормального потолка и сопутствующей возможности выпасть.

— Здесь есть какая-нибудь спасательная система? — крикнул я, перекрывая шум силовой установки.

— Конечно! — отозвался феодал. Протянул руку назад, похлопал по стенке: — Минибар!

Не выдержав, я расхохотался. Страх в самом деле немного отступил.

Через несколько минут дирижабль закончил манёвр и поплыл вдоль побережья на восток. Мотор притих и теперь мерно гудел, заставляя вибрировать пол; скорее всего, вибрация шла и раньше, но трясущимися от мандража ногами это сложно было определить. Набравшись смелости и глянув вниз, я увидел

простирающееся под нами море, уходящее куда-то за горизонт. Видимо, сразу к эльфийским берегам, если на пути к ним не встречалось островов.

— Я, конечно, много на чём летал… хотя вру, не так уж много, больше наблюдал. Но даже летающие животные не заставляли так бояться.

— Животным можно довериться, — высказал предположение Виграф, — с машинами в этом плане сложнее. Но ты можешь довериться мне.

— Как насчёт статистических данных? Сколько успело опробовать эту штуковину, сколько остались довольны?

Феодал задумался:

— Человек десять, плюс-минус. Количество добравшихся до пункта назначения совпадает с количеством погруженных. Случаи выпадения за борт — множественные, с повторами, на совести отдельных людей.

— Я их не знаю, случаем?

— Меня ты точно знаешь, — беззаботно отозвался Виграф. Рефлексы сработали моментально: я сперва вцепился в ближайший борт, и только потом стал анализировать и спросил:

— И по какому случаю они выпадали?

— По случаю употребления алкоголя, — усмехнулся Виграф, постукивая пальцами по приборной панели. — Кто-то сам на спор прыгал, кого-то выносило из-за потери координации.

— Но домой доставлены были все, — напомнил я. — Каким образом?

— Спасательный круг. На воду садиться слишком сложно и неоправданно, так что я сидел наверху и тянул верёвку. Хотя одного привезли прям так, понравилось ему, видите ли. Ну, а мне-то что, привязал верёвку и полетел.

— Всё равно ведь опасно, — я представил такой полёт в подробностях и, хотя не мог не оценивать его зрелищность, сомневался в безопасности.

— Над алкоголем я, увы, не властен, — Виграф развёл руками, — а пьяный слышит слово «опасно» как «круто».

— Мда.

По правому борту, слева от меня, закончились горы, нависавшие над заливом, где осталось наше прибежище, и открылась холмистая местность, примерно такая же, как преодолённая мной по пути от троицы воителей. Замков стало меньше, даже с учётом дальности обзора, но меня они особо и не интересовали, в отличие от пейзажей, напоминавших об оставленных на другом краю земли государствах.

— Кстати, — вспомнилось вдруг, — ты хотел обсудить

земельный вопрос применительно к здешней империи.

— Нет повести печальнее на свете, — с готовностью отозвался Виграф, — чем повесть о песочнице и детях. Хотя начиналась империя, как водится, не с этого. Тебя ведь интересует экскурс в историю?

— Ещё как. Думаю, для понимания происходящего он мне необходим.

— Может статься, он запутает тебя ещё больше, — подмигнул феодал. — Там увидим. В общем, собралась как-то знакомая компания обсудить насущные тяготы, да и решила попробовать действовать сообща. Мало того, полноценное государство построить! Как подобает всем серьёзным людям, для которых слова «план захвата мира» не пустой звук. Строить решили таким образом: заводила, по стечению обстоятельств — наиболее успешный в военном деле, стал верховным главнокомандующим, остальные — его офицерами во главе собственных дружин. Молодая динамично развивающаяся компания успела подмять под себя с пару десятков соседей, пока остальные поняли, что схема рабочая и стоит внимания.

— А раньше никто не знал, что кооперация решает? — удивился я.

— Кооперация это одно, а тут совсем другое! Если тебе предложат подружиться с кем-то против кого-то, ты, скорее всего, согласишься. Но если предложение будет носить неопределённый характер, при том, что от тебя требуется подчиниться кому-то, ты наверняка откажешься.

— Ну, допустим.

— Когда накопилась критическая масса, вольные — а именно так они стали называть себя в противовес покорившимся империи — объединились в союз, на равных встретились с армадой с востока и с небольшим перевесом одержали над ней верх. Поток желающих присоединиться к империи к тому моменту уже иссяк: кто-то испугался, кого-то смутили слухи о внутренней смуте. Одно за другое, и имперцев погнали обратно, отбирая завоёванное.

— «Покорившимся» — это их собственное восприятие? Или реальное положение дел таким и было?

— Вот слушай, — продолжил Виграф. — Компания, как ты догадываешься, за прошедшее время разрослась на притоке добровольцев. Принципы организации остались прежними, но заметив, что новички довольно часто воюют не так хорошо, как от них ожидают, компаньоны усложнили структуру. Офицеры, они же курфюрсты, как их называли некоторые, стали так же, как Вождь ими, командовать всеми прочими. Стали офицерами не

только среди создаваемых, но и среди равных. Им это очень понравилось, тем более, что скоро у них появились собственные фавориты и помощники, образовывавшие ближние кружки.

— Могу предположить, что, как только начались неприятности, эти кружки моментально перегрызлись, — высказался я, вспоминая по ходу рассказа лекции Веалена.

— Всё так. Некоторые погрузились в интриги за влияние на Вождя, некоторые открыто объявили о неподчинении. Ну, как, открыто… Перестали отвечать на сообщения и ушли в глубь территории, чтобы с группой единомышленников поселиться на приглянувшемся куске земли. Кто-то переметнулся к союзу вольных, договорившись, что им оставят домены в нынешней приграничной полосе и не предъявят в дальнейшем претензий. В общем, идея централизованного государства получила обоснование, но реализация вышла так себе. Первая волна контрнаступления отобрала половину территории, потом оставшиеся офицеры убили Вождя, попытавшегося провести чистку рядов от деструктивных элементов, и вторая волна отхватила половину от того, что оставалось.

— И они удержались? — удивился я. — Не разбежались окончательно?

— Так ведь остались, с одной стороны, достаточно способные, выжившие в междоусобице, с другой, самые замотивированные на продолжение. Они видели, чего можно добиться с помощью империи, и после такого уже не захочешь возвращаться к одиночному существованию. Неразрешимые противоречия ушли в прошлое вместе с теми, на кого они были завязаны, и все имперцы объединились в совет во главе с Лидером. Оставшуюся под контролем землю поделили поровну, без учёта прежних границ, полнота власти в новых доменах отошла к их хозяевам. Во время войны Лидер становился главнокомандующим и для этого созывал всех с ополчением, а в остальное время неспешно занимался учётной деятельностью: перепись населения, наличный объём потенциала, и прочее по мелочи. С масштабными задачами вроде переписи помогали инициативные группы.

— Либо всё превратилось в болото и развалилось, либо Лидер занялся укреплением позиций, — высказал я предположение.

— Нечто среднее.

Сделав паузу, Виграф пощёлкал рычажками, корректируя параметры нашего движения. Продолжил:

— Период мирной жизни растянулся на довольно долгое время. И мало-помалу имперцы стали игнорировать свои

обязанности, при том, что продолжали пользоваться пассивными благами: на два десятка человек, как ты догадываешься, никто просто так не нападёт. На этом фоне начал кристаллизоваться бюрократический аппарат, который объединил сторонников жёсткой линии и вёл пропаганду на тему «заплати налоги — и спи спокойно».

— А зачем им налоги?

— Устойчивая фраза. Там ценились не деньги, а солдаты, которых все имперцы должны были раз в период создавать за свой счёт и поставлять в копилку государства, которой распоряжался Лидер. Должны были — но выполняли не все и не в полном объёме. На эти споры наложился — та-дам! — земельный вопрос. Прослышав о чудесном изобретении местных политических гениев, в империю устремились изгнанники, готовые за кусочек свободной земли в хорошем районе и подчиниться, и платить взносы, и вообще всячески поддерживать линию партии. Кусочки они получали маленькие, но зато бюрократия использовала их для пропаганды против старых имперцев, которые действительно смотрелись на фоне новичков довольно блёкло. В день икс на совете подняли вопрос о переделе доменов в целях расселения в достойных условиях приобретённых верноподданных — разумеется, за счёт недобросовестных налогоплательщиков. Те возмутились и подняли шум, на них насела бюрократия, и слово за слово — начался вооружённый конфликт. Силы распределились примерно поровну: в распоряжении ленивых владетелей была земля, централистов оказалось больше, но половину составляли малоземельные изгнанники. Пришлось опираться на копилку Лидера. Ко всеобщему, пожалуй, удивлению, конфликт погасили в минимальные сроки — за счёт разницы мотивации сторон.

— И приступили к подготовке к новой войне.

— Разумеется, зачем же ещё нужно было объединяться? Хотя в этот раз всё оказалось не так просто. Империя была ещё не так сильна, сколачивание союза против неё тоже забуксовало. Но многие слышали об очередной гражданской войне на её территории, так что самые хитрые соседи развернули предварительную агитацию: надо ударить по империи сейчас, пока она не окрепла и не ударила сама. При том, что имперцы активно зазывали к себе всех желающих улучшить материальное положение посредством полномасштабной войны и освобождения земли от множества претендентов. Догадываешься, что за этим последовало?

— Насколько понимаю, ценность каждой конкретной головы сильно выросла и пошла война не за территории, а за умы.

— А те, кто ещё не выбрал предпочтительную сторону, активно этим пользовались, — подтвердил Виграф. — Торговались до последнего, выбивая лучшие условия договора. И то, не давая, чаще всего, окончательного ответа, только «можете рассчитывать на меня, позовите, как всё начнётся».

— Да уж. И кому первому надоело?

— Вольным. Им предлагать было особо нечего, сами-то хотели разжиться чем-нибудь. Поэтому, поняв, что хороший момент для наступления уходит, а цирк прекращаться не собирается, они объявили об окончании мобилизации, прямо обвинив в этом безземельных. Большая ошибка. Империя планов не изменила и, подобрав освободившийся человеческий резерв, помчалась вскачь.

— Закончилось тем же, что и в прошлый раз?

— Итог в любом случае был предсказуем, но события пошли по-другому. Выполнив план-минимум, имперцы собрали совет и постановили двигаться дальше. Но до того, как была достигнута следующая планка, Лидера убили: ходили слухи, что он имел какие-то неафишируемые договорённости с новыми соратниками и новые земли собирались поделить исключительно между ними, при том, что первый достигнутый результат поделили между всеми имперцами поровну. Вопрос урегулировать не удалось, так что решили таким способом.

— И империя вошла в новый кризис, — вздохнул я.

Хроника воспринималась скорее как кино или книга, анализ действий участников с точки зрения привычных установок я не проводил: в чём-то было интересно сосредоточиться на повествовании Виграфа и получении удовольствия от общения, в чём-то не хотелось задумываться о том, насколько местные отличаются от Правителей. Последний вопрос лучше было оставить на потом, для свободного размышления.

— Как посмотреть, лично мне кажется, что по сравнению с прошлым разом им повезло. Граница остановилась на том расстоянии, когда союзу всё ещё требовалось приложить достаточно много усилий для оформления, хотя империя могла использовать полученные ресурсы прямо сейчас. Но да, убийство действующего Лидера породило соответствующие споры в совете. В принципе, все были согласны с тем, что это не хорошо, и искали пути решения, но каждый видел их по-своему. Часть, преимущественно бывшие безземельные, настаивали на расширении центральных прав и всеобщем равном подчинении — в их интересах было наличие сильного защитника, не зависящего от старых друзей. Старые имперцы предлагали всеобщую структуру, ранги в которой распределялись бы в соответствии с

военными заслугами. Наверху должен был располагаться совет из десяти самых лучших, а совет возглавлял бы достаточно формальный Лидер. Время поспорить у них имелось, так что ничто не предвещало, как говорится. Но среди радикальных централистов вызрел заговор: они решили, что спорами ничего не добиться и надо убить наиболее ярких представителей противостоящей группировки, чтобы остальные сдались. Удар с наскока не получился, и результатом плохо спланированной операции стала, — Вираф приосанился, голос его стал торжественным, как у церемонийместера на балу, — всеимперская вседворцовая имени его лидерского высочества бойня.

Я шумно выдохнул: ожидать от феодалов гуманности было бы нелогично, но развязка превзошла все ожидания.

— А дальше продолжился старый цирк на новый лад, — Вираф снова сменил тон на обычный с оттенками таинственности, наклонился чуть ближе. — Количество имперцев резко уменьшилось, в разы. Количество земли осталось прежним. Как думаешь, имеет смысл нападать в этот момент?

— Хм… Если подобрать всю освободившуюся землю, количество потенциала, следуя логике, возрастёт пропорционально.

— Только не сам потенциал, а его пределы. Да, именно на этом строили пропаганду выжившие: мы не трогаем вас, вы не трогайте нас, иначе новое наступление будет куда более согласованным, чем раньше, и вам его не остановить. Проверить это так никому и не удалось, потому как никто не решался, и даже если это был миф, то очень красивый.

— Интересно. А что там происходило на самом деле?

— Победили централисты радикального толка, которые установили совершенно новые правила сосуществования. Предводитель их группы взял себе новый титул, Властитель, его власть стала распространяться на всю территорию империи, за исключением только домашних замков. Нового Властителя, обработав имеющийся опыт, договорились выбирать на дуэли с «нулевым блоком», без всякого потенциала, и другие способы выдвижения не считать допустимыми. Блок ставил совет, куда снова вошли все живые имперцы, но в целом его возможности оказались урезаны. Напрямую Властитель занимался только войсками, остальное поручал советникам, которым, по факту, разрешалось делать что угодно для выполнения поставленных задач на условиях личной ответственности за результат. Совет мог обсуждать их действия и устанавливать некоторые ограничения, но не больше. Рекрутский набор оставили, хотя

теперь, понятно дело, за статистикой следили гораздо лучше. И теперь за невыполнение обязательств перед центром могли лишить места в совете, укрепляя таким образом дисциплину.

— А неплохое образование получилось, — оценил я. Виграф кивнул:

— Особенно при том, что лишение места в совете носило характер остракизма. Не можешь исполнять функции — не являешься полноценным имперцем. Сдавай домен и иди куда хочешь.

— Сурово. Но действенно, думаю.

— Как оказалось в дальнейшем, недостаточно действенно. Те участки земли, которые остались в имперской собственности, но потеряли хозяев, после перетасовки перешли в прямое распоряжение Властителя — кроме пограничных, куда переселили часть имперцев из центра. Чтобы не возникало конфликтов с новичками, отрезать им наделы решили именно от этой, свободной земли, мол, Властитель олицетворяет всё государство и, в отличие от других, ничего не потеряет, если передаст часть владений в управление.

— Небось желающие получить бесплатную территорию мигом слетелись.

— Конечно, но всех проверяли на идеологичность и прочие качества. Даже специальные ритуалы возникли по определению пригодности соискателей к получению имперского гражданства. Тем и развлекались, пока время было мирное. Но это всё равно не помогло: новый конфликт новички и спровоцировали, их число, несмотря ни на что, увеличивалось быстрее, чем освобождалась, по тем или иным причинам, новая земля. Каждый новый надел и так был меньше предыдущего, но это не только не улучшало, а даже в чём-то ухудшало ситуацию.

— Война, — пожал я плечами.

— Хотели, — согласился Виграф, — но не успели. Предводитель фракции недовольных выступил на совете с обвинением в адрес старых феодалов, мол, они не исполняют часть обязанностей, но пользуются расположением Властителя благодаря давней дружбе. Те ответили, что новички последних лет должны быть довольны самим фактом присоединения к империи, а не спорить из-за земли, далее обвинения приобрели личный характер, и Властитель оказался вызван на дуэль, которую благополучно выиграл. Недовольные затихли, но на следующем совете предъявили обвинение уже в нарушении дуэльных правил и вмешательстве в ход поединка. Которое следует исправить автоматическим прекращением полномочий действующего Властителя и всеобщими выборами нового.

Закончилось всё снова бойней.

Виграф сделал паузу на управление транспортным средством.

— Новым Властителем стал один из восставших, и земля была поделена между всеми имперцами поровну. Все прежние правила в кои-то веки сохранились, лишь новичкам постановили сосать лапу до ближайшей войны или другого появления новых территорий. В совет им входить разрешили, но без права голоса, так как полноценными членами общества они не являются.

— Сдаётся, я уже знаю результат нового этапа, — усмехнулся я.

— Да уж кому, как не тебе.

— Ну, не скажи. Тут всё так запутано, что половину исходов я бы, может, и предположил, но угадать не смог.

— Так и живём, — развёл руками Виграф, по-прежнему беззаботный. — Многие новички стали вступать в инициативные группы при советниках Властителя, получая таким образом долгожданный голос в совете. Однако через некоторое время поднялся вопрос о том, что слишком уж часто стали подводить кого-то под конфискацию, отыгрываясь, видимо, за предыдущий период. Лишение места в совете ведь отправляло феодала по миру, а его домен передавали кому-то другому, из числа безземельных в порядке очереди. Так вот, сверху надавили, снизу прижали, и выяснилось, что бюрократы вовсю мухлюют со статистикой и списками очередей и действительно специально подводят порядочных имперцев под статью в интересах кого-то из своих друзей. Вот тебе и инициативные группы. Гражданской войны не произошло, новичков было слишком мало, но всех причастных к махинациям без лишних рассуждений перебили, включая тех, кто уже сидел на местах. После этого приём новичков закрыли с концами, решив, что от них слишком много проблем.

— Весело, — заметил я.

— Очень, хотя снаружи за всем этим наблюдать гораздо веселее, чем изнутри. Чем ближе ты к водовороту, тем больше у тебя возможностей узнать, какие сокровища лежат на глубине, но тем меньше возможностей выплыть обратно.

— Как-то так. И чем всё закончилось?

— А пока тем и закончилось. Это последнее яркое событие, и сейчас там всё тихо бурлит в ожидании нового конфликта, между кем бы он ни произошёл. Как произойдёт — можно будет собирать информацию и восстанавливать картину событий. А тем временем мы приближаемся к точке назначения.

По левой стороне от меня из-за очередной гряды показалась небольшая равнина, на которой стояла большая деревня,

вытянувшаяся вдоль подножья горы удивительно ровной формы. Тёмно-серые безжизненные скалы, между которыми вилась выделявшаяся светлым дорожка, уходили к вершине, из которой раз в несколько секунд бил сноп бездымных искр. Периодически неизвестной природы заряд копился и превращался в гораздо большего размера золотой фонтанчик, как от фейерверка.

— Я представлял себе вулканы совершенно по-другому.

— Готов поспорить, такого, — Вираф сделал акцент на последнем слове, — вулкана ты не представлял вовсе.

Дорожка, как я заметил, присмотревшись, шла только до середины склона, где располагались ровная площадка вполне подходящего для нас размера и вход в тёмную пещеру. Заложив плавный вираж, мы направились прямо туда. Без всяких проблем, как заправский воздухоплаватель… воздухопловец?… скорее, просто авантюрист с внушительным стажем, Вираф посадил дирижабль и, дождавшись успокоения мотора, открыл неприметный отсек в полу. Скинул вниз верёвочную лестницу, пояснил:

— Спрыгнуть можно и так, а вот на обратном пути пригодится. Трап мне тут подавать пока отказываются, но я над этим работаю.

С каждым пройденным по тёмному коридору метром — а называть этот тоннель пещерой язык не поворачивался, слишком уж пол и свод были ровными — становилась громче музыка, идущая из условного жерла. Я различил скрипку и гитару, ещё, кажется, фоном играла виолончель. Красивая и энергичная композиция звала ускориться, присоединиться к празднику, устроенному в таком необычном месте. Полумрак распространялся, похоже, на все внутренние помещения; глаза без особых проблем различали детали обстановки, но что-то большее вроде попыток разглядеть выход представляло трудности.

Мы вышли в огромный, теряющийся в размерах зал. Метрах в трёх от пола стены начинали медленно сужаться и заканчивались кратером, в который просматривалось голубое небо. Здесь освещению было уделено особое внимание: оно как будто жило собственной жизнью, неоднородно распределяясь и гуляя во всех трёх измерениях как ему вздумается.

Наиболее яркое пятно приходилось на центр зала, где танцевал единственный присутствующий здесь человек — девушка с рыжими волосами, спускавшимися сзади почти до талии и переходившими в круглую чёлку, в свободном бело-оранжевом платье чуть выше колена. Следуя за её движениями, волосы то плавно перелетали широким шлейфом, то вздымались

настоящей огненной волной, от чего поневоле перехватывало дыхание.

Кажется, она заметила нас не сильно позже появления, но продолжала танцевать, демонстрируя изящность и красоту стройного тела и наслаждаясь производимым впечатлением. Лично я ничего не имел против этого, Виграф так и вовсе напоминал с застывшей на лице полуулыбкой и прищуренными глазами мартовского кота.

Слитно с последней нотой выйдя из танцевального движения, девушка легко, несмотря на тяжёлое дыхание, направилась к нам. Свет сразу же перестроился, выделив нас всех в большой плавно сужающийся круг.

— Лучшего момента для знакомства и представить нельзя, — Виграф вышел вперёд и плавно развернулся, одновременно выходя на позицию для поцелуя и становясь посередине, чтобы наблюдать всех. Девушка с готовностью подставила щёку. — Маркус, позволь представить тебе хозяина этого домена, богиню музыкального вулкана и самую обворожительную даму в этой части света Луару.

— Раз от раза всё напыщеннее, Граф, — проворковала девушка, шутливо отмахиваясь от него. У неё обнаружилась очень мило звучащая картавость, наподобие французского акцента.

— Луара, это мой дорогой гость, заехавший в наши места в поиске приключений, Маркус. Прошу любить и жаловать.

— Это ты удачно попал, приключений у нас всегда в достатке, — подтвердила девушка, окидывая меня пристальным и оценивающим и одновременно хитрым лисьим взглядом. Пространство под её глазами было щедро усыпано веснушками, от маленького аккуратного носа до острых скул. Тонкие губы изгибались в загадочной улыбке, от которой можно было ждать чего угодно.

— Приятно познакомиться, — я слегка наклонил голову, Луара в ответ сделала намёк на книксен, насколько позволял короткий подол.

— Чай, кофе, перекус? — предложил Виграф. — Или сразу танцевать?

— Вы голодные, мальчики? — поинтересовалась Луара.

— В меру, — феодал отозвался за обоих. — Мы вылетели сразу после завтрака, но скоро надо будет подкрепиться.

— Поняла, никаких проблем.

В стороне, куда махнула рукой девушка, возникла из темноты большая стойка с «набором для вечеринки»: тарелки с нарезкой, канапе, вазочки со сладостями, мисочки с фруктовым салатом, и тому подобное.

— Я, пожалуй, тоже схвачу чего-нибудь, — решила она.

— Пока ты отдыхаешь, я могу ввести Маркуса в курс дела, — предложил Виграф.

— Давай. А там и я присоединюсь.

— Что от меня требуется? — с лёгкой опаской спросил я, когда мы зашли чуть глубже в зал. Феодал развёл руками:

— Это же очевидно. Танцевать!

— Я не умею, — чуть нервно отрезал я. — Вообще. Не хочу позориться.

— Но ты чувствуешь музыку, — Виграф изобразил кистью движение волны, — отслеживаешь, как она течёт, как влияет на тебя.

— Этого недостаточно. Если ты привёз меня сюда ради этого…

— Смотри.

Он провёл мыском полукруг по полу, и вдруг едва ли не у меня над ухом заиграла невидимая скрипка. Мозг подсказывал, что покрытие у пола очень странное и издаёт ненормальные звуки, но я на всякий случай обернулся: пусто.

— А вот так? — спросил Виграф; происходящее его веселило. Полукруг, сделанный его рукой, отозвался уже голосом виолончели. Движение кистью сверху вниз пробудило трубу с низким тоном.

— Ещё, — попросил я, пытаясь разобраться.

Виграф сделал сложное движение ногами, перескочив вбок; мне это почему-то напомнило танцы из американских мюзиклов середины или начала двадцатого века. Невидимый — несуществующий? — оркестр молчал. Затем то же самое движение в обратном направлении — и я услышал примерно те же не то джазовые, не то роковые аккорды, с которыми и ассоциировал визуально.

— Ты рисуешь музыку? Серьёзно?

— И ты рисуешь музыку. Все могут рисовать музыку, если захотят, — феодал поплыл вокруг меня в ритме вальса под соответствующую мелодию фортепьяно и скрипки. Сделав широкий круг, вернулся назад, встал прямо передо мной и, уперев внимательный взгляд, настойчиво произнёс:

— Просто попробуй. Думай о той музыке, под которую двигаешься, и действуй. Главное, не ломать ритм и не ломать гармонию между движениями и музыкой.

— Не ломать гармонию по много лет учат в специальных школах, — проворчал я напоследок. Но в голове уже формировалась задача и просчитывалось, что потребуется для её выполнения. И, конечно, разгорался азарт.

— Дать совет? — предложил Виграф.

— Давай.

— Начни с малого, к большому ты так или иначе придёшь. Найди знакомую песню с подходящим ритмом и пройдись по залу, подстраивая под неё шаг. Главное, не выпускай из головы. Ходил когда-нибудь с плеером в ушах по городу?

Действительно, цепочка самых обычных шагов отозвалась мерным барабанным ритмом. Поддавшись желанию и чуть усложним движение, я добавил перезвон тарелок.

— Работает! У меня получается!

— Так держать! — крикнул Виграф, от которого я, сам того не отследив, оказался уже довольно далеко.

Сами собой включились руки, складываясь в какие-то банальнейшие формы, но, пока я не задумался об этом, они встраивали в рождавшуюся композицию звуки гитары. Переселив себя и снова позволив телу жить собственной жизнью, я вернул гитару на место и понял, чего от меня хотели и что пытались донести.

Вокруг звучала практически та песня, которую я знал и на которую ориентировался. Однако попытка остановиться и продолжить танец на месте, в том виде, в котором, как я знал, он и должен был проходить, окончилась провалом — инструменты зафальшивили, вызвав цепную реакцию с движениями рук и ног, и в конце концов я остановился.

— Отлично! — до меня добежал Виграф, одобрительно похлопал по плечу. — А ты говорил.

— Я же не знал, что всё… вот так, — я развёл руками со смущённой улыбкой, не в силах выразить кипящую внутри бурю эмоций. — Беру слова назад, спасибо, что привёл меня сюда.

Феодал широко, с витиеватым движением рукой церемониально поклонился.

Сперва я боялся, что, засмотревшись на Виграфа и Луару, не захочу ничего делать сам — куда мне до них, если они этим занимаются постоянно? Но оказалось, что всё органично дополняло друг друга: они танцевали, даря как возможность полюбоваться различными стилями, так и идеи для движений, потом они отдыхали, а я постигал границы своих тела и фантазии и вникал в услышанные советы, и далее по новой.

Автоматически регулировалось не только освещение, но и температура: потоки обнимающего воздуха становились то теплее, то холоднее, благодаря чему всегда было комфортно и никто не перегревался, хотя попытки предпринимались постоянно.

В какой-то момент ребята начали спорить и до меня донесся

голос Луары:

— Ну, Граф! Ты уже давно про неё не вспоминаешь, когда я её увижу?

Приблизившись из интереса, я ненароком стал участником происходящего:

— Вон, и Маркус ничего подобного ещё не видел. Покажи класс, Граф!

— Хорошо, драгоценная моя, только не делай такие жалобные глаза, — погладив Луару по волосам, сдался феодал. Встал с диванчика, на котором они отдыхали, потянулся. — Но сначала ты покажешь нам обоим Нотр-дам.

— Ох, вредина! — фыркнула девушка. — Ну, ладно, так и быть.

Поднявшись следом, она шутливо толкнула парня в бок, вышла на свободное пространство и подняла руки. Платье, уже неоднократно за сегодня менявшееся, превратилось в длинный цветастый цыганский наряд.

— Маркус? — обратилась девушка ко мне. — Как тебе Нотр-дам де Пари?

— Мюзикл? — уточнил я. — В оригинале ни разу не видел. В записи, если честно, тоже… Но несколько песен знаю, нравится.

— Я лучше оригинала, — убедительно произнесла Луара с хитрой улыбкой. Пройдя мимо и проведя рукой по моему плечу, от чего по телу прошла дрожь, она направилась в центр.

Заняв место рядом с Виграфом и дождавшись вступления музыки для гарантии приватности, я поделился:

— Она умопомрачительная, во всех смыслах.

— Надеюсь, тебя не одолевает желание сбежать? — усмехнулся феодал, делая глоток из высокого стакана.

Ответ уже был в голове, но на всякий случай я перепроверил его, проанализировав ощущения:

— Нет. Здесь здорово.

— Это хорошо, — спокойно кивнул Виграф, наблюдая за танцем девушки. — Потому что ей ты тоже нравишься.

— Да..! Блин, какого… — справившись с собой, я гораздо более осознанно и членораздельно возмутился: — Ты либо врёшь, либо подстраиваешь всё так!

— Ни то и ни другое, — с чувством произнёс он. Обернулся ко мне с расслабленной улыбкой. — Смирись, Маркус, ты нравишься девушкам. Волноваться нужно было бы в обратной ситуации, а тебе нужно просто протянуть руку и взять то, что само к тебе тянется.

— Я не… Ох… Не то чтобы я не хочу, но… — против воли я бросил взгляд в сторону Луары, кружившейся под звуки гитары,

барабанов и скрипки. — Это не моё. Понимаешь?

— Расслабься, оно ничьё, — Виграф посмотрел на меня более пристально и серьёзно. — Она не моя девушка, которую я пытаюсь подложить товарищу в постель. Она не подруга, проигравшая мне спор. Она совершенно самостоятельна и умеет выбирать объекты интереса. Интереса, хочу заметить. Она не спит с каждым встречным, всего лишь уделяет внимание тем, кто этого заслуживает.

— Я первый встречный.

— Нет. Тебя привёл я, и это достаточно много говорит в твою пользу. У нас, кстати, есть определённая договорённость: наиболее интересных гостей мы стараемся вытаскивать и к другому тоже — разбавляем таким образом круг общения и оказываем небольшую помощь.

— Неужели вам так скучно? — поморщился я, выигрывая время на обдумывание основного вопроса.

— Всем иногда бывает скучно. И я сейчас не про постель. Такие люди, как мы с Луарой, действительно зависимы от количества новых знакомых. А те, с кем можно позволить продолжить общение, и вовсе крупицы золота в куче песка. Ты ведь знаешь цену людям, Маркус. Как думаешь, желание прикоснуться к золоту это плохо?

— Люди гибнут за металл, — бросил я первое что пришло в голову.

— Без металла гибнет гораздо больше, — Виграф тряхнул головой. Чуть влажные волосы липли к щекам, закрывая ему обзор. — Нам не требуется обеспечивать себя. Но взамен мы несём иные тяготы, вроде той, которую я назвал. Ты хороший человек, не лишай другого хорошего человека возможности пообщаться с тобой чуть ближе, чем ты привык. Ты останешься доволен, а её сделаешь капельку счастливее.

Я на секунду закрыл глаза, запоминая ощущения. Чётко произнёс:

— Нет, — и снова устремил взгляд на Луару, чувствуя необъяснимое облегчение, как будто с души слетел какой-то груз.

Какой? Что он там делал, откуда появился? Это, наверное, придётся решать позже. А пока я мог — впервые, пожалуй, за сегодня — совершенно спокойно, не отвлекаясь ни на какие сторонние позывы, наблюдать мастерство танца хозяйки вулкана.

— Кремень, — совершенно неожиданно заключил Виграф, качая головой с оттенком, если мне не показалось, восхищения в голосе. Он мягко положил руку мне на плечо: — Надеюсь, это не станет причиной раздора между нами. Наслаждайся вечером, ты это заслужил.

Я ничего не ответил — всё равно не смог бы подобрать слова, да и Луара уже заканчивала.

В закрывающем большую часть тела платье ей было довольно тяжко, так что я всё-таки увидел капли пота на её лице. Отдышавшись, девушка, точно отмеряя интонации, попросила:

— Воды, умираю.

Виграф уже держал наготове наполненный стакан, который поднёс с почтительным полупоклоном:

— Я же говорил, богиня!

— Ну, не только поэтому, — усмехнулась Луара, хотя ей явно были приятны такие восхваления. Приняла стакан, сделала несколько глотков. — Как тебе, Маркус?

— Великолепно, — улыбнулся я, тоже поднимаясь. — Просить тебе станцевать всё произведение было бы чрезмерно, но посмотреть на постановку целиком действительно захотелось.

— Если растянуть на несколько дней, то можно попробовать, это будет интересно, — она попыталась обжечь меня взглядом, как раньше, но эта магия перестала на меня действовать, и я ответил новой не выражающей ничего сверхъестественного улыбкой.

— Ух, как я сейчас разгорюсь, — заметил Виграф, оглядывая зал.

— Не хочешь сменить костюм? — усмехнулся я.

— Да костюм нормальный, ты сам видел. Но к такому я сегодня точно не готовился.

— Меркьюри, Граф! — захлопала в радоши Луара. — Фредди Меркьюри!

— Нет уж, ни раздеваться, ни даже расстёгивать я ничего не буду, — погрозил ей пальцем феодал, — не надо торопить события.

В ответ ему подарили такой же обжигающий взгляд, какой мне недавно, на который он ответил соответственно. Да, эти игры явно были не для меня, по крайней мере, не по моему уровню.

Виграф дошёл до центра, приняв эффектную позу, вызвал на себя луч света из ниоткуда, приготовился и медленно двинулся по кругу, чередуя плавные скользящие движения и быстрые перестраивания. Мелодию, к моему удивлению, взялся выводить величественный орган. Через какое-то время он перешёл на тянущиеся ноты, а мелодию подхватила скрипка.

— Уже пару раз хотел спросить, — вспомнил я, — здесь нельзя воспроизводить слова?

— Можно, — Луара кивнула, — но это требует гораздо большей концентрации. Приходится выбирать, лучший танец или точный текст.

— Ага, понятно. А то и пара знакомых песен была, и мюзикл почему-то без слов…

— Есть ещё такой момент, что слова могут мешать. Не сочетаются с музыкой: у тебя на неё одни ассоциации, а текст совсем про другое. Выбросить — слишком многое потеряется. Так что я настроила таким образом, что мелодия остаётся сама по себе. Встречал когда-нибудь караоке?

— Неа. Но принцип понял.

Виграф закончил вступление, замер на секунду или две. Сделал сложное движение, отбив каблуками ритм и перестроившись, — а затем сорвался в танец такой скорости, что, несмотря на верно следующее за ним пятно света, выхватывающее фигуру из окружающего сумрака, различить конкретные движения в первые секунды оказалось совершенно невозможно. Одновременно я ощутил удар басов, которые за прошедшее время давали о себе знать всего несколько раз и на гораздо меньшей мощности. Сейчас же вулкан, казалось, целиком вибрировал в такт неестественному сочетанию бас-гитары, органа и барабанов.

Мне сложно было бы и просто идти так быстро, а Виграф полностью менял положение тела примерно раз в секунду, успевая вдобавок молотить пол. Что-то подобное я видел в национальных ирландских танцах, но там упор шёл исключительно на ноги, так что феодал, похоже, демонстрировал что-то своё. Ужас, сколько, небось, пришлось потратить времени на подбор движений. Ещё и запоминать это всё до автоматизма…

В какой-то момент оркестр прервался и орган снова повёл свою линию, медленно и торжественно. Виграф завершил серию и буквально выпрыгнул из света, которое по окончании танца осталось на месте.

— Три куплета отбегал, — прокомментировала Луара, — на четвёртый не натянулся.

— Уже три? — удивился я.

Мы оба, тем не менее, были довольны: девушка расчувствовалась и тихонько шмыгала носом, а я испытывал примерно те же ощущения, что после первого своего танца здесь.

— В не совсем подходящих туфлях, но я это сделал, — гордо объявил Виграф, приближаясь. Поклонился нам и только потом направился к столу: захватить воды для него мы не догадались.

— Граф, ты великолепен! — бросилась за ним Луара, всплескивая руками от восторга. — Ты светило, маэстро, уникум!

— Нет, нет, — замахал Виграф, на секунду отрываясь от стакана с водой. Опустошив его полностью, закончил: — Нет, я не буду с этим спорить.

Заливисто рассмеявшись, Луара смахнула с его плеча

несуществующую пылинку и обернулась ко мне:

— Скажи ведь, он великолепен!

— Всё так, — согласился я, подходя ближе. — Страшно представить, сколько времени ты это репетировал.

— А чем ещё заниматься? — усмехнулся Вираф. — Зимой особенно. В гости никто не ходит, вот и тренируемся.

— Пока никто не видит, — добавила Луара со смехом.

— Именно так, — подтвердил феодал, — когда кто-то придёт, будет поздно.

— Можно танцевальную студию открыть для окрестных жителей, — улыбнулся я.

— Да кому они нужны, — отмахнулась девушка. — У них своих забот полно.

— А что важнее, первое и второе?

— Важнее то, чтобы они прокормить могли себя и окружающих. Как в Европе всегда было: сюзерен охраняет, крестьяне кормят. И никто не отвлекается.

Я вдруг почувствовал обиду за людей внизу.

— Ты ведь тоже не охраняешь их целыми днями.

— Почему нет? — удивилась Луара, кажется, искренне. Только сейчас она сосредоточилась на теме обсуждения. Махнула рукой в сторону: — Они ведь там живут и ни о чём особо не заботятся. Ни о соседях, ни о стихийных бедствиях, ни о рекрутских наборах. Благодаря мне.

В том, что её потенциала хватит для остановки стихийного бедствия, я имел все основания сомневаться, но не стал озвучивать эту мысль.

— Не думаю, что им есть разница, с кем жить, с тобой или кем-то из твоих соседей.

— Есть разница. Мне от них ничего не нужно, кроме некоторой доли еды. Я не воюю, не вкладываюсь в авантюры. Не заставляю ничего строить, как в Гнёздах!

— Гнёздах? — не понял я.

— Расскажу завтра, если напомнишь, — вклинился в наш спор Вираф. Молча стоявший до того в стороне, он вошёл между нами и ласково погладил Луару по плечу: — Не переживай ты так, он очень живо интересуется взаимоотношениями и сравнивает твой домен с тем, что видел раньше, в других местах. Маркус, ты ведь не пытался оскорбить её?

— Нет, — честно ответил я, — мне действительно интересно всё, что здесь происходит… Я… извини, если обидел.

— Я же говорю, всё хорошо. — Развернувшись, Вираф коснулся и моего плеча. Тон его ни капли не изменился, но в глазах читалось одобрение и благодарность за усмирение

гордости. — Ты тоже не нервничай, Луара не теоретик и не разбирается в этих тонкостях, ей главное, чтобы люди жили хорошо и были всем довольны, а уж как там организована жизнь на другом конце света — другой вопрос. Поэтому она немного разошлась, думая, что ты её в чём-то укоряешь. Да, Луара?

Девушка кивнула и, отстранив Виграфа, мягко обняла меня:

— Да, я после танца часто бываю на взводе. Нервная система на подъёме, хочется или ещё танцевать, или подраться, или… ещё как-нибудь разрядиться.

— Понимаю, это, наверное, у всех так. — Вдохнув тонкий цветочный аромат духов, я погладил её по руке, лежащей на моей груди. Атмосфера разрядилась едва ли не быстрее, чем начала накаливаться.

Напоследок коснувшись меня и Виграфа, девушка прошла к столу, взяла новый стакан воды и какую-то сладость.

— Думаю, мне пока хватит. От напора Графа такая энергия, как будто это ты танцуешь, а не он. Кто пойдёт со мной наверх отдохнуть?

Вопрос был задан так легко и так спокойно, словно ничего особенного не подразумевал. Если бы не разговор с Виграфом чуть ранее, я мог бы и не догадаться, на что соглашаюсь.

— Маркус, тебе будет интересно посмотреть, как это всё выглядит из окна, — феодал дал последний шанс. Вернее, думал, что последний: прежде чем я открыл рот, Луара нанесла решительный удар, едва не отправив меня в нокаут:

— Музыку можно настроить и оттуда. Так что, при желании, можем подняться все вместе.

Кое-как мобилизовав остатки самообладания, я натянуто улыбнулся и похлопал Виграфа по спине:

— Заманчивое предложение, но уговор есть уговор. Идите, я сейчас посижу и начну повторять всё, что изучил.

— Жизнь коротка, а наука обширна, — с лёгким непонятно откуда взявшимся акцентом произнёс феодал. Волнение? Но нет, голос звучал весело и беззаботно, лишь глаза внимательно следили, как я сажусь на диванчик. Тоже взяв что-то со стола, Виграф приобнял Луару за талию, кинул на меня последний взгляд: — А полностью это звучит как — жизнь коротка, наука обширна, случай шаток, опыт обманчив, суждение затруднительно.

— Спасибо, будет над чем подумать, — кивнул я.

— Пойдём, моя дорогая?

— Не скучай, Маркус, — попрощалась Луара. — Если что, знаешь, где нас искать.

— Конечно.

Проводив их взглядом, я поднялся и, выхватив из памяти едва ли не первую попавшуюся мелодию, начал мерить зал шагами.

* * *

Виграф вернулся спустя два десятка композиций, каждая из которых требовала гораздо больше времени на подбор, чем на собственно исполнение. Я в этот момент лежал на единственном диванчике во всю длину, потихоньку примериваясь здесь и устраиваться на ночёвку.

Тихо приблизившись, феодал осведомился:

— Присяду?

Я не посчитал нужным скрывать своё удивление — слишком устал, чтобы тратить на это силы. Приняв сидячее положение, заметил:

— Я думал, ты с ней и останешься.

— Это было бы нечестно по отношению к тебе, — неожиданно ответил Виграф, без тени наигранности. Он сел рядом, закинув по обыкновению ногу на ногу, свободно сложил руки, откинул голову назад.

Было непонятно, как реагировать на его заявление, поэтому я перешёл сразу к интересующим вопросам, крутившимся в голове всё прошедшее в одиночестве время.

— Вот объясни, ты явно должен это понимать. Если в том, что она приглашает кого-то к себе, нет ничего особенного. И нас тут всего трое, при том, что все в курсе её дальнейших планов. Почему нельзя говорить честно и открыто? Обычных танцев не хватает, хочется ещё и словесных?

— Так ведь это для нашего же удобства, — отозвался Виграф, так же безмятежно и нисколько не удивившись. Он похлопал одной рукой по сиденью дивана: — Мягкое сиденье помогает отдыхать твоим ногам. Словесные кружева помогают отдыхать твоим нервам.

— Каким же образом?

— А ты сам представь. Луара говорит, что ты ей нравишься, и предлагает разделить с ней постель. А ты отказываешься и продолжаешь танцевать.

Возникшая в голове картина отдавала сюрреализмом.

— Это называется метод от обратного, — не дожидаясь ответа, продолжил Виграф. — Достаточно представить положение дел при тех параметрах, которые ты хотел бы иметь, и вопрос может решиться сам собой.

— Я знаю, как это работает, — кивнул я, — но представлял всё это по-другому. Не прямое признание, а… Какие-то более понятные намёки, наверное. Я же в самом деле мог подняться туда, ничего не понимая до последнего момента!

— А, ты всё-таки знаешь ценность словесных кружев, — одобрительно протянул Вираф тоном коварного персидского визиря с характерным прищуром. Чуть развернулся в мою сторону. — Просто Луара оплела тебя ими с ног до головы и этого показалось много. Насчёт последнего момента — я тебе подыграл, помня о проблемах с Альмой. А так — всякое может быть: кто-то действительно отказывается перед самым финалом и уходит с криками и обидой, кто-то сдаётся в процессе. Люди разные, и даже те, которые считаются золотом среди песка, могут поступить как-то… некорректно.

Мы замолчали, думая каждый о своём. Потом Вираф уточнил:

— Ты пойдёшь наверх за чем-нибудь?

— Нет, — я покачал головой, — пусть всё останется как есть.

— Ну, всё оставлять не обязательно. В конце концов, там есть отдельный душ.

Взвесив всё ещё раз, я ответил:

— Не сейчас. Я не в таком плохом состоянии после танцев. Если ты не считаешь иначе, конечно.

— Всего лишь счёл нужным дать тебе эту информацию, никаких намёков, — Вираф поднял руки, демонстрируя, что они пусты. — И, независимо от ответа, далее последовало бы предложение прогуляться до дирижабля. Спать там не слишком комфортно, но всяко лучше, чем здесь на диване, да и поговорить можно.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, — высказался я.

— Чем именно? — живо поинтересовался феодал.

— Хм… наверное, тем, как быстро перестраиваешься. С одной модели поведения на другую, с одних ключевых точек на другие.

— Интересно. — Уже оказавшись на пару шагов впереди меня по пути к тоннелю, он добавил: — Наверное, я по привычке танцую.

— Вполне возможно.

Баллон дирижабля, как оказалось, имел специальный зеркальный режим. Одинокая высвечиваемая звёздами коляска на площадке перед входом выглядела как необычный памятник на невысоком постаменте, и тем страннее было забираться внутрь.

Под сиденьями обнаружились два дополнительных отсека, судя по содержимому — специально на случай незапланированных остановок. Пледы оказались достаточно

тёплыми, чтобы летней ночью скорее вызывать желание откинуть их, чем натянуть, а подушки достаточно объёмными, чтобы скрыть неровность перехода маленького подлокотника в жёсткий металлический борт. Длина диванов чуть-чуть не давала вытянуться в полный рост, но я забрался повыше на подушку и подложил руки под голову. У Виграфа площадь полезной поверхности оказалась ещё меньше за счёт приборной панели, но он поступил наоборот: тоже оперев голову на руки, кинул подушку на противоположную сторону, сглаживая неровности, и выставил ноги по колени за борт.

— Тебе так удобно? — удивился я.

— Конечно. Звёзды прямо над головой.

Вид действительно открывался умопомрачительный. Землю окутывала тьма, но с каждым метром вверх света становилось больше, а в самом небе сверкали звёзды в таком количестве, что мне и сравнить было особо не с чем. На «даче» Одиночки Томаса в предгорье видели что-то подобное, в убежище Эрго — уже нет, там небо слишком сильно закрывали облака.

— Ты не шутил про богиню вулкана? — спросил я, поймав недавнюю мысль.

— Так и есть, селяне внизу считают её богиней, — Виграф повернул голову в мою сторону. — Практикуют обряды, которые, как считают, должны привести её в хорошее расположение духа, упоминают в быту соответственно ситуации, носят дары, положенные традициями. Обычно это что-то съестное.

— А она им?

— А она им себя, такой, какая есть. Ты по-прежнему думаешь, что местные живут плохо и их надо освободить?

— Не хочу я никого освобождать! — с жаром отверг я. Сбавил тон на пару тонов. — Я разобраться хочу. Она действительно считает, что ничем им не обязана?

— Говорит она так. Но ты же не будешь утверждать, что люди всегда говорят правду?

— И зачем бы ей врать нам? — иронично поинтересовался я.

— Зачем обязательно нам? — изобразил удивление Виграф. — Скорее уж, себе. Стихийные бедствия, как ты догадываешься, здесь происходят не так часто. Поэтому отдельный человек имеет полное право не знать, как он поступит в такой ситуации, и говорить о себе всё что угодно. Но понятно станет только при наступлении события.

— Хочешь сказать, сейчас она открещивается от людей всеми силами, а потом вдруг захочет защитить?

Виграф вздохнул и взял паузу.

— Расскажи мне о Правителях, Маркус. Я не убегаю от темы,

всего лишь ищу лучшую возможность донести до тебя свои мысли.

— Они не такие, — сходу выдал я. Начал разворачивать мысль: — Всё время, что я с ними общался, они волновались о своих народах. Не каждую минуту, понятно, но… Для них это действительно важно. Есть те, кто считает созданных людей полноценно живыми и относится к ним соответствующе. Есть те, кто считает их бездушными инструментами. Но это всё равно их инструменты, которые некому беречь и сохранять, кроме тех, кто их создал!

— А чем они занимают своё время?

— Хм… правят, в общем-то.

Было затруднительно объяснить человеку, не имевшему соответствующего опыта, в чём заключается суть процесса. Логика подсказывала, что надо спроецировать заведование хозяйством отдельного замка на большие масштабы — но ведь это не являлось правдой. Даже управление городом имело другую направленность по отношению к стоящему в нём дворцу.

— В стране всегда полно дел, было бы желание ими заниматься. Но дело даже не в этом. Всё становится гораздо сложнее, когда берёшься за это сам. В какой-то момент со мной поделились очевидной, вроде бы, мыслью, хотя чрезвычайно сложной для понимания в других условиях. Ты можешь строить какие угодно планы и как угодно воспринимать себя на той должности, которую занимаешь. Можешь с какой угодно скоростью выполнять поставленные задачи и выбирать их из числа возможных. Суть в том, что ты никогда не сможешь адекватно оценить свою деятельность.

— Поясни, — попросил Виграф, разглядывая звёзды.

— Вот есть ты, конкретный человек с конкретной работой. Не важно, министр, первый министр или глава государства. Тебе будут ежедневно сообщать о десятках самых различных задач — разного уровня сложности, масштаба, с разным сроком действия, с разным сроком решения. Их надо будет разбирать. Что бы ты ни делал, у тебя окажутся первоочередные задачи, второй очереди, третьей и не стоящие твоего внимания. Не стоящие не потому, что они какие-то не такие, а потому, что ты такой, какой есть: в единичном экземпляре и живущий в сутках, в которых двадцать четыре часа. Ты можешь пойти на принцип и заниматься всеми поступающими делами, но сил это заберёт массу, а толку окажется не сильно больше. Потому что большинство маловажных дел могут без проблем выполнить другие, у которых вполне хватит для этого компетенции.

— Я понял. Продолжай.

— Когда входишь в колею и без проблем сортируешь задачи по категориям, появляется ощущение, что ты во всём разобрался и всё уже знаешь. Особенно сильно оно проявляется, когда первоочерёдные дела выполняются моментально, без всяких проблем и задержек, и ты основное внимание уделяешь второй и третьей очередям. Ты всесилен! Твоя эффективность запредельна, никто не справится с этими обязанностями лучше тебя и никто не посмеет сказать, что ты плох. Однако — это не стоит ничего. Один процент от настоящей важности.

— Я правильно понял, хоть работай без продыху, хоть ничего не делай, результат будет один? — удивился Вираф.

— Результат будет разный, но… это работает совершенно не так, как представляется. Как бы это объяснить… Представь, что объективная оценка тебя как госслужащего выражается в линии колбочек. Они могут быть черными, белыми или серого оттенка, в зависимости от показателей. И каждая колбочка отражает свой параметр, уникальный. Так вот, если ты бог документооборота, у тебя будет одна белая колбочка. Одна!

— А что оценивают все остальные?

— Вот в этом и состоит мастерство государственного деятеля: понять, какие колбочки соответствуют твоим условиям работы, тому обществу, в котором ты живёшь, и заниматься их обелением, не отвлекаясь на то, что на колбочки не влияет. С одной стороны — не отвлекаясь, а с другой — не думая о том, насколько лично тебе нравится заниматься своими делами. Понятно, что симпатии и антипатии никуда не денутся и личный фактор присутствует в любом случае, но далеко не на таком уровне, как здесь, у Луары. Люди есть люди, и говорить, что раз их всё устраивает, то значит, всё в порядке, неправильно. — За время монолога мысль несколько раз успела поменять направление, и закончил я уже совсем о другом: — И чаще всего получается так, что уже после прекращения правления выясняется — ты был ленивым и делал меньше, чем надо было, ты был недальновидным и гнался за сиюминутной выгодой, ты витал в облаках, не замечая бросающихся в глаза недоделов. И так далее.

— Это всё человеческие оценки, — заметил Вираф, — их можно учитывать, но на них не обязательно ориентироваться.

— А если не человеческая?

Разговор вплотную приблизился к тем областям памяти, которые по-прежнему отдавались тупой ноющей болью в душе.

— Что ты имеешь в виду? — не понял феодал.

— Обстоятельства. Что если ты сам, безо всякой помощи в какой-то момент понимаешь, что был идиотом? Готовился к войне, в то время как надо было следить за урожаями. Заботился

о продовольствии, когда не хватало товаров. Занимался торговлей, когда на границе собирался враг…

— Тогда ты берёшь и начинаешь всё заново, разве нет?

Голос Виграфа стал более жёстким — он явно почувствовал мою горечь и подстроился под изменившийся фон разговора. Он не поддерживал светскую беседу, не болтал перед сном, не критиковал, а действительно хотел узнать ответы на свои вопросы. И именно эта неожиданная серьёзность дала мне силы продолжить.

— Нет, — я качнул головой, глядя в сверкающие точки на тёмном бархате, но почти не видя их. — Можно хоть десять раз начать с нуля, но это будет не твой ноль. Точнее, не так… Каждый ноль твоей страны станет твоим нулём. Ты сам станешь им, как человек, который должен был сделать всё как надо — и не сделал. Не на кого переводить стрелки, не на кого надеяться. В тяжёлый момент никто не придёт и не скажет: «ну, хватит, теперь я всё исправлю» — потому что никому это не нужно, у них свои дела. Не сможешь ты — не сможет никто. Это не уйти из замка и всплыть на другом краю континента, где тебя не знают. Ты либо несёшь свой долг, либо никогда за него не берёшься. Полная, абсолютная неотвратимость.

— Всплыть на другом краю… — тихо повторил Виграф.

— Фраза одного из здешних знакомых, — пояснил я.

— Да, всё верно.

— Что?

Феодал чуть поёрзал.

— Здесь нет неотвратимости, Маркус. Здесь люди живут надеждой.

— Надеждой? На что? — горько усмехнулся я, отстранённо понимая, что собеседник ни в чём не виноват и не стоит давить ему на психику.

— На лучший исход. Мы живём в таком мире, где не проигрывать невозможно, а потому поражение по определению не может быть конечным. Если все резко станут самураями и, вне зависимости от конкретных обстоятельств, будут расставаться с жизнью при недостижении желаемого результата, никого не останется, кроме нескольких везунчиков. Зачем губить людские жизни?

— А зачем они такие вот?..

Виграф надолго замолчал, прежде чем вкрадчиво ответить:

— Ты ведь ищешь здесь союзников не от избытка человеколюбия и желания дать кому-то посмотреть мир. Не знаю, что произошло лично у тебя, однако ни один Правитель ещё не приходил сюда от хорошей жизни. Поправь меня, если ошибаюсь:

по принципу неотвратимости, ты должен был смириться со своей потерей и остаться на месте. Покориться и жить дальше.

— Я сейчас не об этом, — у меня чуть отлегло от души: мы по-разному воспринимали одни категории, и это можно было считать одной из причин размолвки. — Неотвратимость это не отказ от самого себя, а внутреннее принятие любого события, независимо от того, нравится оно тебе или нет. Да, я проиграл войну, — голос снова подскочил, хотя внутренняя боль чуть ослабла, — и пытаюсь наверстать это. Но я не рассказываю на каждом углу, что, на самом деле, никакой войны не было, если и была, то я почти её выиграл, если и не выиграл, то не сильно и хотелось, и вообще, ничего я не потерял, скоро заживу ещё лучше прежнего. Ты знаешь хоть одного здесь, кто пытался бы бороться за свой клочок земли до последнего? Без этих вот «переберусь в более спокойное место, и всё будет нормально»?

Отзвуки моей громкой тирады ещё некоторое время висели в воздухе, но потом слились со звенящей ночной тишиной. За это время я успел не то чтобы в корне сменить позицию, но пережить внезапную волну эмоций и посмотреть на обсуждаемую тему более трезвым взглядом.

— Я знаю нескольких, — негромко отозвался Виграф. Однако я его перебил:

— Извини, давай не будем дальше об этом. Я наговорил много лишнего, чего на самом деле не думаю.

— Не подвергая анализу твои слова о Доменах — я должен, тем не менее, поблагодарить тебя за информацию о Правителях.

— Те ещё сволочи, да? — поморщился я, ощущая едкий стыд.

— Маркус, — Виграф в очередной раз произнёс моё имя так, что оно заменило сотню других слов. — Никто ни с кем не ругался, ты всего лишь выпустил пар. Я достаточно хорошо ориентируюсь в конфликтах, и можешь об этом не волноваться. А по сути обсуждения — ты действительно сумел наиболее полно ответить на мой первоначальный вопрос.

— Какой? — в замешательстве спросил я. Феодал тихо и переливисто рассмеялся. — А… ну да.

— Думаю, пора отходить ко сну.

— Это точно. Спокойной ночи, Граф.

— Спокойной ночи, Маркус. — Затем он добавил, без тени иронии: — Пусть мне приснится земля мудрых и справедливых правителей.

«И мне», — подумал я, не утруждая себя размышлениями о том, что он имел в виду на самом деле.

* * *

Едва небо над Юстицией приобрело красные вечерние оттенки, особняк Децио́нов распахнул двери. Первые гости появились на ведущей к нему аллее почти сразу же, а к моменту захода солнца вестибюль уже наполнился толпой приветливо переговаривающихся молодых мужчин и женщин, медленно растекающихся по внутренним помещениям; ещё больше оказалось на улице, тех, кто заинтересовался парком на заднем дворе или термой. Соседи по домам, родам и работе, выпускники одной школы самых разных лет, однополчане — все возможные друзья друзей Децио́нов, пребывающие в городе, хотели прийти и всех готовы были принять, благо принимающий род ни в чём не нуждался и даже тяготы продолжающейся войны пока обходили его стороной.

Многие из присутствующих не могли похвастаться таким же безоблачным положением дел. На протяжении нескольких месяцев события, за исключением коротких спокойных периодов, неслись вскачь и в отдельно взятых семьях могло произойти что угодно, от разрушения дальнего поместья до смерти кого-то из близких. Патриции, каждый из которых в той или иной мере, но постоянно рисковал жизнью по долгу гражданской или военной службы, тяжело воспринимали смерть друг друга: неизвестно, кто и при каких обстоятельствах станет следующим. Тем ценнее были минуты общей радости, а уж такое событие как первый после завершения осады родной Юстиции приём и вовсе не имело шансов остаться незамеченным. Закончили основную работу городские службы, прошёл на площадях Армилустриум, посвящённый тем воинам, которые в отгремевшей битве не закрыли свой личный счёт и через какое-то время должны были отправиться на поле боя снова. Теперь молодёжь собиралась, чтобы отпраздновать своим кругом.

По слухам, Валерия Децио́н, двадцатичетырёхлетняя дочь зампрефекта юго-восточного округа Юстиции, имела определённое влияние на отца и уговорила его съездить на несколько дней в соседнюю провинцию Нептунус проверить хозяйство на семейной вилле. Сама Валерия утверждала, что с папой у неё хорошие отношения, но уехал он по собственной инициативе, помня собственные молодые годы. В любом случае, городской особняк оказался в её временном пользовании и собирался быть проверен на износоустойчивость.

Предпочитавшие классический отдых гости расположились внутри и группами от пяти до двадцати человек заняли три зала, две гостиные, две каминные, мансарду и несколько балконов. Любители активного с элементами провокации времяпровождения сконцентрировались в районе здания термы в

дальнем конце двора, где можно было как пообщаться и потанцевать на свежем воздухе, так и принять водные процедуры; многие уже знали, что помимо мужского и женского помещений имеется предназначенное для совместного купания, кого-то это открытие только поджидало. Не определившиеся и склонные к сменам формата развлечений расселись на выходящей к заднему двору лоджии, откуда можно было легко дойти и до площадки перед входом в парк, превращённой в танцевальную, и до ближайшей гостиной.

* * *

Возможно, Люции стоило переместиться куда-то ещё. В местной планировке она практически не ориентировалась и по приходу сразу направилась в знакомый средний зал с роялем. У окон округлой внешней стены, выходящих на переднюю аллею, стояли небольшие пуфики, отделяемые от остального пространства тем самым роялем. Замечательное место: если кого и притягивало, то только таких же интровертов, не склонных к болтовне и занятых собственными мыслями.

Однако сейчас она не была в этом уверена. Вечерний вид со второго этажа с самого начала обманул её ожидания и не утолил внутреннюю жажду, всего лишь поставив тоску на паузу до момента отведения от него взгляда. А некоторое время назад у другого конца стены появился юноша, периодически бросающий на неё взгляд. Знакомый наверняка подошёл бы, знакомый, но сомневающийся стоял бы по-другому, нервничая в раздумьях. Этот же, явно незнакомый, стоял спокойно, заняв место между окнами с бокалом в руке и то углубляясь в мысли, то прерываясь на очередной взгляд в сторону Люции.

Сам по себе юноша не вызывал у неё отторжения, несмотря на необычное поведение, но её нервировала ситуация. Чтобы уйти в другое помещение требовалось так или иначе приблизиться к незнакомцу на достаточно близкое расстояние, если только она не собиралась ползти под роялем. И необходимо было определиться, какой вариант ей предпочтительнее: проявить выдержку и дождаться, пока молодой человек уйдёт сам, или набраться решимости и пройти мимо. Но ведь он может пойти следом… Не лучше ли отшить его сразу?

Ненароком переведя взгляд, Люция на мгновение пересеклась с незнакомцем взглядом. От допущенной оплошности перехватило дыхание, к щекам прилила краска — но в то же время именно это придало сил. Поднявшись, девушка уверенно

дошла до караулившего её.

— Уважаемый, если вам что-то нужно от меня, скажите прямо. Либо займитесь своими делами.

Заранее сформулированные слова начались как надо, громко и сильно с оттенком вызова, но вторая часть прозвучала совершенно неискренне, обычным зазубренным текстом. Это лицо она видела неоднократно, не вживую, конечно, и тем более не в такой близи.

Юноша поднял от бокала голубые глаза; художественная причёска на светлых волосах дрогнула под действием воздуха и инерции, но удержалась. Молодое лицо мальчика лет семнадцати-восемнадцати было неестественно спокойным, как у почтенного главы фамилии, ни одна мышца не напряжена зря. О том, что он услышал и понял сказанное, сообщила пробежавшая по тонким губам тень улыбки.

— Боюсь, это невозможно, — соответствующим его возрасту, хотя и чистым голосом произнёс он. Тон при этом, как и в случае с лицом, скорее подошёл бы человеку более зрелому, хотя бы лет двадцати пяти.

Впрочем, если догадка оказалась верной…

— Потому что я уже занимаюсь своими делами, — закончил юноша, — а именно — сплю.

— Я слышала эти байки. Оставьте меня в покое, — Люция бросила напоследок раздражённо-взволнованный взгляд и направилась к выходу из зала, решив найти место получше.

Но едва она присела на краешек дивана в большой гостиной, непонятно откуда на периферии зрения снова появился тот парень. Он не делал ни одного движения, помимо уже продемонстрированных вроде питья из бокала, и уж тем более не гнался за ней, но факт оставался фактом. Поджав губы, Люция быстрым шагом отправилась дальше, постоянно оглядываясь. За спиной никого не было.

Юноша появился спустя секунду после нахождения нового места, в точке, где только что отсутствовал. Девушка тихо зарычала от злости и бросилась дальше.

Навстречу ей из малой каминной вышла, переговариваясь, компания из четырёх человек. Люция, забыв о приличиях, осмотрела лицо каждого, убеждаясь, что среди них нет её преследователя. Зашла в комнату, закрыв дверь — огляделась. В создаваемом камином пляшущем полумраке сложно было бы что-то разглядеть, но кроме дивана и пары кресел сюда почти ничего не поместилось; в том, что на неё будут выпрыгивать из-под приземистого столика, девушка всё-таки сомневалась.

Пятясь, она добралась до дивана, скинула босоножки, села

поджав ноги к дальнему краю, всё это время не сводя глаз с двери. Ну же, пусть её оставят… А если он войдёт, можно будет с полным правом позвать на…

Люция, не удержавшись, вскрикнула: сосредоточенный взгляд на мгновение перескочил на точку ближе, где показалось какое-то мельтешение, — и вот уже юноша сидит прямо перед ней, с неизменным бокалом. Закинув ногу на ногу, он грустно посмотрел в камин и сообщил:

— Бесполезно. Так это не прекратить.

— Зачем вы это делаете? — тихо спросила Люция.

— Зачем сплю? — удивился преследователь. — Я пытался отказаться, так гораздо больше времени для работы. Но потом всё равно падаю.

— Хватит издеваться надо мной, — попросила девушка, попытавшись вложить в голос злобу. На выходе, однако, получилась жалоба. — Отстаньте от меня, я хочу побыть одна.

— Увы, если бы я выбирал, — юноша развёл руками. — Есть определённая энергетическая потребность, проявляющая себя во время сна. Грубо говоря, если я недостаточно отдыхал и тянусь, сознательно или подсознательно, к веселым гулянкам, во сне это желание реализуется. Но не как у обычных людей, с помощью снов, а непосредственно: слепок моей личности берёт и перемещается в то место, энергетический фон которого соответствует необходимому.

— Вы врёте, — помотала головой Люция, — говорите так, чтобы запудрить мозги деревенским дурочкам.

— Это на патрицианских празднествах-то деревенские дурочки? — брови преследователя взлетели вверх.

— Их везде полно, — подтвердила девушка. — Можно сказать, это состояние души, а не интеллектуальный уровень.

Парень задумался:

— Прежде ни с лицеями, ни с институтами благородных девиц проблем не было. Может, это ваша эмоциональная оценка, как думаете?

— Вы ещё социологический опрос будете проводить? — вскинулась Люция; немного придя в себя, она собралась волю в кулак. — Убирайтесь прочь, пока я не позвала на помощь!

— Боюсь, это будет бесполезно и бессмысленно. В данный момент вы привязаны ко мне, а я к вам, и окружающие не будут нас замечать, пока связь не разорвётся.

— Вы…! Да вы…! — девушка снова вспыхнула. — Хам!

Новая её вспышка неприятия не произвела на собеседника никакого впечатления. Спокойно подняв руки, словно демонстрируя свою беззащитность, он ответил:

— Уверяю, всё, о чём вы подумали, останется на вашей совести. Мне от вас нужно только одно — общение.

— Вам что, других мало? Идите общайтесь с кем хотите!

— Мало, — согласился юноша. — В их душах чего-то не хватает. Чего-то такого, из-за чего меня не притянуло ни к кому из них. Зато притянуло к вам.

Он направил спокойный, но внимательный взгляд на неё.

— Я это слышала много раз, — повторила Люция. — Вы приходите к скучающим одиноким дамам, примерно в такой обстановке, — она кивнула на камин, — и соблазняете. Они-то, может, и остаются довольны, но я не такая. Со мной вам делать нечего.

— Вы можете разговаривать со мной, — возразил собеседник, — если вы сможете делать это без того, чтобы потом оказаться в постели, то проявите исключительную стойкость духа и нравов.

— Хвастун, — на автомате отозвалась девушка. Привычная модель поведения тоже придала ей немного дополнительных сил и вернула уверенность. — Считает, что неотразим и непогрешим.

— Это уже лучше, чем маньяк-убийца, — заметил юноша. — Кажется, именно так вы воспринимали меня в начале беседы?

— Я…

Глубоко вдохнув, Люция почувствовала в себе жизнь и способность сражаться.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Если вам нужен только разговор — выкладывайте, что у вас, и закончим с этим.

Собеседник снова развёл руками:

— Это вы должны что-то сообщить мне, не я.

— Вы даже не знаете, на какую тему хотите со мной говорить?

— Именно так всё и обстоит. Догадываетесь, почему большинству проще прыгнуть в постель?

— Ну, раз так… — девушка вознамерилась поквитаться за испытанные неудобства и вытянуть из этого призрака душу, хоть бы и мнимую. Однако он неожиданно прервал её:

— Прежде чем приступить к серьёзному разговору, полагается познакомиться с собеседником. Мы эту стадию пропустили, но, раз теперь есть возможность, я настаиваю.

— Хвастун, — чуть помолчав, повторила Люция.

На губах юноши заиграла саркастичная улыбка, усиленная хитрым прищуром:

— Следует ли это понимать как то, что вы знаете меня, но боитесь произнести нужные слова вслух?

Девушка нахмурилась: сдавать позиции в беседе ей

основательно надоело. Сделав над собой усилие, она заговорила, чеканя:

— Вы правите Новой Римской империей, занимая должность императора. На протяжении очень долгого срока, что вместе с вашей вечной молодостью порождает нездоровые слухи о том, что вы правили всегда и никого другого кроме вас не было либо они исполняли роль марионеток. То ли вы прошли с Империей весь её путь, то ли присоединились на каком-то этапе, об этом история умалчивает — считается, что дворцовый архив погиб в бесконечных войнах. Сами войны вы любите, охотно участвуете во всех манёврах и смотрах, уделяете им гораздо больше времени, чем другим направлениям. Опять же по слухам, вы нарочно тормозите развитие свободного рынка, считая, что ничего эффективнее государственного капитализма быть не может. В экономических форумах не участвуете принципиально, делая всё так, как считаете нужным. С другой стороны, вы явно испытываете что-то особенное к Эльфийской республике, которую вы как будто пытаетесь во всём обогнать, несмотря на альтернативный общественный строй, видимость дружеских отношений и действующий военный союз.

— Что-нибудь ещё о личности? — попросил Альден.

— Легко общаетесь с людьми, но мало кого допускаете в ближний круг. Обходитесь несколькими наиболее близкими друзьями — хотя насчёт их имён существуют разные мнения. Определённо тянетесь к сильным личностям, таким как сенатор безопасности, Ведущая Республики. Настолько, что периодически делаете ничем не мотивированные уступки им при защите государственных интересов, что, в свою очередь, порождает слухи о… чрезмерной гибкости и искажённом фаворитизме. Творческая натура. Очень увлекающаяся. Покровитель искусств, что помогает реализовывать потребность в людском внимании. Собственный его императорского величества концертный зал, Главный имперский театр, празднуемый ежегодно день Империи… Походы по вечеринкам в образе духа.

— Верить или не верить, каждый выбирает сам, — император покачал головой, — но конечный результат от этого не зависит. Да и процесс, по сути, тоже. Чем раньше человек оказывается способен членораздельно говорить, тем раньше всё заканчивается. Кстати, насколько мне известно, в слухи о призраке верят немногие, хоть эти истории и муссируются по углам с завидной регулярностью.

— У вас неточная информация, — с чувством превосходства возразила Люция. — Большинство только и ждут, что этот призрак обратит на них внимание. Считается, что он постоянно в

поиске подходящего партнёра и надо суметь заинтересовать его. Но у вас более стройная легенда.

Император проигнорировал последнее замечание и поинтересовался:

— Много я потерял, не выбрав их, как считаете?

— Нет, — фыркнула девушка. — О подругах, конечно, не хорошо так говорить, но если человек никак не вырастет и продолжает верить в сказки…

— Вы уж определитесь, легенда или сказка, — улыбнулся Альден. — Впрочем, ваше дело. Простите, не знаю вашего имени, как и имён девяносто девяти процентов наших с вами сограждан. Хотя, если вы мне поможете…

— Охотно, — едко произнесла Люция. — Когда ещё выпадет возможность вызвать на ковёр самого императора, чтобы он сидел и мямлил.

Снова проигнорировав выпад, Альден кивнул:

— Приступайте.

— Для начала, я подруга Валерии Децион, у которой мы сегодня имеем честь отдыхать. Достаточно близкая.

— Уверен, здесь каждый второй скажет так. Конкретнее, пожалуйста.

— Действительно близкая.

— Каждый пятый, уже лучше.

— Мне выделили отдельную комна… Ой! Не смейте, я ничего не имела в виду!

— Хорошо, не буду, — непринуждённо отозвался Альден. Выражать необходимый уровень сарказма с помощью одних только глаз у него получалось великолепно. — Продолжайте, круг заметно сузился. Работа, учёба?

— Центральный гуманитарный университет.

— Уже закончили?

— Да. Но учились в разных группах, хотя и на одном курсе.

— Допустим. Дальше.

Девушка растеряла накопленный пыл и разговор приобрёл достаточно мирный характер.

— Наши родители достаточно близко знакомы — сблизились благодаря нам. Совершенно случайно Ювентин Децион является одним из начальников моего отца, Флавия.

— Дальше.

— На нас с Валерией пока история заканчивается. Однако мы как-то покопались в архивах и обнаружили, что связаны через основателя её ветви, Аверьяна Дециона. Будучи ещё Аверьяном Пурицием, он служил у Августа Дария, моего предка, являвшегося его боевым командиром.

— Причём Август Дарий не дожил всего несколько часов до того, как Аверьян покрыл себя славой, в одиночку убив десять демонов и не дав таким образом уничтожить батарею, — добавил Альден. — За что и получил почётный титул и право основать собственную ветвь рода.

— Разве не сутки?

— Уточним чуть позже, может, я неправильно помню. Что ж, осталось провести линию в обратном направлении, от Августа до Флавия… Как вы оцениваете свои шансы, госпожа Люция?

— Как достаточно высокие, — уверенно заявила девушка, — если только… Стойте, как?!

— О, я предпочту, чтобы эта тайна ушла со мной в могилу, — весело ухмыльнулся Альден. Он был доволен собой и не собирался скрывать этого.

Не удержавшись, девушка пихнула его ногой. Император перевёл удивлённый взгляд на место удара:

— Говорили мне эльфы, что римляне коварны, но чтоб настолько…

— Вот и идите к своим эльфам, — буркнула Люция, упустившая возможность ответно поиздеваться над своим мучителем.

— Да куда уж я от вас, — притворно вздохнул Альден. Перевёл взгляд на мерцающий камин — поленья уже почти догорели. Вздохнув ещё раз, на этот раз вполне искренне, он встал, сел рядом с камином на корточки, начал выискивать подходящие ветки в специальном ящике.

— Почему вы так странно одеты? — поинтересовалась Люция, разглядывая его со спины.

— Это текста, — пояснил Альден, не оборачиваясь.

— Я знаю, — девушка позволила себе немного сарказма. — Мне интересна причина выбора.

— Если вы знаете её историю, то знаете и причину. Когда-то давно был такой вид одежды как тога-претекста, обычная тога, но с цветной полосой по борту. Конкретный цвет зависел от мероприятия и обстановки, куда она надевалась. Потом претекста выделилась в отдельный вид, который под влиянием моды начали видоизменять кто во что горазд, без всякой претензии на глубокий смысл. А относительно недавно придумали вот такую одежду, к которой почему-то тоже прилипло название «текста». Так и повелось. Сейчас она является полуофициальной гражданской одеждой, с намёком на полноценную тогу, но более… молодёжной, наверное. По крайней мере, полоса, которая закручивается спиралью и крепится на бедре, хорошо подчёркивает фигуру, что молодёжью особенно ценится.

— А почему именно пурпурный цвет? — поддавшись игривости, Люция дотянулась и поддела ногтем ярко выделявшуюся полосу ткани персикового цвета: действительно, закручена, а не пришита.

— Древний цвет императоров, — пожал плечами Альден. Закончив с древесиной, он остался на полу, но отполз назад, прислонившись спиной к подножью дивана и снова оказываясь с девушкой лицом к лицу. — Я победил в важном сражении, и теперь красный и пурпурный мне сам бог велел носить.

— Какой? Марс, Юпитер?

Альден усмехнулся:

— И это вам-то я рассказываю про историю древней культуры?

Люция довольно улыбнулась.

* * *

Не сразу сориентировавшись, где находится и почему, Люция знала одно: ей хорошо. В окно светило приветливое летнее солнце, а обнажённое плечо грела чья-то добрая рука.

Ах да…

Ради интереса девушка потрепала волосы спутника. Основная часть осталась в том положении, в котором их оставили пальцы, но длинную раздвоенную чёлку как будто тянул магнит; вытянувшись вдоль головы, она сама собой сложилась в нужную форму.

— Привидится же такое среди ночи, — прокомментировала Люция. Потрепала парня за плечо: — Вставай, дух, скоро нас будить придут.

В дверь и впрямь постучали. Послышался весёлый голос Валерии:

— Люция, котик, просыпайся! Ты говорила, что будешь одна, но проверять не буду.

— Скоро спущусь!

Альден заворочался, и Люция, не теряя времени, убежала принимать душ.

По возвращении она застала императора в полной готовности: кровать была застелена, а сам он, уже одетый, лежал поверх покрывала и смотрел в потолок, переплетя пальцы на груди. Девушка подошла с другой стороны, легла рядом. Сказала:

— Спасибо. Это был интересный опыт.

— Это точно, — согласился Альден. — Веришь, первый раз остаюсь у кого-то до утра. Устал, понятно дело, но чтоб настолько

потерять контроль…

— Да ну тебя, — Люция положила ладонь ему на лоб, провела по контуру носа. — Если б не это, продолжила бы думать, что знакомые меня обманывают. А так хоть точно знаю, что это не галлюцинации.

— Это не галлюцинации, так на самом деле и живём. Будет желание — увидимся снова.

— «Пропустите, мне к императору, я его во сне видела», — хихикнула девушка. — О, нет, ещё лучше! «У меня ребёнок от императора, теперь так просто не отвертится».

— Дети тем более по желанию, — пообещал Альден. — А вообще, покупаешь обычного почтового голубя на любом празднике и отправляешь во дворец весточку.

— Ну да, ты же у нас демократичный. Открыт для контактов… Много от тебя дворянских ветвей пошло?

Неожиданно Альден посерьёзнел. Но, как оказалось, по другой причине.

— Не больше, чем прервалось. И можешь считать меня кем угодно, но да, это немного облегчает мне совесть.

Наклонившись, Люция поцеловала его в щёку:

— Я никем тебя не считаю, свои дела ты вправе улаживать так, как считаешь нужным.

— Серьёзно? — после паузы уточнил император.

— Абсолютно. Ну, а то, что ты спишь со всем женским населением страны… За это ты перед нами на том свете будешь отвечать. Всем сразу.

— Договорились, — на лице Альдена снова мелькнула улыбка. — Хочешь, я останусь на завтрак? Буду сидеть и смешить тебя, но ты единственная будешь меня видеть. И все будут коситься в твою сторону и думать, что у тебя, наверное, была очень странная ночь.

— Хочу, — подумав, кивнула Люция.

Глава 11

Мы с Виграфом проснулись почти одновременно: выстрелили лучи первого солнца, пробежал по лицам холодный, ещё ночной ветерок — пледы всё-таки пригодились, ни тонкий костюм, ни рубашка не смогли бы удержать тепло. Заметив движения друг друга, мы не сговариваясь полежали ещё несколько минут, давая себе проснуться окончательно.

В этом нам помогли людские голоса, послышавшиеся снизу склона, — по тропе кто-то приближался.

— Дары подоспели, — пояснил Виграф. Встал, по-быстрому сложил одеяло в четыре раза. Бросил взгляд на меня: — Идём?

Я медленно покачал головой:

— Не думаю, что… в общем, лучше побуду здесь. Ты туда надолго?

— Ну, раз ты не идёшь, то нет. Организую даме завтрак в постель, создам настроение на день, и можно лететь.

— Хм. Ладно.

Спрыгнув из кабины на землю, Виграф вдохнул полной грудью, потянулся всем телом, разминая затёкшие мышцы, и скрылся в тоннеле.

Мой спуск пришлось отложить из-за появившейся на площадке процессии, напоминающей промежуточное звено между европейскими крестьянами и ацтекскими служителями солнца. Все пришедшие несли продукты питания: кто-то держал в руках по-ресторанному закрытые подносы, кто-то — котелки и кастрюльки, кто-то нёс в специальных ременных креплениях за спиной закупоренные кувшины.

Человек в самом цветастом наряде, шедший впереди, окинул дирижабль недовольным взглядом, но не счёл его опасным и взмахами рук и отрывистыми командами построил свою группу полукругом перед входом. Через полминуты ритуалов вся принесённая провизия плавно взмыла с камней и ровной цепочкой полетела по воздуху вглубь вулкана. Довольные своим успехом аборигены отправились в обратную дорогу, а я, довольный их скорым уходом, перешёл, наконец, к утренним процедурам.

Виграф действительно не задержался, хотя я мысленно настроился на долгое ожидание. Одарил меня весёлым взглядом, протянул наверх тарелочку с мясной и сырной нарезкой.

— Маркус, у тебя глаза как книга, удивляюсь, что никто не читал тебя раньше. Я умею создавать настроение и не прибегая к постельным игрищам.

Чуть покраснев, я принял еду, на всякий случай протянул свободную руку, чтобы помочь забраться. Феодал взлетел едва ли не без помощи лестницы, но за ладонь из вежливости взялся.

Над нами снова появилась торпеда аэростата. Пока Виграф занимался приборной панелью, а я вернулся под тёплый плед и составил образ горячего чая. Наполнив утреннюю тишину тяжёлым гулом, дирижабль поднялся в воздух и, не меняя направления, поплыл вглубь континента.

Вулкан вскоре скрылся за стенкой моторного отсека, следом исчезла блестящая полоска моря, пропав за многочисленными холмами. Передо мной остались только закинувший ногу на ногу Виграф и завтрак на высоте несколько сотен метров. Между диванчиками мы протянули широкую доску, на которой и разместили всю посуду; память об ацтеках-кулинарах возбуждала аппетит, и тарелки с разнообразной едой появлялись едва ли не быстрее, чем опустошались предшествующие.

Дождавшись, когда двигатель поутихнет, я поинтересовался:

— А куда мы тогда летим?

— Никуда конкретно, — пожал плечами Виграф, размешивая сахар в чае. — Чтоб не сидеть на одном месте, полетаем посмотрим достопримечательности, глядишь, по пути определимся с желаниями. — Он поднял на меня глаза: — Я ведь правильно понял, в империю ты раздумал подаваться?

— Угу. Слишком… конкурентное сообщество. Может, потом передумаю, но пока даже приближаться к ним не хочу.

— Думаешь, хороших кандидатов разберут без тебя? — не понял феодал.

— Нет, боюсь, что не сработаюсь. Другие ценности.

Виграф сделал глоток чая, обдумывая ответ.

— Окружение всегда имеет определённое влияние. Сложно, попав в круговорот событий, действовать размеренно и беспристрастно.

— Хочешь сказать, это всё оправдывает? «Не мы такие — жизнь такая»?

— Нет, — он качнул головой, — всего лишь делюсь своей точкой зрения: в конкурентом обществе нет смысла искать отсутствие конкуренции, но это не значит, что люди не делятся по её уровню. Я сейчас расскажу кое-что, а ты попробуй отследить, сталкивался ли с таким явлением раньше.

— Давай.

— Все говорят, а если и не говорят, то всё равно уверены, что общество делится на сильных и слабых. Сильные прокладывают путь через любые обстоятельства, самодостаточны и имеют уязвимости, а не слабости. Опираясь на мускулы, деньги, власть и

прочее, они сами определяют свою жизнь и им не нужно другой причины для получения чего-либо, кроме желания. Слабые всегда идут за кем-то, потому что идти в одиночку не способны, по факту или по собственным убеждениям. Слабый не борется с трудностями, а если и борется, то неэффективно, потому что знает, что он слабый. Он знает, что смысл его жизни — в побеге, а не в поиске решений, и не тратит время зря. Вместо этого он жалеет себя, маленького и несчастного, которому не повезло столкнуться с большим числом неприятностей, чем другим. Распространённая норма поведения предписывает сильным кормиться за счёт слабых: они становятся таким образом сильнее, а общее количество слабых уменьшается, во благо всего общества.

Вираф читал лекции совершенно в другой стилистике, чем другие: он говорил о закономерностях, но не обезличенно. Перед моими глазами вставали безликие образы людей, о которых шёл рассказ, которые словно рассказывали о себе сами. Чувства при этом были довольно своеобразные.

— Обычно это обосновывают законами природы, — продолжил он, — где есть хищники и есть травоядные. Но такая схема не учитывает достижение человечества под названием мозг, а точнее, сознание. Человек, конечно, социобиологическое существо, но половины статуса недостаточно для перенятия чисто биологической модели, в которой сильные питаются слабыми по одной-единственной причине под названием физический голод. Значит, конкуренция имеет социальное происхождение, а это в свою очередь означает, что появляются небиологические факторы влияния.

Вираф прервался на полминуты завтрака, давая заодно мне время на осмысление.

— Так и какие факторы?

— Например, эмоции, — феодал погонял пальцами воздух вокруг своей головы. — Животные их используют гораздо более ограничено за счёт инстинктов вместо полноценного сознания. Попадаются люди глупее животных, но их мы, как понимаешь, сейчас не рассматриваем. Так вот, согласно моим наблюдениям, деление на сильных и слабых — в социальном смысле — имеет место, но также есть другое, в результате чего мы получаем уже не две, а четыре категории. Добрые и злые.

Я открыл было рот, чтобы высказать несогласие, но вдруг вспомнил об инферналах. Кивнул поднявшему брови феодалу: продолжай.

— Прямой смысл здесь возможен, но не подразумевается: точно так же «сильный» не является отсылкой только лишь к измеряемой физической силе. Речь, скорее, об уровне агрессии.

Например, все мы слышали о бабушках, которые живут без семьи, почти без друзей, в не самых комфортных условиях, но которые постоянно кормят бездомных животных, дают заблудившимся прохожим советы, моют в подъезде не за деньги, а чтобы было чисто. Слабые они или сильные? Однозначно слабые, ведь перед окружающим миром такая бабушка беззащитна. У неё нет никаких осязаемых надежд: жизнь прожита, родня не при делах, случись что на улице — даже помочь будет некому.

— Но у неё всё равно есть сила воли, — заметил я. — Она понимает всё, что ты описал, но несмотря на это продолжает радоваться жизни и заниматься теми делами, которые для неё совершенно не обязательны.

— В том и суть, — приглашающе махнул рукой Вираф, — она практически из ниоткуда берёт силы и живёт так, как живёт, игнорируя всё, что этому объективно мешает. И благодаря этому она поднимается над общей массой слабых, сама к тому не стремясь. Обидеть бабушку — не то же самое, что обидеть хилого студента. Напасть на бабушку — не то же самое, что напасть на молодую девушку.

— Социальное неодобрение, — кивнул я.

— Как механизм да, но бабушка живёт не ради этого, как ты понимаешь. Если она будет прикрываться социальным неодобрением, она резко скатится в эмоциональном восприятии. До того самого уровня толпы, которая живёт не на своих силах, а на чужих.

— Так что же, добрые слабые уже и не совсем слабые получаются, если живут самостоятельно?

— Я бы сказал, что они маскируются, — предположил Вираф. — Агрессию можно представить в виде шипов, которыми человек цепляет окружающих. Наверняка ведь обращал внимание, когда по улице идёт мрачный тип и волей-неволей притягивает к себе внимание, хотя этого совсем не хочется.

— Бывало.

— Добрые люди таких шипов не имеют. Это не защищает их ни от чего физически, но на уровне подсознания уберегает от многих неприятностей, которые не обойдут стороной злого слабого.

— Но ведь слабые не обязательно злые, — навскидку я вызвал в памяти образы некоторых старых знакомых, подходящих под обсуждаемую категорию. — Зажатые, нервные. Но нервные все бывают, даже я раньше гораздо сильнее на всё реагировал.

Вираф покачал головой и произнёс, почему-то с оттенком грусти:

— Ты можешь не обращать внимание на слабость

конкретного человека, если он тебе симпатичен. Но сам он про неё никогда не забудет. И это очень сильно давит, независимо от осознанности поведения. Если хочешь, можешь назвать это аурой — эмоциональным полем человека, отражающим его внутреннее состояние.

— А если я не верю в ауру? — на всякий случай спросил я, давая напарнику возможность укрепить свою позицию.

— Эмоциональное поле есть, — спокойно отозвался он, — я это утверждаю, потому что работаю в нём. А как ты его будешь называть, смотри по своим предпочтениям.

— Интересно, — я чуть нагнулся вперёд. — Ты считываешь эмоции напрямую, видишь круги или…

Виграф вздохнул. Выдержав паузу достаточную, чтобы я начал чувствовать себя дураком, ответил:

— Вот так и работаю. Ничего сверхъестественного. Ты чувствуешь детали взаимоотношений людей и тех, кто ими управляет, я чувствую твои эмоции, ритм твоего сердца и скорость мыслей в твоей голове. И оба удивляемся друг другу.

— Хм…

— Продолжим?

— Давай.

— Добрые сильные от злых отличаются примерно тем же. Но у них не просто исчезают шипы, а появляются лучи света, которые при прикосновении вызывают положительные эмоции и настраивают на позитивное восприятие мира. У слабых лучи тоже есть, но им едва хватает сил, чтобы греть носителя и выходить за пределы тела. У сильных энергии и возможностей больше. Как ты понимаешь, это не всегда хорошо.

— Хотелось бы услышать твоё мнение.

Завтрак был почти закончен, но под разговор мы наполнили чашки заново.

— Большой всегда заметный, цвет в данном случае роли не играет. Более того, если шипы злого сильного человека заставляют окружающих бояться его и десять раз думать, прежде чем идти на контакт, с лучами обратная ситуация. Тепла и счастья хотят все и всегда, безо всяких исключений, а тот, кто говорит, что не хочет, кому-то врёт. Поэтому добрым и сильным быть сложнее всего, на мой взгляд: единственные, с кем хочется иметь дело, это добрые и слабые, другие же две категории липнут к тебе самовольно и бескомпромиссно.

— Так уж и липнут? — засомневался я.

— Вспомни мошенников, — привёл пример Виграф, — их задача — воспользоваться твоим доверием и получить с тебя какой-то доход. Причём они ещё и довольны останутся

проделкой, несмотря на то, что ты можешь быть хорошим человеком и потерять довольно много. А почему довольны? Потому что воспринимают твою доброту как слабость и, соответственно, считают себя сильнее тебя.

— Погоди, ты сейчас про какого доброго, сильного или слабого?

— Предполагаю, что разницы нет. Слабый ничем особо не сможет помочь, сильный поможет в гораздо большем объёме. Единственное, чем рискует жулик, это тем, что добрый сильный раскусит его замысел и на какое-то время забудет о своей доброте. Но такое происходит слишком редко.

— Ну, хорошо. Не уверен, что эта схема существует именно в том виде, в котором ты её описал, и работает так, как описал, но, вроде, всё понятно. К чему ты всё это?

Вираф аккуратно поставил чашечку на поднос и развёл руками, показывая на проносящиеся под нами земли, незримо, а кое-где и явно поделённые на частные владения.

— Я хотел этим немного облегчить твою ношу и предложить другой инструмент для оценки встречающихся людей. Попробуй наблюдать за ними с другого ракурса, не с того, к которому привык. Попробуй выяснить, к какой категории относится твой новый знакомый, и относись к нему соответственно этому, а не опираясь только на симпатии и антипатии.

Подумав над предложением, я усмехнулся — в нём специально для меня таился сюрприз.

— Как ты ловко перевёл ситуацию из борьбы всех со всеми в борьбу добра и зла.

— К счастью или нет, — сходу отозвался Вираф, как будто ничего и не скрывал, — но мир устроен так, что надо уметь воевать. Добрый ты или злой, на определённом этапе становится совершенно не важно.

* * *

Воздух задрожал, перемещаясь, и в центре зала, в нескольких шагах от Монаха, возник Карс. Осмотревшись, он довольно усмехнулся:

— Так и знал, что ты здесь.

— Времени, — Монах по привычке улыбнулся, но движение губ вышло неестественным, безэмоциональным: сейчас он был сконцентрирован на мыслях. — Ты с ними?

— Нет, — удивился Карс, — что мне, больше всех надо, что ли?

Монах пожал плечами.

Гость приблизился, сел рядом под прямым углом, чтобы видеть лицо собеседника. Сложил руки на подогнутом колене, задумчиво покачался взад-вперёд. Произнёс, собираясь, по-видимому, утешить:

— Глядишь, и за мной скоро придут. Я довольно много с тобой общался, да и Маркуса перед всеми защищал.

— Враг народа, — эта улыбка вышла гораздо более честной, потому как перекликалась с размышлениями.

— В смысле? — замешкался Карс.

— Политика преследования людей, уличённых в связях с преступниками. То есть ты ничего не совершал, а тебя судят.

— Политика… Понабрался, — Карс поморщился. — Странно, что это всё не случилось раньше.

— Это единственное, что представляет для тебя странность? — на языке появился непривычный привкус иронии. Ощущения были забавные, тянуло попробовать ещё.

— Не считая того, что ты сошёл с ума, хотя находился в списках на подозрение едва ли не последним? — поинтересовался Карс.

— Списки на подозрение? Да ты, я гляжу, тоже ориентируешься в теме, — нет, слишком едко. Видимо, следствие эмоционального раздрая. Уже другим тоном, более доверительным, Монах попросил: — Не произноси ничего подобного при них, а то и впрямь вместе со мной улетишь.

Глаза Карса машинально дёрнулись вверх, под купол. В них мелькнула опаска, самое, пожалуй, неестественное чувство для Одиночки, находящегося в храме Одиночества.

— Боишься? — выразил он собственные мысли.

— Нет, — легко ответил Монах. — Не то чтобы я знал всё это заранее, но предполагал с определённого момента.

— Точка невозврата? Какая? — вдруг спросил Карс, нарушая все мыслимые и немыслимые правила.

— Рано ты меня хоронишь, — покачал головой Монах. — Понятно, что ты волнуешься за себя, но…

Собеседник выдержал ответный удар. Впрочем, направление мыслей поменять он уже не мог.

— Там ведь ничего нет. Нельзя ни запереться дома, ни гулять сутками без страха проголодаться или заболеть, ни общаться только с кем хочется. К тому же смерть…

— Там смерть честнее, — заметил Монах. — От старости, от несчастного случая. От чужой руки, конечно, хуже, но всё-таки. А они, — он не выделял слово, но Карс понял, о ком речь, — точно так же хотят меня сейчас убить. С полным осознанием этого,

потому что считают сам факт изгнания смертью.

Вздохнув, Карс опустил глаза.

Напряжение внутри росло, несмотря на внутреннее согласие с предпринимаемыми действиями: ожидание близящейся развязки. Монаху это не нравилось.

— Точно не уйдёшь? — спросил он, формируя образ. — Я тогда музыку послушаю.

— Мне дашь?

— Дам, — кивнул Монах. — Всем дам.

Когда-то давно ему было интересно попробовать это сделать. Сейчас озорство вдруг оказалось на первом плане мышления, и, поддавшись позыву, он распространил волны на всё помещение.

Он никогда не имел ничего похожего на гимн, не столько не понимая, что это слово должно означать, сколько не представляя, зачем может понадобиться сужать свой кругозор до одной-единственной композиции. Разве она сможет выразить всё, что захочется в него вложить? Однако звенящая под сводами зала песня настолько хорошо выражала его моментное самоощущение, что он пообещал подумать над этим вопросом ещё раз, потом. Если, конечно, будет такая возможность.

Был я в школе герой, я учился на пять,
Я знакомые буквы любил повторять,
Я разглядывал книги как шифр, я пытался узнать,
Что такое весна.
Весна.
Лишь однажды пытался я школу поджечь,
Да учитель узнал, спички выбросил в печь.
Мне хотелось огня и тепла, я не мог больше ждать,
Когда будет весна.
Весна.
Вот уж стало темно, дал учитель звонок.
Я из школы скорей убегал со всех ног,
Он вдогонку за мной, чтобы я не узнал,
Когда будет весна…[20]

Мик с товарищами, словно подгадав, появились до четвёртого куплета, в котором ученик собирался расправиться с учителем. Музыка по чьей-то из них команде оборвалась, на несколько секунд повисла гнетущая тишина.

— Остального тебе недостаточно, да? — с нескрываемой угрозой в голосе спросил Мик. Кулаки его были плотно сжаты, сам он тяжело дышал, то ли после бега, то ли сдерживая злость. — Решил над священным местом поиздеваться?

— В жизни не слышал запрета включать здесь музыку, — спокойно отозвался Монах.

— Потому что запреты для нормальных людей, а не долбанутых на голову, как ты! Ты его оскверняешь одним своим присутствием! Карс, хватай его!

— Пошёл на х…, - с вызовом ответил тот. Монах поморщился из-за мата, но осуждать не стал даже мысленно.

— Каждый Одиночка обязан чтить общие заветы! — вступил в разговор кто-то из-за спины Мика. — А также препятствовать их нарушению, руководствуясь соображениями справедливости.

— Вот и чтите заветы, — заявил Карс. — А то командовать они мной вздумали, ядрёна вошь.

— Ты обязан схватить нарушителя!

— Нарушителя чего? — поинтересовался Монах. — Первый раз слышу, что меня в чём-то обвиняют.

— Ложь! — яростно воскликнул Мик. — Ты сам пришёл сюда, зная, что сюда тебя приведут после всего, что ты сделал!

— Я пришёл сюда потому, что мне нравится здесь бывать, — возразил Монах. — Всё остальное — твои домыслы.

— Ты знал, что нарушил правила!

— И откуда же я это знал, если никто не сообщал об этом?

Невозмутимость Монаха, похоже, выбешивала его карателей больше всего.

— Ты сам это знал!

— Нет, не знал, — он пожал плечами, — впервые услышал от тебя сейчас. Если у тебя есть ко мне претензии, можешь предъявить обвинение и собрание разберёт его.

От одежды команды Мика по залу распространялся запах свежего древесного дыма. Похоже, он не стал ждать решения собрания и, не обнаружив Монаха дома, отыгрался на прилегающей парковой зоне — мол, какая разница, хозяин сюда больше не вернётся.

Деревья было ужасно жаль, но и это Монах предполагал заранее и на всякий случай растянул эмоциональную реакцию по времени, снимая нагрузку с нервной системы.

— О, у меня есть обвинение. Такое, которого ты и заслуживаешь, — прорычал Мик. — Ты предал Одиночек! Связался с Правителем, нахватался от него дури и стал разрушать наше сообщество, объясняя это тем, что наши правила плохие, а ты можешь предложить лучше.

— Я когда-нибудь такое говорил? — искренне удивился Монах.

— Может, и не говорил. Но факт остаётся фактом!

— Факт чего?

— Карс, хватай его! Обвинение предъявлено!

— На х… пошёл, я сказал, — повторил спутник, — вас много — вы и хватайте, а я один не справлюсь.

— Ты обязан участвовать в собрании! — завопил Мик, чем дальше, тем больше теряя над собой контроль.

— Рот тебе заткнуть я обязан, чтоб не командовал.

— Если ты не участник собрания, — снова подал голос кто-то из команды, спасая положение, — покинь зал. Таковы правила.

— Это можно, — согласился Карс. Бросил уничижающий взгляд на Мика, встал к нему спиной, обращаясь к Монаху: — Удачи. Не знаю, как у тебя всё сложится, но я был рад общаться с тобой.

— Отживи за нас двоих, Карс, — дотянувшись с пола, Монах коснулся его руки. — Если вдруг увидишь Маркуса, передавай привет. Скажи, я многому у него научился.

— Это уж точно, — невесело усмехнулся Карс. Кивнул в сторону, подразумевая ситуацию.

— Освободить зал для проведения собрания! — зычно крикнули сзади. Поморщившись, Карс сотворил образ и переместился.

Команда Мика, снова почувствовавшая свою силу, обступила Монаха неровным кругом. Напротив стоял сам Мик, похоже, едва удерживающийся от презрительного тычка ногой. Вздохнув, Монах поднял голову и посмотрел в лицу бывшему другу. Произнёс:

— Она уже ушла, да?

Результат напомнил последствия удара гирей: психологические щиты Мика смяло так явно, будто они были материальными. Его лицо исказилось от боли.

— До меня успели дойти слухи, — продолжил Монах. Не то чтобы ему было приятно издеваться, но и беззащитной жертвой он себя не представлял. Раз уж назначили роль диссидента, он отыграет её до конца. — Оправившись от разрыва отношений, она создала физическую копию тебя и жила с ней некоторое время. Потом это вскрылось и её выгнали с позором. Говорят, она до последнего момента плакала и умоляла тебя простить её — за всё возможное, лишь бы остаться здесь и быть с тобой.

— Собрание не будет против, — произнёс кто-то сзади. Мик дёргано кивнул, сделал шаг вперёд и занёс ногу, собираясь ударить в лицо. Попытка поставить барьер ничего не дала — на место проведения казни уже поставили нулевой блок, — однако Монах всё-таки сумел отклониться и удар пришёлся в плечо, повалив его на спину.

— Инквизиционный процесс, — невозмутимо сказал Монах с

пола. Сейчас спокойствие далось как никогда просто: он не чувствовал ни страха, ни волнения, ни сожаления за что бы то ни было. — Форма расследования, в которой суд выступает одновременно защитой и обви…

— Заткнись! — заорал Мик, догнав эхо до самого купола. — Мы не такие! Мы нормальные, нам не нужны шаблоны и ярлыки!

— Законы социального действия универсальны. Даже если…

— Заткнись!

— Пора заканчивать, он нас провоцирует, — заметили в кругу.

Монах сосредоточился: этот момент он хотел запомнить на всю оставшуюся жизнь, независимо от отпущенного срока.

Пол холодил спину сквозь тонкую рубашку, некоторые мышцы уже занемели. Пульсировало болью левое плечо, в которое пришёлся удар ботинка. Круг собрания возвышался над ним, воздев руки и читая ритуальный текст; ощущения были, словно лежишь в гробу и над тобой читают поминальную молитву. Правда, насколько Монах знал, в молитвах обычно хвалят умершего за его земные дела, благодарят небеса за то, что послали его к людям, и просят проявить к нему милость, несмотря на допущенные грехи. Здесь же наоборот, его возвращали небесам как отдают в магазин купленный товар со случайно обнаруженным заводским браком. Что-то вроде «извините, но пользоваться этим я не смогу и не буду. Лучше дайте мне такой же, только хороший. Ну, и скидку желательно».

По-своему всё это тоже было красиво, особенно на фоне купола храма. В какой-то момент он стал приближаться: в дело вступили потенциалы собравшихся, которые готовы были пожертвовать частью своих сил ради чистоты сообщества.

Какой-то из вдохов стал последним.

* * *

Под спиной снова оказался холодный пол, но уже из неровного, природного камня. Разглядеть ничего не удавалось — глазам пришлось перенастраиваться на пучок не слишком ярких лучиков света. Сырость в воздухе почти отсутствовала, соли с йодом тоже не ощущалось, так что была надежда на попадание в континентальный район. Где-то в стороне приглушённо, словно из-за стены, раздавались голоса.

Постепенно свет стал приближаться, голоса становились громче. Тем временем проявились стены пещеры и контуры входа в ответвление, по которому шли люди.

— Монах?!

Он узнал обоих, но если одного просто был безумно рад видеть, то чувства ко второму выходили за пределы его понимания собственного восприятия. Справившись с дыханием, Монах закричал:

— Граф!

* * *

Все три дня Кейра не находила себе места. Прерывание потенциалов, традиционная фаза передышки в войне, когда стороны выложились по полной и могут лишь огрызаться друг на друга, не принесло ей никакого облегчения. Наоборот, невозможность сказать себе «эти дела важнее всего, иди и занимайся ими» повлекла высвобождение огромного количества времени, а следом и ощущение полного бездействия. Проблема есть, задача стоит, ничего не предпринимается.

И проблема-то была не того рода, чтобы поделиться с кем-то и попросить помощи. Альден с Нармизом не зря берегли подругу от неприятной новости; она, конечно, была немного обижена на них, но и смысл понимала — её нынешнее положение было крайне легко предсказать. Однако по стечению обстоятельств факт предательства Ресда выяснился именно сейчас, когда и переключиться не на что, и возможность выяснить правду есть.

Выяснить правду… Об этом и стоило беспокоиться в первую очередь. Не о том, что Правительница ощущает внутренний дискомфорт, не о том, что качество её ежедневной бумажной работы снизилось. Наибольшую опасность представлял возможный срыв.

На третий день затишья Кейра приняла тяжёлое решение. Тяжёлое потому, что она в очередной раз подставляла друзей, не сообщая им о своих планах. Но она знала себя достаточно хорошо и представляла, на какой минуте разговора её убедят оставить опасную затею — а отправляться в Гирст действительно было опасно. Даже если по пути не произойдёт ни одной стычки, даже если её там примут и объяснят всё интересующее, нет никаких гарантий, что Кейра вернётся домой в целости и сохранности, а услышанное подарит спокойствие, а не новые моральные дилеммы.

В то же время существовал риск сорваться позже, в другой обстановке. Это Кейра тоже хорошо понимала — но объяснить друзьям, что в выборе между менее и более опасной авантюрами следует выбрать первую, а не отказываться от выбора, она точно

не сможет.

Для верности о предстоящем полёте не говорилось никому. Выйдя в середине дня из своей комнаты в свободной прогулочной одежде и с вещевым мешком, Кейра бодро сообщила, что отдохнёт день-два на юго-восточном побережье материка. Обязательно в уединении, поэтому, если её начнут разыскивать союзники или штабисты, для всех она отбыла в регионы проверить дела на местах. Может же Ведущая раз в год плюнуть на волокиту и предоставить аппарату самому разбираться с возникающими вопросами. Тем более, учитывая последние тенденции…

В мешке под любимым комплектом охотничьей формы лежал полный боевой набор — всё необходимое чтобы разминуться со случайным вражеским патрулём или разделаться с блокирующей путь дозорной башней.

— Чшшш, — девушка погладила по шее вскрикнувшего орла, выданного ей на воздушной площадке. — С тобой ничего не случится, обещаю. Мы будем очень осторожны.

Птице неоткуда было знать, как погиб в Юстиции её собрат, но, как и в случае с самой Кейрой, знание и незнание мало различались по степени нервного напряжения. Зато у птицы было чувство долга, диктующее необходимость донести всадника по назначению и благополучно вернуть обратно, а Правительница сейчас руководствовалась только представлениями о таковом. И то не факт: какой долг может звать посмотреть в глаза нечестному человеку? Чувство справедливости?

Хм… Если подать затею с этой стороны, конкретно Нармизу, может и прокатить… Хотя нет, во-первых, Альден всё равно узнает, во-вторых, справедливость Нармиза штука гораздо более суровая, и если Кейра в самом деле собирается ограничиться разговором, то глава Братства может на полном серьёзе вознамериться превратить всё в акцию возмездия.

Но если бы он этого хотел, зачем ждать Кейру? Не проще ли подготовить и исполнить всё самостоятельно?

«Может, он и готовит, — мелькнула мысль. — Значит, тем более надо поговорить с Ресдом, пока он жив».

В конце концов, Альден сам не так давно сказал: есть возможность — лети, с последствиями разберёмся позже. Правда, сказал применительно к другой ситуации и в другом смысле, но всё равно будет на что сослаться.

* * *

Принадлежность к центральному штабу союзных войск — а куда ж без неё входящему в союз Правителю — давала возможность спокойно пользоваться самыми актуальными фронтовыми картами, так что Кейра просчитала все соответствующие риски. Надёжнее было бы только облетать континент целиком, вдоль линии побережья, но чем больше уйдёт времени на мероприятие, тем сложнее будет потом доказать, что его не было как такового. Да и разговор требовал достаточной концентрации, которую сложно поддерживать после такого длительного перелёта.

Если подходить к вопросу рационально, вероятность напороться на патруль была тем выше, чем глубже на территории противника оказываешься. Полоса в десяток километров наружу от границы — последний прогнозируемый предел, а дальше вероятность стабилизируется по всей поверхности планеты. Так же, как вероятность проглотить мушку при вдохе, только чуть больше: никогда не угадаешь, в разведывательные аппараты какого рода кто решил вложиться. Идеи появлялись стабильно раз в определённый период и сразу же запускались в тест, но качество предоставляемой информации, надёжность связи и долговечность механизма раз на раз не приходились. Поэтому в полётах куда-либо проще было держать постоянно включённым базовый щит, а для пущего спокойствия — и комплект дополнительных, скрывающих перемещения воздуха, тепловую энергию, звуки и другие признаки скрываемого перелёта.

Участок маршрута в направлении ровно на восток, в пользу легенды, Кейра преодолела без проблем. Приземлилась переодеться и проверить защитные системы, переключила комплекты щитов. Следующими на пути встали Братские горы. Если Альден после битвы при Юстиции пообещал заняться в освободившееся время каким-нибудь активным отдыхом, то Нармиз по обыкновению заперся во дворце, отвечая на звонки и письма, но отклоняя попытки вытащить его куда-либо. Впрочем, логично: в этот раз он большую часть времени провёл на фронте, в давно непривычных для союза условиях численного перевеса противника, пока Альден безвылазно занимался обороной города. Теперь, получив свободу манёвра, ребята поменялись местами — один закрылся в четырёх стенах, другой вылетел из них пулей.

Последний перед Гирстом участок представлял пологую дугу с выемкой в районе территории инферналки-нейтрала. Тема данной аномалии постоянно ускользала из внимания Правителей, когда они собирались вместе, так что информации у Кейры было столько же, сколько месяц и два назад, то есть почти отсутствовала. Учитывая, что в войну всё меняется быстро,

актуальная задача заключалась в беспроблемном прохождении отрезка — с прочим, из разряда политики и дипломатии, разберётся штаб.

Не дожидаясь вхождения в опасную зону рядом с Дворцом, Кейра, отследив по карте нужный километраж, снова переключила комплекты резервных щитов. Зловещие скальные клыки, окружавшие убежище инферналки, постепенно приближались с левой стороны.

Удар! Буквально в нескольких метрах от Кейры с гулом прошёл широкий рубиновый луч. Как, откуда?!

Орёл прерывисто засвистел, сигнализируя о том, что часть щитов слетела. Пустив птицу манёвром на уклонение от выстрелов, Кейра быстро проанализировала световой рисунок сигнальных перьев: жить можно, но уже на меньшей скорости и без возможности ускорения.

А впереди тем временем замелькали чёрные пятна — знакомые по Юстиции тёмные ангелы быстро разлетались в разные стороны, выныривая из… пустоты? Какой гений тактической мысли додумался ставить защищённую по первому классу военную базу посреди чистого поля, даже не на основе имеющегося поселения?

Впрочем, с этим можно разобраться позже, сейчас бы уйти. Стычка произошла из разряда предельно идиотских, под названием «на большего дурака»: один дурак сел в засаде в совершенно неподходящем для этого месте, и попасться в неё мог только ещё больший.

С земли продолжали палить, уже из нескольких стволов, но всё равно с гораздо меньшим шансом попадания, чем вначале. Расплачиваться за это пришлось повторно уменьшившейся скоростью. Ангелы оказались с орлом приблизительно в одной «весовой категории» и в любой момент могли пойти на атаку. Однако воспользовалась этой возможность почему-то едва ли четверть от их общего числа: остальные остались по сторонам, летя параллельно и ограничивая маневрирование.

Проследив направление, в котором её гнали, Кейра закусила губу, борясь с волнением: против желания она летела прямиком на чужой Дворец.

Кружившие рядом с ней ангелы швырялись энергетическими сгустками из коротких магических жезлов, но явно для привлечения внимания — несколько уже попали в цель, и защита выдержала их без особых проблем. На полноценный обстрел нарываться не стоило, но и сбить любой ценой её не пытались. Неизвестно, что там за собаки в отношениях между инферналами, но, насколько Кейра понимала происходящее, она стала

незапланированным участником чьих-то хитросплетений интриг. Или, того хуже, запланированным, в смысле заняла кем-то заранее подготовленную роль…

Сработавшая ловушка, безусловно, находилась на первом месте в списке вещей, выводящих Кейру из себя. На втором так же уверенно обосновалась необходимость следовать навязываемым правилам: можно было тягаться либо со сворой вражеских штурмовиков, либо с хорошо защищённой базой, но не с обоими сразу.

За скалами обнаружилась отдельно стоящая крепостная стена, с которой даже частично просматривалось происходящее снаружи. Замок был самым простым, исторической модели, а не заточенным под военные нужды здешних реалий. На стене, как положено, собрались защитники, тоже достаточно простые, в броне под средневековую Европу. При этом они и не думали что-то предпринимать, молча пялились и безропотно образовали полукруг, когда Кейра подлетела для посадки.

— Дорогу, расступитесь! — послышался высокий голос, звенящий от гнева. Из толпы вышла молодая девушка, пятнадцати-шестнадцати лет на вид, не больше. О том, что это именно хозяйка Дворца, вполне убедительно говорил сильно выделяющийся среди исторических костюмов обычный спортивный, соответствующий началу двадцать первого века. Встретившись взглядом с Кейрой, инферналка на секунду замолкла, но взяла себя в руки и поинтересовалась:

— Что за хренотень? Тебе жить надоело?

— Выслушай меня, пожалуйста. Нам нечего делить, — Правительница спрыгнула на землю и, держа руки на виду, осторожно приблизилась на пару шагов, не осмеливаясь переступать незримую границу.

На бурю эмоций от самого происшествия наложились давно не испытываемые ощущения от переговоров с незнакомой девушкой-лидером. С парнями всё было относительно просто: как правило, никто ни на кого не орёт, все понимают, насколько отличаются друг от друга, и перевести разговор в конструктивную линию не составляет особого труда. Конкурировать с девушкой почему-то считалось зазорным… для всех, кроме других девушек.

В глазах инферналки полыхало почти осязаемое пламя задетых собственнических чувств: к ней в дом пришли без разрешения! Схватить, покарать, чтобы неповадно было! На это накладывалась разница в статусе; Кейра делала всё, что в её силах, но тридцать лет разницы в возрасте накладывали свой отпечаток, пусть и выглядели на сторонний взгляд как пара физических. Такие вещи сложно отслеживать без чьего-либо

посредничества, но она знала, что стоит твёрже, держит спину ровнее, смотрит увереннее и говорит громче, чем инферналка могла себе позволить в какой бы то ни было спокойной обстановке.

И сейчас всё зависело от того, готова хозяйка Дворца принять это или перейдёт к открытой агрессии.

— У тебя одна минута, — процедила инферналка.

— Хорошо. Сперва основное: меня зовут Кейра, я возглавляю Эльфийскую республику на южной стороне. И я не хотела попадать сюда, именно потому, что не знала, как ты на это отреагируешь. Меня вынудили сменить маршрут.

В глазах хозяйки что-то промелькнуло, но что именно, понять не удалось. Тем не менее, она уже более спокойно, с оттенком какого-то стороннего чувства, отозвалась:

— Ора, живу здесь и пытаюсь сохранять нейтралитет. Получается кое-как, хотя из вашей компании ко мне заходят впервые.

— Очень приятно, — Кейра улыбнулась, внутренне переводя дух. Инферналка наоборот, поджала губы. — Дело в следующем. Я пролетала в стороне, но напоролась на базу ин… извини, привычка. Это не обидное…

— Забей. Кого-то из инферналов, — Ора махнула рукой. — Дальше.

— На меня напали. Совершенно неожиданно, потому что база не должна находиться здесь, это не укладывается в правила ведения войны. Но не стали пытаться сажать или убивать, а ограничили передвижение и загнали сюда. Прямо к тебе.

— Что значит «ограничили передвижение»? — подозрительно нахмурилась инферналка.

— Ангелы, — пояснила Кейра. — Они были на той же скорости, что и я, и не давали сменить направление. Я могла пролететь над тобой, но это показалось ещё более опасным: разговора бы не произошло и ты могла открыть огонь, причём с полным правом на это.

— Дозор! — крикнула Ора. К ней пробились через толпу несколько мужчин. — Что с небом?

— Всё чисто, госпожа! — отрапортовал один, с круглым лицом постоянного посетителя кабака. Кейра напряглась: не её дело, кого, как и зачем создаёт другой Правитель, тем более никак с ней не связанный, но стража выглядела и вела себя слишком уж… по-киношному? При потребности создать персонал охраны покровительница эльфов создала бы, может, настолько же штампованных прислужников, но всё-таки другого типа. Бравых, исполнительных, покладистых. Наверное, не особо

инициативных, но смекалистых.

— И как это понимать? — поинтересовалась Ора. В её голосе снова появилась угроза.

— У тебя есть детектор? — спросила Кейра, подбирая варианты. Инферналка молчала. — Детектор лжи. Так… воспроизведению воспоминаний ты поверишь?

— Вряд ли.

— Хорошо, техника слежения. Я могу создать сама, могу объяснить, как она…

— Неубедительно, — Ора покачала головой.

Кейра напрягла голову. Логические доводы не помогут, здесь нужно что-то другое. Но что сейчас можно использовать для пробуждения эмоций? Не ждёт же она, что перед ней встанут на колени и будут умолять поверить…

Пойдём другим путём. У покровительницы эльфов осталось больше всего потенциала среди союзников, и сейчас, похоже, пришло время его использовать. Пусть затраты, но альтернатива не наблюдается.

Тёмные ангелы продолжали кружить в отдалении, отсекая пути к отступлению. Некоторые приземлились на землю, пользуясь тем, что на них не обращают внимание. Кого проще выхватить?

Составив средней сложности образ, Кейра бросила за спину, в сторону малополезной стражи, но скорее самой Оре:

— Я сейчас выдерну одного, который сидит поблизости. Не пугайтесь, он будет мёртв. По крайней мере, я собираюсь так сделать. Но если он вдруг оживёт или произойдёт что-то ещё незапланированное, бейте сразу, не дайте ему оклематься. Ладно?

— Стой! — вдруг сказала Ора. Подошла, встала рядом. — Допустим, я тебе верю. Опиши, что ты видишь, показывай пальцем на тех ангелов, которые находятся в зоне видимости. По возможности, говори расстояние.

— Прямо, двое, прикрывают обратный путь. Вот там цепочка из четырёх, парят, ничего не предпринимают, в пределах километра. Вон там…

— Пока достаточно.

Ора достала из кармана куртки маленькую, соразмерно её руке, рацию и бросила:

— Огонь по появлении противника, южный сектор, приготовиться.

Властности в её голове было меньше, чем злобы, но Кейра уловила знакомые интонации. За несколько лет вырастет, никуда не денется, всё впереди. Даже изображать шальную императрицу,

возможно, не станет; этот штамп у Правителей подразумевал модель поведения, когда девушка теряет голову от свалившихся на неё возможностей и погружается в поклонение и разврат.

Для самой Кейры обзор не изменился — по-видимому, её неоднократно совершенствованные глаза пробивали завесу ангелов в режиме реального времени. Оре же понадобился специальный образ, благодаря которому штурмовики потеряли визуальную защиту.

Неподалёку бухнула пушка; Правительница отметила новый звук, непохожий на привычные орудия союзников. Выстрел никого не задел, но ангелы резко сменили курс, замелькав, как потревоженные мухи.

— Так, — теперь в голосе Оры звучало что-то похожее на дребезжащий, грозящий расколоться лёд. — Они здесь из-за тебя?

— Они здесь оказались задолго до меня, — понимать вопрос можно было как угодно, но Кейра не стала углубляться в уточнения, а решила объяснять всё и сразу. — Там, примерно на юго-востоке, у них защищённая база. Не знаю, с какой целью поставленная. Когда я появилась в этом районе, меня окружили и погнали сюда.

— Ага, — туманно произнесла инферналка. Замолчала, думая о чём-то своём. — Иди в замок. Я разберусь.

— Ты уверена? — осторожно спросила Кейра. Ссориться было опасно и недальновидно, но ей требовался какой-то конструктив для планирования дальнейших действий.

— Уверена. Иди, потом решим, что с тобой делать.

Вздохнул, Правительница кивнула:

— Хорошо, как скажешь.

* * *

— Плеть! Тревога!

Изображать чрезвычайное возбуждение не требовалось, Тавис был как никогда на подъёме. Требовалось всего лишь подправить направление.

— Что случилось? — напрягся повелитель нежити.

— Мне сейчас пришёл сигнал от разведчиков. Ора связалась с Правителями! И не просто связалась, а о чём-то договаривается с ними!

— Так, погоди, давай по порядку, — Плеть прервался на несколько секунд, то ли просыпаясь, то ли откладывая дела, которыми занимался. — Что там, говоришь, произошло?

— Слушай внимательно. Мои разведчики следили за

Дворцом Оры. Прилетел кто-то из Правителей, прямо во Дворец. Они сейчас там. Я их окружил, чтобы не дать вырваться и продолжить слежку, но не уверен, что сил хватит. Мне нужна вся твоя помощь! Вся, слышишь?!

— Слышу, — Плеть пока раздумывал. — Ресду ты уже сказал?

— Конечно, нет. Для начала надо определить, мы с тобой до конца? Даже если Ора крутила нами всё это время, пользуясь покровительством Ресда?

Помолчав, повелитель нежити ответил:

— Да.

— Отлично. Переверни всё, что у тебя есть, отправляй к Оре летающее и вообще быстроходное. Всё, что есть у меня, я уже выдернул, но дорога каждая минута, они могут не успеть.

— Я понял.

— Хорошо.

Закончив разговор, Тавис понял, что встречает свой величайший триумф в неподобающем виде. Это касалось всего, от грязной трёхдневной одежды до лица, на которое после всего даже не хотелось смотреть в зеркале, и трясущихся рук.

Подарок судьбы… Просто подарок судьбы! Кто, ну кто мог предположить, что всё сложится таким чудесным образом? Хорошо ещё, что мозги вовремя щёлкнули и выдали нужный вариант действий: вместо загона под выстрел был отправлен приказ отработать «коробочку». Теперь у него вместо одного поверженного Правителя целых два поверженных врага, пусть даже они об этом пока не знают.

Снова взявшись за устройство связи, Тавис сконцентрировался на Ресде, которого теперь даже мысленно избегал называть главным.

— Ресд, — звенящим от напряжения голосом произнёс он, — с тобой Плеть сейчас связывался?

— Нет. А в чём дело?

Повелитель драконов говорил спокойно, ничем не намекая на недавние события. Как же, как же…

— Я сейчас на восточном рубеже. От разведчиков пришёл сигнал: с юго-востока кто-то прилетел к Оре и сейчас находится в её Дворце. По-видимому, Правитель.

— Кто это был? — в голосе Ресда появилась требовательность.

— Неизвестно. Не смогли узнать, щиты.

«Ничего я тебе не скажу, ничего».

— Я понял. — Помолчав, Ресд вынес решение: — Следи за ними. Я вышлю подкрепление, будет в пределах суток. Хорошо слушаешь меня?

— Да. — «Слушать не значит слушаться».

— Попытается уйти — не останавливай. Сейчас не до Правителей, главное, что у нас в руках Ора, нужно ослабить её позиции насколько возможно. Понимаешь меня? Организуй блокаду замка, которую дозволено преодолеть только тому, кто туда прибыл. После его отбытия начнётся обратный счёт до штурма.

— Я могу…

— Не надо, делай, как велено. Ты всё понял?

— Да.

Не дожидаясь ответа, инфернал прервал связь. Презрительно сплюнул в сторону.

* * *

В совершенно незнакомых Дворцах Кейра не бывала уже лет десять, не меньше, и, оказавшись на ступенях главной лестницы, поднимающейся в не слишком большой холл, с интересом анализировала свои ощущения и ход мыслей. Ориентироваться в общем плане было достаточно легко: конструкция базировалась на простейших формах, без претензии на изыск и художественные достижения. В то же время имелся риск спутать отдельные однотипные комнаты.

— Проводите меня в гостиную, — попросила Кейра охранника, державшего пост возле одной из дверей. Мужчина молча уставился на неё. — Приказ Оры, проводите меня в гостиную.

Стражник, наконец, соизволил ответить:

— У нас нет такого… госпожа.

— Нет гостиной? — не поняла Кейра. Ах да, замок инфернала вполне может иметь свои особенности. Где же ей тогда уединиться, не в камере ведь пыток? — Тогда в столовую.

— Я не знаю, что это, госпожа.

Обращение он произносил так безучастно и как будто вскользь, что даже Кейра, малочувствительная к церемониалу и избегавшая его в быту, стала раздражаться. Понятно, что кроме инферналки здесь никого не уважают и не должны это делать, но есть же гости дворца, в конце концов. Или они никогда без палки не работают?

— Отведи меня туда, где хозяйка принимает пищу, — процедила Правительница, вспоминая навыки агрессивного давления на подчинённых, — если это не находится в её собственных покоях. Если так, то туда, где она отдыхает, с тем же

условием. Ты всё понял?

— Я не могу оставить пост, — уже другим тоном, гораздо более лояльным, ответил охранник, — у меня…

— Быстро, черт бы тебя побрал!

— Да, госпожа!

— Не лети, дубина, я за тобой не поспеваю!

Да нет, не может быть, чтобы они так и жили. Или у Оры это что-то вроде мини-спорта с элементами психологии? Хороший вариант для объяснения особенностей поведения прислуги.

Комнатка, куда привели Кейру, относилась к категории тех, на которые достаточно бросить один-два взгляда чтобы понять, в каких условиях и для чего она создавалась. Круглая форма, небольшой круглый столик в середине размером на четыре-шесть человек. Расположение сбоку от основной кухни, достаточно далеко, чтобы не долетали запахи. На потолке простейший плафон. Судя по всему, Оре тоже в какой-то момент понадобилось место для уединения за пределами личной части замка.

— Здесь есть кто-нибудь ещё из стражи?

Мужчина на всякий случай выглянул в обе ведущие в комнату двери, из кухни и из коридора.

— Нет, госпожа.

— Значит, стой снаружи на случай, если понадобишься.

— А как же…

— Молча! — Правительница боднула его недовольным взглядом. — Если я выйду, а тебя нет, мало не покажется.

Оставшись в одиночестве, девушка выделила минуту на успокоение; за что она, среди прочего, не любила эту модель отношений, так за выходы из равновесия. По крайней мере, до определённого этапа, когда слуги вымуштруются в достаточной степени и на них не придётся обращать столько внимания.

Муштровка слуг… Кейра покачала головой: давно она с подобным не сталкивалась.

Что ж, пора приступать к делам. И перво-наперво надо таки сообщить союзникам о своих приключениях. Будем надеяться, что её сейчас не начнут чихвостить в той же форме…

Выбор между Альденом и Нармизом девушка уверенно сделала в пользу первого. Император если и давит, то обычно авторитетом или отношениями, в то время как глава Братства апеллирует к дисциплине и высокому статусу Правителя. Последнего сейчас хотелось меньше всего на свете, тем более, что всё сказанное будет правдой.

Есть ли здесь подслушивающая аппаратура? Вряд ли, учитывая общее отставание в техническом уровне, но кто знает. Но поле тишины ставить нельзя — вызовет лишние подозрения.

Кейра расстегнула верхнюю пуговицу куртки, вытянула связной медальон, сжала в руке и настроилась на мысленный разговор.

— Я, — послышался голос Альдена.

— Привет. Мне надо рассказать тебе кое-что… Только не волнуйся.

— Что случилось? Где ты сейчас? — император предсказуемо не последовал совету, но вряд ли представлял масштаб проблем.

— Со мной всё нормально. Я сейчас у Оры.

— Где? Подожди, у нейтралки?! Что ты там делаешь? Опасности нет?

— Подожди, не нервничай. Всё хорошо, я в безопасности, но у нас обеих сложная ситуация.

Альден на несколько секунд замолчал, по-видимому, сделав перерыв на то чтобы выругаться. Правительница с замиранием сердца ждала окончания паузы.

— Естественно, у вас сложная ситуация! — император вернулся на линию. — Ты бы хоть спросила предварительно, что там сейчас творится и что можно делать, а что нельзя ни в коем случае!

— Я не собиралась. Просто…

— Просто решила смотаться на север узнать, как поживает наш общий друг, — саркастично продолжил Альден.

— Ты про Ору или Ресда? — уточнила Кейра, ощущая себя маленькой провинившейся девочкой.

— Да какая разница! — простонал император. Перевёл дух. — Ну, нельзя же так, сколько раз мы обсуждали это с тобой. Ты можешь думать, что всё просчитала и тебе ничего не грозит, но можно ведь поинтересоваться у меня или Нармиза, есть ли у нас что дополнить.

— Вы бы меня переубедили.

— Не без этого. Но если бы не переубедили, план стал бы гораздо более безопасным.

Девушка вздохнула.

— Извини. Со мной всегда так.

— Да толку от извинений… Рассказывай, что у тебя.

Доклад о происшествии получился сжатым и информативным, как того и требовала ситуация. Выспросив необходимые подробности, Альден ненадолго задумался и вынес вердикт:

— Согласен, тебя разыграли. Точнее, включили в планы междоусобицы инферналов, а разыграли нас всех скопом.

— Что-нибудь знаешь об этом?

— В общих чертах. Ора говорила, что её не интересует война как таковая, не важно, между кем, и она собирается сидеть в

глухой обороне в надежде, что все решат свои проблемы без её участия. Однако, что вполне логично, после первого же прерывания она стала единственным человеком с более-менее крепким запасом потенциала, и её просто не могли оставить в стороне.

— То есть вы с Нармизом…

— Ну, с Нармизом у неё личные счёты. Со мной, впрочем, тоже, но я лучший дипломат. Да, мы тоже активизировали контакты, чтобы если и не сподвигнуть Ору к союзу, хотя бы временному, то вовремя отследить её перемещение на сторону противника и подготовиться.

Кейра задумалась:

— Когда мы с ней встретились, она была недовольна. Сказала, что личные встречи нарушают её нейтралитет, чего она не может допустить.

— Ну да, — легко согласился Альден, — сейчас-то она в нейтралитете. Как будет готова принять чью-либо сторону, тогда можно и встречи, и всё остальное. А пока идёт переписка — этого допускать нельзя.

— Ох уж эти игры с интригами.

— Да то же самое, что у тебя в Совете, — невесело усмехнулся Альден.

— Но-но, я честный лидер и могу увлечь за собой без обращения к таким инструментам! — настроение Кейры приподнялось: ругаться закончили, атмосфера почти разрядилась.

— Толпу. А вот с отдельными личностями надо договариваться… Ну, ладно, — Альден снова задумался. — Предварительный план такой. Мы соберём ударную группу, чтобы добраться до тебя и благополучно вернуть домой. Раз такое дело, там же, по прилёту к Оре, попробуем пообщаться с ней на предмет дружеских отношений, но это не главное. Прилетим завтра до полудня, после этого в район успеют подтянуть крупные силы и придётся разрабатывать другой план, полноценную боевую операцию. Позже созвонимся ещё, согласуем детали. На всякий случай, будь готова уходить в любой момент.

— Было б куда уходить, — вздохнула Кейра, — меня с базы на юге караулят.

Альден помолчав, раздумывая.

— Даже через базу. Случиться может всякое. И вот ещё что: попробуй сблизиться с Орой. Только очень осторожно, чтобы это не выглядело как часть провокации.

— Хорошо, попробую. Конец связи.

— Конец связи.

Посидев немного углубившись в мысли, Кейра встряхнулась.

Надо было чем-то занять себя до возвращения инферналки.

Есть пока не хотелось, так что на столе в облачке серого пара появилась стопка бумажных листов, несколько цветных ручек и отдельно чашка травяного чая. Контуры скального периметра, крепостной стены и цитадели в памяти всплыли легко. Старые материалы по фортификации вспоминались уже сложнее, но тем интереснее была задача. Забыв про окружающий мир, девушка погрузилась в черчение.

* * *

— А, вот ты где. Ну и спряталась, я уже обыскалась.

Кейра выпрямилась и с наслаждением потянулась, освобождая уставшую от долгого сидения в одной позе спину. Отозвалась:

— Я попросила отвести куда-нибудь, где ты обычно отдыхаешь. Сама не знаю, где мы находимся и как отсюда выбраться.

— Да я здесь тоже была всего пару раз, — подтвердила догадку Ора. Сев напротив, она оперлась локтями на столешницу и сцепила руки в замок, думая о чём-то своём. Кейра намётанным взглядом отследила напряжение в её теле и тени беспокойства на лице, при одновременной попытке показать, что всё хорошо и под контролем. Похоже, близились новые неприятности.

— Давай я сейчас уберу это… — Правительница подняла руку над грязной посудой, но Ора резким жестом остановила её:

— Оставь, сами помоют. — Помолчав, она нехотя добавила, избегая смотреть в глаза: — Потенциал пригодится.

— Что там? — Кейра не глядя сгребла блюдца в сторону и сосредоточилась на разговоре.

— Подкрепление, — почти процедила инферналка. Взгляд её упёрся в стол. — Я по ним стреляла сколько можно, отгоняя, а теперь они взяли нас в круг полностью. Стреляй-не стреляй, толку не будет.

Правительница молчала в ожидании, но инферналка замолчала.

— Что будем делать?

— Как обычно в таких случаях. — Ора пожевала губами и выплюнула: — Читать и выполнять инструкцию.

К моменту, когда она достала из кармана и положила на стол небольшой стеклянный шарик, картинка в голове Кейры сложилась.

— Ты должна была связаться сразу? — скорее утвердила, чем

спросила она. — Но не стала этого делать.

— Не надо только, а? — огрызнулась Ора, в её взгляд прорвалась злость. — У нас был договор, что я могу защищать себя, вот я и защищала.

Поняв, что куча информации проплывает мимо, Кейра решила рискнуть.

Глаза инферналки округлились от удивления, когда рука гостьи накрыла её ладонь, лежащую на шаре. Она попыталась снова обратиться к злости или хотя бы возмущению, но шаблон действия, по-видимому, оказался надломлен. Не теряя времени Правительница повела линию дальше:

— Я сейчас не пытаюсь задеть тебя или что-то ещё, просто выслушай. Если от того, что ты сейчас сообщишь наружу, зависит то, в каком положении мы окажемся на ближайшие сутки, а то и несколько, я прошу рассказать то, что не является смертельной тайной, чтобы я смогла посодействовать.

— Отпусти, — с лёгким нажимом произнесла Ора.

Убрав руку, Кейра продолжила:

— Я летела на север, чтобы встретиться с Ресдом. Мы говорили с ним незадолго до прихода новой группы и всё должно было пойти по-другому. Но он почему-то изменил первоначальным планам и стал действовать в одиночку. Начал войну. Я хочу узнать, что повлияло на это и что с этим делать. Для этого мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, расскажи то, что тебе известно. В том объёме, в котором сочтёшь нужным, мне пригодится любая информация.

Чуть погодя инферналка отвела глаза. Пальцы её катали шарик из стороны в сторону; сеанс связи вроде как откладывался.

Наконец, она заговорила, нервно и отрывисто:

— Первый раз он написал ещё до войны, до появления тех четверых. Предлагал посильную помощь в обустройстве, обещал не вмешиваться в личные дела, а взамен просил время от времени общаться с ним. Спрашивать совета, там, делиться чем-нибудь. Но мы так ни разу и не сконтачились, сначала мне было не до того, потом появились другие. После этого он написал мне сам, снова. Предложил военный союз или хотя бы нейтралитет, типа сейчас всё сложно и ему нужно подтверждение, что между нами нормальные отношения.

Кейра слушала не перебивая. Голос Оры окреп:

— Неподалёку появился мудак, которого потом отправили ко мне на переговоры. Мы поругались, естественно, но пришёл Ресд и всё уладил. Дальше всё вроде как пошло мирно: они не трогают меня и занимаются своими делами, я сижу в своих границах и тоже занимаюсь своими делами. Эти… ангелы летали где-то

вдали, но потом исчезли. Я посчитала, что они всё обсудили между собой. А теперь оказалось, что он, мудак этот, готовил базу у меня под носом. Как ты говоришь, не по тактике, то есть единственное, что ему может быть здесь нужно, это я.

— Как его зовут? — спросила Кейра. — И остальных, если знаешь.

Ора покачала головой:

— Я общалась только с ними двумя, Ресдом и Тависом.

— Тавис… Понятно.

Прокрутив в голове услышанное, Кейра вывела общую картину:

— Он чего-то ждал здесь, то ли подходящей возможности напасть, то ли какого-то события. И явно был в курсе, что тебе запрещено иметь отношения с кем-то извне.

— Никто мне ничего не запрещал! — вскинулась Ора. — Мы просто договорились, что я не участвую в войне ни на чьей стороне.

— И поэтому воздерживаешься от контактов, всё верно, — кивнула Кейра. — И когда появилась я, он загнал меня сюда, чтобы дискредитировать тебя.

— Унизить, в смысле?

— Примерно. В первую очередь перед остальной командой, показать, что ты не выполняешь своих обещаний.

— Но ты ведь не сама сюда летела! — инферналка разозлилась. — Если тебя насильно отправили сюда, на меня это никак не влияет. С чего ты взяла, что он поверит ему, а не мне?

— А вот это мы сейчас и узнаем, — Кейра кивнула на шарик под её рукой. Добавила: — Только одна просьба, не говори, что здесь именно я. Называй меня неопределённо.

— Ладно.

Через несколько секунд давящей тишины в комнате возник напряжённый голос Ресда:

— Слушаю.

Правительница мысленно поставила себе плюс: Ора настолько доверилась ей, что позволила слушать разговор. Хотя если она собралась подключить к нему в определённый момент Кейру, наподобие туза в рукаве, будет не слишком хорошо.

— Ресд, — вибрирующим от злости голосом отозвалась инферналка.

— Ора, очень вовремя, — повелитель драконов моментально сменил напряжение на чётко дозированное волнение. — Как раз собирался звонить тебе. Что происходит?

— Это я у тебя должна спросить. Ты занялся провокациями? Или твои дружки?

— С самого начала: что, как и когда.

— Тавис загнал ко мне Правителя. Натуральным образом окружил и доставил в замок. И расставил своё отребье, блокируя выход!

Кейра мысленно попрощалась с планами на дипломатическое решение проблемы: всё-таки опыта тонкой работы у Оры было слишком мало, чтобы выстраивать чёткую и в то же время крепкую позицию.

— Окружил Правителя и загнал к тебе в замок, — повторил Ресд без явной иронии, но таким задумчивым тоном, который не оставлял места разночтениям. — Это не подойдёт.

— Что значит «не подойдёт»? Ты…

— Ора, позволь, я объясню, в каком положении мы находимся. Все мы, включая тебя.

— Ну.

— Мне звонит Тавис, который сообщает, что к тебе прилетел Правитель. Он, конечно, бестолочь, но вряд ли ему спьяну привиделось такое. Пока я пытался как-то проверить эти данные — а я пытался, обращаю твоё внимание. Тайна частной жизни это здорово, но я пошёл даже против неё, чтобы уладить возникшее недоразумение.

Ора подняла глаза на Кейру, та покачала головой: маловероятно, не стоит развивать тему.

— Пока я разбирался, — продолжил Ресд, — подключились остальные инферналы, которые, с одной стороны, единым фронтом встали против тебя как человека, который обещает не вступать в войну и не держит слово, а с другой стороны, предъявили соответствующие претензии мне, потому как гарантии твоего нейтралитета и твоей надёжности предоставлял им я.

— Кому ты паришь, — процедила Ора, — ты там главный. Чтобы ты не мог…

— Мы это обсуждали ещё в первую встречу, — в голосе повелителя драконов появилась усталость. — Я не могу ими руководить. Точно так же, как не могу руководить тобой. Договариваться, убеждать — да, руководить — нет, потому что ни ты, ни остальные не терпят отношений подчинения свыше определённого предела. Думаю, ты должна эта понимать.

— Ты…

— Ора, дослушай, пожалуйста. Я не враг тебе и никогда им не был, что бы ты ни думала на этот счёт. И сейчас мы практически в одинаковом положении. Я не предъявляю тебе ультиматум, я озвучиваю план действий, который может спасти нас обоих. Или, по крайней мере, уберечь от серьёзных

неприятностей. План заключается в следующем. Я использую все силы, чтобы остановить свою команду и не дать им накинуться на тебя. Ты отпускаешь Правителя — не знаю и даже не хочу знать, каким образом он у тебя оказался. Когда Правитель улетает, к тебе прибываю я и мы всё спокойно обсуждаем.

— Ты меня шантажируешь, — прошипела Ора.

— Нет, — голос Ресда стал твёрже и жёстче. — Я хочу жить. И ты тоже наверняка хочешь. Мы можем помочь в этом друг другу.

— Твой план не оставляет мне никакой…

— Это уже не моя вина, дорогая Ора. Правитель прилетел к тебе, а не ко мне. Заподозрила бы ты в чём-то меня — ставила бы свои условия исходя из того, что удобнее для тебя. У меня пространство для манёвра ещё меньше, надо отвечать не только за себя и свой замок, но и за кучку подростков. Даже при том, что они терпеть не могут подчиняться и готовы меня при случае убить.

— Я подумаю, — заявила Ора после паузы.

— Подумай, пожалуйста. Потому что выбирать, по сути, не из чего, у нас с тобой остались плохой вариант развития событий и очень плохой. В любом случае, Правитель должен улететь. Если это произойдёт до завтрашнего дня, я пойму, у нас появятся шансы.

— Он не может улететь, твои ублюдки перекрыли выход! — снова взорвалась инферналка.

— Ты уже сказала. Предоставь это мне. Я разберусь с тем, что зависит от меня, а ты — с тем, что зависит от тебя.

— Вот разберись сначала с блокадой, а потом будет о чём говорить!

Прервав связь, Ора в ярости замахнулась, собираясь разбить шарик о стол, но вовремя остановилась. То ли испугалась выброса освобождённой энергии неизвестной природы, то ли сдержала порыв — главное, что самоконтроль присутствовал как явление.

— Козёл! — прошипела инферналка. — Чтоб его черти драли, сука…

По идее, в такой момент не стоило обращать на себя внимание, но Кейра снова положилась на ощущения: Ора сейчас не бесновалась как загнанный в угол человек и не кипела жаждой мести из-за задетой гордости. Обычая разозлённая девочка, у которой всё идёт не так как должно.

Поднявшись, Правительница обошла стол, встала за спиной и погладила инферналку по плечам. Та в первый момент дёрнулась, но потом напряжение стало потихоньку-понемногу уходить. Ора опустила лицо в ладони.

— Не волнуйся, выберемся, — тихо сказала Кейра. — Мне

тоже сейчас плохо. Такого человека потеряли…

— Ресд? — уточнила инферналка. Таким тоном, что стало понятно: ни одного дня и тем более ночи в жизни она не провела за задушевными беседами. Хотя, вероятно, не по своей вине. — Вы были близки с ним?

— Ещё бы. Тридцать с лишним лет вместе, — Правительница прикусила губу, давя желание расплакаться.

— Ого, — в этом тоне тоже было что-то не так, но что именно стало понятно не сразу.

— Да я не о том. Просто друзья. Очень близкие друзья…

— А так-то есть кто-нибудь? — вкрадчиво поинтересовалась Ора.

— А ты бы что ответила? — Кейра грустно усмехнулась, садясь на стул рядом. Осмотрела оставленные чашки, нашла одну с остывшим недопитым чаем, опустошила одним глотком.

— Наверное, нет смысла обращать внимание на тех, кто не может подстроиться под тебя, — подумав, заявила Ора. — Создать можно кого угодно, такого, который будет удобен во всём. С живыми людьми так не получится.

— Каждому своё, — заметила Кейра, остановив взгляд на противоположной стене и думая уже о другом. — Хотя по сути ты, скорее, права. А, кстати.

— Это что? — не поняла инферналка. Стала разглядывать пододвинутые рисунки. — Ты что, шпионила за мной?

— Да ну тебя, — улыбнулась Правительница; угрозу в голосе она слышала, но проигнорировала. — Я набросала тебе возможные планы реконструкции крепости. Написала, что вспомнила, из необходимого технического обеспечения. Можешь воспользоваться, если хочешь. Или можешь сделать что-то своё. Надо было чем-то руки занять.

— Ты всё это запомнила с одного взгляда, — севшим голосом произнесла Ора.

— Не переживай, ты тоже скоро научишься. Пошли прогуляемся? Надоело в четырёх стенах сидеть.

— В восемь посажу, шпионка, — хмыкнула инферналка. Юмор у неё был специфичный, но Кейра чувствовала, что это не проявление скрытой агрессии. Во-первых, выходило накопившееся за день напряжение, во-вторых, наверняка сказывалось неблагоприятное окружение в старом мире.

Пока они шли по коридорам, Правительница пояснила:

— Тут постоянно идёт война. Чем бы ты ни увлекался, придётся изучать всё с ней связанное, чтобы быть максимально эффективным. Устройство и принципы действия оружия, работа укреплений, средства связи на различных расстояниях… На всё

нужен потенциал, и только от тебя зависит, сколько его будет уходить. Личный опыт в этом очень помогает: побегаешь по двум-трём десяткам крепостей, научишься сходу определять их класс и сильные и слабые стороны…

— Да уж, надо было к тебе гораздо раньше обратиться, — заметила Ора. — Хоть ты и в союзе с Империей.

— Благодаря Империи у меня и есть такие навыки, — улыбнулась Кейра, — у эльфов своеобразная фортификация. Да и вооружение. С человеческими изобретениями больше различий, чем сходств.

— Да мне бы хоть что. Если есть нужда, могу хоть весь замок деревьями засадить, лишь бы толк был.

— В самом деле? — засомневалась Правительница. — Мечтателям не свойственно жертвовать собственными наработками в пользу чужих.

Ора поморщилась. Махнула рукой с крепостной стены, на которую они как раз вышли:

— Мои наработки были уничтожены в первый день появления. Когда поняла, что спокойно жить не дадут, стало не до проектирования.

— Но ведь ты первыми создала замок и армию, — осторожно заметила Кейра. — Это ведь тоже для войны.

— Да я не о целях, — Ору на удивление не задела острая тема. — Когда я поняла, что создавай одно или другое — всё равно всё разрушат, перестала вкладывать в творения какой-то особый смысл. Лишь бы держалось хорошо и умело защищаться.

— Как твоя стража, — вставила Правительница, пользуясь случаем. Инферналка перевела на неё удивлённый взгляд:

— А что с моей стражей?

Хм. Кажется, этот вопрос стоит придержать до лучших времён.

— Да какая-то она неуважительная, — сменила изначальный посыл Кейра. — Просишь что-нибудь сделать или подсказать, а они стоят столбами, как будто не к ним обращаются.

— Ну так а что ты хотела, такова человеческая природа, — расслабившись, Ора пожала плечами. Поддела: — У эльфов небось всё по-другому, да?

— В целом, да. Там… не надо ни на кого кричать.

— Зато по утрам бодрит, — заявила инферналка. — Встала, разогнала лентяев, хорошо.

— Времени же много уходит.

— Время. Время это да… Что-то времени было полно-полно, а теперь стало совсем мало.

Девушки с одинаковой тревогой посмотрели вперёд, где в

нескольких десятках километров на земле проглядывалась цепь чёрных пятен. Казалось бы, редкая и непрочная, но Кейра знала, что этого за глаза хватит для атаки на одного-единственного Правителя с почти пустым потенциалом.

* * *

— Ты как?

Не знаю, сколько я просидел у дальней стены пещеры. На периферии зрения изредка мелькали картинки: Виграф с Монахом сидят общаются здесь, потом собираются и идут на улицу, видимо, к дирижаблю. Возвращаются обратно и сидят чуть дальше входа в пещеру, наконец, зажигают костёр и общаются над ним. Сам я за это время сменил всего несколько положений тела, устраиваясь поудобнее; остальное временно вышло из поля внимания, требовалось провести огромную работу по сведению накопившихся за несколько дней данных.

Периодически включались эмоции, что тормозило процесс. Цепочка мыслей потихоньку двигалась, как живая очередь людей с пачками бумаг в каком-нибудь учреждении, и когда кому-то становилось скучно, он восклицал: «Нет, ну вы прикиньте, это всё были Одиночки!» Остальные моментально забывали о делах, собирались в одну гомонящую толпу, комментирующую кто во что гораздо, и работа возобновлялась только когда из двери выглядывал оператор и орал, что не хочет возиться здесь до полуночи.

Так долго, слава богу, не пришлось, хотя это было одним из самых долгих на моей памяти сеансом размышления. Уместить все полученные ощущения в один короткий ответ не представлялось возможным — не знаю уж, ждали этого или нет. Так что я отозвался:

— Нормально. Вроде живой.

Виграф удовлетворённо кивнул, грея руки на огнём. Монах не сводил с меня улыбчивого взгляда, который придавал сил и по которому я успел жутко соскучиться.

— Ну, а у вас как? — поинтересовался я.

— Ты даже не представляешь, — улыбка на лице Монаха расширилась. — Поразительно, расстался с человеком несколько десятков лет назад, а он остался почти таким же, как при последней встрече.

— Кто бы говорил, — вернул подначку Виграф, — я-то хоть себя берегу активно, прикладывая для этого недюжинные усилия. А не сижу под деревом и не медитирую на круговорот солнца,

пока что-то не случится. Без общения к тому же… Бррр! — он встряхнул руками, изображая ужас. Патетически воскликнул: — Как так можно? Я бы умер трагической смертью! И об этом даже никто не узнал бы!

Историю, связанную с уходом Монаха, я успел застать, поэтому сейчас бросил на него тревожный взгляд: не расстроится ли напоминаниям о своём парке? Но нет, Граф, похоже, плотно взял его в оборот и никакие грустные мысли в созданную атмосферу не пробивались.

— Думаешь, я бы прижился здесь? — со смешком спросил Монах. — Ходил бы по вашим доменам, рассказывал в деревнях сказки детям. Или точно так же поселился где-нибудь на отшибе, смотрел на море…

— Основал собственный монастырь для единомышленников, — подхватил Виграф, влёт скопировав шутливо-романтическую интонацию, — привечал страждущих и одиноких, учил их жизни. А по вечерам в своей скромной келье демонстрировал монашкам боевые раны от тех, кто проповедей не слушал, — нашим улыбкам было уже некуда расти от возникающих в голове картин. — Эх! Нет, Монах, таким, как ты, такие, как мы, предложить ничего не могут. И никто, наверное, не может. Для тебя выбор всегда заключается не в том, к кому ты хочешь принадлежать, а на фоне кого ты хочешь выделяться.

— Отличная мысль, — оценил я, — поддерживаю.

Монах, кажется, даже раскраснелся от такого внимания, но спрятал краску в тени и кружке с чаем. Подумав, высказался:

— Всё-таки какие Одиночки разные, а, Маркус? А ты переживал.

Я развёл руками:

— Не то чтобы я не любил всех Одиночек скопом. Но всё-таки у меня есть определённые задачи, под которые я и ищу людей.

— С этим тяжело, — согласился Виграф, тоже запивая мысли чаем. Пояснил для Монаха: — Имперцы ему не понравились, потому что чересчур агрессивные к себе и окружающим. Вольные не приглянулись, потому что заигрываются и воюют даже тогда, когда это не требуется. А на побережье сидят эгоисты, не желающие нести ответственность перед кем-либо, и это тоже, мол, не подходит. Кто остаётся? Гнёзда? Нас там заждались.

— Ты про Гнёзда ничего не говорил, — встрепенулся я. — Обещал, но так и не дошли до этой темы.

— О, в Гнёздах нас даже на порог не пустят, — досадливо махнул рукой Граф. — Это анклав, сконцентрированный на математике, физике и инженерии. Приглашают таких же, как они сами, чтобы сообща что-то мастерить.

— Ни фига себе! — я пододвинулся ближе. — И ты молчал? Это же…! Это так необычно, технари, собранные в одну группу!

— Я разбавлю твой интерес, собрат-гуманитарий. Если ты ждёшь от них прорывных научных достижений, нового технологического уклада, это всё у них есть. Нет только одного — желания делиться этим с окружающими. Поправка, двух: желания и умения.

— Плевать на технологический уклад, — с жаром заявил я, — хоть бы посмотреть, как они живут, как организованы!

Виграф наклонил голову и упёр в меня притворно укоризненный взгляд. Перевёл его на Монаха:

— Слыхал? А ты ещё спрашиваешь, почему вокруг средневековье.

— Я не спрашивал, — прерывая свой негромкий журчащий смех, возразил Монах. Виграф поднял руки в широком жесте, указывая на нас:

— Одной половине плевать, что вокруг средневековье, а другая даже не спрашивает, почему. Нас ждёт светлое будущее, господа, я уже чувствую его приближение!

— Светлое будущее возможно только с коммунизмом! — прокартавил я, подражая Ленину.

— Коммунизм? А я не согласен! — заявил Виграф. Расстегнул одну пуговицу на гусарском мундире, заложил за борт ладонь, приосанился с величественным выражением лица. — Там шампанское и докторская, а я предпочитаю мясо и вино. Приглашаю всех в Империю Завтрашнего Дня!

— А если я ни к тем, ни к другим, кто мне остаётся? — подал голос улыбающийся Монах. — Инферналы?

Я подавился от хохота, представив Монаха в соответствующем карикатурном образе. Ребята также были вынуждены приостановить разговор, не в силах спокойно смотреть на меня.

Отсмеявшись, я постарался настроиться на серьёзный лад и попросил:

— Так, давайте я ещё раз прогоню всё, что услышал и понял. Нам завтра снова что-то предпринимать, а для этого нужен план. Для начала, Домены это не самостоятельная часть мира, а подпространство Отшельных земель. Так?

— Да, — кивнул Виграф; Монаху об этом знать было неоткуда до последнего момента.

— Логичный вопрос: как отсюда выбираться?

— Ты же как-то сюда попал, — феодал пожал плечами, — думаю, назад так же.

— Меня перенёс другой… Учитывая, что он говорил про

закрытость места и невозможность о нём узнать, наверное, ты прав. Скорее всего, он постоянно переносит кого-то туда-обратно. Ладно, дальше. У вас здесь нет никаких привязок — ни Дворца, ни нормальной территории, ни чего-то ещё.

— Нету, — Виграф изобразил, что смахивает скупую слезу.

— Сдаётся, поэтому-то у вас так мало потенциала, — заметил я.

— Да? А мне кажется, в свете всего, что сегодня обсуждалось, по другой причине. Мы потеряли связь с Одиночками, но не стали кем-то другими, — Виграф пренебрежительно махнул рукой, — просто Мечтатели, прибитые к берегу жизни.

— А у нас наоборот, некоторые ищут возможность порвать со своей категорией, — вспомнилось мне. — Так что возможны варианты.

— Может, они просто не знают, чего хотят?

— Резонно, — согласился Монах.

Я мотнул головой:

— Оставим на потом, сейчас это никак не выяснить. У меня такой вопрос: если это копия Отшельных земель, почему здесь сбиты север и юг? Точнее, восток и запад. На всех картах, что я видел, континент располагался не так, как лежит территория Одиночек.

— Собрание что-то говорило про «другое солнце», — ответил Монах. — Они, конечно, вкладывали в это другой смысл и собирались переправлять меня обратно на Землю, но кто знает, как оказался применён образ. Думаю, по воле обстоятельств либо солнце здесь изначально пошло по-другому, либо это место существовало до Одиночек, изначально обладая другими параметрами.

— Принимается. Так… — я постучал пальцами по камню рядом с собой. — Осталось главное — понять принцип подбора союзников. Можете ещё раз повторить, кого сюда отправляют?

— Мне нечего сказать, — усмехнулся Виграф, — всё, что я помню, это мгновенный переход сначала в одно место, потом в другое. Поговорил с Хранителем, попал в свой Круг, который сейчас даже вспомнить не могу. Начал создавать примерно то же самое, что ты видел у меня на заливе, в процессе отрубился и очнулся уже в Доменах. Подумал, что какой-то сбой, нашёл подходящее место, начал всё заново. Потом, конечно, добрые люди объяснили, что есть ещё недобрые, следящие, чтобы ты готовил и стирал себе сам. Максимум, с привлечением роботов. Но ни в коем случае не гуманизированных!

— Да, запрет на роботов не так давно появился, — кивнул Монах, — они решили, что чувства важнее начинки, а значит,

если ты создаёшь человекоподобных роботов, то слишком близко подходишь к запрету на создание людей.

— И благодаря своевременно дополненным правилам, — провозгласил Вираф тоном Левитана, сообщающего об освобождении городов, — Домены приобрели таких замечательных людей, как математики, инженеры…!

Мы снова засмеялись.

— А почему нельзя создавать людей-то?

— Классовая борьба, — прикрыв рот ладонью, заговорщицки прошептал Вираф. Подмигнул. — Никаких буржуев, всё делать своими руками. — В полный голос добавил: — Поэтому у них и детей нет.

От смеха меня спас только жгучий интерес:

— А у них правда не бывает детей?

— Слухи об этом держатся, — подтвердил Монах, — но подтвердить или опровергнуть их я, по понятным причинам, не могу. Есть также слухи о том, что дети, на самом деле, появляются… но не задерживаются.

— Ого, — весёлый задор сам собой пропал: одно дело, личная неприязнь к группе людей, другое — подозревать их в детоубийстве.

— Которые я тоже не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, — напомнил Монах.

— Ладно, не будем об этом… В общем, в Домены отправляют всех, кто нарушает правила, я правильно понимаю?

— Не столько нарушает, сколько создаёт угрозу духу объединения Одиночек.

— И эти люди, — не удержался я, — хором доказывали мне, что не имеют ничего общего с государственной властью.

— Законы социального действия, — глубокомысленно произнёс Вираф. — Не существуют, но работают.

— Ха. За тобой записывать надо.

— Давай, пользуйся, — он махнул рукой с наигранными нотами бессильного отчаяния в голосе, — отсюда тебя депортировать уже никуда не смогут, нарушай мои незыблемые права.

— Ох, не напоминай, — поморщился я, — будем надеяться, меня отсюда депортируют безо всяких проблем. А не скажут что-нибудь вроде «ты пока не достиг заявленных высот, погуляй здесь ещё, подумай о жизни».

— Хорошо, когда есть кто-то, кому хуже, чем тебе, — весело заявил Вираф. — Я думал, нам тут несладко живётся. Но всё изменилось с приходом Маркуса!

— У Одиночек было бы ещё хуже. Это не делай, то не делай.

Ты такой: «А вот буду! Чтоб меня отсюда выгнали побыстрее!» — а они: «Не-е-ет, мы будем капать на мозги, но жить ты будешь здесь». Монах, ничего, что я по твоим знакомым так?..

— Всё нормально, — кивнул он. — Это был интересный период жизни, но он прошёл и я не собираюсь в нём задерживаться.

— Из тебя получился бы хороший инфернал, Монах, — оценил Виграф. — Так и представляю какой-нибудь местный трибунал: «Что вы можете сказать в своё оправдание о сожжении города Энска?» — «Это был интересный период в моей жизни, но я не собираюсь в нём задерживаться. Меня ждут новые! — Виграф повысил голос, перекрывая наш смех, — новые великие свершения!»

Дойдя по ассоциациям до уничтожения Рима, я снова одёрнулся:

— Давайте всё-таки закончим с основным. Значит, здесь оказываются все, кто увлекается созданием людей, в той или иной мере. Обнадёживающий факт. Однако, как Виграф уже сказал, меня тревожит уровень социальной ответственности, который здесь считается нормальным. Даже империя, которую мне настоятельно рекомендовали, не внушает уважения.

— И не говори, — вставил Виграф с грузинским акцентом, изображая, что прикуривает трубку. — С социальной ответственностью дела обстоят ужасно. Одно дело — проститутка Троцкий, но здесь таких пруд пруди!

— Граф, чтоб тебя, — простонал я в очередном приступе смеха, — у нас ещё целая ночь впереди, дай закончить с самым важным!

— Молчу-молчу! — Виграф примирительно поднял руки.

— Так что же мне всё-таки делать? Кого искать в союзники?

— Для начала надо определиться, как ты представляешь идеального союзника, — подал голос Монах. Я развёл руками:

— Не представляю. Идеальным союзником я вижу полноценного Правителя, но там выбор исчерпан.

— Не страшно, — неожиданно согласился Монах, не сказав ничего вроде «о господи, тогда чего ты ждёшь с таким подходом» и даже не намекнув. Наоборот, под его внимательным взглядом мысли в моей голове снова выстроились в цепочку и принялись за работу. — Если идёт отсылка к Правителю, надо определить, есть ли здесь кто-то, кто является таковым. А если нет, то кто может стать таковым в разумные сроки.

— Точно, — произнёс я. — Монах, ты золото.

— Ничего особенного, — улыбнулся он, — это всего лишь организация сознания.

— Которой мне очень не хватает, особенно в последнее время.

— Много новой информации. Организация — это не только быстрое мышление, но и умение останавливаться и думать спокойно.

— Да уж, с ним, — я кивнул на Виграфа, — это даже сложнее, чем обычно.

— Со мной? — тот обиженно-удивлённо направил прямые ладони себе в грудь. — Я тебя половину времени в дирижабле вёз!

— О да, в изолированном от внешнего мира театре одного актёра, — отбил я. Виграф захохотал:

— Ладно, принимается!

— Так что с кандидатами в Правители? — вернулся я к Монаху. — Ах да… Хм. С кандидатами все те сложности, которые я озвучил. Здесь не на кого положиться, местные либо не умеют пользоваться властью, либо умеют исключительно в собственных интересах.

— А если ввести поправку, что ты ищешь не всесторонне идеального Правителя, а только помощника в войне? — предложил Монах.

— Помощника… — я задумался. — Он должен уметь воевать, времени учиться нету. Я должен верить ему, быть уверенным, что он не предаст. С этим труднее всего. Граф?..

— Яволь.

— Скажи, исходя из собственного восприятия, есть среди твоих знакомых те, кто не предаст меня?

— Нет, — без раздумий ответил он, от чего я чуть не свалился. — Продолжая наш недавний разговор о конкуренции, здесь предают все. По крайней мере, это не возбраняется на уровне общественных норм. Ценят успешных, а не честных. Если брать центр, конечно. На побережье ценят интересных.

Я схватился за голову, чувствуя, что почти выстроенная схема рушится. Виграф успокаивающе положил руку мне на плечо:

— Я, может, не водил в бой легионы, но несколько принципов организации знаю. Как ты считаешь, когда лучших из лучших уже нет, кого брать вместо них?

— Оставшихся лучших, — на автомате ответил я. — Разве нет?

— А как они стали ими?

— Росли и потихоньку стали. Ну, если предельно упрощать.

— Если они росли, то почему не стали самыми лучшими? — Виграф подмигнул. — Они отпали. Сдали позиции. Поэтому во вторую очередь берут лучших из худших.

— А где логика?

— Лучшими из лучших не назначают. И если мы рассматриваем живой процесс, то всегда есть те, кто ждёт своей очереди, и те, кого пока не заметили. При этом они уже проявили себя на уровне своей группы. Понимаешь?

— Предлагаешь довольствоваться тем, что дают? — вздохнул я. — Брать тех, кто наиболее успешен здесь?

— Почему нет? У тебя есть ограничение по количеству?

— Нет.

— Ну и всё! — Вираф повёл рукой, мол, какие тогда вопросы. — Набираешь пачку самых успешных из тех, кто согласится пойти с тобой, и раскатываешь своих инферналов!

— Есть один нюанс. Если они успешны здесь, зачем им идти со мной куда-то ещё?

— А это уже зависит от того, сумеешь ли ты подобрать нужные слова. Опять же, представь, если человек добился здесь всего, значит, ему больше не интересно! Нужны новые горизонты, новые противостояния!

Я усмехнулся:

— Складно говоришь. Хоть я и не меряю такие вещи интересом… Эх, — опустив голову, я запустил пальцы в волосы. — Чем копаться во всём этом, взял бы вас двоих, да и вернулся обратно…

Внезапно наступившая тишина, прерываемая только треском древесины, заставила напрячься. Подняв глаза, я увидел, как ребята смотрят на меня с одинаковыми таинственными улыбками.

— Что такое?

— Есть вещи, о которых не просят, — туманно ответил Монах.

— В смысле… вы двое… вы ждали, что я…?

Вираф хитро наблюдал за мной, наклонившись вперёд и опустив лицо на скрещенные пальцы.

— Вы же не хотите сказать, что всё это время ждали, что я озвучу…?

— Не всё время, конечно, — согласился Монах. — По крайней мере, я пришёл только сегодня и участвовать в ранних обсуждениях не мог.

— Да ну что вы… — я никак не мог собрать мысли воедино. — Естественно, я буду рад вам!

— Не в том дело, — серьёзно, но с намёком на улыбку пояснил Вираф. — Смею надеяться, мы с Монахом понимаем важность твоей задачи. А такие вещи не решаются просьбой взять с собой. Ты отвечаешь за всё — и должен десять раз

присмотреться к человеку, прежде чем утверждать его участие.

— Всё, вопрос закрыт, — отмахнулся я. — Извините, что долго молчал, не привык озвучивать все мысли. Если вы готовы отправиться со мной, я буду счастлив. Тогда завтра мы встаём и пускаемся в обратную дорогу, а до того — отдыхаем и снимаем напряжение. Договорились?

— Так точно, ваше благородие! — гаркнул Виграф на всю пещеру.

* * *

Веален медленно кружился по кабинету, выполняя последовательную серию гимнастическо-дыхательных упражнений. Рекомендованная всем служащим, она не пользовалась популярностью у большинства, особенно у молодых: кабинеты меньше, работа другого плана, да и кажется, что здоровье входит в число неизменных свойств организма. Но сидячий образ жизни и отсутствие внимания к голове и позвоночнику рано или поздно давали о себе знать, так что, по статистике, количество следующих всем рекомендациям профильной комиссии сильнее всего коррелировало с рабочим стажем.

Веален привык заботиться о таких вещах заблаговременно, и проблемы со здоровьем его пока обходили стороной. Что, однако, не мешало получать огромную пользу от прочистки мозга и сопутствующего облегчения мыслительного процесса.

Оказавшись лицом к входной двери, он заметил скромно стоящего на пороге молодого секретаря. Спросил, поймав момент между вдохами и выдохами:

— Что-то случилось?

— Нет-нет, — покачал головой тот. — Просто заглянул узнать, сколько вы ещё будете на месте.

— Долго, — улыбнулся советник. Закончил серию, бросил взгляд в ближайшее зеркало, оправил рубашку. — Работа, как ты знаешь, волк. А волка сколько ни корми… Иди спокойно. Остальные тоже, думаю, уже расходятся, а здесь я со всем справлюсь.

— Спасибо, Мудрый, — секретарь коротко поклонился и вышел. Веален сделал ещё пару глубоких вдохов, наслаждаясь скоростью мысли, и вернулся за рабочий стол.

По правой стороне лежали две внушительные стопки — результаты исследований за время битвы при Юстиции, среднего объёма социологический обзор войск инферналов. Структура

управления, характер взаимоотношений между чинами и подразделениями, управляемость во время сражения, и много чего ещё, представляющего огромный проектный интерес.

Первое открытие Веален сделал в ближайшие пару минут: документ, который он изучал последние полчаса, неожиданно вызвал в памяти какую-то ассоциацию. Скорее всего, вызывал и раньше, просто она не могла пробиться через рой прочих мыслей и замыленный взгляд. Советник начал новый, предметный анализ.

Спустя какое-то время нахмурился, отслеживая собственные ощущения. Выбрал из стопок необходимые папки, пролистал. Сгрёб то, что лежало перед ним, на свободный край, разложил, постаравшись уместить, документы, с которыми работал сейчас.

То, что инферналы работают сообща, было понятно давным-давно. Но что-то задевало помимо этого, что-то, имеющее отношение не только к инферналам, но к чему-то большему…

Помедлив, Веален дошёл до одного из шкафов, выбрал пять папок по действующим государственным образованиям, разложил на стоящем вдоль стены длинном узком столе. Совсем не то, совсем не то, похоже, но не то…

Встав над заваленным бумагой своим рабочим местом с двумя новыми листами в руках и сверив рисунки, которые были на них, со свежими данными, советник почувствовал лёгкое головокружение. На всякий случай проморгался, проверил всё ещё раз. Места для сомнений не оставалось: Гирст и в частности возглавляющий его Ресд имели прямое влияние на организационные процессы в среде инферналов. Не абсолютное, разумеется, — но и предположение, что противники подглядели что-то у его армии и внедрили у себя, критики не выдерживало.

Секретарь давно ушёл, так что связью Веален занялся сам. Набрав номер на аппарате внутренней связи, свободной рукой снял мундир со спинки кресла, накинул на плечи.

— Мудрый Веален. Соедините, пожалуйста, с Ведущей. Да. Приём, желательно сейчас. Давно? А когда?.. Как невовремя… Нет, не думаю. Спасибо, всего доброго.

Советник закрыл глаза. Тяжело опёрся на стол, справляясь с собой; ближайшие пару суток поделиться рассуждениями о чокнутости мира ему было не с кем. Оставались другие лидеры союза, но к ним так просто в кабинет не зайдёшь, а разговор требовал личного контакта.

Вернувшись на место, Веален забыл про первоначальный план работы и занялся подготовкой доклада.

* * *

На выделенную ей комнату грех было жаловаться, Ора настолько расщедрилась под конец разговора, что не пожалела дворцового потенциала на создание нового помещения. Да и не в мягкости кровати было дело, Кейре не давали заснуть мысли, вновь возникшие с того момента, как она осталась в одиночестве.

В арочное окно светила луна, напоминая о зовущем небе. Закрыть бы его, но девушка знала, что в темноте может оказаться ещё хуже. Конечно, в ней не спрячутся инферналы, но когда перестаёт работать зрение картинки начинает показывать мозг, тем более яркие, чем темнее их фон. А о чём будет сегодняшний «фильм» она понимала уже сейчас.

Свернувшаяся под одеялом в клубок Кейра сжала в руке связной медальон. Эмоции грозили политься через край, но характер проблемы не позволял решить её самостоятельно. Всё-таки Правители нынешнего поколения были тесным сообществом; что бы ни говорил о себе Ресд, покровительница эльфов помнила своих наставников и то, как они конфликтовали. Любящий уединение, сарказм и авантюризм повелитель драконов не шёл с ними ни в какое сравнение.

Альден? Нет, он не поймёт. Точнее, поймёт, но не так как нужно. Будет утешать, уговаривать не принимать всё так близко к сердцу, приводить примеры, как Ресд шёл против союза ранее… Точнее, против его воли. Тогда ещё — только воли.

— Да? — голос Нармиза по обыкновению звучал устало-загружено. Эта ночь у всех обещала выдаться нелёгкой, но глава Братства влился в ситуацию наиболее органично.

— Это я, — тихо произнесла Кейра. Подслушивания она не боялась; мысль о возможности этого мелькала где-то на краю сознания, но — какую тайну она может сейчас выдать? Она, узнавшая самое важное последней… — Поговоришь со мной?

— Конечно, — Нармиз стал более собранным, как будто приготовился решать очередную тактическую задачу. — Как там у тебя, ты в порядке?

— Да, всё нормально. Ора очень хорошая, жаль, что это выяснилось в такой обстановке. Она тебе, конечно, не нравится, но мы говорили с ней… и она дала мне послушать Ресда… Нармиз, он предал нас. Предал нас всех…

Девушка заплакала, давая выход накопившемуся за день.

— Расскажи подробнее, — тихо попросил Нармиз. По-прежнему твёрдый, его голос приобрёл оттенок печали.

— Он руководит тут всем. Сколотил группу из инферналов, пытался включить в неё Ору, но она не поддалась. Сейчас пытается снова… Он у них главный. Делает вид, что это не так, но на самом деле заправляет всем, так, как и хотел. Ему всегда

нравилось держаться выше остальных, но с краю, чтобы не быть ни к чему причастным. Называл это свободой инициативы… Никто не видел его нутро, кроме тебя.

— Ты не права, — вздохнув, заметил Нармиз. — Я не считал его врагом. Всё-таки личная неприязнь не то же самое, что открытая ненависть. И то, неприязнь только потому, что мы с ним противоположного склада.

— Да, ты говорил когда-то… Но ты всё равно был ближе всех к правде. Если бы мы слушали тебя…

— Без доказательств это не имело бы смысла. А с доказательствами было бы уже поздно.

Кейра улыбнулась сквозь слёзы:

— Всё-таки ты неподражаем. Ты даже утешаешь так, что я скорее злюсь на тебя, чем радуюсь.

Помолчав, Нармиз отозвался:

— Если это помогает, то злись. Я-то выдержу, главное, чтобы тебе было легче.

— Я и так злюсь… Не только на тебя, на всё сразу. И на то, что ввязалась во всё это, дура, и на то, что попалась так по-глупому, и на то, что услышала… Он говорил… я сама сначала хотела… Потом так обернулось… Извини, я бред несу.

— Всё в порядке. Что там произошло?

— Мы когда готовились с Орой к выходу на связь, я попросила не называть меня. На всякий случай. А потом, когда они с Ресдом говорили… Он несколько раз повторил «Правитель», сам. Таким тоном, что меня просто выкрутило всю. Тридцать лет одной компанией, столько пережили вместе…

— Так всегда бывает. Поговорка есть, «в семье не без урода».

— Ха… Что-то у тебя неприязнь не сильно от вражды отличается.

— Завтра измерим, — пообещал Нармиз. — Я собирался звонить позже, когда всё утвердим до конца, но раз ты в таком состоянии, то лучше отдыхай. У тебя есть время до пяти примерно, сразу после рассвета мы прилетим. Есть надежда, что кто-то из инферналов будет спать и не отреагирует быстро. Если ничего не помешает, успеем по-быстрому поговорить с… Орой. И сразу обратно.

— Хорошо… Вы ведь с ней помиритесь, правда?

— Не знаю.

— Я надеюсь, что вы помиритесь. Она правда хорошая.

— Потом решим.

— Ладно. Спасибо тебе. Спокойной ночи…

Глава 12

Чтобы не поднимать постоянно руку, Альден вывел цифровое отображение времени в верхний правый угол очков. Утверждённый всего несколько часов назад план требовал непрерывной коррекции действий; отступать от графика стоило лишь в крайних случаях, под определение которых попадали даже не все шаги противника.

Как часто случается в военное время, одна небольшая затея повлекла за собой огромные издержки. Касалось это как первоначальной вылазки Кейры в Гирст, приведшей к необходимости вытаскивать девушку с чужой территории, так и самой операции спасения, к которой в кратчайшие сроки успели подключить несколько легионов и три населённых пункта помимо собственно замка Оры.

В конечном итоге должно было произойти следующее. На тракте Юстиция-Аргентум войска союзников удерживали две ключевые позиции — многострадальный Сенсус, который планировали использовать всё-таки попозже, и городок Сапиенцию на краю центрального региона, уцелевший благодаря скорее стечению обстоятельств, а не героизму защитников: инферналов в предыдущем этапе мало что интересовало помимо Юстиции, наступление в других районах развивалось постольку поскольку. Участок тракта между этими поселениями всё ещё принадлежал противнику, и данное недоразумение решено было исправить, раз уж это укладывается в ситуацию. Экстренно усиленные неожиданно для противника группировки должны были пробиться на северо-восток, при наилучшем раскладе — до пригородов Аргентума, благо других крепостей на пути не ожидалось.

Другим концом вилки становился ударный отряд, с которым Правители добирались до Оры и благополучно возвращались обратно. Поставленные в условия жёсткой нехватки времени, инферналы должны были выбрать одну из двух возможных целей, а вторую отдать на откуп вместе с тактической инициативой.

Собственная линия Альдена была сконструирована едва ли не посекундно, так что он с чистой совестью игнорировал возникающие изредка в пределах досягаемости его слуха разговоры нижних чинов о том, что их не дав отдохнуть вновь бросают в на амбразуры.

В какой-то момент образовалась аж минутная пауза, и император использовал её чтобы выйти на улицу. Местный штаб располагался в здании городской библиотеки, первом из

найденных, которое соответствовало минимальным требованиям. Можно было найти поудобнее и посвободнее, но в тот момент никто не предполагал, что в неё набьётся столько человек.

Холодный ночной воздух наполнил лёгкие и прочистил голову, дублируя предварительно выпитые эликсиры. Фонари почти не горели — гарнизон как мог скрывал перемещения войск от возможного наблюдения, так что окружающее пространство представляло собой живую темноту, части которой переговаривались между собой на разные голоса.

На медальон пришёл вызов. Альден поднял два пальца к груди, на автомате бросая взгляд на цифровые часы: три пятьдесят две.

— Вылетаю, — сообщил Нармиз.

— Принял.

— Конец связи.

— Конец связи.

На всякий случай — никаких подробностей. Да и какие подробности можно сообщить, если ничего ещё не началось? Подготовка проведена, а дальше видно будет, заставят инферналы в очередной раз поднапрячься или всё пройдёт без сучка без задоринки.

* * *

В четыре двадцать четыре разом вдарила на двух участках фронта срочно переброшенная туда артиллерия. Усмехнувшись воспоминаниям о трёхдневной давности событиях, Альден отслеживал на тактическом планшете скорость продвижения. Юстиция сейчас осталась без половины гарнизона и большей части подразделений поддержки, но ответного удара в виде нового её штурма не предвиделось, а значит, манёвр худо-бедно укладывался в рамки допустимого.

Не готовые к такому вражеские отряды быстро откинули с первой линии. Группировка Сенсуса полетела вперёд, почти не встречая сопротивления — похоже, инферналы и не собирались удерживать этот участок, и это было логично. В течение пары недель, думается, они освободили бы его сами, но всё сложилось по-другому.

На окраине Сапиенции наоборот, сопротивление проявилось в полную силу.

— Запрос батарея, эн-двенадцать тире эн-пятнадцать, приём — раздался в портативной рации голос одного из легатов.

— Принято батарея, эн-двенадцать тире эн-пятнадцать, —

отозвался Альден. Нашёл на ещё пахнущей краской карте нужные сектора. — Работаю код два, приём.

— Принято код два.

Несколько пушек на вражеской позиции затопило презревшей законы физики водой из водоёма неподалёку, до которого не могли дотянуться маги-стихиальщики, но на который вполне хватало имеющегося потенциала. Согласно коду, задача заключалась в выводе из строя орудийных расчётов с вероятностью последующего захвата и использования техники.

— Код два отработан, — доложил легат об успехе, — двигаемся дальше.

Альден глянул на часы, предупредил:

— Жёлтый сигнал, приём.

— Принято жёлтый сигнал.

До запланированного отлёта оставалось пять с небольшим минут, дальше войскам придётся надеяться только на свои силы и легкомыслие инферналов.

Император успел зачистить ещё две точки, прежде чем таймер тихонько пискнул. Карта к этому моменту была убрана, комплектация снаряжения проверена, а от Нармиза пришло подтверждение плана. Голубь под всеми имеющимися щитами взмыл в небо, отлетел от линии соприкосновения в сторону тыла и повернул налево, следуя необходимому маршруту.

На востоке начинало разгораться небо, но в этот раз Альдену было не до природной красоты. Сжав губы, он смотрел только вперёд.

* * *

В зал вбежал, гулко топая, Фауст. Ресд махнул на висящую на стене интерактивную карту, после чего продолжил мерить пространство шагами.

Инфернал разразился бранью в полный голос, но злость его была направлена скорее на коварного врага, чем на помешавшего ему отдыхать командира. Спросил:

— Где остальные?

— Плеть в пути, — коротко отозвался Ресд. — С Тависом сложнее.

Кулаки демонолога сжались.

— Если он решил нас кинуть в такой момент…

— Как будто ты его не знаешь. Никого он не кинет, просто… просто такой вот член команды нам достался.

— Хрен с ним, справимся, — Фауст зло сплюнул прямо на

пол. Мрачно посмотрел исподлобья: — Справимся ведь?

— Аргентум они без потенциала не возьмут, — кивнул Ресд. — Тем более, что и не собираются. Неподготовленное наступление при нехватке времени… Единственный смысл — отвлечь нас от Оры. Проблема в том, что это получается.

— Что там? — нетерпеливо поинтересовался пропустивший большую часть событий инфернал. Повелитель драконов взялся пересказывать:

— К ней прилетел кто-то из Правителей с непонятной целью. После этого Ора с Тависом вспетушились друг на друга, вследствие чего пострадал опорный пункт Тависа. Оба рвут и мечут, считают себя правыми и требуют покарать другого. Затем Правители начали операцию по спасению, с отвлекающим манёвром в виде наступления на Аргентум.

— Бл…ская Санта-Барбара, а не война, — поморщился Фауст.

— И не говори. Причём до последней серии, где эта сладкая парочка, наконец, сходится и умнеет, мы рискуем не дожить. А значит, перед нами встаёт выбор, с кем работать: с Орой, которая кричит о нейтралитете, или Тависом, который заявляет, что он наш, но хуже некоторых врагов.

— Что решил? — коротко спросил демонолог.

Дойдя до карты, Ресд остановился и окинул взглядом актуальное расположение сил. Отряд, призванный из Гирста чтобы сформировать разграничительную линию, вроде бы успевал к месту событий, но нутро всё равно грызла тревога.

— Плеть опаздывает, так что введёшь его в курс дела. А я отправляюсь к нашему Педро разбираться. По возможности пришлю его сюда.

Уже когда повелитель драконов стоял в дверях, инфернал сообразил:

— Погодь! Так если это отвлекающее направление, зачем мы здесь?

— Чтобы всё шло по плану! — крикнул Ресд. — Они отвлекают нас, а мы отвлечём их!

* * *

Вызов на устройство личной связи предсказуемо остался без ответа. При встрече Тавис, вероятно, скажет какую-нибудь глупость вроде «ой, забыл его на столе, с утра второпях собирался» — а Ресд не сомневался, что напарник жив. Более того, его внезапная скоропостижная кончина, плевать из-за чего, решила бы многие насущные проблемы. Но такой милости от

провидения ждать не стоило. Наоборот, следовало волноваться обо всём, что сумасбродное дитя успеет натворить до того как его настигнет закономерное последствие какой-нибудь из шалостей.

С силой оттолкнувшись от парапета, Ресд расправил крылья, набрал скорость и полетел под плотными серыми облаками на северо-восток, в направлении замка Оры, которому грозило стать ключевой точкой в разрешении многих накопившихся противоречий.

Каким образом может удаться затея Тависа с нападением на Правителя? Примерно час при большом желании, полтора-два при меньшем, займёт дорога до подконтрольной союзникам территории. Задержка в десять-пятнадцать минут станет для преследователя существенной, в полчаса — критической, наверстать которую окажется невозможно. Точный маршрут, понятно дело, останется неизвестен до самого конца, всё зависит от обстоятельств. Сомнению не подлежит единственный факт — Правитель находится в замке и полетит из него. Значит, если где и ловить его, то в радиусе нескольких километров.

Потенциал Тависа, если предать инстинкт самосохранения и поверить ему самому, исчерпан: последние крохи инфернал истратил чтобы отбиться от разъярённой неожиданным соседством Оры и сохранить в рабочем состоянии припрятанную на чёрный день базу. Оснований для этого, понятно, нет. Далее, в распоряжении командира тёмных ангелов находится множество его творений, приписанных ко всё той же базе в качестве охраны, и логично предположить, что их первыми кинут на лакомую цель. И, наконец, у самой базы есть чем удивить противника — не зря же Тавис над ней так трясся?

Однако Правитель, даже в прерывание, даже один, без Дворца и спутников, это не хухры-мухры, а несколько десятилетий плотной всесторонней подготовки. Чтобы гарантированно взять его, потребуется всё перечисленное вместе, то есть хорошие пушки, быстрые крылья и отточенный ум. При исключении хотя бы одного компонента шансы на успех резко падают… в чём, собственно, и состояла задача Ресда.

Не то чтобы он надеялся проявлением благородства вернуть расположение старых друзей. Скорее, Тавис с течением времени всё больше превращался в ходячую атомную бомбу, которую, как известно, следует использовать в одном из ста подходящих случаев — когда не просто исключена возможность перехвата контроля над энергией, а вообще непредставима. Иначе вместо красивого дымового гриба можно получить заряжённые на все сто генераторы противника и победный ржач в его штабе.

Ресд любил смеяться последним и очень не любил плакать. А

потому с проблемой под названием «Тавис» следовало разобраться.

* * *

— Ну, ты прям как Ассоль, — раздался голос сзади. Кейра улыбнулась:

— Только если внешне. У неё, помнится, были проблемы другого рода.

Зевнув, Ора встала рядом. Окинула взглядом небо, сонно щурясь и держа на груди руки, едва выглядывающие из большого свитера. Сама приказала разбудить её в нужное время или бдительная охрана доложила, что гостья ошивается на военном объекте среди ночи?

— А почему именно в эту сторону? — поинтересовалась инферналка. Правительница пожала плечами:

— Просто.

— А с другой стороны восход, — продолжила рассуждать Ора, оглядываясь для верности. — Хотя тебя он, наверное, уже не удивляет.

— Да как-то и раньше не удивлял, — не поняла Кейра.

— Притягивает, в смысле. Ну, красота, там…

Инферналка сделала шаг вперёд, оперлась прямыми руками на высокое, чуть ниже шеи, ограждение. Бросила уже другим, сосредоточенным тоном:

— Ты уже знаешь, что дальше?

— В смысле? — Кейра отвлеклась от собственных мыслей. — Дальше это когда?

— Теперь, — не менее туманно сказала Ора.

— Ну… ребята хотели с тобой поговорить. Если ты не против, конечно. А там видно будет.

— А потом?

— В зависимости от того, что порешите.

— Понятно.

Поток сознания инферналки шёл мимо Кейры, но она ориентировалась на более понятные ей вещи. Ора чуть заметно вздрогнула, когда Правительница погладила её по плечу:

— Не волнуйся. Что бы ни было, мы об этом позаботимся. Все вместе.

— Я не хочу ни к кому относиться, — в голосе инферналы появилась безадресная злоба. — Не хочу! Ни к инферналам, ни к Правителям. Просто хочу жить.

— Мы все хотим жить, — твёрдо заявила Кейра.

Ора замолчала, тяжело дыша. Медленно покачала головой:

— Не выйдет. Это так не работает…

Разорвав тактильный контакт, она навалилась на стену локтями и уставилась куда-то вниз, в пространство между крепостью и ближайшей скалой. Кейра тихо вздохнула.

Вдруг на периферии зрения показалось какое-то мельтешение. Присмотревшись, Правительница разглядела далеко в светлеющем небе группу чёрных пятнышек — вражеский отряд.

— Ты ещё не оборудовала посты по вчерашним наброскам? — тон на автомате вышел почти командным, но инферналку это не задело; наоборот, она встряхнулась и пришла в себя, переключаясь в рабочий режим. Коротко отозвалась:

— Нет. Что-то нужно?

Кейра указала рукой направление:

— К нам кто-то летит. Попробуй засечь, я сейчас вернусь.

Все прихваченные в дорогу вещи лежали в комнате — и зря, как выяснилось. Была ведь мысль вынести на улицу, на всякий случай. Не на отдыхе, чай, а спасательную операцию ждёшь.

Припасённый в мешке комплект оборудования включал, в том числе, навигационный прибор, который мог сейчас определить, ждут хозяйку плохие или очень плохие новости.

Ора обернулась на звук шагов, спросила:

— Драконы, сорок шесть штук, примерно одного размера, правильно?

— Думаю, да. Я не так сильно присматривалась.

Настройка прибора заняла минуты две, в течение которых девушки нервничали всё сильнее. Кейре было чуть полегче за счёт имеющегося боевого опыта, но при этом он же диктовал повышенные требования к себе, и результат в конечном счёте выходил примерно одинаковый.

Сняв показания, Кейра выдохнула:

— Юго-юго-запад. Мы им не нужны. Только если…

— Твои? — догадалась Ора.

Правительница, не отрывая взгляда от драконов, нащупала под курткой связной медальон, настроилась на образ Нармиза.

— Да? — откликнулся глава Братства. Разговор для простоты шёл в скрытом режиме.

— Где вы? С какой стороны?

— Это небезопасно. Что-то случилось?

— Среднее воздушное соединение к северу от нас, направляется на юго-юго-запад. Всё под контролем?

Нармиз задумался, прежде чем ответить.

— Под контролем. Но время придётся урезать. Будь готова

взлетать сразу, как только мы окажемся в районе крепости и завяжем бой. Мы сейчас оговорим, если ничего больше не сообщу — действуем так.

— Хорошо. Конец связи.

— Конец связи.

Ора нервно стучала кулаком по парапету, кидая то опасливые взгляды в сторону драконов, то недовольные на Кейру. Закончив разговор, Правительница облегчённо выдохнула:

— Извини, что без громкой связи. Всё нормально, их это не затронет. Но разговоры придётся отложить на потом, иначе мы все здесь застрянем.

Инферналка кивнула. Подумав, негромко заметила:

— Может, оно и к лучшему.

— Распорядишься вывести орла? — попросила Кейра. — Надо собираться.

* * *

— Повелитель, — ангел почтительно прикоснулся к хозяину.

— Я не сплю, — выдохнул Тавис, выдирая себя из короткого беспокойного сна. Вытер тыльной стороной ладони занемевшие губы. — Есть новости?

— На юго-востоке замечен крупный…

— Карту!

Ангел вложил ему в руки тактический планшет, на котором, как на радаре, мелькала крупная красная точка. За ней тянулся полупрозрачный дуговой след предыдущих отслеженных положений.

— Отлично, просто отлично, — прошептал Тавис. Нахмурился, вспоминая, где оборудованы снайперские позиции. — Мы ведь их накрываем?

— Да, повелитель, — ангел склонил голову.

Вскочив, инфернал протёр плывущие глаза, зацепился взглядом за огромную, занимавшую целиком одну из стен интерактивную карту. Ах да, он же так никуда и не ушёл из центра управления…

Уже осознанно и почти по-отечески Тавис оглядел находящихся поблизости: десяток секретарей, снующих туда-сюда, нескольких операторов, обрабатывающих поступающие из разных источников данные и сводящие в одну цельную картинку. Это всё его. Пусть бескрылые, немного неполноценные, но всё равно детали машины, на которой он въедет в будущее.

Последним на глаза попался стеклянный шарик, оставленный

на ближайшем столе. Поддавшись устоявшейся привычке, Тавис тут же схватил его, намереваясь положить в карман. При прикосновении к прохладной поверхности в голове сам собой вспыхнул образ — мрачный с оттенком злости Ресд, как будто бы вперивший в инфернала взгляд. Ах ты ж… Не доводилось раньше пропускать сигналы, не знал, что это так работает. Иначе оставил бы на месте, велико удовольствие наблюдать ненавистную рожу.

Переговорив с операторами, ангел вернулся и доложил:

— Мы готовы проложить траекторию. Если на курс ничто не повлияет, то…

— Если повлияет, вы все передо мной ответите, — оборвал его Тавис, чувствуя, как в душе снова начинают колыхаться волны эмоций. Усмирявший их сон закончился, пришла пора возвращаться в несовершенный мир. — Передайте на позиции, пусть будут в полной готовности.

— Сделано, повелитель, — почтительно кивнул ангел.

— Не надо «сделано», знаю я, как это бывает! Передайте ещё раз, мы не можем упустить их!

Более не комментируя указания, прислужник направился к операторам. Тавис поднял к лицу руку, покрутил. Несколько раз сжал-разжал кулак, унимая дрожь в пальцах.

Почему триумф такой неприятный? Ладно, пусть не он сам, а его прелюдия. Но всё равно, оно должно быть другим. Совершенно другим! Он должен чувствовать своё могущество, свою власть решать, кто сегодня останется жив, а кто умрёт!

Эмоции забурлили, вскидывая на поверхность то одни, то другие ощущения. Инфернал почувствовал, что ему не хватает воздуха, и перешёл на дыхание через рот. В какой-то момент носа коснулся собственный смешанный перегар, но затем раздражение по этому поводу отошло на задний план. Всё снова стало хорошо. Между логическим и эмоциональным восприятием установилась гармония.

— Идут на сближение! — крикнул один из операторов. Тавис бросил взгляд на большую карту: красная точка плавно заворачивала и собиралась пересечь незримую линию блокады замка.

— Сколько снайперов накрывают этот сектор? — дрожащим от волнения голосом потребовал Тавис.

— Полноценно два, ещё два имеют шанс попасть.

— Дайте мне прямую связь с ними!

Замешкавшись, оператор уточнил:

— С какой позицией, повелитель?

— Со всеми! — рубанул рукой инфернал.

— Включаю.

Ничего не произошло, но Тавис и не ждал никаких эффектов. Когда ты определяешь бытие на каком-то участке пространства, всё остальное не важно.

— Слушайте меня, упыри незакопанные. Близится ваш решающий бой. Проявите себя как следует, или следующий день вам не увидеть ни при каком раскладе!

Махнув рукой, обозначая конец сообщения, инфернал развернулся к карте. Запоздало спросил:

— Отряд в точке соприкосновения усилен?

— Да, повелитель.

— Хорошо.

Сложив руки перед лицом, он затаив дыхание стал ждать развязки.

* * *

— Что там? — нахмурилась Ора. С башни на башню что-то передавали, но им, расположившимся внизу, во дворе замка, было плохо слышно.

Со стены прибежал один из стражников, размахивая от волнения руками с ужасным лязгом доспехов:

— Ангелы двинулись, госпожа! Они все снимаются и летят на восточную сторону!

— Началось, — кивнула инферналка. Бросила взгляд на гостью — та выглядела ещё более напряжённой. — Только не говори, что твои этого не предполагали?

— Они ничего не сообщили, — покровительница эльфов нервно теребила воротник куртки. — Думаю, что-то пошло не по плану… Сейчас узнаю.

— У вас что ни план, то импровизация, — проворчала Ора, скорее тоже из-за нервов, чем из желания упрекнуть. Глаза Правительницы уже остекленели, начался разговор по внутренней связи, но хозяйка замка на всякий случай озвучила: — Пойду посмотрю сама.

К востоку от города не происходило почти ничего — необходимой аппаратурой для наблюдения скрытых объектов Ора не успела обзавестись, последние два дня было не до того. Единственное, что открывалось её взору, это стаи ангелов, визуальная защита которых была пробита вчера для удобства штурма. Южная база, к сожалению, держала стационарные щиты, восстанавливающиеся с течением времени, так что сейчас Ора могла только бросить ненавистный взгляд в её примерном направлении.

Аккуратно облетая зону поражения орудий замка, ангелы образовывали на востоке две выгнутые наружу дуги, одна из которых лежала на земле, а вторая, гораздо более расплывчатая, плясала в пустом небе на фоне восходящего солнца, как охотящиеся на рыбу чайки над морем.

Сзади послышался шум крыльев, и рядом с Орой приземлился орёл-переросток. Девушка рефлекторно вздрогнула — устрашающего размера когти и клюв находились совсем рядом, но потом внимание переключилось на обнявшую её Правительницу.

— Ни о чём не волнуйся, всё будет хорошо, — строго произнесла Кейра прямо на ухо. — Ты ведь мне поможешь?

— Чем именно?

Объятия закончились раньше, чем Ора успела решить, обнимать в ответ или не стоит.

— Держи раз, — Правительница достала из развязанного вещевого мешка несколько странных, не соответствующих напряжённому моменту предметов. — Держи два. И три. Как пользоваться, сейчас объясню.

— Ты решила напоследок всё раздарить, чтоб не пропало? — удивилась Ора.

— Типун тебе на язык, — возмутилась Кейра, окончательно сбивая слащавый эмоциональный фон близящейся разлуки. — Наоборот, это поможет мне сейчас пробиться. Смотри и запоминай. Как только я взлечу, кидаешь расчёску, она создаёт иллюзии. Время срабатывания одна секунда, ровно в этот момент, когда контур иллюзий очерчивается, кидаешь пилку, которая электромагнитным импульсом…

— Стоп, стоп, — Ора замахала руками, — ещё раз и помедленнее. Ты, конечно, Джеймс Бонд и привыкла к такому, но я в этом первый раз участвую!

В глазах Кейры что-то потухло. Бросив тревожный взгляд в сторону концентрирующейся вражеской группировки, она произнесла:

— Я не Джеймс Бонд. Извини, времени объяснять уже не остаётся, драконы близко. Мне пора.

— Но…

Ора на автомате сделала шаг вперёд, как будто и впрямь собиралась останавливать гостью, но та уже забралась в седло и взяла в руки поводья.

— Не смотри на меня, когда я полечу, это опасно! После вспышки можно!

— Ладно! — крикнула Ора вдогонку. Закусила губу: горло почему-то болезненно сжалось, как будто всё шло не так, как

должно было. Или как хотелось?..

* * *

До отряда спасения оставалось ещё несколько километров — Кейра уже видела их, но драгоценное время утекало сквозь пальцы и ждать их в безопасном укрытии не было никакой возможности: так же близко подобрался отряд драконов, ещё немного, и клещи сомкнутся. Против двух групп и действующей базы союзники абсолютно точно не выстоят. Черт бы побрал прерывание потенциалов, да и самонадеянность Кейры заодно…

Раз — сработал брошенный вверх амулет в виде расчёски. Обзор закрыла мгновенно развернувшаяся дымовая завеса привычного светло-серого цвета: чтобы иллюзии сработали полноценно, поле действия должно быть прикрыто, а окраска помогает сбить противника с толку.

Два — ориентируясь по хорошо знакомым признакам, девушка выбрала момент и бросила пилку для ногтей. Действительно, не стоило вешать это на Ору, в таких делах чрезвычайно важен опыт применения. Орёл издал короткий клёкот — электромагнитный импульс не мог не взволновать птицу, несмотря на экранирование.

Три — вниз улетело карманное зеркальце, и за секунду до вылета из серого тоннеля Кейру окружила дюжина её собственных призрачных копий, неравномерно распределившихся по всем трём измерениям. Бесплотные, но имеющие слабые сферические щиты, они могли выиграть на рассеивании внимания противника не меньше нескольких минут.

Считанные километры отделяли покровительницу эльфов от друзей, она уже могла разглядеть лицо каждого летевшего ей навстречу. Возникшая справа на недавно пустом месте база инфернала явно лишилась части защитных систем, преграждавшая путь группировка тёмных ангелов распалась на отдельные плохо держащиеся в воздухе элементы — то ли они тоже имели электронную начинку, то ли зависели от геомагнитного поля. Единственное, что против неё могли предпринять, это засыпать небо разрывными снарядами, стараясь не упустить ни одну наблюдаемую птицу с девушкой на спине.

Вжавшись в седло и отсчитывая секунды до соединения с друзьями, Кейра приготовилась использовать последний необходимый артефакт, флакончик духов, создающий более долговечную визуальную преграду. Но орёл вдруг вскрикнул — не сигналом, а совершенно естественно, а её саму швырнуло на

спину, после чего сознание отключилось.

* * *

— Зафиксированы два попадания, — отрапортовал ангел из-за спины, державший постоянный контакт с центром управления. — Объект сбит.

— Ха! — Тавис на радостях влепил кулак в металлическую стену обзорной башни, не почувствовав боли. — Теперь, главное, не дайте вас нагнуть в небе, это ещё не конец!

* * *

— Кейра!

Он не успел, не успел!

Оставшийся незамеченным для участников столкновения, Ресд спикировал к земле и на минимальной высоте, едва не задевая кончиками крыльев степной кустарник, полетел к месту падения.

* * *

— Быстрей! — закричал Альден, то ли себе, то ли голубю, то ли спутникам. В голове всё перемешалось от ужаса, а когда способность мыслить вернулась, он заметил, что голубь Нармиза летит сам по себе; глава Братства исчез, уйдя, по всей видимости, в подпространство.

Заставив себя не думать о возможной гибели подруги, император стиснул зубы и сосредоточился на вражеских штурмовиках. Рявкнул в приколотую к тунике на плече рацию:

— Первое звено, защитите Кейру! Остальные — крошите их всех, не оставьте ни одного! За мной не идти!

Где же, где эта тварь, откуда она следит за схваткой? С базы? Кейра использовала весь стандартный набор, что пошло не так?!

— Второе звено, возвращайтесь к вражеской базе и займитесь разведкой! Если заметите, что её кто-то покидает, докладывайте незамедлительно!

— Есть!

Ладно, разберёмся для начала здесь. Заложив вираж, Альден перекрыл траекторию только что разминувшегося с одним из преторианцев ангела и буквально раздавил его о щит-сферу;

мало-помалу стервятники восстанавливались после удара амулета, но маневрировали всё ещё недостаточно хорошо.

Над землёй мелькнул калейдоскоп цветных пятен: возникнув из пустоты, Нармиз на лету поймал тело Кейры. Орёл Правительницы тем временем сумел приземлиться и мелкими дёргаными прыжками удирал от места сражения, держа отставленным одно крыло.

Пристроившись в хвосте второго ангела, Альден на секунду переключил очки в боевой режим и сбил того метким выстрелом лазерного луча. Энергозатратно, да и прочие функции прибора страдали, но счёт шёл на секунды, при невозможности вступления в ближний бой. Преторианцы, те да, догнал — подрубил, не догнал — выстрелил, но они, в отличие от Правителей, могли позволить себе умереть в случае чего.

— С базы вылетел малый отряд, — доложили по рации, — идут на большой скорости.

— Следуйте за ними. Сдаю командование, — добавил Альден на общей волне.

Пролетев перед самыми стенами замка Оры, он помчался на запад.

* * *

— Не разговаривай, — приказал Нармиз, изо всех сил стараясь сохранить твёрдую волю и ясность мышления. — Не надо, это навредит.

— Лентан, — одними губами произнесла Кейра. Последний раз посмотрела ему в глаза, потеряла сознание.

Тяжёлая крупнокалиберная пуля пробила навылет ключицу и чудом не оторвала руку. Уж на что многофункциональные аптечки держали Правители, но здесь глава Братства был бессилен; выбор действий состоял из экстренной транспортировки в ближайшее медучреждение с необходимым оборудованием и моментального создания операционного блока прямо здесь, с нуля.

К счастью, для подобных крайних случаев имелось одно средство и Нармиз имел возможность им воспользоваться. Расстегнув пару верхних пуговиц на куртке Кейры, он, стараясь не думать о количестве потерянной крови, нащупал кулон нужной формы, наклонился и произнёс, чётко проговаривая каждую букву:

— Правитель.

Тело девушки как будто вмиг окостенело, а затем его

окружил сплошной хрустальный футляр, идеально повторяющий контуры вместе с одеждой. Накинув капюшон, Нармиз бережно, но крепко взял ношу и двинулся вперёд, мерно, не ускоряясь, пробивая ткань реальности.

Дальше можно было не торопиться: как показала опытная эксплуатация, реанимационный контейнер, или в просторечии капсула, выдерживал девять часов работы независимо от того, где его несли, на земле, в воде, воздухе или подпространстве. После этого допускалось повторное капсулирование, хотя каждый следующий цикл держался на треть меньше. Однако чем сильнее выцветал окружающий мир, тем сильнее Нармиз нервничал — и единственное спасение видел в том, чтобы погрузиться ещё глубже.

Невесомый и бесплотный, он летел над серой землёй, отталкиваясь от неё ногами, но влекомый гораздо более мощной энергией, чем мускульная. Это был его мир — изнанка реальности, пространство, где не источники света создавали тени, но тень управляла светом. Здесь он чувствовал себя по-настоящему свободным от человеческих условностей… раньше.

«Для чего это всё? — спрашивал он себя».

«Всё под контролем, с ней всё будет хорошо».

«Я не могу знать этого наверняка!»

«Я предпринял всё возможное, чтобы обеспечить положительный результат. Мы предприняли».

«Но я не могу знать наверняка…»

«Пускай. Главное, чтобы она жила».

«Что будет, если она останется жить? Что будет, если она умрёт?»

«Если умрёт — с ней исчезну и я».

«Этого нельзя допустить!»

«Она часть моего мира. Несмотря ни на что, она стала частью моего мира. Я сделаю всё возможное, чтобы она продолжила жить».

«Отдам за неё всё остальное?..»

«Увы, это невозможно. Переливание живой энергии — да, в Лентане этим займутся. Но я не могу отдать жизнь за неё».

«Забрала бы она мою жизнь?»

«Ни за что на свете».

«А если бы получила её по факту?»

«Наверное, прокляла бы. И до конца дней своих не могла спать спокойно».

«Ох уж эти романтики…»

Ориентироваться в подпространстве было легко, гораздо легче, чем в обычной реальности — не требовалось ни компаса,

ни других приборов. Даже закрыв глаза, Нармиз мог бы отследить направление, в котором движется, и расстояние до пункта назначения. Степи давно закончились, вокруг раскинулись поля. Вскоре осталась по правую руку Юстиция с её забитыми под завязку госпиталями, чуть позже по левую проплыл, упираясь в серое небо остроконечными башнями, Тенебрис, глубокий тыл Империи, через который шло пополнение от Братства. Если бы речь шла о простой помощи, можно было бы остановиться здесь — но Правителю нужен Дворец, в особых случаях, как этот, его собственный.

«Умирать всегда лучше дома», — закралась в голову предательская мысль. Нармиз стиснул зубы: хвалённый самоконтроль нещадно сбоил, то ли подорванный напряжением в ожесточённой войне, то ли неработающий с Кейрой.

«Я тоже несколько раз оказывался на грани смерти».

«Раз на раз не приходится».

Наконец, позади остались все возможные горы и впереди призывно протянулась, жаждая принять его в свои объятия, полоса заповедного эльфийского леса. Огромные составлявшие неразрывную крону деревья первой линии Нармиз пролетел так же легко, как и другие материальные преграды, но внутри защемило: он почти на месте, момент истины близок.

Бесконечные стволы самых разных форм и размеров мельтешили перед глазами, создавая лишнее напряжение. Опершись на воздух, не успевавший расходиться под его ступнями, глава Братства в два прыжка поднялся на верхний уровень и понёсся по бугристому зелёному ковру, образуемому листвой. Глаза его были направлены на контуры резко выступавшего из общей массы дворца. На краю сознания возникло мимолётное удивление: ещё никогда он не приближался к Лентану так быстро — и только благодаря ему Нармиз понял, в какие сумеречные глубины опустился, разогнав себя на нервах. Тормозить пришлось сильно позже необходимого, что забрало ещё часть сил перегруженного организма.

Взмыв над зелёным простором, глава Братства, которого дерево-гигант знало всю свою жизнь, беспрепятственно вошёл в его крону, оттолкнулся от ближайшей ветки и несколькими короткими прыжками добрался до района расположения медицинского отсека.

Выход из подпространства по всему обещал быть тяжёлым, и Нармиз сперва опустил на пол коридора свою драгоценную ношу, только после этого вынырнув сам. Серые контуры с ослепительной вспышкой сменились на пульсирующие багрово-чёрные пятна, голова взорвалась невыносимой болью.

Скрючившись и ломая ногти о жёсткую древесину, глава Братства взвыл, не видя ничего вокруг и забыв обо всех проблемах, беспокоивших его предыдущие несколько часов.

Вокруг забегали, закричали, и осознал себя Нармиз уже летящим куда-то головой вперёд по внутренним помещениям в сопровождении эльфов в характерных светло-зелёных халатах. Мимо проносились другие, и все они взволнованно переговаривались, обмениваясь какими-то сведениями. Медик с крупным бледно-жёлтым кристаллом, находящийся в ногах, что-то произнёс, явно обращаясь к самому Нармизу.

— Что?..

— Ничего не предпринимайте, по возможности отключите находящиеся на вас предметы с магическим фоном.

— Кейра, — простонал Нармиз.

— Ей уже занимаются. Ни о чём не беспокойтесь, всё под контролем.

«Под контролем», — отозвалось в голове. Сладкое сочетание слов, одно из немногих способных оказывать успокоительный эффект на жёсткую натуру главы Братства, сработало и на этот раз, и, забыв про болевые импульсы, он улыбнулся.

* * *

В пещере собиралась темнота: вдобавок к подступавшему вечеру небо сплошь затянуло пеленой тёмно-серых бугрящихся туч, перехватывавших почти весь солнечный свет и оставивших лишь тонкую ярко-оранжевую полоску на самом горизонте. В какой-то момент из мастерской вылетели и разлетелись по периметру десяток шаров, наподобие тех, которые создавали в общине Огня, но отличающихся от них несколькими подчёркнутыми деталями. Сам Эрго, уделив нам необходимый минимум внимания, уединился и напоминал о себе разве что шумом инструментов; в моей голове далеко не сразу уложилась мысль, что великий мудрый Правитель возрастом в несколько сот лет подвластен такому простому, прямо-таки приземлённому явлению как плохое настроение.

Виграф с Монахом уже пару часов как заседали на кухне, переняв, как я подумал про себя, эстафету разговоров за жизнь — хоть они и шли совсем о других вещах, напоминая со стороны наши с Эрго посиделки лишь по форме. Сам я, чувствуя себя на этот раз гораздо более спокойно и уместно, сидел у выхода из пещеры, время от времени кидая на Одиночек взгляды с чувством лёгкого превосходства опытного путешественника. Пусть этот

опыт был не самым успешным, но всё равно в нашей небольшой компании я единственный оказался знаком с хозяином дома до сегодняшнего дня и, что более важно, имел представление о том, куда и для чего мы движемся.

Перемещение оказалось даже интереснее, чем предполагалось изначально. Покинув утром стоянку, мы повернули к Замку-над-морем, чтобы взять вещи и попрощаться с его обитателями. По пути сделали остановку у Царевича, чьё жилище ничем принципиально не отличалось от занимаемого Примархом, и под прощальные речи Вираф передал ему контроль над оставляемой землёй во избежание захвата излишне практичными соседями с юга. В более сложноорганизованных обществах это считалось бы протекторатом, здесь же ребята как будто договорились о поливе цветов и кормлении кошки, пока мы отъедем по делам.

С «кошками» у меня были свои счёты — чем ближе становился замок, тем сильнее одолевали мысли о том, как повести себя с Альмой. Вариантов виделось огромное множество, на одном полюсе которого располагалось не выходить из дирижабля, накрывшись мантией-невидимкой, а на другом — забрать девушку с собой. В реальности всё вышло гораздо проще. Среди немногочисленных встречающих Альмы не наблюдалось, как я выяснил — ушла по каким-то делам на берег. За пару часов Вираф разобрался с хозяйством и пообщался с дворней, а когда мы снова появились во дворе Альма, прежде чем я успел вообще её заметить, бросилась откуда-то сбоку мне на шею. Когда я подрагивающей рукой погладил её по спине, она быстро поцеловала меня в щёку и пулей сбежала. Вираф прокомментировал моё ошарашенное лицо в присущей ему манере: «Теперь ты, по крайней мере, будешь знать, что волнуешься о таких вещах не сильнее всех в мире».

Дальше наш путь лежал ровно на юг, через все Домены, к пограничным горам. Было абсолютно непонятно, куда двигаться дальше, но судя по тому, что никогда раньше у Правителей не возникало проблем с возвращением, мы надеялись без труда сориентироваться. В конце концов, несмотря на то что Домены это не полуостров за Фор-Корстом, как я считал в самом начале, у нас имелся летательный аппарат и целых три Мечтателя на его борту, что выгодно отличало нас хотя бы от ситуации, когда я с минимальным стартовым капиталом разыскивал Эрго.

Как показало развитие событий, Мечтателей недооценивать не стоило ни в коем случае, даже если у них почти отсутствует потенциал. Гоняя в полудрёме задачу возврата, я среди прочего составил образ на обращение к внешнему источнику сил,

которым в моём случае являлся Эрго, с тем чтобы он узнал о необходимости нового перемещения. Без всякой задней мысли, чисто в порядке подбора правильного ответа на вопрос, как же выкрутились из этого положения предшественники. Неожиданно для всех образ, даже не наполненный как таковой силой желания, сработал и под нами в пугающей близи пронеслись острые скалы. К чести Виграфа, он мгновенно сориентировался, забыв про ведущуюся беседу, повернул прежде, чем мы врезались в соседнюю гору, и направил дирижабль обратно, к пещере, из которой на нас не менее удивлённо взирал Эрго. «Я же не говорил, как вернуться, — сказал он потом, отпаивая нас чаем с ягодами. — Или ты думал, что я закинул тебя невесть куда без возможности выбраться?» Под это дело выяснилось, что воспользоваться его услугами в данном ключе мог любой, если бы достаточно конкретно сформулировал свой посыл. Но, — как я предсказуемо услышал, — почти никто этого не делал.

— Граф, — обратился я к подошедшему напарнику, решившему то ли проведать меня, то ли тоже полюбоваться на предгрозовые виды, — вот объясни мне такую вещь, не могу никак понять. Хотя… нет, не с того начал, есть ещё один вопрос.

— Не торопись, — ободряюще кивнул тот, — я никуда не убегу.

— Ты помнишь своё попадание сюда, в сам мир? Что тебе говорил Хранитель?

— Помню, но смутно, — Виграф присел рядом лицом к выходу, подтянув ноги и выставив руки назад.

— Он как-нибудь обозначал цель, которая перед тобой ставилась?

— Конечно, построить идеальный мир.

Я поджал губы. С одной стороны, всё стало проще, с другой, сложнее.

— У меня, честно говоря, нет подходящей формулировки, поэтому спрашиваю как понимаю…

— Не волнуйся ты так, — в очередной раз успокоил меня Виграф. — Ты во мне через раз видишь бомбу, готовую в любой момент сдетонировать.

— Наверное, последствия общения с Одиночками, — предположил я, — раньше, вроде, такого не было. Собственно… Граф, какого фига Одиночки такие, какие есть? Они… в смысле, вы… это ведь тоже Мечтатели! Но где те идеальные миры, которые они должны построить, почему они этим не занимаются? И вот эта постоянная грызня, что в сообществе, которое на материке, что здесь, в Доменах. Почему бы не направить силы на что-то позитивное? Или для них это и есть идеальное общество,

которого они добивались и о котором мечтали?

— Для начала, да, часть действительно мечтала именно об этом, — серьёзно ответил напарник. — Не буду утверждать, что правильно понимаю категории и до конца понимаю людей, рядом с которыми жил, но это примерно как ваши… — осознанно или нет, но он вернул мне мою паузу на подбор слова, — как инферналы. Остальные… Вот что для тебя самого идеальный мир?

Застигнутый врасплох неожиданным вопросом, я смутился: рано взялся критиковать других, надо было сперва свою позицию подготовить.

— Честно говоря, я до конца не определился. Мы это обсуждали между собой, с другими, но государство такая сложная вещь… Вряд ли это государство, растянутое на всю планету, ведь идеал понятие качественное, а не количественное. Так что это какая-то идеально сформированная система, которая имеет непосредственное отношение ко мне. Как к её создателю. Или к кому-то другому, кто её создаст.

— В этом вся суть, — согласно кивнул Виграф. — Желание оно и есть желание. Ты можешь хотеть есть, но не желать ничего конкретного из продуктов. Можешь хотеть общения, но никого конкретного из людей. Понятно, что чем выше осознанность и конкретность, тем более ты целенаправлен, но это не является необходимым условием — как ты можешь убедиться на наших с тобой и всех остальных примерах.

В голове как будто что-то щёлкнуло. С огромным удивлением я почувствовал, что внутри как будто отпустила какая-то удавка — такое ощущение расслабленности и свободы вдруг нахлынуло; похоже, всё это время я сам не знал, как был ограничен противоречием, которое сейчас так легко разрешилось.

— Говоря обо мне, — продолжил Виграф, подумав, — я никогда не мечтал о своём замке. Я довольно неплохо жил на Земле и никогда не ставил цель уединиться на краю света. У меня были довольно простые потребности… хотя, наверное, я сейчас вру: не могу сказать, насколько простыми они были, потому что за столько времени восприятие сильно изменилось. Одно точно: я всегда держал в голове определённые модели того, как люди должны взаимодействовать друг с другом. Ориентировался на них и старался жить по ним, с переменным успехом. И единственное, с чем у меня лично связан переход между мирами, — с появлением возможности реализовать всё это.

В его голосе сохранилась небольшая театральность, но глаза смотрели в никуда, а на губах плясала незнакомая улыбка.

— Замок, дворец, пещера, деревня — всё равно! Главное, что

вокруг были люди определённого склада и они вели себя определённым образом. Не в том смысле, что они были абсолютно предсказуемы, наоборот! Но мы понимали друг друга с полуслова — тогда, когда хотели. И не понимали абсолютно — тоже когда хотели. Как ты удачно сказал, мир понятие качественное, а не количественное, и он может быть предельно мал. Для моего идеала оказалось достаточно полусотни человек — именно они стали им. Миры создаются не страны, не техника, не что-то ещё. Сначала появляются люди, а от них уже зависит всё остальное. Вокруг них образуются страны, они придумывают технику. Они делают тебя, такого, какой ты есть.

— Не согласен с последним, — раздался позади нас негромкий, но мягкий голос, по одному которому можно было опознать Монаха. — Хотя и не отрицаю влияния людей друг на друга. Увы, вынужден прервать вашу дискуссию: Граф, подойдёшь к Эрго? Он тебя зовёт.

— Иду, — кивнул тот. Постепенно возвращаясь в реальность, он торжествующе посмотрел на меня: — Так что не всё так просто. Впрочем, на вопрос, в чём состоит наша задача по сути, если свои идеалы мы реализуем сразу же по приходу, у меня ответа нет.

— Как и у Правителей, — улыбнулся я, провожая его взглядом.

— Она может заключаться в личностном росте, — предположил Монах. Сел на освободившееся место в полулотос, подставил лицо периодически залетавшему в пещеру ветру. — По крайней мере, такая идея очень популярна в среде Одиночек. Тебе интересно?

— Конечно, — согласился я.

— Для себя я её формулирую так. Переход между мирами предоставляется не любому человеку, а соответствующему определённым параметрам — об этом как минимум говорит Хранитель. Элемент случайного выбора, думаю, присутствует, но это в данном случае не важно. Таким образом, мы имеем две группы людей, одна подходит для этого мира, другая нет. Хранитель, опять же, говорит о том, что мы награждены правом реализовать свои мечты, из чего следует, что мы позитивная группа, то есть в чём-то лучше другой, а не хуже.

— Эй, помнится, ты критиковал меня за формальную логику, — со смешком поддел я. Монах улыбнулся:

— В данном случае она не противоречит социальной. Хотя, конечно же, ты можешь искать в ней нестыковки, это должно приблизить нас к истине.

— Пока всё в порядке. Продолжай.

— Позитивное отклонение имеет непосредственную связь с мечтами. Но, судя по полученному здесь опыту, твоему в том числе, содержание мечты каждого конкретного человека роли не играет. Значит, дело в особенной организации сознания, как-то влияющей на оформление мечтаний.

— И про организацию сознания я от тебя слышал, — заметил я. — Совсем недавно. Извини, что перебиваю, можешь считать это комментарием, не дотягивающим до критики.

— И у меня есть на это ответ, — кивнул Монах, — я оперирую наиболее привычными мне категориями как наиболее разработанными и удобными.

Я поднял руки:

— Всё, молчу.

— Всё нормально, — он даже это умудрился перенять у Виграфа. — Так вот, если разница в том, как мечты создаются и действуют на нас изнутри, то она непосредственно связана с различиями людей по типам мышления. Наверное, ты и раньше замечал это, но не обращал внимание: кто-то генерирует одну идею за другой, ни на одной подолгу не останавливаясь, кто-то формулирует медленнее, но отбрасывает так же быстро. Есть люди, которые выбирают себе цель сразу на всю жизнь — и всю жизнь за ней идут, не отвлекаясь ни на что другое. Есть множество промежуточных вариантов.

Монах замолчал, вроде бы отвлёкшись, и я рискнул уточнить:

— Значит, чем сильнее держишься за мечту, тем выше шанс попадания?

— Держаться можно по-разному, — задумчиво покачал головой напарник. — Будешь смеяться, но я сейчас встроил в мысли услышанное от Виграфа. Дело вот в чём. Если человек страстно желает приобрести что-то — машину, квартиру, спутника жизни, — и вкладывает в достижение все свои силы, можно ли его назвать мечтателем?

Я попытался припомнить среди своих бывших знакомых людей похожего склада — и невольно поморщился, наткнувшись на самый очевидный пример. Именно такими являлись мои родители, положившие жизнь на алтарь материального благополучия.

— Ни в коем случае. Я так думаю.

— Я не столь категоричен, но тоже полагаю, что нет, — мягко кивнул Монах. — Это целеустремлённые люди, но их мечта строго ограничена. Она может менять размеры в ту или иную сторону, но автомобиль не превратится в картинную галерею. А можно ли назвать мечтателем человека, который, что называется, витает в облаках и забывает про окружающий мир, замещая его

вымышленным?

— Тут сложнее, — осторожно ответил я.

— Тоже согласен. Но где проходит грань? Есть ли разница между мирами, скопированным с реального, собранным из кусков и абсолютно чужим? В качестве примера последнего могу привести книгу, фильм или любое другое произведение. Думаю, есть. — Монах снова улыбнулся, с другим оттенком: — Как ты мог заметить, я полностью перешёл на «наверное» и «возможно». Формальная логика здесь не даёт ответов на возникающие вопросы. Я полагаю, разница есть, а заключается она в количестве душевных сил, вкладываемых в мир. Но это не эмоции, как можно подумать, — чуть раньше я говорил об организации сознания. Что требует лучшей организации? Восприятие чужого творения — самые лучшие произведения основываются на том, что дают пищу для ума и толчок в нужном направлении, а не просто рассказывают забавную историю. Кусочный мир это хаос из впечатлений, который, если ты возьмёшься наводить в нём порядок, приобретёт уникальные черты, присущие лично твоему взгляду на действительность. В конце концов, мы приходим к тому, что свой собственный мир требует во много раз больше сил, чем любой другой. Нельзя построить идеал без подготовки и знаний. Нельзя построить идеал, если в голове нет разграничения хорошего и плохого — каким бы оно ни было. Наконец, нельзя построить идеал, если ты не осознаёшь себя как личность, не важно, что её составляет.

На журчащий голос Монаха наложился шорох неизвестно когда успевшего пойти дождя. До нас изредка долетали отдельные капли, но от всей непогоды ощущалась только приятная водяная взвесь в воздухе. Я украдкой взглянул Одиночке в лицо: в глазах его горело что-то светлое и тёплое.

Помолчав, он добавил:

— Касательно последнего компонента у меня нет абсолютно никаких доказательств, хотя это очень странно звучит на фоне того, что я сейчас скажу. Помимо того, чтобы иметь собственный мир, в него нужно верить. Не просто надеяться, что он где-то существует, а верить. Это тоже особый элемент организации, только, скорее, не сознания, а самого знания. Вера — это умение принять за истину то, чему не можешь подобрать обоснований. Более того, то, что невозможно доказать в принципе, хоть бы и на том уровне, на котором ты находишься. От убеждённости она отличается… наверное, ты снова будешь смеяться — неотвратимостью.

— Виграф, — усмехнулся я.

— Да, он успел вкратце пересказать ваше обсуждение. Ты

ведь не будешь сильно злиться на него?..

— Было бы наивно думать, что вы способны утаить что-то друг от друга. Разумеется, не буду. Продолжай.

— Неотвратимость в данном случае это готовность пойти на крайние меры, имея в качестве обоснования только лишь абстракцию. Фактически — признать себя уязвимым, по крайней мере, так это действует в нашу эпоху. Готовность сказать: «да, у меня нет никаких подтверждений правоты своих убеждений, и потому я просто верю, что так правильно». Это отказ от защиты как таковой, выход на дуэль без оружия.

— Но в чём смысл? — удивился я. — Это не имеет отношения к разговору, но всё-таки? Я никогда раньше не думал об этом в таком формате, и если ты прав…

— Опять же по моему мнению, всё дело в эпохе, — Монах развёл руками. — Абстрагируясь от предыдущих слов, я считаю веру полноценной формой организации сознания, которая, однако, по ряду причин уступила научной место главенствующей.

— И сохранилась только в таких уникумах, как ты, — кивнул я, смотря на напарника совсем другим взглядом. Он чуть смущённо улыбнулся.

— Но всё-таки вера не является необходимым признаком сама по себе. И это уже не мои слова, а близких друзей. Настоящая вера не способна прятаться в голове человека, оставаясь никем не замеченной. Зная, что есть и иное, помимо наблюдаемого перед собой, он ведёт себя совершенно не так, как если бы ориентировался только на непосредственное окружение. Он живёт в двух мирах одновременно и, можно сказать, посредством его деяний второй, незримый и казалось бы придуманный мир, частично перемещается в первый, создавая оазис.

— Маловероятно, — с сомнением прокомментировал я, несмотря на острое желание, чтобы именно так всё и было. — Вспоминая себя — не могу сказать, что вокруг меня существовал оазис чего бы то ни было.

— А вот я смотрю на тебя сейчас и понимаю, что могу, — Монах обратил на меня сияющий взор. — Скажи, что держало тебя на плаву, когда большую часть времени занимали бытовые нужды? В чём ты находил свою отдушину?

— Господа, я вынужден вас потревожить!

Встав позади нас, Виграф с наслаждением вдохнул влажный воздух. Пояснил специально для меня:

— Маркус, твоя очередь идти общаться с Эрго.

— Ага, — кивнул я, приходя в себя и прикладывая усилия чтобы прервать поток мыслей и вернуться к насущным делам.

Поднялся, коснулся напоследок Монаха, благодаря за разговор, и направился ко входу в мастерскую, на ходу потирая занемевшие мышцы.

В огороженном отсеке было немного светлее, чем снаружи: свет от висевшего здесь шара отражался от стен и высвечивал их, а сам сгусток энергии скользил по воздуху в наиболее выгодную точку. Эрго сидел слева, у каменной стены, за мерно постукивавшим примитивным станком, в котором я опознал гончарный круг, и ваял какой-то горшок, периодически прикладываясь к ковшу с водой; в правом от меня углу нагнетала жар небольшая печка, дожидающаяся своей очереди.

Подняв на меня хмурый взгляд, Правитель кивнул на лавку рядом:

— Проходи, присаживайся, рассказывай.

Впечатления от разговоров с напарниками постепенно отступали, вместо них нехотя поднимались мысленные наработки по всему, что меня интересовало в Эрго. Ещё раз оглядевшись, я весело ухмыльнулся и заявил:

— Признайся, Эрго, ты наш Хранитель.

— Да ну? — едко произнёс хозяин дома, не отрываясь от станка. — И какие твои доказательства?

Доказательства имелись, хоть и в непригодном для употребления виде. Время от времени цепляя мысли на эту тему, сейчас я мог привести в пример разве что мгновенный перенос трёх человек вместе со сложным механизмом, при том что необходимость этого Эрго почувствовал сам. Но как правильно сформулировать утверждение, я не знал, равно как не имел доводов в пользу того, что такой силой может обладать исключительно Хранитель.

— Их нет, — всё ещё пребывая на волне эмоций, я решил воспользоваться приёмом Монаха, надеясь, что глупая улыбка не испортит впечатление. — Я вижу в тебе именно Хранителя и верю, что так и есть на самом деле, и потому буду исходить из этого.

Руки Эрго дёрнулись, как будто он сдержал какой-то позыв к действию. Помолчав, он ответил:

— Верить я тебе, конечно, запретить не могу. И всё-таки вспомни наш разговор трёхдневной давности: Хранитель я или нет, это имеет отношение только ко мне и никак не влияет на тебя. Понимаешь?

— Ага, — кивнул я. Судя по ощущениям, отпор был дан с чётко отмеренной жёсткостью — не больше и не меньше необходимого для продолжения серьёзного разговора. На всякий случай я спросил: — Надеюсь, с Монахом вы нормально

поговорили?

— Нормально, — согласился Правитель. Сделал паузу на то чтобы отставить готовый горшок и заняться новым. — Ты сумел найти именно тех людей, которые в силах снять с тебя часть нагрузки. Хотя здесь у меня есть одна новость: Монаха я забираю, дальше вы пойдёте без него.

— То есть как? — поразился я. — Значит…

— Но-но, — снова осадил меня Эрго, — если бы не я, ты бы с ними даже не встретился. Во-первых, имей совесть, во-вторых, я не собираюсь тебе мешать. Вообще-то, если ты не заметил, Монах находится в неустойчивой позиции — его только что выкинули из привычной среды и сразу потащили дальше. Это может плохо закончиться, так что дальше я беру его в свои руки. Извини, но твоего опыта взаимодействия со здешними обитателями мира совершенно недостаточно чтобы решить эту задачу самостоятельно. Взамен могу обнадёжить, что он постарается помогать вам издали.

— Сидеть на базе и вызывать подмогу по необходимости? — заинтересовался я.

— Не до такой степени, но что-то вроде.

Постукивание гончарного круга, более мягкое, чем щелчки метронома, но обладавшее большим магнетизмом, фиксировало внимание и поддерживало спокойное состояние. Решив тоже воспользоваться доступной водой и найдя взглядом деревянное ведро, я встал и направился к нему.

— Кружка за ним, — сообщил Эрго вполне миролюбиво.

— Ага. Насчёт Виграфа что-нибудь скажешь?

— А что ты сам можешь о нём сказать?

Я задумался, подводя итог услышанному и увиденному за два с половиной дня. Осторожно высказался:

— Иногда он меня пугает — тем, как много всего знает и умеет. Я раньше руководил людьми, но сейчас не уверен, что смогу справиться с ним одним. При этом он вроде признаёт меня главным и ориентируется на то, что я говорю.

— Словом, он будет хорошей задачкой на время твоего пребывания у Правителей, — в голосе Эрго снова прорезалась ирония. Я вздохнул: снова поднимать тему Хранителя было бессмысленно, при том что меня продолжали провоцировать ей. — Осталось что? Плесни сюда остатки.

Оказавшись совсем близко, я бросил на хозяина дома задумчивый взгляд, ловя те мысли, которые проносились в тени находящихся на первом плане.

— Скажи, ты явно разбираешься во всём происходящем сейчас в мире. Не важно, признаёшь ты себя Хранителем или нет.

Что такого связано с высокими технологиями?

— Так тебе же Граф ответил, — удивился Эрго, поднимая голову. Мотнул головой, убирая влажные волосы, провёл рукой по лбу, оставив широкий след мокрой глины. — Или ты не понял?

— Будем считать, что не понял, — вернувшись на лавку, я приготовился слушать. — Правители говорили о компьютерных технологиях, Одиночки — о Гнёздах. Прямой связи здесь никакой, но я прям чувствую, что с технологиями в целом что-то не так. Или не с технологиями, а с теми людьми, которые ими занимаются.

— О, нужное направление, — заметил Эрго. — Продолжай.

Я нахмурился, заставляя голову работать.

— Правители, ударяющиеся в футуризм, резко ограничивали свой потенциал и получали его обратно только развоплотив всё созданное. Механики, засевшие в Гнёздах, изолировались от внешнего мира и о них практически ничего не известно, если не считать немногочисленные наблюдения издалека. Хочешь сказать, между изоляцией и технологическим уровнем прямая связь? Правители таким образом закрывались от окружающего и… превращались в подобие Одиночек?

— Связь есть, но только если брать их в очень широком смысле, — Эрго покачал головой. Подбавил ехидства: — Ну же, так много времени провёл в Республике, а упускаешь из виду основы социальной организации.

Проигнорировав озвучивание факта из моей жизни далеко за пределами Фор-Корста, я пошёл по прямым ассоциациям:

— Республика. Эльфы, коммунизм. Организация… Коммунизм — экономика? Демократия?

— Экономика, — кивнул Эрго, — а именно взаимозависимость социальных отношений и производительных сил.

Негромко, чтобы не спугнуть вспыхнувшую мысль, я высказался:

— Несоответствие формы и содержания. Правители имели в голове какую-то схему идеального государства — но ведь государство это не заводы и фабрики, а способ объединения людей. При том, что всё создаёт конкретный Правитель. И когда создаётся что-то нарочито футуристичное, не отдельной частью, например, электроника во дворце, а распространяемое на всю систему, происходит… ошибка. Вроде математической.

— Почему ошибка? — сделал акцент Эрго. У меня не было ответа на этот вопрос — но он пришёл сразу же, как только я вспомнил первые свои недели правления княжеством.

— Потому что невозможно управлять сложноорганизованным

обществом!

Я схватился за голову — буря эмоций усиливалась каждую секунду, подкрепляясь выбросами энергии от встающих на свои места кусков головоломки.

— Я раньше думал, что феодализм — это крестьяне и дворяне. Хрен там! Это чертова куча самых разных слоёв: крестьяне образуют общины, из общин бегут недовольные и образуют контробщины, все они и вдобавок рабочие спорят из-за земли, на которой чего только ни находится! А в городах и того хуже. Каждая торговая компания, каждая гильдия, каждая чиновничья группа тянет одеяло на себя, борясь за свои интересы. Это всё понятно и естественно — не за чужие же им бороться, — но мне пришлось погружаться во всё это и перетасовывать, чтобы их отдельные интересы не противоречили общегосударственным. О которых, такое ощущение, заботился я один!

Эрго молчал, занимаясь своими горшками, но на лице его возникла тень улыбки, не то одобрительной, не то снисходительной. Дождавшись конца моей тирады, он подвёл итог:

— И чем выше уровень технологий, тем больше плотнее информационные потоки и тем сложнее организуется общество. Пусть у тебя и не исторический феодализм, но суть ты уловил.

— Представить не могу, каково жить в кибернетике, — тихо сказал я. — Мне даже жаль тех Правителей, которые через это прошли.

Хозяин дома милостиво выделил мне несколько минут на то чтобы прийти в себя, сам в это время разбираясь с печкой и ставя готовые изделия обжигаться. Закончив, он заново наполнил кружку и переместился на лавку рядом со мной, привалившись к стене.

— А что тогда с Гнёздами? — запоздало спросил я.

— Да ничего, — Эрго поморщился и сделал ещё глоток воды. — Там собираются те дурачки, которые верят, что все проблемы не в них, а в чём-то другом. Кооперируются с переменным успехом, развивают науку…

— Но, если они действительно развиваются, разве они не должны были давным-давно обогнать окружающих? Так, чтобы это в чём-то выражалось, я имею в виду. Захватить весь регион с помощью лазеров, роботов, например.

— Тебе однажды довелось повоевать. Как тебе, сильно помогли бы лазеры?

Вздрогнув от воспоминаний о штурме Киева, я вынужден был признать:

— Не сильно. Но ведь у меня и нормальной обороны не

было…

— О том и речь. Что такое оборона? Это концепция размещения сооружений, защитных приспособлений и личного состава, направленная на удержание местности. — Слушать Правителя, который у меня ассоциировался с военными действиями немногим выше Монаха, но рассуждающего о них тоном и словами Нармиза, было так забавно, что я не сдержал улыбку. — Концепция основывается на идее об организации боевых единиц. А чтобы эта идея возникла, нужно воспринимать войну как-то иначе чем передвижение солдатиков по полю и их стрельбу друг в друга.

— Неужели у них всё настолько плохо? — поразился я.

— Не настолько, конечно, но суть состоит именно в этом. Люди имеют научную картину мира, то есть верят в принципиальную познаваемость вселенной, но напрочь игнорируют социальную сущность человека. В результате вместо познания природы у них бесконечные конференции, вместо саморазвития — подковёрная борьба, а вместо самокритики — ракеты, которые взлетают и крошатся о небесную твердь.

— Насчёт ракет ты шутишь?

— Да нет, совершенно серьёзен. Если их выпустить с планеты, они ведь решат, что во всём правы и надо продолжать двигаться в прежнем направлении.

Эрго вздохнул. Приложился к кружке, мотнул головой.

— Ну да ладно, сейчас это всё не имеет никакого значения. Вернёмся к тому, с чего начинали.

— Княжество? — переходить от свободного общения к деловому обсуждению было затруднительно, тем более что за этим собиралось последовать возвращение всех отложенных проблем. — Война.

— Именно. Что ты собираешься делать?

— Вернусь и перебью всех инферналов, — жёстко заявил я. — У них, как бы так сказать, должок передо мной.

— Между прочим, ты их сам обманул. Так что нечего было ждать поблажек, — заметил Эрго, тоже успев сменить тон. — А ещё дам совет с высоты своего опыта, опять же — в продолжение темы социальной организации. В любой сколько-то продолжительной партии долги есть у всех перед всеми. Если обналичить их все — никого в живых не останется, так что иногда нужно уметь сделать шаг навстречу и найти компромисс.

— Предлагаешь помириться с ними? — мне показалось, что я ослышался.

— Что делать — решать тебе. И… — Эрго повернул ко мне голову и упёр твёрдый взгляд. — Хранитель я или нет, но что-то о

Правителях знаю. И, глядя на твои похождения, могу с уверенностью сказать: оценивать тебя в итоге будут именно по тому, как ты разберёшься с этим конфликтом.

— Ты же сказал, что это имеет отношение только к тебе, а ко мне никакого, — выдавил я из внезапно осипшего горла.

— На мой взгляд, то, что я сказал, было очевидно. Но, на всякий случай, решил обратить твоё внимание.

Хлопнув меня по плечу, Эрго поднялся. Посмотрел на засохшую глину на руках.

— Иди пока к остальным. Я сейчас приму душ и займусь ужином.

Дёргано кивнув, я на подгибающихся ногах вышел из мастерской.

Понемногу обстановка укладывалась в голове: незаметно подкрался ночной мрак, и светящиеся шары воспринимались уже не декоративными элементами, а необходимыми для деятельности приспособлениями. Ребята по-прежнему сидели у выхода, который закрывала натуральная стена воды; откуда-то из-за гор донеслись раскаты грома, которые я почему-то не слышал раньше.

Подойдя, я сел сзади, за пределами видимости, и обнял руками колени, справляясь со вновь накатившим волнением по поводу возвращения домой. Виграф каким-то образом услышал меня, обернулся с улыбкой:

— Хороша погодка, а? Сто лет не видел горный дождь.

Я через силу улыбнулся в ответ. Окинув меня взглядом, феодал участливо поинтересовался:

— Ты в порядке? Не волнуйся, у нас такие же ощущения были.

Действительно, за новостями я успел забыть, что отправился на разговор последним, и даже не подумал, что могли испытывать члены моей образовавшейся группы. На этот раз улыбка далась легче.

Что бы ни ожидало впереди, я больше не один. А команда это всегда больше, чем совокупность отдельных людей.

Новый день
Солнце луч в окно пошлёт
Вдаль меня дорога ждёт
В край ветров меня зовёт

Окинув нас с Монахом взглядом и заменив этим вопрос, не против ли мы небольшого акустического концерта, Виграф запел громче, вкладывая в песню, как мне показалось, все события

последних дней.

Верный конь
Блеском никеля сверкнёт,
По дороге понесёт
На предельной вдаль, вперёд.

Вновь мокнуть под струями дождя,
Под знойным солнцем вновь пыль глотать
С горячим ветром, вверх швырнувшим,
Вновь видеть очередной восход
И каждый новый день так встречать,
Как будто в первый день живу я вновь…

Пауз в песне практически не было, и звучавшие фоном к текучему голосу шум ливня и эхо, гулко отражавшееся от свода пещеры, создавали неповторимую атмосферу, от которой поневоле наворачивались слёзы на глаза.

По случайной тени на полу я с удивлением заметил, что неподалёку стоит, вслушиваясь в слова, Эрго.

Край ветров
Манит тайнами руин,
Тенью древних городов,
Солнцем выжженных долин.
Вопреки
Ураганам встречным вдруг
Рвусь вперёд и жизнь свою
Этой скорости дарю.

Верен я
Той земле, тем небесам,
Верен ливням и ветрам,
Океаны, верен вам!
К вам лечу,
Обгоняя миражи,
Чередуя виражи —
Без границ мой путь, я жив![21]

Эпилог

Загнанная чёрная лошадь пробивалась через водяной заслон из последних сил, надеясь доставить всадника до места назначения до того как потеряет сознание и камнем полетит вниз, на острые скалы, окружавшие Дворец и усиливавшие впечатление, будто гигантская рука принадлежит реальному существу. Скорее всего, животному ничего не грозило — хотя вполне могло выйти и так, что Тавис станет первым за долгое время не совладавшим с силами природы. И Правителей, и инферналов традиционно обходили стороной опасности, связанные с рискованной эксплуатацией технических средств — то ли Хранитель заботился, чтобы его подопечные не умирали самыми глупыми из возможных смертей, то ли просто действовали скрытые ограничения, то ли что-то ещё. В любом случае, Тавис благополучно — насколько позволяло его текущее состояние — добрался до открывшегося в районе запястья отсека и влетел внутрь, в уютный сухой полумрак, разгоняемый единственным имевшимся здесь «чистым» факелом, горевшим у арки выхода во внутренние помещения.

Спрыгнув на пол, инфернал тут же бросился к краю бездны, видимо, проверить, отстала ли погоня; на расстоянии нескольких метров от Дворца уже мерцал хрусталём автоматически включившийся защитный барьер, так что никакая опасность снаружи не могла причинить его хозяину вреда.

Если бы он не плодил врагов быстрее, чем друзей, и чувствовал, кого к какой категории стоит относить, его это наверняка спасло бы.

Широкое треугольное лезвие вышло из груди инфернала, зашедшая сзади свободная рука одновременно сомкнулась на шее, сминая хрящи и позвонки, словно бумажные. Но бумага не могла так хрустеть, а значит, всё было как надо. Жаль, что поздно…

Огромное количество защитных и усиливающих амулетов сделали своё дело — Тавис сумел рвануться в сторону с такой силой, что вырвался из захвата и упал в паре метров, истекая кровью. Голова его нелепо и немного жутко покачивалась на лоскутах кожи, выпученные глаза с ужасом и ненавистью смотрели на убийцу — тот не смог бы нанести удар, будучи невидимым.

Зрительный контакт продолжался от силы секунды три, пока инфернал пытался до момента смерти головного мозга произнести что-то покрытыми кровавой пеной губами. Глаза его

так и не закрылись, но достаточно было гораздо более надёжных признаков: тоненькими струйками, постепенно расширившимися до густого пара — дыма? — тело Тависа стало таять, теряя прозрачность. Туман частично поднимался вверх, но преимущественно оставался вокруг, так что инфернал скоро пропал из виду. Момент, когда он исчез из этого мира окончательно, назвать было невозможно.

Спустя пару секунд после того как туман рассеялся без следа по Дворцу прошла дрожь, ожидаемая, но всё равно пробившая до костей: хочешь не хочешь, каждый раз представляешь собственную смерть и то, что за ней последует. Никто не вечен, бессмертие — такая же иллюзия, как и все остальные, разве что развеивается она, как правило, последней. И даже Мечтатели, такие прекрасные и могущественные, были подвластны ей.

Ресд только сейчас понял, что по его щекам текут ручьями слёзы, почти как ливень снаружи. Поднявшись с колен, на которые упал, чтобы не навернуться в пропасть, он подошёл к краю, где недавно стояла его жертва и посмотрел на бушующий серый мир. Отсек этот так и останется открытым, а генераторы защитного поля уже ничто не сумеет запустить; тянущаяся к небесам рука осталась безжизненным памятником всему произошедшему за эту войну, и надеяться оставалось только на то, что потомки извлекут соответствующие уроки.

Он уже собрался взлетать, чтобы покинуть это проклятое место, но снова сполз на колени, прислонился к стене и в голос завыл, давая выход отчаянию.

notes

Примечания

1

Андем — «Готы идут на Рим»

2

Ария — «Кровь королей»

3

Сергей Солёный — «Стать огнём»

4

Тэм Гринхилл — «Отпустите меня в мой сон»

5

Fleur — «Для того, кто умел верить»

6

Мельница — «Дорога сна»

7

Ария — «Страж империи»

8

E Nomine — «Heilig», художественный перевод

9

Алиса — «Вот так»

10

Сергей Маврин — «Утоли мои печали»

11

Margenta — «Закатные рыцари»

12

Лора Московская — «Мастер»

13

Арда — «Воздух»

14

Ария — «Твой новый мир»

15

Олег Медведев — «Маленький принц»

16

Обе-рек — «Неуместен»

17

Белая гвардия — «Белая гвардия»

18

Ольви — «Революция»

19

Abney park — «Born at the wrong time», художественный перевод

20

Пикник — «Герой»

21

Артерия — «Край ветров»